
ИВАН ВИНАРОВ
БОЙЦЫ ТИХОГО ФРОНТА

ИВАН
ВИНАРОВ
*

БОЙЦИ НА ТИХИЯ ФРОНТ

СПОМЕНИ НА РАЗУЗНАВАЧА

Литературен запис и редакция
СТЕФАН ЖЕЛЕВ

СОФИЯ · 1969
ИЗДАТЕЛСТВО НАБКП

ИВАН
ВИНАРОВ

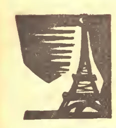
*

БОЙЦЫ ТИХОГО ФРОНТА

ВОСПОМИНАНИЯ РАЗВЕДЧИКА

Сокращенный перевод
с болгарского
И. М. САБУРОВОЙ** и **Е. И. ГРОМУШКИНА

*Под редакцией **Ю. В. БЕРНОВА***

ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1971

И(Болг.)
В48

ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ БЕРЗИНУ —
СОЗДАТЕЛЮ И РУКОВОДИТЕЛЮ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ,
ДОБЛЕСТНОМУ ЗАЩИТНИКУ СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ И ВОИНУ МИРА
ПОСВЯЩАЮ

АВТОР

Часть первая

В РОДНОМ ПЛЕВЕНЕ

1

ГОРОД РУССКОЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ И БОЛГАРО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

В моей жизни, особенно в молодом возрасте, огромную роль сыграл Плевен, мой родной город.

Лицо города, его характер, его достоинство определялись теми эпическими сражениями, которые Скобелев — «Белый генерал» вел здесь с многочисленной армией Осман-паши в 1878 году и победил ее. А эта победа — это знают даже первоклассники — в значительной степени предопределила дальнейший ход и завершение русско-турецкой войны, положившей конец вековому оттоманскому игу. Поэтому-то Плевен и является городом русской боевой славы.

Поэтому-то Скобелевский парк был не просто парком для прогулок и развлечений, а местом поклонения и для молодых, и для старых.

Никогда не сотрется в моей памяти пережитое в те далекие дни 1903 года, когда в Плевене закладывали первый камень в фундамент мавзолея.

Плевенский мавзолей — один из самых крупных мемориальных памятников, которые Общенародный комитет, возглавлявшийся старым деятелем нашего Возрождения Стояном Заимовым, решил воздвигнуть в честь и во славу павших за наше освобождение русских солдат. Другими были памятник освободителям Софии, памятник на вершине Шипки, Скобелевский парк-музей и музеи в честь освободителей в Плевене, Пордиме, Горна-Студене и Бяла. Средства на их строительство собирали за счет добровольных взносов от населения всей страны, а часть необходимой суммы должна была обеспечить государственная казна. Помогала и Россия.

Как и следовало ожидать, население городов и сел, старые и малые, бедные и богатые, от всего сердца вносили свою лепту. Каждый считал свое участие в подписке вопросом личной чести. На торжество в Плевен прибыли на телегах, верхом и пешком тысячи крестьян из Плевенского уезда, из самых далеких краев Болгарии. Ни один человек не хотел пропустить этот небывалый праздник, о котором потом мог бы рассказывать внукам и правнукам...

Народ собрался сюда не из простого любопытства: безошибочным чутьем он понимал глубокое значение будущего мавзолея и своим присутствием придавал ему значение подлинного символа признательности и верности освободителю...

Строительство мавзолея — музея освобождения и работы в Скобелевском парке в Плевене связаны с именем видного революционера, общественного деятеля и народного учителя Стояна Заимова.

Он часто приходил к моему отцу, а еще чаще у него гостил мой отец, особенно когда закончились работы в Скобелевском парке (1907 год) и Стоян Заимов был назначен его пожизненным директором.

Пока Стоян Заимов разговаривал с моим отцом, я играл в тихих аллеях парка с его сыном Владимиром, кадетом военного училища.

Владимир был на несколько лет старше меня, но я не замечал с его стороны ни тени высокомерия, так часто присущего юношам его возраста. Этот крепкий, стройный и красивый, как мать, юноша обладал сдержан-

ным характером. Он был тихим, начитанным и отлично воспитанным. Свое преклонение перед Россией Владимир, хотя еще и совсем молодой, умел внушить и другим. В этом он являлся достойным сыном своего отца, для которого отношение к матушке-Руси граничило с религиозным благоговением. Для него не существовало другой более священной земли, более великого народа, более могучей державы. Таким же был и мой отец. В сущности, их любовь к России и ко всему, что исходило от великой русской земли, послужила основой их дружбы, продолжавшейся до конца их дней.

Стоян Заимов был строгим, по одновременно справедливым и заботливым отцом. Его семья — сын и две дочери — жили в полном согласии. Его супруга — москвичка Клавдия Поликарповна — была красивой, доброй и тихой женщиной. Она была как мать для всех сирот в Плевене. Своих детей Стоян Заимов воспитывал не только как настоящих граждан своего отечества, но одновременно внушал им любовь к России. Эта любовь и преданность России через несколько десятилетий стала причиной расстрела его сына...

Наша дружба с Владимиром Заимовым прервалась, когда его произвели в юнкеры: военное училище летом непрестанно проводило лагерные учения, и он не мог приезжать в Плевен. Но, хотя это почти окончательно оторвало его от прежней среды, ничто не могло вытравить в нем отцовскую закалку: и в военном училище, и позже Владимир отличался чертами характера и добродетелями, свойственными истинному болгарскому патриоту, храброму воину и доблестному гражданину.

Через три десятилетия, в 1935—1936 гг., наши пути с моим другом детства снова сошлись. Сначала Берзин, а потом мой товарищ по совместной работе в Китае попросили меня осведомить их о некоторых заинтересовавших их болгарских военных и политических деятелях. Часть из них оказалась бывшими сотрудниками только что провалившегося режима 19 мая и Офицерской Лиги. Среди других имен мне встретилось одно, сразу же меня взволновавшее и вернувшее в детство,— Владимир Заимов.

— Генерал, бывший секретарь Офицерской Лиги, бывший начальник гарнизона города Шумен, бывший инспектор артиллерии, но настоящий противник монар-

хизма и настоящий демократ! — так вкратце охарактеризовал его мой советский товарищ.— Хорошо ли ты знаешь этого человека, Ванко? Он вырос в твоем родном городе Плевене?

Я рассказал подробности о молодом Заимове, о его отце, об атмосфере любви к России, в которой он вырос.

— А могу ли я рассчитывать на него?

— Яблоко падает недалеко от яблони. Но все же смотри, проверь, разведай... Тридцать лет я его в глаза не видел...

Яблоко действительно упало недалеко от яблони. Сын унаследовал любовь отца к России, хранил в душе верность и преданность Советскому Союзу. Генерал Владимир Заимов достойно исполнил свой патриотический и интернациональный долг: в канун и в первые, самые суровые, годы войны он активно помогал советской разведке, действуя в Софии и в ряде других стран гитлеровского тыла. Как стало известно, его предал провокатор. В июне 1942 года в Софии, в туннелях Школы офицеров запаса, красного генерала расстреляли. После победы я узнал, что Заимов встретил смерть гордо, как настоящий воин. Перед смертью он крикнул: «Советский Союз и славянство непобедимы! За мной идут тысячи. Да здравствует свободная Болгария!»

В полночь с 1 на 2 июня, после сообщения о расстреле, радио Москвы передало: «Болгары, встаньте на колени! Сегодня вечером расстрелян славный сын Болгарии и славянства генерал артиллерии Владимир Заимов!» Советский Союз оказал высокие почести герою...

Я начал говорить о Плевене, а перешел на генерала Заимова и его расстрел. Это не случайно.

Духовное величие Заимова связано со специфической атмосферой Плевена. Для настоящего болгарина, выросшего среди священных реликвий этого города, дышавшего в молодости его воздухом, ступавшего по его земле, напоенной кровью стольких русских солдат, воспитанного на легендах о русских храбрецах,— для истинного болгарина, именно там легче было разобраться в мире, увидеть, откуда восходит солнце.

Так сложилась судьба сына Заимова. То же самое произошло с множеством моих земляков и братьев по классу. Так сложилась и моя судьба.

2

С 9-Й ПЛЕВЕНСКОЙ ДИВИЗИЕЙ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Когда в пятнадцатом году меня призвали под знамена, чтобы «служить царю и отечеству», мне исполнилось девятнадцать лет.

Меня зачислили в 6-й пехотный полк 9-й Плевенской дивизии. После краткого обучения дивизия направилась к месту назначения.

На фронте при Гевгелии и Дойранском озере дивизия стояла до конца войны. Против нас выступали в основном английские части, а позже и французские. В 1917 году на северо-западе от позиций нашей дивизии, как мы узнали, появились русские. Это, как и следовало ожидать, отрицательно подействовало на солдатскую массу. Было мучительно даже подумать, что нужно будет стрелять в своих освободителей. И вскоре там началось братание.

К началу 1917 года германские и австро-венгерские армии на Балканском фронте начали постепенно отходить. Вооруженные силы Антанты, оправившись после первоначальных неуспехов, перешли на центральных фронтах во всеобщее контрнаступление. Они были усилены и за счет свежих пополнений из Соединенных Штатов Америки, хотя и на третий год войны, но все же включившихся в войну. (Какое странное совпадение с открытием второго фронта в годы второй мировой войны!)

Открывшиеся на балканских фронтах «бреши» заполнили мы. Постепенно это становилось все более ощутимым: росло число жертв, усиливался голод, все более остро чувствовалась нехватка снаряжения. Война началась под звуки фанфар, а теперь уже принимала драматический характер, и фронтовики понимали это с каждым днем все яснее.

Активнее становилась и антивоенная пропаганда тесных социалистов. Военная цензура все реже пропускала на фронт «Работнически вестник»: она доходила до нас главным образом благодаря отпускникам и партийным курьерам. Партийное слово рассеивало иллюзии о благоприятном исходе войны, смело и беспощадно разоблачало антинародную политику правительства.

Здесь уместно сказать, что в своей антивоенной агитации мы пользовались поддержкой членов и сторонни-

ков Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) в дивизии.

Земледельцы в дивизии получали по почте, когда это было возможно, по подписке и через отпускников свою газету «Земеделско знаме», тоже помещавшую антивоенные материалы.

Общая борьба против войны, которую мы вели на фронте, стала основой будущего боевого единого фронта между коммунистами и земледельцами в Плевенском уезде, столь блестяще проявившегося во время славного восстания 9 июня в нашем крае. Большинство земледельцев, с которыми мы совместно сражались на фронте и боролись против войны, позже стали героями восстания.

Необычайный толчок в революционизировании солдатских масс дало сообщение из страны о голодных бунтах женщин. К тому же письма близких, описывавших самоуправство тыловых «героев» и грабеж всяких реквизиционных комиссий, словно подливали масла в огонь. В окопах росло недовольство войной, участились случаи невыполнения приказов, увеличивалось число дезертиров и добровольно сдавшихся в плен. У военно-полевых судов прибавилось работы. Впрочем, их «работа» была краткой и почти всегда сопровождалась расстрелами. Расстреливали по всему фронту — на севере, на западе, на юге. Расстреливали и в нашей дивизии.

Но вместо того чтобы запугать нас, эти расстрелы оказывали обратное действие — они разжигали ненависть к командирам и преступным правителям в Софии. Тут и там возникали открытые бунты. Лавина уже была готова сорваться. Нужен был только один, последний толчок.

3

ПЛЕВЕНСКИЕ ТЕСНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ — ВОИНЫ МИРА

Пришел 1918 год. Очень многое переменилось в жизни. В мире произошло необыкновенное событие — Октябрьская революция. Сегодня уже ничто не выглядело так, как это было еще вчера. Глубокие перемены произошли и в душах солдат. Декрет Советской власти о

мире без аннексий и контрибуций, о немедленном прекращении бессмысленной человеческой бойни находил в наших сердцах глубокий отзвук. Мир! Да это же единственная наша мечта!

Об Октябрьской революции и первых декретах Советской власти мы узнали от Асена Михалева. Несколько позже в дивизии были получены через тайных партийных курьеров печатные материалы, посланные нам из Центра. Партия тесных социалистов восторженно приветствовала рождение первого в мире государства рабочих и крестьян. Одновременно с этим она выдвинула лозунги Октябрьской революции. Дело большевиков, дело великого Ленина обрело всеобщее значение.

Октябрьская революция, как читатель убедится в этом далее, дала новый смысл и моей личной жизни. Случилось так, что через несколько лет партийный долг привел меня в Советскую Россию. С этого момента я посвятил свою жизнь служению делу Октябрьской революции.

В материалах нашей партии, даже и в изувеченной цензурой «Рабочей газете» (все чаще выходившей по воле цензуры с белыми полосами), стало появляться и нечто новое — призыв к фронтовикам последовать примеру русских большевиков. «Повернем свое оружие в обратную сторону! Подлинные враги отечества — в Софии!»

В духе полученных через курьеров директив во всех полках Плевенской дивизии началась перестройка подпольных партийных ячеек в солдатские революционные комитеты. В эти комитеты мы включали и земледельцев, и даже беспартийных солдат, которых знали как хороших и боевых товарищей. Наша агитация становилась все более наступательной. Этому способствовало отчаянное положение на фронте и в тылу. И действительно, надо ли долго объяснять бывалому фронтовику, закутанному в старое одеяло вместо шинели и обутому в деревянные сандалии вместо сапог в суровую зиму 1917/18 г., но, несмотря на все, остававшемуся на фронте и проливавшему свою кровь,— надо ли долго объяснять ему, что все это напрасно, что никто не думает о нем, что его кровь превращается в золото в сейфах бесчестных дельцов, что своим телом он защищает трон «Долгоносого» [1],

[1] «Долгоносый» — прозвище болгарского царя Фердинанда. — *Прим. ред.*

которому милее всего венские кабаре и у которого один лишь бог — кайзер... Солдаты готовы были пойти за нами, в их душах давно созрел бунт.

Наша агитация охватывала бойцов всех подразделений, и никакое судебное следствие, никакие угрозы начальства не в состоянии были запугать нас. Мы писали наши лозунги повсюду, а они гласили: «Заключим немедленно мир и вернемся по домам!», «Долой кровавую болгарскую монархию!», «Вон немцев из Болгарии вместе с их агентом Фердинандом!», «Да здравствует рабоче-крестьянская и солдатская власть!». Эти лозунги почти целиком были заимствованы у большевиков, чей подвиг стал главной темой разговоров среди фронтовиков. Лозунги, призывающие к бунту, распространились по всему южному фронту.

Тогда, вероятно, по распоряжению главной квартиры, командование полка начало создавать негласно специальные «штурмовые группы» из доверенных лиц. Целью этих групп являлось охранять начальство от гнева и мщения солдат. Это яснее, чем что-либо другое, указывало на то, что уже нет армии, нет фронта, поскольку самым сильным страхом является страх перед собственными солдатами... Это стало началом конца. Действительно, понадобился только один, последний толчок, чтобы в сентябре 1918 года лавина сорвалась с фронтов и понеслась к Софии...

Все началось с прорыва. Мощный артиллерийский огонь войск Антанты у Добро-Поля отрезал фронтовые позиции от тыла, и бойцы, оставленные без боеприпасов, после трехдневной героической обороны отступили. Но это не было просто отступлением, какое бывало и раньше в некоторых секторах фронта. Солдаты с Добро-Поля показали настоящие чудеса воинского мужества и выдержки. Но ради чего? Они уже поняли — винтовки лучше всего использовать против ненавистных правителей и царедворцев в Софии.

И не просто отступили. Они оставили фронт, чтобы открыть его против внутренних врагов отечества.

Армии Антанты, превосходившие нас в оружии и живой силе, разбили 34-й пехотный полк, державший Калетепе и дорогу на Дойран — Гевгелия. Туда направили

наш полк, чтобы вернуть потерянные позиции. Произошло жестокое, кровопролитное сражение, в котором пали тысячи новых жертв... Вопреки всему, враг был отброшен. Но уже никто не мог, не хотел драться...

Часть бойцов нашей дивизии направилась к Костурно — Струмица. Шоссе на Струмицу было забито обозами, кавалерией, артиллерией. И тут началась еще одна трагедия. Авиация Антанты — эскадрильи по 10—20 самолетов летали, как осы, над запруженной дорогой и с небольшой высоты немилосердно косили из пулеметов. Погибли тысячи солдат...

Погибли фронтовики и на окраине Берово на дороге после Струмицы. Не от самолетов противника — от рук своих. Кавалерийские части, стоявшие в резерве, встретили отступающих, приближавшихся к Берово. Это были кавалеристы 23-го и 24-го эскадронов 1-го кавалерийского полка, получившие приказ остановить «дезертиров»... Было страшно смотреть, как болгары убивают своих братьев — больных, раненых... К кавалеристам присоединились и малочисленные немецкие части — те убогие тыловые части, которые никто не видел на фронтах, сейчас косили наших из пулеметов...

Мы отступали, а гнев, страшный гнев исстрадавшихся сердец взывал к мщению. К мщению и расплате с теми из Софии, кто был во всем виноват.

— В Софию! В Софию! — слышались все громче призывные голоса, и это стремление охватило всех.

По направлению к Софии отправились тысячи солдат. Одни из них пошли сражаться за республику, другие же просто расходились по домам. Но все уносили с собой оружие, зная, что оно еще потребуется.

А мы, тесные социалисты полка? Что могли мы решить в этих новых обстоятельствах?

Гнев и жажда мести преступным правителям в Софии испепеляли наши души. Но мы были социалистами, организованными бойцами одной великой идеи, мы должны были точно знать, куда направиться, зачем, по каким дорогам?

Глубоко убежденные в том, что со временем присоединимся к восстанию и повернем оружие против Софии, как призывала партия, мы в тот момент не знали, что́ нужно делать. Ни по телеграфу, ни через партийных

курьеров нам не передавали никаких приказов. Партия словно выжидала, а события ее опередили.

Но мы не могли больше ждать. И группа, состоявшая из двадцати тесняков полка, членов солдатского совета, отправилась на север.

В Радомире утром мы нашли многих своих товарищей — тесных социалистов, которые ввели нас в курс событий.

Было 30 сентября 1918 года.

Мы связались с тесными социалистами из Радомирского солдатского революционного совета. Один из них — Антон Иванов, высокий и стройный унтер-офицер из Радомирского железнодорожного депо; другой — Станке Димитров, худой, среднего роста, с болезненным скуластым лицом, недавно разжалованный военным трибуналом в рядовые за антивоенную деятельность. Антон Иванов, только что вернувшийся из Софии, куда ходил тайно, передал нам инструкции Центрального Комитета. Сам он был крайне лаконичен.

— Вот и все, товарищи,— быстро заключил он.— Возможно, завтра история упрекнет нас, но сейчас партия приняла такое решение...

Инструкции Центрального Комитета партии в связи с солдатским восстанием хорошо известны. История уже дала им оценку, да и сам Георгий Димитров сорок лет спустя, на V съезде партии, пересмотрел эти инструкции с критических позиций. Болгарская рабочая социал-демократическая партия тогда еще не освоила опыта большевиков, не довела до конца восстание, к которому сама же призывала фронтовиков, не сумела превратить — по примеру большевиков — империалистическую войну в гражданскую... Разумеется, партия не была против восстания. Наоборот, она считала неудовлетворительным лозунг свержения монархии и провозглашения республики. Партия была готова возглавить восстание, если бы оно ставило своей целью установление в стране Советской власти. Максимализм, по словам Васила Коларова, стремление к более революционным лозунгам привели к тому, что партия оказалась в хвосте событий...

Я думаю, что события сентября 1918 года могли сложиться по-иному, если бы Центральный Комитет нашей

партии иначе оценил характер и революционные возможности восстания, если во главе солдатских масс Южного фронта встали бы, например, 25-й пехотный полк и другие воинские части, руководимые своими, «красными» командирами — подтянутыми, дисциплинированными, готовыми выполнять любые поставленные перед ними боевые и политические задачи...

С некоторыми из тех командиров — Гаврилом Геновым, Цвятко Радойновым, Фердинандом Козовским, Петром Григоровым и другими — позже мы совместно выполняли революционную работу в Югославии, Австрии, Франции. И часто мы обменивались мнениями о тех временах... В самом деле солдатское восстание могло иметь другую судьбу...

Вспоминается, как группа из нашей роты собралась, чтобы прокомментировать один полуистлевший приказ по армии, подписанный главнокомандующим генералом Жековым. Огонь пощадил только последние два абзаца «высочайшего» документа, завершавшегося словами: «Пусть каждый с любовью, доходящей до самопожертвования, стремится возвысить вооруженный болгарский народ над временными невзгодами и несправедливостями, и пусть каждый живет одной мыслью, одним началом, одной верой — Болгария прежде всего и превыше всего!»

«Болгария прежде всего и превыше всего!» — красивая фраза... Но где находился главнокомандующий в тот момент, когда Болгария нуждалась в защите, когда простые солдаты без всякой необходимости гнили в окопах, когда кровные интересы отечества Фердинанд, как старый картежник, бросал на игорный стол?!

Красивая, помпезная, фальшивая фразеология прикрыла коварное предательство Фердинанда и реакционной буржуазии — начало и конец нашей трагедии.

Как только полк собрался в Кюстендиле, на второй или на третий день после нашего прибытия туда вошли и германские части. «Победители»! Все наши войска и все население смотрели на них с нескрываемой ненавистью. Они, битые на всех фронтах «швабы», демонстрировали свое военное искусство перед одним маленьким, ограбленным, отчаявшимся народом. Они, наши «союзники»...

Итак, первая мировая война завершилась. Это была черная страница нашей истории. Но национальная ка-

тастрофа и солдатское восстание явились для народа уроком. Много истин открылось перед его глазами, много заблуждений сгорело в огне страданий. Народ уже хорошо разбирался, кто свой и кто чужой, кто враг и кто доброжелатель. А это было исключительно важно для его будущей судьбы, для будущих беспощадных классовых битв, для будущих побед.

4

ВООРУЖЕНИЕ ПЛЕВЕНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Война закончилась, но мир не наступил.

В сознании каждого в отдельности и всего народа в целом наступили необратимые перемены. Одни чувствовали, но не понимали, другие — их оказалось большинство — сознавали, что Болгария на новом пути, что надо что-то предпринимать, что старые партии и старых политиканов надо арестовать за то, что они привели страну к катастрофе, что народ должен получить право на труд, право на хлеб, право на счастье; что идеалы социальной справедливости не утопия. Тогда, после Октябрьской революции, во всем этом мог отчетливо разобраться любой грамотный человек.

Новые испытания оказались тяжелыми. Не только сотни тысяч невинных жертв на фронтах, не только жертвы эпидемий и голода в тылу. Пришли и оккупанты: французы, англичане, итальянцы и даже сенегальцы. Они искромсали наши границы и урезали территорию страны. Со всех старых болгарских земель стали стекаться болгары-беженцы: фракийцы, македонцы, добруджанцы... С узлами, в которых хранились остатки домашнего скарба, с малолетними детьми, они иногда с разрешения новых властей, а иногда тайно переходили границу, чтобы искать в Болгарии спасение и утешение. Это были сотни тысяч бедствующих людей, потерявших родной дом и не имевших никакой надежды на будущее.

Часть этих беженцев дошла и до Плевена, хотя город расположен далеко от границы.

И вот начался послевоенный голод, а вместе с ним и страшная эпидемия «испанского» гриппа. Истощенное продолжительной войной население расплачивалось мно-

жеством новых жертв: грипп косил и только что вернувшихся фронтовиков, уцелевших в огне войны, и малолетних детей, и женщин, и совсем обессиленных голодом стариков. Грипп унес и мою старшую сестру Евлампию.

Есть было нечего. Вспоминаю пустые полки магазинов. На воскресные базары в Плевене никто не привозил никаких продуктов. Продукты удавалось приобрести только на «черном рынке».

Тяжело жилось и в деревне. Уже несколько лет мужская рука не сеяла и не жала. Амбары подчистили до последнего зернышка. Съеденным оказалось и зерно, предназначенное для сева, а то, что не съели, забрали реквизиционные комиссии. Зима 1918/19 г. наступила, а поля остались незасеянными. Это означало, что на следующий год голод охватит всю страну...

Действительно, Болгария вступила в новую эпоху. Но лечить ее от социальных противоречий и национальных несчастий нужно было не лекарствами — требовался хирургический нож, и именно так поступили большевики в России. Болгарские тесные социалисты, хотя еще и несмело, предлагали то же самое.

Я не знаю, как и когда началось вооружение коммунистов в других районах страны, но Плевенская партийная организация приступила к этому еще во время войны.

Все плевенские социалисты-фронтовики при каждом своем очередном отпуске привозили винтовки, пистолеты, гранаты, патроны... Я трижды приезжал в отпуск, и каждый раз мне удавалось привезти с собой опасный багаж. Мы прятали оружие дома или там, где находили нужным. Еще не наступил момент думать об общем потайном складе.

Вскоре после окончания войны мы получили из Софии секретное указание центра собирать оружие. Очевидно, руководство партии, учитывая ошибки солдатского восстания, решило предпринять шаги для их исправления. Октябрьская революция со всей ясностью доказала, что повсюду в Европе назрела необходимость решать вопрос о власти.

Задача для нас оказалась не новой. Зимой 1920 года Тодор Луканов, секретарь Плевенской организации и член Центрального Комитета, созвал в городе тайное собрание. Присутствовала только часть членов органи-

зации — фронтовики, офицеры и унтер-офицеры запаса и некоторые активные тесные социалисты. Коротко и поделовому Тодор Луканов, только что вернувшийся с заседания в Софии, обрисовал послевоенное положение страны и задачи партии. Потом передал нам распоряжение центра об изъятии и покупке оружия.

Партия дала указание о сборе оружия, но вопрос о власти поставила на повестку дня позже, в августе 1923 года. Может быть, это являлось результатом политической незрелости и слабости стратегии? Возможно.

После гигантского взрыва, которым явилась Октябрьская революция, почти во всей Европе поднялась революционная волна. Еще совсем недавно мы были свидетелями ста дней Венгерской красной республики. В Германии в полную силу бушевала гражданская война, и многие ждали, что германский рабочий класс, столь хорошо организованный, дисциплинированный и просвещенный, создаст в центре Европы новую крепость социализма. Чехословацкий народ наконец освободился от ненавистного рабства распавшейся Австро-Венгерской империи и пошел по пути своего самостоятельного развития. Получила государственную самостоятельность и Польша. На политической карте Европы появились четыре прибалтийских государства: Финляндия, Литва, Латвия и Эстония. Последние три из них через двадцать лет вступили в дружную семью социалистических республик. Важные события произошли и у наших западных соседей — Сербия, Хорватия и Словения объединились в триединое южнославянское Сербо-хорвато-словенское королевство, которому предстояло превратиться в Югославию. Турция, наша юго-восточная соседка, все еще оставалась султанской, но вскоре и она осуществила коренной перелом в своем историческом развитии: Кемаль Ататюрк поставил себе целью вывести свою страну из вековой отсталости. Он получил бескорыстную помощь Советской России и сам приветствовал своего великого северного соседа, первое социалистическое государство в мире.

Поистине вся Европа сотрясалась от взрывов революций, и самые большие оптимисты среди нас уже видели победу коммунистических идей в мировом масштабе! Но в то же время мировая реакция, смертельно перепуганная победой большевиков и прокатившейся на западе револю-

ционной волной, уже осуществляла кровавую военную интервенцию против Советской России.

На совещании, на котором присутствовал присланный из Софии Антон Недялков, мы обсудили вопрос о том, где изыскивать оружие.

— Прежде всего нужно учесть оружие, принесенное с фронта,— вмешался Васил Каравасилев.— Может быть, не все это оружие сохраняется в должном порядке. Надо создать большие тайники в сухих и надежных местах. Разумеется, для создания общих тайников у нас еще есть немного времени, но новое оружие уже надо собирать сейчас, немедленно.

Война недавно закончилась, многие бывшие фронтовики и повстанцы, хотя и не были революционерами, принесли домой или пистолет, или гранату, или же пачку патронов. После восстания и бунтов в войсковых подразделениях начальство не решалось строго взыскивать и наказывать за исчезнувшее оружие.

Были офицеры и унтер-офицеры, находившиеся теперь в запасе, продававшие, причем по низким ценам, свое личное оружие, которое после войны у них никто не потребовал. Его следовало выкупить на партийные деньги.

Но больше всего мы рассчитывали на оружие, имевшееся в казарменных складах.

Болгария, побежденная и оккупированная силами союзников, была полностью разоружена — это сделали согласно параграфам мирного договора. Дивизии и полки, вернувшиеся в свои гарнизоны, распустили, а их оружие без всякого учета свалили в различных военных и государственных складах.

Гражданские и военные власти тайно предприняли шаги для того, чтобы хоть частично спасти это оружие. Прежде всего они позаботились о тайниках. Им понадобились большие, удобные, сухие и прежде всего тайные помещения, где можно бы спрятать не только тысячи винтовок и пистолетов, не только миллионы пачек патронов и гранат, но и орудия с необходимыми боеприпасами.

Мы имели своих людей в плевенских казармах и через них узнавали о всех шагах военного начальства. Если власти могли скрыть свои действия от союзников, от нас скрыть что-либо оказалось невозможно. Плевенская партийная организация через свои «глаза и уши» вела за ними круглосуточное наблюдение.

Наблюдение вели те члены нашей организации, которых мы вызвали на упомянутое выше закрытое совещание. Сначала мы разделились на пятерки по кварталам, причем каждая пятерка имела своего руководителя. Общим руководителем этой нашей военной организации стал Васил Каравасилев. (Я условно называю нашу организацию военной, так как настоящую военную организацию в Плевене и во всей партии создали, как известно, после провокации реакционеров 24 мая 1921 года). Одной из пятерок руководил я.

В середине мая 1919 года группа из тридцати товарищей отправилась в Софию. Шестеро из них являлись делегатами очередного Второго съезда партии, которому предстояло стать историческим — Первым учредительным съездом БКП (т. с.). Это: Асен Халачев, Христо Градинаров, Петков, Васил Табачкин, Христо Василев и Васил Каравасилев. Делегатом по праву являлся и признанный создатель Плевенской партийной организации и член ЦК Тодор Луканов. Остальные же из плевенской группы являлись гостями, а часть из нас — членами вооруженной охраны съезда.

Считаю своей обязанностью сказать несколько слов об учредительном съезде — исключительно важном моменте в жизни партии. Это крупное событие внесло перелом и в деятельность Плевенской организации.

Как известно, в зале театра «Ренессанс» в Софии во второй половине мая 1919 года собралось 636 делегатов со всей страны. Плевенская организация считалась одной из самых сильных: в ней числилось 6 городских (Плевен, Ловеч, Троян, Севлиево, Свиштов и Никопол) и десятки сельских партийных организаций.

Во время некоторых заседаний, когда оказывался свободен от дежурства по охране съезда, я сидел возле Васила Каравасилева и делился с ним мыслями по поводу докладов и высказываний. Мы обсуждали основные положения в отчете Центрального Комитета, изложенном Димитром Благоевым, рассуждали об обширном и прекрасно аргументированном докладе Васила Коларова о внутреннем и международном положении, комментировали новые принципиальные установки в докладе о новых задачах, новой программе и организации партии, о чем докладывал Христо Кабакчиев... Мы сознавали, что своими решениями Первый съезд подводил итог одной

и закладывал начало новой эпохи в существовании партии. Выступление и отчет Благоева были встречены бурной, долго не смолкавшей овацией. Особенное воодушевление вызвали слова, которыми он обосновал необходимость переименования партии: «Имя социал-демократической партии скомпрометировано предательством Второго интернационала,— громко сказал Благоев (цитирую по памяти) и пророчески продолжал: — Наша партия будет называться Коммунистической, поскольку ее целью является создание бесклассового коммунистического общества. Воспринимая опыт большевиков, наша партия обязательно реализует эту высшую цель в ближайшем или более далеком будущем!»

Потом съезд принял программную декларацию партии, в которую вошли принципиально новые положения: насильственное свержение буржуазии и капитализма путем вооруженного восстания; Советская власть как форма диктатуры пролетариата, и объявление нашей партии неделимой частью Третьего коммунистического интернационала. В конце своей работы съезд одобрил и все решения Первого конгресса Коминтерна. Этим партия положила начало своей большевизации.

Съезд принял решение, как известно, образовать при существующем Центральном Комитете партийный совет из представителей всех округов страны; были созданы и окружные комитеты, в которые вошли комитеты крупных городов и представители уездных, городских и сельских организаций в округе.

Когда повестка дня была исчерпана, Васил Коларов, секретарь партии, предложил и съезд принял поздравительное письмо выдающемуся строителю и организатору партии, верному соратнику Благоева Георгию Киркову — «Майстору». Прикованный к постели тяжелой болезнью, Кирков не мог принять участие в работе съезда, но прислал восторженное приветствие, заслушанное всеми делегатами с огромным волнением. Нас мучила мысль о том, что из наших рядов уходит один из самых достойных сынов партии и болгарского народа, тот, который наравне с Благоевым участвовал во всех битвах партии, решавших ее судьбу.

Вся партия страдала от предстоящего неминуемого расставания (это произошло через три месяца), страдали и мы, плевенские коммунисты. Кирков был из Плевена.

Он повсеместно, как мудрый, терпеливый сеятель, сеял семена социалистических идей, уже дававшие всходы.

Мы вернулись из Софии окрыленные. Первый учредительный съезд партии, его решения преисполнили нас неведомым до тех пор чувством: перед нами вставали сияющие вершины социалистической революции. Те вершины, которых русские большевики уже достигли и которые теперь служили маяком для всего международного революционного движения.

После учредительного съезда состоялись выборы во всех окружных партийных организациях. Прошли они и в Плевенской. Секретарем избрали Васила Каравасилева. Это была высокая и заслуженная честь. Его избрали единодушно все члены организации.

Васил пользовался большим авторитетом и в Центральном Комитете. Сразу же по окончании работы съезда его вызвал лично секретарь партии Васил Коларов. Как после этого он объявил нам, Центральный Комитет распорядился создавать окружные комиссии для руководства подпольной партийной работой, главной задачей которых было немедленно приступить к вооружению.

— Но мы уже это в Плевене делаем! — воскликнул я.— Или, может быть, Центральный Комитет будет централизованно распределять оружие? На свои деньги?

— Центральный Комитет не располагает ни банком, ни оружейными погребами. Из Софии мы только будем получать сведения о некоторых тайных правительственных складах оружия. А также указания. В ближайшие дни ожидаем инструкторов...

Вскоре после выборов в Плевенской окружной организации на новом, закрытом совещании под руководством Каравасилева мы избрали военное партийное руководство. Ответственным по военной работе при Окружном комитете избрали Асена Халачева, поручика запаса, участника войны, высокообразованного и боевого коммуниста, пользовавшегося большим авторитетом среди всей плевенской бедноты.

Основной единицей военной организации оставались пятерки, но вместо четырех-пяти, как это было вначале,

в канун переворота 9 июня, их число возросло до тридцати во всех кварталах города. Создали мы и десятки. Это являлось уже серьезной боевой силой.

В этих записках я рассказываю главным образом о вооружении, но это не означает, что изыскание его исчерпывало всю деятельность партийной и военной организации. Важной задачей являлись не только поиски оружия и вооружение. Партийная военная организация ставила перед собой неотложные задачи: проводить военную подготовку членов партии; вести разведку не только того, где спрятано государственное оружие, но и информировать руководство о настроениях в казармах; вербовать союзников среди солдат; охранять первомайские демонстрации, митинги, собрания; разлагать врангелевские армейские части и всячески помогать деятельности Союза возвращения на родину.

Во главе партийной и военной работы в Плевенском округе стоял Васил Каравасилев. На одном из заседаний военной комиссии он сказал:

— Разведка сообщила нам необходимые сведения. Остается самое важное: приступить к изъятию оружия из тайных военных складов и самим создавать склады.

Одновременно с подготовкой складов мы начали «экспроприацию» оружия из тайных военных складов. За несколько недель нам удалось изъять сотни винтовок, тысячи патронов, сотни гранат, восемь тяжелых пулеметов вместе с десятками пулеметных лент.

Два пулемета мы взяли из дома полковника Христова, командира пехотного полка.

Первый успех окрылил нас. А вскоре Каравасилев поставил перед нами новую задачу: товарищи из придунайского села Муселиево сообщили, что в окрестностях села укрыто оружие и что им удалось изъять несколько пулеметов. Они просили прислать людей, которые бы перевезли их в Плевен.

Ранним осенним вечером мы поехали вместе с Костой Първановым. В помощь нам выделили Первана Маринова с его телегой. Мы должны были за одну ночь доехать до места и вернуться. В Муселиево, которое находилось в тридцати километрах от Плевена, мы приехали незадолго до полуночи. В селе нас ждал руководитель местной

партийной пятерки Петко С. Лачев. Каравасилев предупредил его о времени нашего прибытия.

У околицы села, на берегу Дуная, в старых полуразвалившихся укреплениях военные спрятали винтовки и пулеметы. Чтобы не вызывать подозрения, они устроили в Муселиево сторожем не болгарского военнослужащего, а какого-то белогвардейца. Однако этот белогвардеец оказался честным русским человеком, совершенно случайно попавшим к деникинцам. И вскоре после его приезда, как только он познакомился с местными людьми, сам стал искать связи с партийной организацией. Он помог изъять из склада четыре пулемета, а потом снова тщательно закрыл его и замаскировал.

Петко нагрузил на телегу сундуки с разобранными пулеметами, а сверху насыпал початки кукурузы. И, попрощавшись с ним по-братски, мы пустились в обратный путь.

С Петко Лачевым впоследствии я встретился снова. Но не в Муселиево и не в Плевене. Мы встретились в Москве. Это произошло в 1933 году. Получив согласие Павла Ивановича Берзина, я послал Петко письмо с приглашением приехать ко мне в Москву и деньги на билет. Через несколько месяцев Петко оказался в Москве, проехав для маскировки через Прагу, Берлин, Варшаву. Он был несказанно счастлив, что дышит воздухом первого в мире социалистического государства. Петко пробыл в Союзе четыре месяца и тем же путем вернулся в родные края. Позднее, вернувшись на родину после десятилетней работы на разных широтах, я начал разыскивать Петко. Мы не смогли встретиться: в годы антифашистского сопротивления он вступил в ряды партизан и пал смертью героя.

Оружие мы доставили и из плевенского села Ясен, где партия имела солидную базу. Георгий Цончев (Доктор) — один из бунтарей на фронте и участник Солдатского восстания, основатель Ясенской партийной организации и ее секретарь — доложил Асену Халачеву, что военные припрятали оружие в пирамиде Русского памятника, воздвигнутого после освобождения их села... Следует признать, что военные проявили только находчивость, но не бдительность — наши выследили все. И как-то темной ночью большую часть винтовок, спрятанных в памятнике, перевезли в плевенские тайники.

5
ВООРУЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОМОЩЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Поздней весенней ночью 1920 года Васил Каравасилев после одного партийного собрания сообщил мне доверительно:

— Приехал товарищ из Софии. Новые задачи. Жду тебя дома к полуночи, но смотри, чтобы никто тебя не заметил.

Когда в полночь я подал условный сигнал, постучав в окошко его дома, застал там кроме хозяина и Асена Халачева еще одного товарища. Я сразу его узнал: Антон Недялков, член Центральной военной комиссии при Центральном Комитете, который перед тем уже приезжал в Плевен. Он приехал не столько инспектировать нашу работу, сколько ознакомиться с опытом Плевенской военной организации. Он привез тревожное сообщение: правительство, по договоренности с контрольной комиссией Антанты, отправляло по южной и северной железнодорожным линиям в запломбированных вагонах оружие для белогвардейцев Деникина и Врангеля. Центральный Комитет поставил задачу немедленно приступить к изъятию оружия из железнодорожных эшелонов: таким образом мы одновременно будем саботировать контрреволюционные планы белогвардейцев и пополнять оружейные запасы партии.

— Операцию нужно начинать немедленно,— сказал Недялков.— Разведка партии доложила, что уже несколько кораблей с оружием отплыли из варненского и бургасского портов...

Антон Недялков объяснил, что, по существу, правительство Стамболийского лично не несет прямой ответственности за происходящее, что помощь белогвардейцам оно оказывает вопреки своей воле; еще в декабре 1918 года коалиционное правительство Т. Тодорова подписало секретный договор со странами Антанты о доставке 20 тысяч винтовок для армии Деникина. Винтовки вместе с патронами и тысячами снарядов весной 1919 года погрузили на пароходы «Арарат», «Бентау» и «Борис», отплывавшие из варненского порта по направлению к Крыму. В конце того же года новых два парохода с оружием — примерно 45 тысяч винтовок — отплыли в

Крым, а в январе 1920 года еще 50 тысяч винтовок и почти 50 миллионов патронов отправили по тому же маршруту с той же целью; во время одного из последних своих рейсов корабль «Борис» нагрузили гаубицами и тысячами снарядов...

— Оружие перебрасывается и в настоящий момент,— сказал нам Антон Недялков.— По нашим сведениям, корабли «Борис» и «Кирил» продолжают бороздить море между Варной и Крымом. Погреба 2-го искарского полка, 11-го сливенского, 10-го родопского и другие почти опустошены...

— Значит, и оружие, которое вывозят из плевенских казарм, вовсе не идет на переплавку, как уверяла контрольная комиссия! — воскликнули Халачев и Каравасилев.

— Оно используется для расстрелов русских рабочих и крестьян... Но все это делается в абсолютной тайне. В корабельные документы вписываются ложные данные о грузах в трюмах. Фальсифицируются и накладные железнодорожных вагонов. А в случаях, когда приходится признавать факты погрузки оружия, они объявляют, что корабли вывозят его, чтобы потопить в открытом море... Разведка партии, однако, выяснила все. Помогли нам и портовые грузчики в Варне и Бургасе...

Антон Недялков уехал так же тихо, как и появился.

Возложенная на нас задача поставила Плевенскую военную организацию перед большим испытанием. Прежде чем приехать в Плевен, Антон Недялков побывал в городе Червен-Бряг. Условия для изъятия оружия там оказались вполне благоприятными — около станции Хума поезда обычно едва ползли в гору и там было удобно осуществлять подобную операцию. Но в Червен-Бряге все еще не существовало крепкой партийной организации, которая могла бы взять на себя ответственное поручение.

— Окружной комитет возлагает эту задачу на твою пятерку,— сказал мне Васил Каравасилев после встречи с членами Центральной военной комиссии.— Подумайте и в кратчайший срок предложите план ее осуществления. И вот еще что,— добавил Каравасилев.— Вам будет помогать наш товарищ-железнодорожник с плевенской

станции. Через него мы узнаем точно, когда, каким поездом и в каких вагонах будет перевозиться оружие... Разумеется, нужно подготовить новые тайники...

Наша нелегальная пятерка тогда состояла из Косты Перванова, Илии Кючукова, Асена Нанова, Христо Згалевского и меня. Когда я их ознакомил с новым поручением, глаза моих товарищей задорно засверкали. Я ожидал этого, но все-таки был глубоко тронут: поистине, есть ли что-нибудь дороже, чем верная дружба, на которую ты можешь всегда рассчитывать!

Через трое суток мы разработали план. Обдумали, проверили все на месте, обошли всю трассу по железнодорожной линии на протяжении тридцати километров в обе стороны от плевенского вокзала, еще раз подсчитали вместимость готовых тайников, определили и временный тайник в придорожных кустах, обзавелись необходимыми инструментами.

— Готов докладывать,— шепнул я на третью ночь Каравасилеву, после того как постучал условленным образом в его окно.

— Как раз вовремя, Ванко. Из Софии мы уже получили сведения об отправке грузов оружия. Через двое суток (и Васил назвал точно день и час) железнодорожный состав на короткое время остановится на плевенском вокзале и направится к Варне... Ну, теперь ты рассказывай!

Я доложил. Будем караулить состав на крутом подъеме после станции Гривица, прежде чем он выйдет на Пордимскую равнину. После того как состав выйдет со станции Гривица и до момента, когда он ускорит ход по равнине, направляясь к станции Пордим, у нас в распоряжении почти полных пятнадцать минут; за эти пятнадцать минут мы распломбируем вагоны, выбросим ящики с оружием в высокую траву вдоль железнодорожной насыпи в точно определенном месте, где нас будут ждать товарищи с телегами. После того как выбросим оружие, снова запломбируем вагоны. Оружие временно сложим в непроходимой чащобе близ дороги, пока не вывезем его на телегах...

— У меня нет никаких возражений! — одобрил наш план Каравасилев.— Но один вопрос: не очень ли рискованно, что телеги по нескольку раз среди ночи будут громыхать по дороге между Плевеном и Гривицей? Или,

может быть, ты собираешься прятать оружие в пещерах Кайлыка?

— Ни в Плевене, ни в Кайлыке. Если одна и та же телега проедет среди почи по одному и тому же маршруту несколько раз, это возбудит подозрение. Мы решили предложить Пордим.

— Пордим! — воскликнул Каравасилев.— Неплохая идея! Там у нас есть один товарищ, на которого можно целиком положиться. Еще раз проверим!

На следующий день вдвоем с Каравасилевым мы отправились в Пордим. Пордим — третье село после Гривицы и Згалево по железнодорожной линии между Плевеном и станцией Левски; большое село с плодородной землей, половина которой занята виноградниками. Но у Пордима и богатая история. При осаде Плевена во время освободительной войны в селе расквартировали русскую главную ставку и штаб румынского короля Кароля. Оба этих здания, превращенные Стояном Заимовым в музей, не только украшали село, но и повышали общественное настроение пордимцев. После военной катастрофы в восемнадцатом году в Пордиме создали сильную партийную организацию. Во главе ее стоял Иван Божинов — учитель местной школы, достаточно образованный для своего времени человек, пользовавшийся большим личным авторитетом у всего села. Незадолго перед этим его избрали старостой. К нему и направился Васил.

Как Васил Каравасилев и ожидал, Иван Божинов, человек лет тридцати, встретил нас очень сердечно и высказал готовность выполнить свой партийный долг.

Мы пробыли в Пордиме до вечера и расстались вблизи Плевена, куда Иван Божинов довез нас на своей телеге. Договорились встретиться на следующую ночь. Ему поручили выделить одного-двух товарищей из пордимской партийной организации для оказания нам помощи и обеспечить тайники в селе.

— Не трудитесь делать их солидными,— сказал Каравасилев при расставании.— В ваших тайниках оружие пролежит не больше месяца...

Эти слова привели меня в изумление. Я промолчал, но, когда мы расстались с Божиновым, попросил Каравасилева объяснить мне: вероятно, через месяц оружие придется перевезти в Плевен?

— Нет,— объяснил Каравасилев,— оно вообще не будет проходить через Плевен. Часть его мы пошлем в Ловеч, Троян, Севлиево, Червен-Бряг и Свищов. Остальное поступит в распоряжение Центрального Комитета. Мы передадим его для вооружения других окружных организаций.

«Раз его нужно передавать для вооружения других окружных организаций,— думал я тогда,— вероятно, Центральный Комитет считает, что в Плевене достаточно оружия, спрятанного в наших тайниках? Достаточно? Я знал каждую винтовку, каждый пулемет, каждую гранату и каждую обойму патронов, спрятанные в городе и в виноградниках, радовался им, как драгоценному кладу, и мне казалось, что всего этого мало, недостаточно, что завтра, когда и мы начнем революцию, еще останутся бойцы без винтовок, без гранат, без патронов...

Приближалась полночь, царил непроглядный мрак... Мы с Костой Первановым стояли в зарослях акации в десяти шагах от железнодорожной линии, прислушиваясь, не раздастся ли гудок паровоза из Плевена. Секундная стрелка совершала свой очередной круг, время по расписанию уже миновало, а поезд все еще не показывался. Мной овладели тревожные мысли...

И когда я уже решил про себя, что все кончено и что нам как можно скорее надо покинуть опасное место, послышался гудок паровоза.

Через одну-две минуты после гудка стук колес стал слышен все яснее. Вскоре паровоз поравнялся с нами, мы ясно увидели машиниста, один за другим стали проноситься мимо товарные вагоны.

Дальше все протекало так, как и было предусмотрено. Через несколько секунд мы распломбировали вагоны. Первой моей задачей являлось распахнуть до конца двери, что мне легко удалось. В вагон проник яркий лунный свет, но только на луну нельзя было рассчитывать. Я зажег карманный электрический фонарик и осмотрел каждый уголок. Вагон оказался полон деревянными ящиками, тщательно уложенными один на другой. Они были нескольких видов, различных размеров, без каких-либо надписей. Их можно было принять за любой груз, и никто бы не догадался, что в них содержится.

Я напряг все силы своих мышц, стал поднимать и сбрасывать ящики в сторону от железнодорожной насыпи. Один, два, три...

То же самое я повторил и в третьем вагоне. Там мне помог и Коста, уже успевший «экспроприировать» оружие из своего вагона.

Выбросив приготовленные ящики, мы приступили к пломбированию вагонов. Это оказалось труднее, чем снимать пломбы. Но и с этим справились успешно: железнодорожник научил нас, как это делать быстро и надежно.

Все прошло хорошо. Мы отдышались и только тогда почувствовали страшную усталость. Но об отдыхе нельзя было даже подумать. Мы осмотрелись и пошли назад, туда, где находились наши товарищи.

Они ждали в условленном месте и не теряли времени зря. Часть оружия уже перенесли в чащу, во временный тайник, а остальное помогли перенести мы.

Божинов отлучился и через несколько минут подъехал на телеге.

Мы погрузили часть ящиков. Божинов старательно накрыл их старым рядном и засыпал кукурузой, после чего потихоньку поехал. Его сопровождал товарищ из Пордима. Обоим дали оружие.

Они не заставили себя долго ждать и быстро вернулись. Божинов с большой точностью соблюдал «почасовой график». Нагрузили телегу еще раз, но уже стало светать, и мы приостановили перевозку оружия. Остальные ящики спрятали в чаще.

Прежде чем уйти, мы вскрыли несколько из них. В них действительно лежали винтовки, в фабричной упаковке, смазанные и совершенно новые, способные взволновать любое мужское сердце...

Операция на железнодорожной линии только начиналась...

— Все в порядке, Васил! — рапортовал я по-военному Каравасилеву.— По нашим подсчетам, мы отняли у Врангеля пятьдесят винтовок, тридцать пистолетов, сотню гранат!

По его настоятельной просьбе я подробно доложил о всей операции. Разумеется, я был сначала удовлетворен сделанной работой, но мое настроение как-то странно изменилось, и Каравасилев заметил это.

— Что с тобой? — прищурился он. — Разве ты не доволен успешно проведенной операцией?

— Доволен, Васил. Ты сам знаешь, как я радовался не десяткам, но даже двум или трем винтовкам, которые вначале удалось вытащить из тайников военных...

— Тогда в чем же дело? — Каравасилев действительно недоумевал.

— Я думаю: мы изъяли часть оружия. Но остальное движется дальше, к морю...

После краткого молчания Каравасилев заговорил:

— Это оружие не спасет белогвардейских бандитов, Ванко, я уверен в этом. Не помогут им и интервенты. Народ, уже вкусивший сладость свободы, никому и никогда не позволит, чтобы снова ему на шею сели цари, князья, помещики... Верю в партию и народ Ленина...

— Все же, Васил, я думаю, что мы можем делать и больше...

— Сможем, согласен с этим. Подготовим новые тайники, мобилизуем новые пятерки...

— Я имею в виду другое, Васил, — перебил я его. — Что бы ты сказал, если бы мы попытались вообще помешать поездам перевозить оружие?

— Я тебя не понимаю, Ванко.

— Что бы ты сказал, если бы мы прервали железнодорожное сообщение? Взорвали железнодорожную линию? Мост? Например, мост на реке Вит у цементного завода...

Этот мост, построенный еще в конце прошлого века для северной железнодорожной линии, был одним из самых крупных по тому времени железнодорожных сооружений в стране. Я полагал, что если мы взорвем этот длинный железный мост и обрушим его на дно реки, то сумеем прервать железнодорожную связь с Варной на недели и месяцы.

— Если нужно, чтобы я благословил эту идею, я благословляю! — вскочил Каравасилев. — Но подожди. Я внесу это предложение на одобрение Центрального Комитета...

Пока из Софии пришло согласие, мы продолжали изымать оружие из железнодорожных составов. Опыт первых операций помог нам улучшить все звенья организации.

Мне трудно сказать, сколько винтовок и пистолетов, сколько гранат и патронов успели мы выбросить из железнодорожных вагонов. Оружие было совершенно новое или бывшее в употреблении, но находившееся в полной исправности — смазанное, с затворами и необходимыми приспособлениями, готовое к стрельбе при первой тревоге.

После того как оружие доставлялось в тайник, нам предстояло позаботиться о его перевозке на захолустные железнодорожные станции для пересылки в города и села страны, заранее определенные Военной организацией партии. Соответствующие указания привозил Антон Недялков, отвечавший в то время за военную работу по всей Северной Болгарии. Оружие мы отсылали в Тырново, Русе, Врацу, Шумен и Софию...

Оставалось оружие и для нас. Мы выделяли его для наших нужд, пока Васил Каравасилев не решил, что с нас уже достаточно. И действительно, накануне восстания 9 июня Плевенская партийная организация была одной из наиболее вооруженных в стране: почти каждого коммуниста мы обеспечили винтовкой или пистолетом, а общее командование располагало и пулеметами, и гранатами, и достаточным количеством патронов.

Доставали мы и орудия. Но изымать их из железнодорожных вагонов было невозможно. Их добывали совсем другим путем.

Однажды пришлось нам с Каравасилевым отправиться в Пордим, чтобы увидеться с Иваном Божиновым, так как из Софии пришло новое сообщение о прибывающих вагонах с оружием. Божинова в тот момент не оказалось дома, и в ожидании его мы решили осмотреть оба музея в селе. Разумеется, мы хорошо знали эти святыни боевой дружбы, слышали о них еще на школьной скамье. Сейчас у нас проявился чисто военный интерес: хотелось проверить, не сможем ли мы в случае крайней нужды использовать часть оружейной экспозиции музеев.

Осмотрели все. И уже там, на месте, отказались от первоначальной своей идеи: рука настоящего болгарина не позволит себе прикоснуться к этим священным реликвиям освободительной войны...

Рассмотрели и ставку румынского короля, превращенную в музей. Прежде чем уйти, заглянули в подвал.

— Нет там ничего особенного,— предупредил нас заведующий музеем,— только два заржавевших орудия...

Действительно, в подвале мы не нашли ничего другого, кроме двух орудий. Но они отлично сохранились — без пятнышка ржавчины, отполированные и чистые, словно только что сошли с фабричного конвейера.

— Артиллеристы говорят,— объяснил заведующий, заметив наш интерес,— что такие орудия использовали и в мировую войну — той же марки и такого же типа...

Мы приблизились к орудиям, словно притянутые магнитом. На дулах ясно просматривалась марка «Крупп», калибр 76 мм. Действительно, такими орудиями располагали и мы на наших позициях при Гевгелии. Это означало, что или немецкий оружейный концерн «Крупп» продолжал выпускать этот тип артиллерийских орудий до самой первой мировой войны, или кайзеровская Германия снабжала своего маленького балканского «союзника» музейными экспонатами...

Мы переглянулись с Василом, осененные одной и той же идеей. «Так или иначе,— думали мы,— раз эти орудия стреляли только три-четыре года тому назад, это значит, что для них и сейчас найдутся снаряды...»

Наше настроение заметно поднялось, когда мы покидали румынский музей. «Только нужно найти затворы и снаряды,— потирали мы руки,— и Плевенская партийная организация будет иметь в своем распоряжении и артиллерию».

— Снаряды? — немедленно отозвался Иван Божинов, когда мы поделились с ним своим открытием.— Найдем. В окрестностях Пордима военные упрятали целые вагоны с этим товаром.

Вскоре после этого Иван Божинов доложил, что уже есть снаряды для нескольких десятков залпов. Каравасилев затребовал поискать дополнительное количество снарядов в Севлиево, где партийные товарищи знали местонахождение тайных складов. И оттуда мы быстро получили радостную весть: нашли. Там же обнаружили и затворы к орудиям. В конце концов мы побеспокоились об артиллерийском расчете. Это оказалось совсем легко: девять пордимцев, служивших во время войны в Севлиевском артиллерийском полку, входившем в 9-ю Плевенскую дивизию, знали точно этот тип орудия и выразили готовность откликнуться по первому зову.

Когда мы сообщили Тодору Луканову об орудиях, он пришел в восторг. Однако он специально предупредил нас, чтобы мы хранили все в полной тайне, пока об этом новом приобретении не будет уведомлен Центральный Комитет.

— Боевой коммунистический привет от Центрального Комитета! — передал нам Тодор Луканов через двадцать дней после своего очередного посещения Софии.— Сердечно вас поздравляют и Тодор Атанасов, и Коста Янков, и лично Васил Коларов. Дерзайте и продолжайте в том же духе до победы социалистической революции!

Вместе с поздравлениями Тодор Луканов передал и приказ Центрального Комитета: эти два орудия держать в распоряжении Военного центра при ЦК, они могут вступить в действие только по приказу Центрального Комитета.

Все было готово. У орудий имелись и затворы, и снаряды, и артиллерийские расчеты, даже уже назначили к ним взводного командира, находившегося в прямом подчинении у Ивана Божинова. Они могли стрелять, чтобы оказать помощь Плевенскому восстанию 9 июня 1923 года, и не известно, чем бы оно завершилось. Помешал приказ Центрального Комитета и его роковая телеграмма о «нейтралитете». Эта телеграмма словно закрыла дула орудий, заставила восставший Плевен сложить оружие в тот момент, когда власть фактически находилась уже в его руках...

6

ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА В СОФИИ. НЕВЫПОЛНЕННАЯ ЗАДАЧА

Согласие из Софии на взрыв железнодорожного моста мы получили накануне нового, 1921 года.

Перед тем как получить столь долгожданный сигнал, я пробыл в Софии немного больше месяца. Плевенская партийная организация направила шесть активистов, в числе которых находился и я, для обучения на втором курсе только что открытой партийной школы при Центральном Комитете.

Как известно, Центральная партийная школа открылась осенью 1920 года и приостановила свою работу после переворота 9 июня. Школа имела задачей готовить руководящие кадры для местных партийных организаций.

Я приступил к занятиям 1 декабря. Четыре недели провел в Софии среди испытанных и верных партийных товарищей. Мы сидели над книгами старательно и упорно. Нам было трудно, поскольку многие из нас давно покинули школьные парты и утратили навыки к учебе.

Лекторами у нас были Васил Коларов, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев, Тодор Луканов, Тодор Петров, Еню Марковски, д-р Наим Исаков, Иван Дечев и другие. Раз или два лекции нам читал и Иван Недялков-Шаблин, первый представитель нашей партии в Исполнительном комитете Коминтерна. Его лекции доносили до нас дух Советской России. Помню, с каким ненасытным интересом мы задавали ему всевозможные вопросы и с еще большим интересом слушали его, когда, отвечая, он долго и подробно рассказывал обо всем, что видел на родине Ленина. Глубокое впечатление производили на нас лекции Христо Кабакчиева, редактора газеты «Работнически вестник», члена ЦК и одного из теоретиков партии. Он читал несколько раз в неделю лекции по вопросам научного социализма. Превосходным, темпераментным оратором был Георгий Димитров, которого я знал хорошо и неоднократно встречал в Плевене. Димитров нас знакомил главным образом с проблемами профсоюзного движения.

Партийная школа значительно пополнила мои политические и теоретические знания, которые в момент создания Третьего интернационала и активизации европейской лжемарксистской социал-демократии становились абсолютно необходимым компасом для каждого коммуниста.

Особенно полезными оказались и наши контакты с Софийской партийной организацией. Софию тогда разделили на несколько крупных партийных секций, наиболее активными из которых являлись Лозенская и Ючбунарская... Мы ходили на собрания, слушали доклады, наслаждались искусством чудесного самодеятельного лозенского хора имени Георгия Киркова, дававшего богатые литературно-музыкальные концерты, подолгу засиживались в библиотеке Центрального Комитета...

Обучение в школе завершилось общим собранием, на котором мы снова встретились с секретарем партии. «К марксистскому образованию мы должны относиться как к революционному делу»,— сказал Васил Коларов и призвал нас самостоятельно расширять знания, полученные в школе, следить за революционной теорией, распространять марксистское учение среди широких партийных и трудящихся масс.

В самый канун моего отъезда из Софии Тодор Луканов отвел меня в кабинет Коларова: «Он знает о тебе, следил за твоей работой в школе и теперь хочет лично побеседовать по некоторым вопросам».

Я смутился. О чем хочет побеседовать со мной секретарь партии? О военной работе Плевенской организации и моей лично? Именно так и оказалось.

При нашем появлении Васил Коларов энергично встал из-за большого письменного стола, заваленного книгами, и подал мне руку.

— Рад вас видеть, молодой товарищ,— улыбаясь, сказал он и пригласил нас с Лукановым сесть за небольшой столик.— Довольны ли вы тем, что дала вам школа? Узнали ли вы что-либо ценное о работе Софийской партийной организации? Остались ли какие-нибудь невыясненные проблемы? Нашли ли интересовавшие вас книги в библиотеке?

Коларов держался со мной как равный с равным.

Я сказал, что доволен всем, чему научился в школе, что у меня нет невыясненных вопросов, что возвращаюсь в Плевен, готовый выполнить любое партийное поручение.

— Даже взрывать железнодорожные мосты, не так ли? — перебил меня Васил Коларов, лукаво улыбаясь.

Я удивился: неужели и он знает о нашем намерении? А впрочем, разве может секретарь партии не быть осведомлен о действиях Военного центра?

— Товарищ Недялков докладывал о вашем предложении,— продолжал Коларов.— Центральный Комитет благодарит вас за проявленную инициативу. Мы сообщили уже об этом Каравасилеву. Нужно только соблюсти одно условие — это требование категорическое,— подчеркнул Коларов,— взорвать товарный состав, чтобы не пострадал ни один невинный человек...

— Так мы и планировали, товарищ Коларов,— ответил я.— У нас было намерение взорвать не обычный товарный состав, а состав с оружием...

— Великолепно! — одобрил Коларов.— Оружие, которое мы экспроприируем из вагонов,— это помощь русским коммунистам, но, если мы добьемся прекращения подвоза оружия для Врангеля и Деникина, это будет более эффективной помощью... Разумеется,— добавил он,— не надо создавать себе иллюзий, что реакционная Европа надолго оставит белогвардейские армии без оружия. Существуют и другие пути в Крым и Одессу. При этом по всему Черному морю рыщут флоты Англии и Франции. Но при всех случаях, даже если мы только на день сорвем доставку оружия и боеприпасов для белогвардейцев, это будет все же помощь Советской России. А теперь это наш главный интернациональный долг.

При расставании Васил Коларов просил меня передать привет Василу Каравасилеву и всей Плевенской окружной организации.

— Я родом из Шумена, но в Плевенском крае начиналась моя партийная деятельность...— объяснил он.

Этот факт в Плевене был известен всем. В 1895—1897 гг. Васил Коларов, тогда учитель Никополской трехклассной школы, не только вел культурно-просветительную работу среди населения, но и основал первую социал-демократическую организацию в этом отсталом, беспросветном крае. Он покинул Никопол, когда администрация школы уволила его за «антигосударственную агитацию».

* * *

Я вернулся в Плевен после подробного разговора с Антоном Недялковым. Образованный партийный деятель и опытный военный (во время войны он сражался на фронте как офицер), Антон Недялков оказался незнаком с вопросами подрывного дела. То, что он рассказал мне, я знал и сам, но это были всего лишь самые общие и приблизительные сведения о подобного рода операциях. «Это все, что мы можем пока, товарищ,— извинялся Недялков.— Пусть ваше руководство поищет необходимых людей и средства на месте».

...И вот однажды ночью мы вдвоем с Костой Первановым притаились, вооруженные пистолетами, в кустах

сирени над мостом через реку Вит и ждали результатов своих трудов. Мост мы заминировали. Оказалось, что нам не с кем посоветоваться о том, какое количество взрывчатки заложить под рельсы. И как? Каравасилев, Халачев и Иван Зонков знали столько же, сколько и мы, то есть почти ничего. И пришлось уповать на свой фронтовой опыт. Мы наполнили пироксилином небольшой деревянный патронный ящик и закрепили его под шпалами где-то на середине моста. Примитивно изготовленный взрыватель должен был вызвать взрыв, как только паровоз окажется на рельсах над патронным ящиком. Дальнейшее мы представляли себе так, как это описывалось в книгах: железный мост рухнет в реку, а вместе с ним с адским грохотом полетят в пропасть и вагоны, и весь железнодорожный состав... Построенный из тяжелых и крупных конструкций мост, длиной в пятьдесят метров, весь искореженный взрывом, будет покоиться на дне реки Вит...

Так думали мы, предвкушая сладость успеха. Ночь была облачной, январский снег скрипел под ногами...

На железнодорожной линии нам не встретился ни один, даже случайный, прохожий или железнодорожный служащий — мороз прогнал все живое. По существу, мы на это и рассчитывали. Целых две ночи перед этим мы вдвоем с Костой бодрствовали у моста, чтобы установить, в какое точно время совершает свой обход железнодорожный сторож. Мы узнали от нашего товарища-железнодорожника точное расписание поездов. Из Софии нам сообщили данные об очередном товарном составе с оружием. Предварительную разведку мы провели тщательно: оставалось сделать главное.

Мы ждали, впившись глазами вдаль, туда, откуда сначала появятся огни паровоза, а позже донесется гудок, которым машинист известит о своем прибытии на плевенскую станцию...

Огни паровоза показались вдали почти на час позже ожидаемого времени. «Такое большое опоздание? Почему?» — встревожились мы, несмотря на январскую стужу, обливаясь потом.

Кроме того, состав приближался к нам необычайно медленно. Почему? В результате двухдневных наблюдений мы установили, что обычно товарные поезда следуют по железнодорожному мосту со скоростью примерно 40 километров. Почему же этот состав движется едва-едва?

Пыхтя и громыхая, паровоз наконец въехал на мост и так же медленно, словно ощупью, приблизился к месту взрыва.

В следующий миг из-под паровоза вырвалось пламя. Отзвуки взрыва донеслись к нам несколькими секундами позже. Долетели и заглохли, отдаваясь эхом в скалистых берегах реки Вит.

Мы вскочили и вдвоем с Костой готовы были кричать от радости. Но возгласы так и застряли в горле. Мост стоял целехоньким и невредимым. Целым и невредимым остался и паровоз, замерший, как споткнувшийся конь, недалеко от места взрыва...

Провал! Позорный провал! Мы смотрели с Костой на переплеты железного моста, и наши глаза затуманились слезами ярости.

На следующий день наш товарищ — железнодорожник с плевенской станции — осведомил нас о точных результатах происшествия. Паровоз успел преодолеть место взрыва почти без повреждений, только первый вагон соскочил с рельсов, сместившихся в результате взрыва. И все. Повреждения исправили за полдня: с помощью крана подняли сошедший с рельсов вагон, и состав двинулся к Варне...

Никто в городе не узнал об этом событии, да и власти приняли все меры, чтобы сохранить его в тайне: представители Антанты и правительство имели свои основания бояться общественного гнева в случае, если станет известно, куда, в сущности, направляются запломбированные вагоны. И они выставили на мосту постоянный военный пост.

Мы очень страдали после этого провала, восприняли его как глубоко личное несчастье.

Примерно через неделю из Софии приехал Антон Недялков. Центральному Комитету было уже известно о нашей неудаче. Но вместо упреков Недялков начал нас успокаивать:

— Вы не виноваты. Представители Антанты ждали актов саботажа на наших железных дорогах и уже принимают меры предосторожности. Состав специально двигался медленно, чтобы предохранить себя от возможных неприятностей... Таким же образом передвигаются и со-

ставы южной линии, по направлению к Бургасу, когда перевозят оружие...

Никто нас не упрекал, но мы чувствовали свою вину за неудачу. Нужно было заложить побольше взрывчатки; поставить взрыватель под оба рельса одновременно; заложить мину и на мосту таким образом, чтобы, если один взрыватель не сработает, взорвались бы остальные два. Многое еще надо было сделать. Пироксилина нам хватало, да и смелости у нас было в избытке. Только опыта не было.

7
ТИПОГРАФИЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Весной 1921 года Тодор Луканов прислал за мной человека. Он принял меня у себя дома. Тогда он жил со своим семейством в нашем квартале.

Имя Тодора Луканова вписано траурными буквами в героическую летопись нашей партии во время Сентябрьского восстания. Но в ту пору Тодор Луканов — партийный руководитель национального масштаба — пользовался всеобщим уважением. Что же касается Плевена, Тодор Луканов и его жена Коца имели признанные заслуги в создании и стабилизации Плевенской партийной организации, в ее боевой подготовке, вооружении, в победе славной Плевенской коммуны в 1921 и 1922 гг., в революционном воспитании нескольких поколений коммунистов из плевенского края, которые и 9 июня 1923 года и в последующие годы антифашистской борьбы достойно отстаивали коммунистическую правду.

— Знаешь, Ванко, мы вступаем в тревожную эпоху. Обстоятельства требуют, чтобы мы готовились к работе в глубоком подполье. Возникла необходимость создания Военной организации. Но для социалистической революции одного только оружия недостаточно...

По решению Центрального Комитета все окружные партийные организации должны были создать подпольные типографии, которым предстояло вступить в действие после того, как события усложнятся.

— При режиме земледельцев нам это не грозит репрессиями,— продолжал Тодор Луканов.— Но реальная обстановка дает нам основания опасаться переворота. Реакция и военные поднимают голову. Царь тоже нена-

видит Стамболийского, а представители Антанты относятся к этому режиму с нескрываемой антипатией.

Короче говоря, партийное руководство округа по приказу Центрального Комитета требовало организовать подпольную типографию. Решить — где и как это сделать — поручалось мне. Я должен был внести предложение.

Решение мы приняли после обстоятельного разговора с Каравасилевым и Халачевым. Типографию нужно было устроить под землей. Определили и место — старый отцовский дом Халачева.

Теперь этого дома уже не существует. Стихия современного строительства изменила облик старого Плевена. В то время дом Халачевых был небольшой — комната, кухня и передняя, но, как все плевенские дома, имел и погреб (где же иначе выдерживать вино!). Погреб оказался достаточно просторным и глубоким.

У старого дома Халачевых имелись и другие преимущества, заставившие нас остановить свой выбор именно на нем. Тогда его окружал большой двор, весь заросший цветами, виноградными лозами и высокими плодовыми деревьями. Дом, расположенный в глубине двора, едва был заметен с улицы. Это могло обеспечить спокойную и безопасную работу.

Я доложил об этом Тодору Луканову и Каравасилеву. Начертил и объяснил все подробно.

Моя идея сводилась к следующему: по соседству с домом Халачевых находился старый, почти пересохший колодец, глубиной до десяти метров, с прогнившим журавлем. После того как провели в городе водопровод, никто больше не пользовался водой из этого колодца. Я собирался выкопать тоннель между колодцем и погребом в двух метрах от поверхности диаметром 80 см, который и будет вести в тайник.

Луканов и Каравасилев полностью согласились со мной. Мы обдумали, кого еще призвать на помощь. Решили — Асена Иванова Напова, с которым мы до того выкопали уже несколько тайников для оружия.

Тодор Луканов позаботился о типографской машине. Это удалось сделать через партийную кооперацию «Освобождение», которая доставила ее из Софии разобран-

ной по частям в числе прочих потребительских товаров. Это была немецкая ножная типографская машина типа так называемой «американки» вместе со всеми приспособлениями, с несколькими кассами типографского набора, красками, валиками и пр. На металлических ее частях стояло клеймо «Кобальт», Дрезден.

Как мы позже узнали, Центральный Комитет партии выписал ее из Вены и доставил через кооперацию «Освобождение» примерно двадцать таких «американок», которые монтировали в Софии и по всей стране на случай перехода на нелегальное положение в будущем.

Однажды вечером, когда мы все уже приготовили, решили пригласить Васила Каравасилева и Асена Халачева «на инспекцию».

Они вошли вслед за мной через тоннель и оказались в тайнике в полном мраке. Я хотел устроить им небольшой сюрприз, поэтому только потом зажег электрический свет.

— Да это не тайник, а настоящий адвокатский кабинет, уютнее моего! — воскликнул Халачев, осматривая и трогая все руками. Полное удовлетворение выражало и лицо Каравасилева, человека, более сдержанного по характеру, чем Халачев, и обычно скупого на похвалы.

Хотя нас было трое, тайник казался просторным. И воздуха хватало. Мы только приступили к монтажу типографской машины, закончить его предстояло впоследствии нашему товарищу — печатнику из Плевена.

— Осталось несколько мелочей, и сможем печатать. Только дайте знак...

— Пока нам есть где печатать свои газеты, прокламации и брошюры,— улыбнулся в ответ Каравасилев.— А вот завтра, когда на свет божий,— и он указал пальцем на потолок тайника,— вылезут темные силы, тайник ваш понадобится... Тогда он станет и отличным укрытием для наших людей.

Кто тогда мог предполагать, что уже через несколько месяцев первым, кто найдет здесь убежище, окажется именно он, Каравасилев... В апреле 1921 года, вскоре после неудачи на железнодорожном мосту, контрольная комиссия Антанты и власти попытались убить Каравасилева: очевидно, шпионы донесли, кто стоит во главе «настоящей» работы в Плевенской партийной организации, кто руководит ее вооружением, кто вдохновитель

операций по добыче оружия, кто послал людей взорвать железнодорожный мост... Была попытка устроить облаву и арестовать Каравасилева во время одного из партийных собраний, арестовать и по дороге в тюрьму убить «при попытке к бегству»... Но Васил сумел перехитрить конвоировавших его солдат и бежал. Несколько ночей он скрывался у разных товарищей из сельских партийных организаций, потом оказался в Плевене и укрылся в старом доме Халачевых. Немного позже Центральный Комитет партии устроил его побег из страны. Через Згалево и Пордим Васил тайно выехал поездом в Варну, а из Варны — под чужим именем — в Советскую Россию.

8

АРЕСТ, ТЮРЬМА, БЕГСТВО ИЗ ТЮРЬМЫ

Изъятие из железнодорожных составов оружия, предназначенного Деникину и Врангелю, прекратилось, когда телеграф известил во всех четырех концах света о том, что армии обоих бесславных белогвардейских генералов «красные» сбросили в море, что, спасая свою шкуру, разбитые белогвардейские войска погрузились на французские и английские корабли и нашли временное пристанище в Турции.

Радостная весть привела в восторг весь болгарский рабочий класс, всех болгарских коммунистов, и особенно тех, кто участвовал в операциях по изъятию оружия. А подобные операции, как мы узнали позже, осуществлялись не только в Плевене. В декабре 1919 года бургасские коммунисты — железнодорожники и рабочие сахарной фабрики на станции Каялий отцепили вагон и забрали себе все оружие. Вагон с оружием, предназначенным для белогвардейцев, отцепили на станции Нова-Загора, а оружие, как гласило официальное донесение, «разграбили неизвестные лица». Осенью 1920 года бургасские портовые грузчики тайно распломбировали вагон с оружием и похитили часть его, а остальное отказались грузить. При разгрузке ящиков с оружием в русском порту Поти врангелевцы обнаружили, что некоторые из них оказались заполнены землей (как впоследствии установили, корабли пришли из варненского порта, а «преступление» являлось делом рук варненских коммунистов)...

Из последних партий оружия, конфискованного представителями Антанты из болгарских военных складов и отправленных в Россию, мы в Плевене сумели изъять новые винтовки, пистолеты, пулеметы. Все оружие подлежало, как и прежде, распределению через центр в Софии.

(Часть этого оружия, перевезенного болгарскими железными дорогами, впоследствии мы видели в руках белогвардейцев. Тех белогвардейцев, изгнанных в 1921—1922 гг. из Турции, которые временно под давлением Антанты нашли приют в нашей стране. Ясно, что никакое оружие не было в состоянии спасти контрреволюцию.)

Незадолго до прекращения этих операций из Софии приехали двое русских, одетых в форму белогвардейцев. Их сопровождал товарищ из Центрального Комитета. Оба представились «белыми», но «осознавшими свои ошибки и работающими сейчас на родину». Мы не стали расспрашивать их подробнее. Центральный Комитет приказал, чтобы их в поездке до Варны сопровождал человек из Плевена и оказывал им помощь до тех пор, пока они не закончат свою работу. Эту задачу возложили на меня.

В Варне товарищи встретились с Димитром Кондовым, Григором Чочевым, Андреем Пеневым, Благоем Касабовым и другими деятелями партии. Нас устроили на квартиры к проверенным членам партии. Неделю, которую мы провели в Варне, русские посвятили поездкам по окрестностям города, где в специальных лагерях были размещены белогвардейцы, и разговорам со всевозможными лицами, и прежде всего с портовыми грузчиками. Их целью было установить количество и состав белогвардейских частей, а также место и время погрузки оружия на пароходы. Одновременно товарищи уточняли, действительно ли уходит на дно морское то оружие, которое было определено к уничтожению.

Когда картина прояснилась во всех подробностях, они уехали. Опять же через Софию, как и въехали в страну. Они оказались людьми немногословными, деловыми, лаконичными в своих приказаниях. И хотя таили свои настоящие цели, однако не смогли скрыть своей подкупающей русской сердечности.

Осенью 1921 года меня арестовали. Мы только что закончили кампанию по сбору помощи голодающим По-

волжья, Крыма и Украины (отозвался щедро весь Плевенский край — давали и те, кто сам ничего не имел, как дают брату, попавшему в беду) и по указанию и под руководством Центрального Комитета вели агитацию среди белогвардейских частей, пытаясь внести разложение в их ряды, приобщить к делу Октябрьской революции и убедить вернуться на родину. В результате мы проводили из Плевена первую группу — примерно двести солдат из армии Врангеля, пожелавших вернуться в Советскую Россию; только что с облегчением узнали, что Васил Каравасилев благополучно отплыл на лодке в Одессу и даже послал через Ивана Недялкова-Шаблина привет Плевенской организации,— как в моей пятерке произошел провал.

Провал явился следствием нашей недопустимой наивности.

Вербан Ангелов из моей пятерки уговорил одного солдата из плевенской казармы вынести несколько винтовок. Солдат, вообще-то честный юноша, хороший мой знакомый, не имел опыта подобной работы и не спросил, «откуда» их взять. И вместо того чтобы взять со склада, забрал три винтовки из пирамиды, хотя мы это категорически запрещали. В ту же ночь Вербан передал мне винтовки и коротко объяснил, откуда они.

— Но зачем же из пирамиды? — набросился я на него.— Начальство завтра же обнаружит пропажу оружия!

Была допущена крупная ошибка, и я почти физически ощущал приближение опасности. Но не мог ничего исправить, поэтому торопился где-нибудь спрятать винтовки. Во дворе Коли Венкова в копне свежескошенного сена я и решил временно припрятать их, пока не найдем место в тайнике...

На третий или четвертый вечер фельдфебель с двумя солдатами явился среди ночи в наш дом и арестовал меня.

Допрос начался в ту же ночь в штабе полка. Допрашивал меня пехотный поручик.

— Ты уговорил солдата украсть винтовки из пирамиды?

Разумеется, я отрицал: не знаю никакого солдата из казармы, ни с кем не говорил о винтовках и вообще винтовки меня не интересуют.

— Тебе же лучше, если ты признаешься! Солдат рассказал обо всем!

Мое спокойствие взбесило поручика.

— Не признаешься, коммунистическое отродье? Продаете Болгарию большевикам и не хватает мужества признать свою вину! Предатели родины! Красная большевистская сволочь!

— Господин поручик, я в течение трех лет сражался на фронте в рядах Плевенской дивизии, в которой и вы служите, и даже имею орден за храбрость! — Я говорил спокойно, но твердость моего тона заставила поручика встать.— Я кровь проливал за эту Болгарию! И не допущу, чтобы меня называли предателем родины и...

Поручик не дал мне продолжать.

— Бейте его! Бейте! — закричал он истерическим голосом, и в тот же миг я понял, что в помещении есть еще люди. Двое в сапогах с плетьми в руках и со зверским выражением лица подошли ко мне.

Они били меня, окунали мои ноги в таз с холодной водой и снова били, пока пот не выступил на их лицах. Поручик наблюдал за побоями и курил сигарету за сигаретой. Я молчал, прикусив до крови губы...

Двое инквизиторов остановились, чтобы передохнуть, а поручик вышел из комнаты, видимо не выдержав зрелища.

Тогда я посмотрел на своих мучителей. Один из них, незнакомый фельдфебель, крупный и сильный, был похож на медведя, а другого я узнал сразу. Это был Тома — хорошо известный в нашем квартале ефрейтор, барабанщик полкового оркестра. Хилый, слабый, сгорбленный — в гроб краше кладут,— почти моего возраста. Он жил вместе со своим отцом в полуразрушенной хибаре.

Я посмотрел на Тому, и в моем сердце словно что-то оборвалось. Я забыл, где я и что со мной, пораженный мыслью, что даже такие бедняки, как этот барабанщик, могут находиться на «той» стороне, могут служить буржуазии, выполняя самую грязную работу...

В комнату вошел поручик. Впереди себя он вел солдата со связанными руками и с лицом, опухшим от побоев.

— Это он тебя уговорил взять винтовки?

— Он... Винаров... дал приказ...

Солдат говорил, но не решался посмотреть мне в глаза.

— Ошибаешься, дружище,— возразил я доброжелательно. Что-то мне подсказывало, что я все же не должен подать ему руку в надежде спасти и себя, и его.— Я действительно Винаров. Но никому и никогда я не приказывал насчет оружия...

Солдата увели — очная ставка закончилась, и пытки начались снова. Поручик вскоре вышел — нервы его явно не выдерживали.

Теперь боль оказалась несравнимо острее: кожа на ступнях вспухла, кровь брызгала при каждом новом ударе. Бил фельдфебель, но особенно старался барабанщик — откуда только бралась сила в его хилом теле?!

И в тот момент, когда они остановились, чтобы передохнуть, я, превозмогая боль, обратился к барабанщику:

— Тома, мы выросли с тобой в одном квартале. Ты знаешь, кто я такой: профсоюзный активист. Ты знаешь моего брата — секретаря министра Обова. Знаешь и отца моего Цоло Винарова, у которого три гектара виноградников, и поля, и луга, которые он сдает в аренду. Но я все-таки коммунист. Наша партия борется за таких бедняков, как ты, как господин фельдфебель... Вы едва сводите концы с концами, буржуазия вам бросает только крохи...

— Замолчи! Замолчи! — взревел фельдфебель, пнул меня в пах сапогом и выбежал из помещения.

— Видишь, Тома,— упрямо продолжал я.— Ему дают ломоть побольше, чем тебе, вот он и старается.

Я попытался встать, но в следующий миг сильный удар снова свалил меня на землю.

— Лежи на полу, а то убью! — завопил Тома.

Прибежал фельдфебель с поручиком.

— Значит, ты не только отказываешься признаваться, но и позволяешь себе вести социалистическую агитацию здесь, под арестом! Проклятая большевистская собака! Бейте! Бейте его, пока не признается или не сдохнет!

Фельдфебель и барабанщик не стали ждать напоминаний. Сейчас, на глазах у начальства, они словно сдавали экзамен на благонадежность: били чаще и больнее...

Я пришел в сознание, когда почувствовал, что на меня льют из ведра холодную воду. Все лицо у меня было в крови, кровью оказалась залита одежда. Что-то

сдавило мне горло, в ушах звенело. Фельдфебель яростно ругался и тяжело дышал, а Тома бессмысленно метался по комнате, очевидно сам придя в ужас от содеянного...

С Тома-барабанщиком я встретился снова спустя двадцать четыре года. После победы, в начале 1945 года, меня назначили командиром 9-й Плевенской дивизии. По старинной традиции полагалось принять доверенную мне дивизию полк за полком. Первым я принял пехотный полк, выстроенный на обширном казарменном плацу. Несколько тысяч человек прокричали неутихающее «ура» в честь церемониальной встречи нового командира. Я обходил роту за ротой и поздравлял солдат, а в конце остановился перед стоявшим по стойке «смирно» полковым духовым оркестром. Я не поздравил их сразу, как это делал в других подразделениях. Я обходил ряд за рядом и всматривался в оркестрантов, пока наконец не нашел того, кого искал,— Тому. Он остался все таким же хилым, но только еще более высохшим. На костлявом, точно у древней старухи, лице барабанщика оркестра тонкий нос торчал, как клюв. Я остановился перед ним и посмотрел ему в глаза.

Узнал меня и он. Впрочем, наверно, его предупредили о неизбежной нашей встрече. Но сейчас, когда я действительно стоял перед ним, он, наверно, подумал, что наступил час расплаты...

— Здравствуйте, молодцы! — поздоровался я с оркестром, а глаза мои впились в лицо моего старого знакомого.

— Здравия желаем, господин генерал! — ответили все, кроме Тома. Он открыл рот, чтобы присоединиться к остальным, но не произнес ни звука.

Я отошел...

«Что произошло с ним потом?» — спросит читатель.

Ничего. Пусть, думал я, живет спокойно, если сможет, но, коли есть у него хоть капля совести, она не даст ему покоя до самой смерти.

Следствие длилось недолго... Процесс развивался, как мы и ожидали.

Моими защитниками на суде выступили Асен Халачев и Карло Луканов. Занятый военно-организаторской работой в окружной организации, а кроме того, и делами

Плевенской коммуны, Халачев отказался от своей адвокатской практики и защищал только некоторые дела отданных под суд коммунистов. Карло Луканов только что получил юридическое образование, и я стал его первым и последним клиентом: подобно многим другим партийным товарищам-адвокатам, он отказался от доходной тогда профессии, чтобы посвятить свою жизнь революционной правде...

Явился в суд, приглашенный моим отцом, еще один плевенский адвокат, д-р Иван Бижев. Народник по партийной принадлежности, он уважал моего отца, своего бывшего единомышленника, и проявил похвальное рвение, стараясь спасти меня от наказания. Заступился и брат моей матери Димитр Соларов, священник. И отец, и Бижев посещали меня в тюрьме почти каждый день, советовали настаивать на улучшении тюремного режима, старались убедить меня согласиться принять защиту Бижева. Я любил отца, был ему благодарен за заботы в этот час, но не мог идти на компромисс с моими политическими убеждениями, и он меня понял: в те годы казалось абсурдным даже предположить, что коммунист может когда бы то ни было выступить единым фронтом с буржуа, даже если этот буржуа — защитник на суде.

Я категорически отказался от его защиты, но, несмотря на это, д-р Бижев добровольно явился в суд и развил такую активную деятельность в мою защиту, что суд, состоявший из его единомышленников, совсем растерялся...

Речи защитников Асена Халачева и Карло Луканова, пронизанные духом партийной программы, звучали сдержанно, аргументированно и наступательно, как и полагалось речам таких защитников-коммунистов.

Я получил в общем-то мягкий приговор — 8 лет тюрьмы. Тогда были сравнительно идиллические времена; после Сентябрьского восстания подобные «преступления» карались согласно зловещему закону о защите державы и наказывались сурово.

До дня моего бегства я провел в тюрьме немногим больше года.

Меня угнетала мысль, что я покинул моих товарищей в тот момент, когда готовится наша революция (в те годы она была и на устах, и в наших душах). Страдал

я и после того, как убедился, что потерял голос и слух. При избиении фельдфебель повредил мои голосовые связки, и я безвозвратно лишился своего баритона; а в правом ухе, хотя и прошли с того времени месяцы, не переставая, звенело. Попав в тюрьму, я лишился еще того, на что имел все основания надеяться,— поездки в Вену.

В те годы, когда и у нас, и во всем мире спорт отличался еще весьма скромными достижениями, плевенское спортивное общество «Спартак» при партийной организации вело оживленную физкультурную работу. Членом общества и одним из его активистов являлся и я. Мы не только готовили физкультурные выступления для общих собраний, первомайских демонстраций и многолюдных товарищеских вечеров — наше общество воспитывало своих членов как будущих бойцов революции, проводило военное обучение, старалось всесторонне развивать людей физически, вырабатывать в них рефлексы, подвижность. Разумеется, занимались мы и спортом в чистом виде. Я прыгал с шестом в высоту. И пусть это не воспримется как нескромность, но прыгал хорошо и считался плевенским чемпионом по этому виду спорта, побеждал и в спартакиадах, проводившихся тогда по округам страны.

Летом 1921 года, незадолго до моего ареста, партийное общество «Спартак» провело отборочные соревнования для определения общеболгарской партийной команды, которая бы представляла нашу партию в Общеевропейской спартакиаде, намечавшейся на следующий год в Вене. В эту команду включили и меня как прыгуна с шестом.

Но мне не повезло.

Первоначально я отбывал наказание в старой плевенской тюрьме, находившейся на том месте, где сейчас стоит дом Окружного народного совета, но через несколько месяцев меня перевели в шуменскую. Неизвестно каким образом, но администрация тюрьмы получила донесение о том, что я готовлюсь бежать. Впрочем, в этом имелась доля правды. Тогда секретное указание партии гласило, что все коммунисты, попавшие в тюрьму, обязаны изыскивать возможности бегства («революция стучалась уже в дверь»). У меня было двойное основание для побега, если еще принять во внимание спартакиаду в Вене...

Но администрация тюрьмы опередила мои планы: меня переместили в Шумен и надели на ноги кандалы.

Буквально через несколько дней после моего прибытия в шуменскую тюрьму ко мне на свидание явились шуменские коммунисты. Первым пришел Йордан Тютюнджиев, адвокат-коммунист, предложивший мне свои услуги. Позже на свидание приходили и другие коммунисты. Они находили пути для того, чтобы принести мне партийную литературу, газету, пищу и деньги. Однако бежать оттуда не представлялось возможным — тюрьма зорко охранялась.

Пока я находился в тюрьме, произошло много знаменательных событий, потрясших в то время Европу,— событий и хороших, и плохих. В Турции уже началась кемалистская революция; в Италии фашистские легионеры Муссолини завершили свой «великий поход» в Рим и установили первую в Европе фашистскую диктатуру; революция в Германии окончилась разгромом, двух великих вождей революции — Карла Либкнехта и Розу Люксембург — зверски убили. Но пришло и одно великое известие, заставившее забыть все остальное: молодая Советская Россия не только сбросила в море белогвардейские армии, но и, проявляя невиданный героизм, разгромила наемные армии интервентов, нахлынувших, как хищники, с востока, севера и юга! Первая родина социалистической революции была спасена, и это превратилось в великое, праздничное событие для всех коммунистов в мире.

Но в Болгарии дела шли плохо. Действительно, Земледельческий союз в первой схватке дал отпор черным силам реакции и военщины, готовившим переворот, но этот успех, вместо того чтобы отрезвить союз, заставить его обратить внимание на подлинную угрозу режиму, теперь привел к войне против коммунистов. До нас, узников Шумена, дошла весть о событиях в плевенском селе Долни-Дыбник, где старых вождей партии, устраивавших в прежние времена погромы, высадили из поезда, сбрили им бороды, и они едва не стали жертвами разгневанных крестьян Плевенского края... Победа над реакцией вскружила голову руководителям Земледельческого союза и привела их к пагубному заблуждению, что теперь «только коммунисты представляют собой угрозу режиму».

Пока коммунисты и земледельцы вели между собой борьбу, черные силы реакции уже плели нити нового заговора. Первый заговор земледельцы с помощью нашей партии сумели провалить, обезоружив белогвардейские армии и изгнав эмиссаров Деникина, Врангеля и Кутепова; но второму перевороту, организованному в глубоком подполье, предстояло стать роковым.

В конце 1922 года земледельческая власть усилила свои подозрения и репрессии против коммунистов, режим для коммунистов-узников стал жестче. Это я мог почувствовать лично на себе: усилилась охрана в тюрьме. Земледельцы, люди, по существу находившиеся в нашем положении, страшились нас, а совсем не тех, кто действительно замышлял против них зло...

В один из холодных декабрьских дней 1922 года меня повезли под конвоем в Плевен. Тюремная администрация осведомила меня лаконично: «Вызван в качестве свидетеля по делу в плевенский суд». Даже не соблаговолили сообщить имя подсудимого, по делу которого я должен давать показания.

Но это и не имело для меня никакого значения: вызов в суд в качестве свидетеля устроили товарищи из Плевена, чтобы обеспечить мне возможность побега. «Беги при первой возможности»,— посоветовали мне они через адвоката Йордана Тютюнджиева.

В поезде подходящей возможности не подвернулось. Охранявший меня полицейский проявлял похвальное «служебное рвение». Но зато в часы, проведенные вместе с ним в арестантском купе, я сумел найти с ним общий язык. Он оказался членом Земледельческого союза из плевенского села Учиндол (теперь Тодорово), потомственным бедняком, который пошел на государственную службу потому, что в этом видел единственный выход из беспросветной бедности. Осторожно, ощупью начал я с ним разговор, а когда почувствовал, что он «схватывает», продолжал уже более откровенно, просто, по-человечески рассказывать, за что, в сущности, борется наша партия и что угрожает существующему режиму, если две наши братские партии схватят друг друга за горло... Он не только слушал меня, но и сам задавал вопросы, а на одной станции даже сошел на перрон и купил завтрак

для меня и для себя на деньги, которые я ему дал. Так постепенно я открывал дверку к бегству.

Приехали в Плевен. В то время плевенский вокзал находился в трех километрах от северной окраины города. Мы отправились в город пешком. Создавшаяся между нами атмосфера доверия мешала ему относиться ко мне как к арестанту — он не пожелал конвоировать меня с винтовкой наперевес и следовать в пяти шагах за мною, как это предусматривалось уставом. Служба в полиции еще не успела окончательно испортить его здоровую крестьянскую натуру.

В суде мы задержались примерно час. Оказалось, как я и предполагал, что товарищ, которого судили, не имел ничего общего со мной. Я сказал то, что следовало, чтобы облегчить его защиту, и суд отпустил меня.

Нам нечего было больше делать в городе, но уезжать предстояло только на следующий день — таков оказался заведенный полицейский порядок: ночь мне предстояло провести в местной тюрьме. И полицейский повел меня туда.

Но у меня созрел уже план действий.

— Умоляю тебя,— остановил я его.— Ты был так справедлив и человечен со мной. У меня к тебе последняя просьба. Вот там, в двух шагах от здания суда, контора моего адвоката Асена Халачева. Мне нужно зайти к нему буквально на минутку, чтобы спросить, как дела с моей апелляцией... Прошу тебя...

Конвоир довольно долго колебался, потом все-таки поборол сомнение:

— Ну ладно, пойдем...

Мы остановились перед конторой Халачева. Полицейский посмотрел на табличку, прикрепленную у входа, и сомнения его полностью исчезли. Он проводил меня до входа, и лицо его просветлело.

— Иди улаживай свои дела. Я подожду тебя здесь.

Контора Халачева помещалась в старой одноэтажной постройке, в непосредственном соседстве с партийным клубом. Халачева в тот момент не оказалось, да он мне и не понадобился. Я застал только его коллегу. «Давай, Ванко,— сказал я себе,— более удачный случай тебе вряд ли подвернется!» В коридоре перед конторкой стояла вешалка, на ней висели поношенная мягкая шляпа и сильно потрепанное зимнее пальто. Я сменил

шляпу и пальто на одежду незнакомца и вышел через знакомые мне задние ворота дома. К счастью, в тот момент там никого не оказалось. Я легко перескочил через невысокую ограду (ведь я был плевенским чемпионом по прыжкам в высоту), преодолел после этого еще несколько заборов и оказался на другом краю квартала. Вышел на небольшую улочку, поднял воротник, нахлобучил на глаза шляпу и направился к дому Малты Гылыбовой.

Малта оказалась дома. Она радушно приняла меня, накормила и спрятала, а на следующий день уведомила через сестер Шейтановых Карло Луканова и остальных товарищей из организации о моем успешном побеге.

Что же произошло с полицейским?

Он постоял перед воротами конторы, переступая с ноги на ногу, и все посматривал на выход. И когда его терпение лопнуло, вошел и постучал в контору. Успокоили его мое пальто и шляпа, висевшие в коридоре. Но ненадолго...

А потом? Он не сделал ничего, чтобы поднять на ноги местную полицию, сообщив о моем бегстве: просто вернулся в Шумен и доложил, что я исчез по дороге. Разумеется, его уволили, и крестьянин снова вернулся домой, в село.

Решение Халачева и Ивана Зонкова, бывшего в то время председателем Плевенской коммуны, и остальных товарищей из комитета сводилось к тому, чтобы меня немедленно перебросили в Пордим, к Ивану Божинову. Сделать это поручили Косте Перванову и Первану Маринову. Там я должен был ждать дополнительных указаний.

Покидая дом Малты Гылыбовой, я даже не предполагал, что покидаю свой родной город более чем на двадцать лет. В ту декабрьскую ночь моя судьба получила совершенно новое направление. Там я оставлял столько дорогих, верных товарищей, оставлял близких, оставлял родной город и Кайлык, оставлял Скобелевский парк, мавзолей, зеленые холмы вокруг города, где прошли мое детство, юность и молодость. Но где бы ни ступала моя нога в последующие годы, я всегда носил в своем сердце не только воспоминания о товарищах и близких, но и образ родного края, его надежды и заветы, и зов его, который может стихнуть только со смертью сердца.

Телега Первана Маринова недолго задержалась у дома Малты. Когда мы снова тронулись, в ней опять

находились только двое. На козлы к Первану подсел крестьянин в овчинном кожухе и колпаке. Но этим крестьянином на сей раз был я; Коста остался у Малты, переодетый в мою одежду...

Иван Божинов стал моим хозяином на трое суток. На третью ночь на телеге Первана из Плевена приехал Коста Перванов. Он привез мне одежду, продукты, деньги. И новое распоряжение окружного комитета. В ту же ночь я должен отправиться в Варну поездом в сопровождении Косты. Варненским товарищам поручили позаботиться об остальном.

— А может, в Советскую Россию, Коста? — встрепенулся я, все еще не смея поверить в свое предположение.

— Куда-то в том направлении, Ванко! — широко улыбнулся Коста, и в следующий миг я заключил его в свои крепкие объятия.

Советская Россия! Даже сейчас, когда я через год-два езжу в Советский Союз, притягиваемый туда какой-то неодолимой силой, чтобы повидаться со своими старыми боевыми товарищами, увидеть Москву и Кремль, посмотреть на необъятные русские поля и вековые молчаливые леса, даже сейчас я испытываю невыразимое, светлое, праздничное чувство. А тогда? Тогда Советская Россия, колыбель социалистической революции, первое свободное государство рабочих и крестьян, являлась для нас, миллионов коммунистов во всем мире, землей обетованной, более желанной, чем все, что мы видели в самых прекрасных своих снах, землей нашей мечты. Хотя и отдаленные от нее на тысячи километров, мы жили ее заботами, тревогами и радостями, следили за каждым ее шагом. Наш пульс бился в унисон с пульсом советского народа, наши глаза были обращены к Москве и к Ленину, вождю, который привел Октябрьскую революцию к победе. С того дня, когда родилась Советская Россия, мы, коммунисты, поняли, что Советская Россия — детище русского и всего международного революционного движения.

Часть вторая

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. СВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

1

ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ — ЗЕМЛЯ НАШИХ НАДЕЖД

арна в послевоенные годы оказалась почти единственными «воротами», через которые осуществлялись нелегальные связи между Советской Россией и балканскими странами, в первую очередь с Болгарией. Из Варны на лодках, иногда на моторных, а иногда на парусных или просто на весельных, снабженных парусом, по Черному морю плыли — отправлялись и возвращались — подпольщики-коммунисты из всех балканских, а часто и других европейских коммунистических партий, делегаты конгрессов и пленумов Третьего коммунистического интернационала, партийные курьеры и всевозможные посланцы, для которых сухопутные железнодорожные связи с «красной Россией» были отрезаны.

Морской «канал» связи действовал безупречно. А это были жестокие годы. Небольшим суденышкам приходилось преодолевать многочисленные препятствия и рисковать, чтобы достичь советского берега: болгарскую мор-

скую пограничную охрану, белогвардейский флот, бороздивший море вдоль берегов, блокаду западных союзников, не позволявших ни одному кораблю проникать «по ту сторону» или выйти оттуда. Капиталистические державы пытались спасти мир от «большевистской заразы», задушив молодую Советскую республику еще в ее колыбели. Но все напрасно.

В 1921—1922 гг. Варне довелось выполнять еще одну важную интернациональную задачу. Когда нашу страну превратили в базу белогвардейских армий Деникина, Врангеля и Кутепова, Варна своевременно и быстро предупреждала — с помощью спецкурьеров, пересекавших море,— о новых экспедициях, переброске оружия и боеприпасов, посылаемых с нашей территории в Россию; саботировала подвоз оружия, помогала его изъятию. Все это было делом варненской партийной организации, возглавлявшейся в то время Димитром Поповым, Димитром Кондовым и Гено Гюмюшевым. В нелегальной военно-организационной деятельности и специально на «канале», обеспечивающем связь с Советской Россией, работала целая группа прекрасных, беспредельно преданных революционеров, большая часть которых тогда или несколько позже нашла на этом суровом поприще свою гибель. Из этих товарищей я лично знал Андрея Пенева и Благоя Касабова, руководивших тогда военно-организационной работой в округе; Григора Чочева, отвечавшего за регулярное функционирование «канала»; Бояна Папанчева, активиста военной организации, а впоследствии курьера Центрального Комитета, ездившего до Москвы и обратно; Жечо Гюмюшева, тоже курьера Центрального Комитета. Среди этих товарищей был и Христо Боев, который уже многократно, преодолевая неисчислимые опасности, пересекал море, исполняя важные поручения партии.

С мая 1922 года наша партия располагала, как я выяснил позже, и кораблем, всецело отданным в распоряжение «канала» между Болгарией и советскими берегами. Это был корабль «Иван Вазов» — собственность фиктивного акционерного общества «Матеев, Кремаков и К°»,— с портом приписки Бургас. Корабль был куплен Христо Боевым, который для этой цели в 1921 году нелегально вернулся на родину и отбыл в Стамбул, где в тот момент США распродавали с торгов свои бракованные военные корабли. Боев купил один сравнительно

неплохо сохранившийся истребитель подводных лодок с мощными моторами. После капитального ремонта, с середины 1922 года, корабль, зарегистрированный как собственность акционерной компании, а в сущности являвшийся собственностью партии, начал осуществлять регулярные рейсы между Бургасом и Советской Россией. «Иван Вазов» доставлял на советский берег ценные сведения о планах врангелевцев и империалистических государств, перевозил нелегальных партийных товарищей, делегатов конгрессов Коминтерна, русских солдат из армий Деникина и Врангеля, пожелавших вернуться на родину. Корабль перевозил также и продовольствие для голодающих Крыма, Украины и Поволжья. Из обратного рейса «Иван Вазов» привозил различные материалы и большое количество нелегальной литературы для оказания помощи болгарскому революционному движению. Так целый год, до фашистского переворота 9 июня, корабль «Иван Вазов» неизменно выполнял свой революционный долг, помогая защищать Советскую Россию от ее внешних врагов и злопыхателей. В конце 1923 года корабль фиктивно «продали», и он отплыл в советский порт Одессу.

Как и следовало ожидать, в Варне сосредоточились силы болгарской и международной реакции, белогвардейские эмиссары со сверхсекретными поручениями, резиденты английского и французского шпионских центров на Балканах, многочисленные «комиссии» по мирному договору, воинские части Антанты и т. д. Все объяснялось совсем просто: Варна — географическая точка, наиболее близко расположенная к Одессе,— была самым удобным военным портом, где можно было организовать и подготовить новый поход против Советской России.

Хорошо понимая значение Варны, болгарская реакция послала туда своих испытанных слуг — офицеров, полицейских, сотрудников разведки и администраторов, которые должны были «надеть узду» на местную коммунистическую организацию, затянуть ее и «очистить» город от «большевистских элементов». Там после переворота 9 июня свирепствовала морская полиция — специальный орган, созданный для того, чтобы воспрепятствовать связям между нашей партией и Советской Россией. Страны Антанты реквизировали корабли Болгарии в счет репараций, но по отношению к вновь созданной морской поли-

ции проявляли особенную щедрость: в Варну доставили для ее нужд быстроходные катера, оснащенные прожекторами, и хорошо вооруженные моторные лодки, которые ночью усиленно патрулировали вдоль берега...

К этому надо добавить, что в те годы с пристаней Варны отправлялись в Советскую Россию корабли, нагруженные продовольствием для голодающего населения Поволжья. И еще, что в окрестностях города власти сосредоточили тысячи белогвардейских солдат, пожелавших вернуться к себе на родину. Для их временного размещения были созданы в двух местах — рядом с «Карантином» и выше монастыря «Святой Константин», вблизи детского санатория,— два охраняемых лагеря. Вместе с бывшими белогвардейцами тут находились и русские солдаты, бежавшие из воинских частей Антанты после февральской, и особенно после Октябрьской, революции, которые добрались до Болгарии, надеясь отсюда переправиться в Советскую Россию. Это были значительные массы людей, которые не желали больше ни одного дня оставаться далеко от своей великой родины, переживавшей трудные времена и больше, чем когда-либо, нуждавшейся в помощи своих настоящих сыновей. Как известно, большая часть этих людей, вследствие активной политической работы нашей партии, осознала свои ошибки.

Этих людей, находившихся в лагерях со строгим режимом, власти объявили настоящими «рассадниками чумы». Но что они могли с ними сделать? Убивать их? Действительно, их убивали. Десятки активных деятелей движения за возвращение на родину исчезали бесследно, других просто расстреливали под различными предлогами, согласно приговорам белогвардейских судов, выносившимся по ускоренной процедуре...

Все это создавало в Варне накаленную революционную атмосферу, в которой партийные кадры росли быстро и в количественном отношении, и в отношении боевых революционных качеств. Она превратила город в действительно надежную базу партии для развертывания борьбы в защиту Советской Родины. В связи с этим необходимо обратить внимание и на тот факт, что после войны Варненская община стала одной из первых больших окружных коммун в стране.

Для конкретной организации связи с Коминтерном и Советской Россией еще в 1919 году Центральный Коми-

тет создал в Варне свою базу. В период до 1923 года для связи с Коминтерном использовались небольшие моторные лодки, снабженные парусами,— «Вера», «Заря», «Спаситель». Почти все члены их экипажей были из липован — бывших казаков, переселившихся в Болгарию из-за религиозных преследований, и занимались рыболовством. Помогал, разумеется, и ряд других липован на обыкновенных гребных лодках, но к их помощи прибегали в крайних случаях. Самым надежным был экипаж лодки «Спаситель», вмещавшей до пятнадцати человек. Известное время экипаж этой лодки обслуживал и варненский аквариум; экипаж моторки легко мог создать себе перед властями алиби, сославшись на то, что ищет редкие виды черноморских рыб, что давало возможность курсировать между берегами Черного моря с тайными задачами партии.

Я находился в Варне уже несколько дней. Мне не приходилось скрываться — не было нужды, потому что в этом городе меня никто не знал. Димитр Кондов, которому я привез письмо от Тодора Луканова, немедленно занялся подготовкой моего отъезда. Он меня связал с Благоем Касабовым, Жечо Гюмюшевым и Бояном Папанчевым, с которыми я познакомился во время своего приезда в Варну еще год назад, когда сопровождал двух советских товарищей, «белогвардейцев». С их помощью я достал необходимые для поездки одежду и продовольствие. И к вечеру четвертого дня мы втроем — Папанчев, Жечо и я — встретились в окрестностях города, в Галате, готовые в путь.

Декабрьская ночь стала совсем непроглядной, когда лодка отплыла от пустынного берега и направилась в открытое море. Гребли трое незнакомых мне мужчин, обслуживающих лодку, пока мы с Жечо и Бояном и два товарища из Пловдива, тоже командированные ЦК в Советскую Россию, в полном молчании сидели у небольшой каюты и наблюдали, как быстро удаляются огни города. Когда мы вышли из залива, со всеми мерами предосторожности обходя пограничный пост, лодочники завели мотор. Лодка, имевшая и паруса, резко ускорила свой ход, и мы уже про себя прощались с Варной... Но не вышло по-нашему.

Через час после отплытия мотор отказал. Несмотря на все усилия товарищей, повреждение не удалось устранить, и к полуночи, когда появился ветер, мы поставили паруса и вернулись в город. Снова на прежнее место, в Галату, чей маяк служил нам ориентиром в непроглядном мраке.

— Не переживай,— успокоил меня Димитр Кондов, когда на следующее утро я представился ему в общине (тогда Варна была коммуной, а Димитр Кондов — ее председателем).— Эта моторка не единственная. Подготовим другую. В ближайшие дни снова готовьтесь в путь...

Но не на моторной лодке, а на пароходе отплыли мы к советским берегам.

Случилось так, что на той же неделе группа примерно из четырехсот бывших солдат армии Врангеля изъявила желание при помощи нашей партии вернуться на родину.

Вместе с этой группой число возвращенцев из Болгарии достигло десяти тысяч. Официальные власти выдали им специальные удостоверения, дававшие право покинуть страну. Их должен был увезти грузовой советский пароход, который стоял на якоре в варненском порту.

За короткое время Варненская организация приготовила для нас троих — Бояна Папанчева, Жечо Гюмюшева и меня — соответствующие документы как для «возвращающихся на родину белогвардейцев». Переодевшись в белогвардейскую военную форму, в одно раннее утро мы затерялись в толпе возвращенцев, заполнивших всю пристань. У меня не было почти никакого личного багажа, но, несмотря на это, и я, и оба моих товарища несли в руках по чемодану и узлу. В узлах были книги и другие материалы Васила Коларова, который осенью 1922 года уехал нелегально в Москву вместе со всем своим семейством, но без какого бы то ни было багажа. Мы не имели почтовой связи с Советской Россией, поэтому не было никакой другой возможности переправить ему его личные вещи, и главное — книги и записи. Нас построили в длинную шеренгу. Сначала у нас тщательнейшим образом с неимоверной подозрительностью проверяли документы, грубо задавали какие-то вопросы, но потом, когда это чересчур затянулось и офицеры болгарские и войск Антанты из контрольной комиссии по мирному договору совсем посинели от зимней стужи, начали проверять кое-как...

Экипаж корабля принял возвращенцев, как родных братьев. Для них приготовили вкусные блюда, предлагали тосты за «благополучный приезд», пели старинные русские песни и революционные марши, плясали и танцевали до упаду. Эти несчастные, распродавшие даже одежду и сапоги, чтобы как-то прожить, голодавшие и мерзшие, проливавшие кровь под позорными белыми знаменами продажных царских генералов, только сейчас снова обрели теплоту настоящего братства, только сейчас в полной мере осознали всю свою вину перед матерью-родиной и, как дети, даже не скрывали своих страданий.

Их надежда стала явью, когда в Новороссийске пароход бросил якорь и «блудные сыновья» оказались в раскрытых объятиях родины. Торжества, музыка, цветы, нескончаемые речи... Тут я увидел своими глазами, как люди крестились и, обливаясь слезами, целовали родную землю, словно давали ей клятву в верности. Прослезились и мы с Жечо и Бояном — подобное зрелище не могло оставить никого равнодушным. Я запомнил его на всю жизнь. В нем скрывался большой смысл. И большой урок. Онемей, ослепни, будь готов принять любую смерть, но против родины руку не поднимай!

Мы представились пограничным советским властям и уже там, на пристани, встретились с людьми из областного комитета большевистской партии. Бояна Папанчева и Жечо, которые бывали в Одессе, Севастополе и Новороссийске уже несколько раз, приняли как своих. По нашей просьбе уже в тот же день нас связали с Василом Коларовым по телеграфу. Коларов нас приветствовал и приказал, не задерживаясь, ехать дальше. И уже на следующий день мы втроем отправились в Москву.

В поезде ехали русские, украинцы, крымские татары, грузины, армяне. Это была главная железнодорожная магистраль, связывавшая Москву с Кавказом. Трудные времена переживала Советская власть. Это было заметно и по виду вагонов — стекла в них разбиты, сиденья изодраны. Была зима, а поезд не отапливался. Не было и освещения. Сначала холод не был столь уж сильным — зима на Кавказе несколько мягче нашей; но когда мы доехали до Украины и после Ростова-на-Дону направи-

лись на север, к Москве, январский холод сковал нас. Проводник вагона безуспешно пытался как-то улучшить положение. Теплый чай, который бог знает как ему удалось приготовить, показался нам чудом.

В то время бесчинствовали и бандиты. Часто в пути поезда останавливались на много часов на небольших или более крупных станциях, и до нас доносилось эхо ожесточенной стрельбы. Проводник тихо нас информировал: «Банды Махно или Петлюры...»

Поистине это были суровые годы, Советская власть, отбив в жестокой борьбе натиск наемных армий империалистической интервенции, прилагала неимоверные усилия, чтобы преодолеть хаос, вызванный внутренней контрреволюцией, навести порядок в управлении, экономике, обеспечить общественное питание, расстроенное невиданной засухой в Поволжье и на Украине, очистить леса и степи от бесчинствующих анархо-националистических банд, вывести обстрелянный, обожженный в страшных битвах корабль революции к безопасному берегу.

Москва в те годы весьма отличалась от сегодняшней огромной и блестящей столицы Советского Союза. Ведь прошло только несколько лет после революции, и это были годы неописуемых страданий и титанического напряжения. Все усилия советского народа были направлены на утверждение новорожденной власти. Первый год новой экономической политики, провозглашенной Лениным. Много было неверующих, открыто высказывавших сомнения в необходимости нэпа, а еще больше оказалось скрытых врагов и саботажников, всевозможных осколков разбитого строя, оставленных в подполье агентов контрреволюции и империализма, которые действовали то «тихо» — кинжалом и отравой, то поджогами и взрывами, исполненные сатанинской злобы к любым успехам Советской власти. Воистину трудные годы. Но советский народ, справившийся с открытой интервенцией и бешеным напором контрреволюции, должен был преодолеть и эти преграды: этот народ имел великую и мудрую партию, имел Ленина, чье имя облетело всю планету и, как в фокусе, вобрало любовь и веру миллионов пролетариев на земле. Этот народ начал с таким дерзновением свое революционное дело и не имел намерения остановиться на полдороге.

БЕРЗИН — СОЗДАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Жечо Гюмюшев и Боян Папанчев быстро акклиматизировались в оживленном городе; я же, как мне казалось, если бы меня предоставили самому себе, непременно затерялся бы в этом людском водовороте. Переночевав в каком-то общежитии, на следующий день еще с утра мы направились к зданию Коминтерна. Двое моих товарищей отправились по своим делам, оставив меня у Станимира Сапунова, представителя нашей партии в Коминтерне, немолодого человека с седыми волосами, мне незнакомого. Он эмигрировал после какого-то провала в городе Видине, где был одним из руководителей. И позже мне так и не удалось узнать ничего больше о нем, да, в сущности, я не знал, подлинное ли это его имя, так как все политэмигранты, прибывшие на более или менее продолжительный срок в Союз, обязательно принимали псевдонимы — это вызывалось заботой об их безопасности после возвращения на родину.

Я рассказал товарищу Сапунову о себе, ответил подробно на все его вопросы о моем житье-бытье и высказал желание поступить на работу.

— Будешь работать. Может быть...

— Прошу настоятельно, товарищ Сапунов! — повторил я свою просьбу.— Позже непременно поступлю учиться, чувствую необходимость закончить образование. Но думаю, что сначала нужно заслужить это право. Хочу поступить на какой-нибудь московский завод по специальности.

Васил Коларов, с которым я увиделся вечером, после моего разговора с Сапуновым, полностью согласился с моими соображениями. Сапунов его уведомил о прибытии нас троих, и Коларов передал через него, чтобы вечером я пришел к нему на квартиру, в гостиницу «Люкс».

Гостиницу я нашел легко. Она находилась на нынешней улице Горького, вблизи Кремля. Васил Коларов с семьей занимал один номер гостиницы — две комнаты с необходимыми бытовыми помещениями. В сравнении с сегодняшними потребностями семьи из четырех человек их квартира показалась бы чересчур скромной, но в те годы Москва, перенаселенная вдвое, втрое, пере-

живала неописуемый жилищный кризис. Цветана Николаевна, жена Васила Коларова, сумела сделать свою квартирку чистой, приветливой и уютной. Половина гостиной была оборудована как кабинет. Одну стену кабинета занимала библиотека — многочисленные тома на болгарском, русском, французском, немецком, итальянском языках. На других стенах висели картины — некоторые из них писал хозяин дома.

После ужина Коларов увел меня к себе в кабинет. До полуночи я рассказывал ему о Болгарии, об общем состоянии партии, об отношении к нам земледельческих властей [1], о поведении старых партий, объединившихся благодаря своим дьявольским планам в организацию «Народный сговор» [2]. Рассказал — по его просьбе — со всеми подробностями о Плевене, о нашей работе по вооружению, об операциях в железнодорожных вагонах, о пятерках, о военной организации.

Я рассказывал, отвечал на всевозможные вопросы Васила Коларова, уточнял и развивал по его просьбе свои предположения о будущем ходе общественной борьбы на родине, а он время от времени что-то записывал. Он начинал уже лысеть, волосы на его висках совсем поседели, а ему было всего сорок шесть лет. Под глазами темнели черные круги от бессонницы, морщины покрыли весь лоб — любой легко мог предположить, сколько забот лежало на его плечах,— но зеленовато-синие глаза были все еще молодые, жизнерадостные. Я удивился, как точно он помнил факты, имена и события, связанные с Плевенской организацией. Он вспомнил о нашем разговоре в его кабинете после окончания партийной школы, вспомнил и все, связанное с неудачей на железнодорожном мосту.

— Должен тебе сообщить,— сказал Васил Коларов,— что о работе Плевенской организации по изъятию оружия, о твоем аресте и тюремном заключении знают и здесь.

— Не понимаю. Кто знает?

— В Генеральном штабе Красной Армии...

---

[1] В то время у власти находился Земледельческий союз, возглавлявшийся Александром Стамболийским. — *Прим. ред.*

[2] «Народный сговор» — фашистская организация, осуществлявшая руководство в военно-фашистском перевороте 9 июня 1923 г.— *Прим. ред.*

Я удивился. Что общего имела наша деятельность в Плевене с Красной Армией? И что такое мы сделали, чтобы об этом узнали даже там, в Генеральном штабе? Правильно ли я понял?..

Коларову нетрудно было догадаться, что я поражен.

— Пусть это тебя не удивляет.— Он широко улыбнулся.— Любую операцию, направленную против действий белогвардейцев, против поползновений империалистической интервенции, независимо от того, в каком конце света она предпринята, советские люди воспринимают как боевую поддержку Советской России. И высоко оценивают любую помощь. Ценят и своих друзей. Тех коммунистов и честных людей во всех уголках земного шара, которые внесли свой вклад в дело защиты Советской России. Знают и тебя...

Читатель легко представит себе мое состояние. Я испытывал смешанное чувство гордости оттого, что советские люди дали столь высокую оценку нашей работе, и чувство удивления — все еще не мог осознать многое, а тем более найти органическую связь между отдельными фактами.

— Товарищи знали о твоем аресте, только не знали еще о твоем бегстве,— продолжал Коларов.— Хотят лично познакомиться с тобой. Завтра,— Коларов указал точное время,— пойдешь в Четвертое управление Генерального штаба. Все уже договорено. Тебя примет лично Павел Иванович Берзин.

Четвертое, или Разведывательное, управление Генерального штаба Красной Армии тогда размещалось в небольшом здании вблизи Красной площади. Охранялось оно строжайшим образом — это были годы беспощадной борьбы с недобитым врагом.

У дежурного меня ожидал командир Красной Армии. Я сообщил свое имя, и он тотчас же проводил меня в здание.

У секретаря начальника управления — это была молодая стройная женщина с коротко подстриженными светло-каштановыми волосами — я задержался всего несколько минут. Мы познакомились, не предполагая, что больше двадцати лет будем с ней, Натальей Звонаревой, теперь полковником в отставке, боевыми товарищами на одном и том же фронте.

— Павел Иванович ждет вас,— приветливо улыбнулась мне Звонарева и раскрыла двери кабинета...

Надеюсь, читатель меня простит, если я здесь прерву нить моего рассказа, чтобы кратко поведать о Павле Ивановиче Берзине, крупном советском разведчике, создателе советской военной разведки. То, что я расскажу о нем, до недавнего времени знали только ближайшие его товарищи — ведь жизнь действующего разведчика представляет собой абсолютную тайну; чем меньше известно о разведчике, тем больше гарантий его успеха, тем меньше риск возможного провала, опасность гибели.

Настоящее имя начальника Разведывательного управления — Ян Карлович Берзин, по национальности он латыш. Родился за двадцать семь лет до Октябрьской революции в семье крестьянина-бедняка. Его отец не имел не только земли, но даже и дома, ему ничто не принадлежало, даже сам он не принадлежал себе: крепостное право на бумаге отменили еще в прошлом веке, но в этом захолустном краю балтийско-немецкие помещики являлись абсолютными и неоспоримыми хозяевами всего. Маленький Ян проявил очевидные способности, увлекался книгами, знал и читал значительно больше своих сверстников, и это заставило его отца, несмотря на беспросветную нужду, направить его в Рижское педагогическое училище. Яну не удалось его закончить. В Риге начались острые революционные столкновения, царское правительство направило туда казачьи карательные отряды и закрыло училище. Ян вернулся домой с революционными идеями в душе. В его родном краю в то время действовал смелый партизанский отряд, прозванный «Боевые братья», мстивший помещикам и полиции. К партизанам присоединился и маленький Ян. Ему еще не было и четырнадцати лет, но он отличался умом, сообразительностью и хладнокровием взрослого. Поэтому всего через год после февральских событий, в 1905 году, Яна Карловича приняли в ряды российской социал-демократической рабочей партии. Пятнадцатилетний юноша включился в борьбу против полицейского режима царского самодержавия не на жизнь, а на смерть. В шестнадцать лет военный суд в Ревеле приговорил его за боевую революционную работу к смертной казни. Казнь заменили тюрьмой. Потом ссылка в Сибирь, участие в революции, в гражданской войне. Был заместителем Народного комиссара внутренних дел Латвии, командиром боевого отряда, работал с Дзержинским. Многочисленные

враги, внутренние и внешние, скрытые или явные, наглые, жестокие, беспощадные, прилагали адские усилия, чтобы свергнуть только что родившуюся власть. Рыцарь без страха и упрека с пламенным сердцем, руководитель Чрезвычайной комиссии (Чека) при Совете Народных Комиссаров — Феликс Эдмундович Дзержинский — сплотил вокруг себя для наиболее опасной и сложной работы закаленных большевиков, готовых отдать все, до последней капли крови, для революционного дела. Дзержинский быстро приметил Берзина и давал ответственные задания по борьбе с контрреволюцией. И в 1921 году, сразу после разгрома белых, Берзин был назначен заместителем начальника, а вскоре и начальником Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. И это в тридцать три года! Если бы Дзержинский хотел копировать опыт западных империалистических центров разведки, он должен был бы назначить на этот столь трудный пост разведчика, имевшего многолетний, солидный профессиональный опыт. Но теперь кадры ковались в кузнице революционной борьбы, и Дзержинскому приходилось не выбирать, а открывать новых людей. Берзин оказался достойным большого доверия. И в Европе, и на Дальнем Востоке Разведывательное управление Генерального штаба начало добиваться своих первых успехов. Вслед за большой советской дипломатией, вмешавшейся уже в политический диалог, который велся на земле, сейчас советская разведка, попавшая в талантливые руки, начала с неожиданным успехом отрубать длинные щупальца вчера еще всесильных империалистических разведок, обезвреживать их коварные планы, прежде чем они их реализуют, проникать в сложнейшие тайны империалистической военной машины и политики, применявшей все способы и средства для уничтожения молодого Советского государства. Герои баррикадных боев, большевики, вчерашние легендарные смельчаки открытого штурма сейчас сеяли страх среди своих смертельных врагов и умело сражались на «тихом фронте». Воистину много — и наиважнейших — задач решило, защищая советский строй, Четвертое управление Генерального штаба, руководимое стойким большевиком Павлом Ивановичем Берзиным!

Берзин проявил удивительные качества стратега, способности к тончайшему анализу конкретной обстановки,

талант наносить разящий удар там, где враг меньше всего его ждал. Первой его заботой был подбор и подготовка надежных кадров для работы в Управлении. Он не располагал почти никакими старыми кадрами — все пришлось создавать с самого начала, на «пустом месте». Люди, на которых он обращал свое внимание, были прежде всего рабочие с заводов и представители рабочей интеллигенции, показавшие высокую идейную убежденность и беспредельную преданность партии большевиков. Таких людей он находил среди участников борьбы против самодержавия, среди героев Октябрьской революции и гражданской войны. Новые кадры, большинство из которых должно было обучаться в ходе самой работы, Берзин воспитывал в духе подлинного интернационализма, смелости и самостоятельности при решении вопросов, возникавших в процессе практической работы. Уже при решении первых задач, поставленных перед Управлением, Берзин проявил исключительное умение видеть суть даже в самых, казалось бы, сложных проблемах. При этом он не терял спокойствия и хладнокровия в случае провала. И умел всегда внушить своим сотрудникам бесценное чувство веры в собственные силы.

Именно это качество Берзина я хотел бы особенно подчеркнуть, поскольку, мне кажется, это было — после заботливой подготовки людей и их точной ориентации в обстановке — тем основным условием, без которого немыслимо выполнение задания в глубоком тылу врага.

Это качество, как и остальные черты личности и характера Берзина, я смог узнать за время моей долголетней совместной работы с ним.

Павел Иванович Берзин встретил меня посредине своего кабинета. Он встал, как только я открыл дверь, и направился ко мне, протягивая обе руки, чтобы поздороваться. Стройный, высокий мужчина, затянутый в гимнастерку и бриджи, в мягких черных сапогах, которые утопали в ковре.

— Добро пожаловать в Москву, дорогой Иван Цолович, мы поистине рады встретить вас на нашей земле!

Он крепко сжал мне руку. Теплая улыбка сопровождала его приветствие. «Смотри-ка, да он знает точное мое имя»,— думал я, смущенный яркой синевой его глаз,

смотревших на меня так сердечно, открыто, дружески, что нельзя было не ответить ему тем же.

— Вы можете многое рассказать,— продолжал Берзин после того, как усадил меня в мягкое кожаное кресло напротив себя.— Мы знаем очень мало о вашем успешном побеге и почти ничего о вашей переброске сюда...

Берзин говорил медленно, очевидно, чтобы избавить меня от неудобства в связи с моим незнанием русского языка. Но я почти все понимал. Уверен, что понимал любое его слово, потому что он умел говорить и выражением глаз, и мимикой, и интонацией голоса, и жестами...

Пока он говорил, я смотрел ему в лицо, на облегающую его широкие плечи военную форму с петлицами, на которых краснели два маленьких металлических ромба. Он был мужчиной того типа, внешность которых поражает впечатлением красоты и силы. Большой лоб, выгнутые русые брови над синими спокойными глазами, правильный римский нос, массивный подбородок — лицо его говорило о внутренней гармонии, уравновешенности и решительности. Он был блондином. Коротко подстриженные волосы наводили на мысль о солдатской бодрости и деловитости.

Я вкратце снова рассказал обо всем, что его интересовало. Говорил медленно, а когда взглядывал на него — мне все время казалось, что я неточно и неправильно выразился и поэтому он меня не поймет. Но мои опасения оказались напрасны. Берзин слушал с подчеркнутым сочувствием и непрерывно приободрял меня вопросами.

— Говорите свободно, только чуть медленнее,— успокоил он меня через какое-то время.— Я почти полностью понимаю ваш язык. Болгарский язык меня заинтересовал сразу же, как только я убедился, какого хорошего друга имеет Советская Россия на Балканах в лице вашего народа, вашей партии... Мы знаем многое о восстании солдат,— продолжал Берзин.— Знаем о Радомирской республике, знаем о кровавых сражениях в окрестностях Софии. Владимир Ильич дал высокую оценку героизму болгарских революционеров. Большевики считают болгарских коммунистов своими верными боевыми товарищами...

Можете себе представить, как сильно подействовали на меня, болгарина и болгарского коммуниста, слова Берзина. Приехать из одной небольшой страны, почти

незаметной на глобусе, сюда, в великую Страну Советов, страну Ленина, и услышать, что они, русские прометеи, считают нас, болгарских коммунистов, своими верными боевыми товарищами,— это поистине не могло не волновать!

— Мы особенно высоко ценим помощь вашей партии в последние годы,— продолжал Берзин.— Продовольствие, собранное в помощь голодающим крестьянам Поволжья,— это прекрасный братский жест...

— Но, Павел Иванович,— позволил я себе прервать его.— Что все это значит по сравнению с кровью русских солдат, погибших за свободу Болгарии!

Берзин покачал головой.

— Много значит, мой дорогой болгарский товарищ... Русский народ сейчас больше, чем когда-либо, понимает цену настоящей дружбы. Сейчас, когда мы повсюду встречаем гиен и волков, готовых разорвать нас на куски... Но Советская Россия обязана вам еще и за другое,— продолжал мой собеседник.— Ваша партия сделала многое для разложения белогвардейской армии на болгарской территории; сделала многое для того, чтобы увлеченные белыми генералами честные русские люди осознали свою ошибку, сделала многое для того, чтобы саботировать подвоз оружия для белогвардейцев...

При последних его словах я ощутил, что краснею от стыда: в этот миг я вспомнил провал на железнодорожном мосту над рекой Вит. И я снова робко попытался возразить:

— Не всегда, Павел Иванович... Не всегда наш саботаж оказывался удачным...

— А разве действия русских большевиков всегда оказывались удачными и безошибочными! — прервал меня Берзин, ясно понимая, что, в сущности, я имел в виду. И продолжал: — Вы не справились с некоторыми начинаниями, но героически провели операцию по изъятию оружия из вагонов и военных складов. Настоящие молодцы...

Я слушал начальника разведывательного управления и все еще оставался уверен, что похвалы словно относятся к другому народу, к другой партии, другим коммунистам. Неужели наша скромная работа столь высоко оценивается? Или Берзин и сейчас, как это делал впоследствии во время нашей совместной работы, не преуве-

личивая размеров ошибок, неудач и провалов, давал высокую оценку любому успеху, даже иногда совсем незначительному, ради того, чтобы вдохнуть в человека веру в свои силы, чтобы поделиться с ним своим революционным оптимизмом. Большевики действительно высоко ценят нашу партию, размышлял я тогда, ведь сам Ленин ставил ее в пример другим партиям в Европе, ведь секретаря нашей партии избрали — по предложению Ленина — генеральным секретарем Коминтерна!..

Разговор продолжался. Я подробно описал, по настоятельной просьбе Берзина, наши операции на железной дороге. Его удивила — и он этого не скрывал — организация всей работы, начиная с Софии, откуда мы получали сообщения о запломбированных вагонах, до их «экспроприации» и вывоза в укрытия оружия с централизованным его распределением.

— Это возможно,— констатировал он, пока я рассказывал,— только при наличии сплоченной партии с высокосознательными и дисциплинированными членами организации.

Многие факты, о которых я рассказал, были хорошо известны Берзину, но, несмотря на это, он хотел, чтобы я подробнее рассказал о них — его интересовала моя точка зрения, моя оценка организации и исполнения операции, мой анализ допущенных ошибок... Через некоторое время у меня возникло чувство, что Берзин желает не столько познакомиться с делами Плевенской организации, сколько взвесить на своих чувствительных весах мою реальную значимость бойца, организатора подполья и конспиратора... Позже я убедился, что действительно это было характерной чертой Берзина. Он не только знал лично каждого оперативного работника в управлении, но и имел точное представление о его интеллектуальных качествах, деловых способностях, характерных склонностях и в зависимости от этого ставил перед ними именно такие задачи, которые в максимальной степени соответствовали их подготовке. Эта черта в работе Берзина явилась одной из предпосылок блестящих успехов советской разведки.

Берзин предложил мне работу в Четвертом управлении.

— Не говорите сейчас «да» или «нет». Речь идет не об отдельном задании, даже не об известном периоде

времени — речь идет о судьбе. Судьбе разведчика. Вы выдержали в наших глазах необходимый практический экзамен. Второе — искусство разведчика — придет с опытом. Для нас важно, что у вас руки рабочего, сердце революционера-коммуниста, что вы любите Советскую Россию...

Наш разговор продолжался долго. Потом Берзин вызвал в кабинет некоторых своих помощников, с которыми познакомил меня. Один из них, о котором я еще расскажу в этой книге, был Гриша Салнин. Он руководил отделом, в который меня потом зачислили. С ним мне предстояло выполнять за границей различные задания. Беседовали мы еще долго и в конце концов расстались, договорившись, что я подумаю и дам ответ.

Я дал Павлу Ивановичу свое согласие работать в разведке, но попросил предоставить мне некоторую отсрочку.

— Прежде всего у меня к вам большая просьба, Павел Иванович.— Берзин кивнул головой, готовый благосклонно отнестись к тому, о чем я его попрошу.— Хочу заслужить право учиться. Хочу некоторое время поработать на каком-нибудь московском заводе... Я еще ничего не сделал для Советской власти, чтобы сразу засесть за стол на все готовое...

Тебе трудно будет ясно представить, дорогой читатель, реакцию Павла Ивановича Берзина на эти мои слова. Сначала он онемел, его синие глаза удивленно раскрылись, словно ему предложили трудно разрешимую загадку, потом выражение их сменилось весельем, а под конец он взорвался неудержимым, заразительным смехом. Я смутился — неужели я сморозил какую-то глупость?

Берзин быстро уловил мое состояние и обнял меня за плечи.

— Простите меня, но в последнее время мне так редко выдавался случай посмеяться... Разумеется, абсолютно ничего смешного в вашей просьбе нет. Но благодаря ей вы заставили меня посмотреть на этот вопрос с другой точки зрения, и тогда многое неожиданно стало мне казаться интересным и выглядеть по-другому. Мы непременно найдем вам подходящую работу,— подытожил Берзин.— Опытные мастера всегда пригодятся на наших заводах. Только не забывайте там, Иван Цоло-

вич,— посмотрел на меня Берзин, уже приняв серьезный вид,— что мастеров на заводах нам более или менее хватает, но сейчас мы испытываем нужду в мастерах нашего дела. Вы еще им не стали, но я верю, что станете... Верю. Поработайте и учитесь, но знайте, мы ждем вас тут...

Я поступил на работу на один большой московский завод по производству мебели, панелей и музыкальных инструментов. Выдержав производственное испытание, я получил высокий разряд. Почти сразу же с поступлением на завод я получил квартиру на Цветном бульваре — одной из красивых московских улиц. И уже в апреле заводской коллектив предложил мне, несмотря на мое желание продолжать работу, стать слушателем трехгодичной Высшей партийной школы при ЦК Российской Коммунистической партии. Вероятно, это произошло не без вмешательства Берзина.

Школа при ЦК Российской Коммунистической партии — это знаменитый в то время Свердловский университет, где готовились руководящие кадры партии большевиков исключительно из рабочего класса. Меня приняли после приемного экзамена. Экзаменационная комиссия, состоявшая из старых большевиков, проводила экзамен в виде беседы с каждым кандидатом, чтобы установить не только степень его грамотности, но также политическую культуру и идейно-теоретический уровень. Мне задавали вопросы о борьбе во Втором интернационале, спрашивали о спорах па Циммервальдской и Стокгольмской конференциях, о решениях Третьего интернационала, о характерных моментах в послевоенном политическом положении Европы. Я отвечал подробно, так, как мог отвечать настоящий тесный социалист,— все эти проблемы изучались в партийной школе в Софии, неизменно обсуждались на всех партийных собраниях в Плевене и в наших горячих спорах с широкими социалистами[1]. Они также глубоко анализировались и в газете «Работнически вестник», газете каждого болгарского коммуниста.

Меня приняли в университет, и я был горд, услышав от экзаменаторов — седовласых большевиков — самые

[1] Широкие социалисты — правое крыло Болгарской социал-демократической партии. — *Прим. ред.*

добрые слова о нашей партии, о ее революционной твердости, принципиальной и непримиримой борьбе против войны, против всяких ревизионистов и социал-предателей, о ее защите Октябрьской революции, ее способности просвещать трудящиеся массы и готовить их к революции...

3

ЭХО ИЗ ПЛЕВЕНА. ПЛЕВЕНСКОЕ ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ — ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ

О военно-фашистском перевороте 9 июня 1923 года мы в Москве узнали из сообщений в газетах. Передавая информации западных корреспондентов из Софии и Белграда, московские газеты лаконично сообщали: в Софии в результате переворота свергнуто правительство Стамболийского и власть захватило правительство во главе с Александром Цанковым. Ничего больше.

В то время в Москве находилось примерно пятьдесят болгарских коммунистов — представителей нашей партии в Коминтерне, политэмигрантов, людей, посланных в Советскую Россию учиться в различных партийных школах. Известие о перевороте, которое миллионы читателей в Москве, возможно, даже оставили без внимания — столько других важных событий происходило в мире,— нас, болгарских коммунистов, потрясло. В одно мгновение все другое потеряло значение — и учеба, и военные занятия, и партийная работа; партия давно предвидела возможность переворота, считая его неизбежным, и готовилась встретить его с оружием в руках; следовательно, думали мы, на родине пробил час, когда будет решаться вопрос о Советской власти!..

В тот же вечер мы собрались в нашем представительстве в Коминтерне. Мы были лихорадочно возбуждены, встревожены. Расспрашивали друг друга о новостях, комментировали лаконичные газетные информации, размышляли и высказывали предположения о возможном ходе развития событий. Через некоторое время пришел и Васил Коларов. При своем высоком положении он мог первым узнать любую новую весть из Болгарии.

— Ничего больше не могу вам сказать, товарищи, я сам в неведении,— пожал плечами Коларов, необычайно взволнованный.— Советские товарищи меня попро-

сили написать статью о событиях в Болгарии, и я ее уже написал. (Эта статья была опубликована сначала в «Правде» 11 июня, а потом и в «Известиях» 12 июня 1923 г.) Но в ней не приводится никаких новых фактов. Разумеется, я не утверждаю в своей статье, что наша партия уже подняла трудящиеся массы на борьбу против заговорщиков, осуществивших переворот, будь то в сотрудничестве с Земледельческим союзом или самостоятельно. Но заявляю, что только Коммунистическая партия имела такой авторитет среди масс, чтобы поднять их под лозунгом борьбы за рабоче-крестьянское правительство...

— Но начала ли уже партия борьбу? — спрашивали мы.

— Что конкретно предпринял Центральный Комитет, чтобы оказать противодействие фашистам?

— Везде ли участники переворота установили свою власть?

— Оказала ли сопротивление оранжевая гвардия? [1]

Возникали всевозможные вопросы, порождаемые сознанием огромной ответственности, которая моментально легла на плечи всех коммунистов, на всю партию во главе с ее Центральным Комитетом.

Васил Коларов не мог дать ответ ни на один из этих вопросов. Он сам хотел бы узнать, что точно у нас происходит. 12 июня был созван пленум Исполнительного комитета Коминтерна, и генеральный секретарь, одновременно и секретарь Болгарской коммунистической партии, должен был информировать руководящие органы братских партий о том, что предприняла и что намеревается предпринять БКП в предельно ясной обстановке фашистского натиска.

В то время Коларов поддерживал с нашим Центральным Комитетом в Софии прямую радиосвязь. Но и этот канал не давал никаких ответов, несмотря на настоятельные запросы о точной и полной информации. Это приводило нас в замешательство. Что произошло в Болгарии? А может быть, связь прервалась, потому что наши сражаются? Ведь только несколько месяцев назад наша партия официально декларировала: для того чтобы

---

[1] Оранжевый цвет — партийный цвет Земледельческого союза. Здесь речь идет о его гвардии. — *Прим. ред.*

совершить переворот, капиталистической реакции придется перешагнуть через трупы коммунистов. Это решение было принято, несмотря на споры с земледельческой властью. Неужели это были лишь словесные угрозы? Но ведь в последние годы партия осуществила ряд массовых мобилизаций народа и демонстрировала свою действительно большую, реальную силу, способную предотвратить любую попытку переворота! Неужели сейчас она свернула знамена, неужели закрыла глаза перед опасностью, угрожавшей не только земледельческому режиму, но и всем демократическим силам в стране, и в первую очередь Коммунистической партии?..

Невыносима была продолжительная неизвестность, и 14 июня вечером, когда мы узнали, что пленум Коминтерна уже завершил свою работу, мы, несколько болгар, собрались на квартире Васила Коларова. Среди притихших темных окон гостиницы «Люкс» только в окне его кабинета в ту ночь до зари горел свет. Здесь присутствовали Васил Каравасилев, Боян Болгаранов, Димитр Георгиев, Кузман Стойков, я и некоторые другие, чьи имена уже не помню.

— Произошло что-то необъяснимое! — сказал Васил Коларов.— Центральный Комитет занял пассивную позицию в отношении переворота! Объявил нейтралитет. Будто бы это борьба между двумя буржуазными группировками — сельской и городской...

Мы были изумлены. Неужели то, что каждый из нас с опаской допускал,— неужели именно это и произошло?..

— И не только это,— продолжал Коларов, посмотрев на меня и Каравасилева.— Только сегодня мы узнали, что Плевенская организация подняла восстание. Но в результате вмешательства Центрального Комитета восстание было остановлено в момент, когда наши уже брали власть в свои руки...

Мы переглянулись с Василом, не зная, то ли нам ликовать, то ли скорбеть.

— Наши восстали! Ну и что? Расскажите!

Взглянув на нас, Коларов рассказал о том, что в тот день, 14 июня, ему передали по радио из Софии. Восстание в нашем крае вспыхнуло сначала в сельских местностях Плевенского округа, поднятых министром земледелия Обовым, находившимся в то время в Плевене. (Обов родом из Плевена, жил в нашем Восьмом квар-

тале, имел недалеко в окрестностях дом и участок земли.) Одновременно восстание вспыхнуло и в городе, где восставшие рабочие занимали один квартал за другим. Скрытое в ряде партийных тайников оружие раздавалось всем коммунистам. Враг поголовно отступал, и оставались считанные часы до его полной капитуляции. И именно тогда пришла роковая телеграмма из Софии: «Не принимайте участия ни на той, ни на другой стороне...» Из Москвы Коларов сразу же послал телеграмму о поддержке Плевенского восстания.

— А потом?

Мы с Каравасилевым переживали все с неописуемой болью.

— Потом... Центральный Комитет упорно стоит на своем. Плевенские коммунисты уже отступили с занятых позиций. После этого участники переворота сравнительно легко справились с земледельческими массами, которые уже были стянуты к городу...

Июньское восстание плевенских коммунистов явилось высшим аттестатом их революционной зрелости и боеготовности. Поражение же явилось результатом доктринерского, недалекого руководства, которое отстало от повстанческого марша партийных масс, поднявшихся на борьбу не только в Плевене, но и в Карлово, Бяла-Слатина, Харманли, Шуменском и Варненском уездах.

Совсем примолкшие, мы остались в небольшом домашнем кабинете Васила Коларова, сраженные тяжелой вестью. Сердца наши сжимались от боли и мрачных предчувствий.

Голова Васила Коларова оставалась ясной. Ошибочное поведение Центрального Комитета его глубоко смутило, но он не впал ни в отчаяние, ни в замешательство.

— Мне надо сказать вам нечто важное,— начал он.— Июньское восстание затихло, не понеся поражения. Коммунисты добровольно отступили от занятых ими позиций. Это означает, что наша партия готова с оружием в руках не только защищать демократию в стране, но и сражаться за рабоче-крестьянскую власть. Необходимо только правильное руководство. В связи с этим я должен отправиться в Болгарию...

При этих словах Коларова мы все встали. Почувствовали, что наступило время для решительных действий.

— Все вы возвратитесь со мной,— посмотрел Коларов на каждого из нас, словно проводил командирский смотр.— Решено, что поедут и другие наши товарищи, находящиеся в Москве или в разных краях Советской России. Наши силы нужны там, на родине. Если мы позволим монархо-фашизму стабилизироваться сейчас, завтра уже будет поздно: за сегодняшнюю свою ошибку завтра расплатимся кровью...

Мы по-солдатски подтянулись.

— Приготовьтесь немедленно. Послезавтра первым же поездом едем в Крым. Вам четверым,— Коларов повернулся к Каравасилеву, Бояну Болгаранову, Кузману Стойкову и Димитру Георгиеву,— незачем являться в Военную академию: я уже все уладил. И тебе, Ванко,— Коларов повернулся ко мне,— нечего являться в школу, товарищи уже предупреждены... И вот труба играет сигнал «в бой»,— улыбнулся он всем нам поощрительно.— Когда победим, продолжим свою учебу в наших, болгарских партийных университетах и академиях...

Васил Коларов вместе с Василом Каравасилевым и Бояном Болгарановым отправились в Крым 16 июня и через трое суток оказались в Севастополе. Задание Каравасилеву и Болгаранову было определено еще в Москве: там, на родине, они на деле должны были применить свои военные знания, полученные в академии, участвуя в военно-технической подготовке восстания.

Из Севастополя группа Васила Коларова не сумела выехать немедленно: в море бушевала свирепая буря, и оказалось, что Григору Чочеву, руководителю Севастопольской базы связи между БКП и Коминтерном, придется вызвать моторку из Одесской базы, которую возглавлял тогда Боян Папанчев. Несмотря на непогоду, в Севастополь тут же пришла известная моторная лодка «Спаситель», давно служившая на «канале» через Черное море. Моторка принадлежала Гаврилу Ершову, ее капитаном был Иван Цариков, матросами — Николай Попов и трое липован из варненского казачьего села, расположенного у Гебедженского озера; мотористом — севастопольский житель Гриша; помощником моториста и сотрудником группы — варненский коммунист Борис Бончев, отправился в лодке и курьер Коминтерна Жечо Гю-

мюшев. Моторка была довольно большая — длиной примерно двенадцать метров, водоизмещением три тонны,— но экипаж просил отложить путешествие на два-три дня из-за шторма. Васил Коларов остался непреклонным — несмотря на любой риск, он хотел как можно скорее прибыть в Болгарию, чтобы помочь исправить ошибочный курс, который мог привести партию к катастрофе...

Лодка вышла в море поздно ночью из одного севастопольского залива. Когда она оказалась в открытом море, Васил Коларов сам убедился в невозможности продолжать путь, и моторка вернулась в залив Херсонского маяка. Однако на берег они не сошли, чтобы не терять время, когда море поутихнет. Отправились через сутки. Море все еще бушевало, но группа больше не могла ждать.

Плыли трое суток. Всех, кроме капитана моторки Царикова, свалила морская болезнь; хуже всех переносили волнение непривычные к морским путешествиям Васил Коларов, Каравасилев и Болгаранов. И тем не менее Коларов усиленно готовился теоретически опровергнуть ошибочные взгляды Центрального Комитета, осудить неправильную позицию нейтралитета и помочь ЦК не только осознать свою ошибку 9 июня, но и повести партию на вооруженное восстание за рабоче-крестьянскую власть...

Как приказал Васил Коларов, мне предстояло последовать за их группой на второй лодке тоже из Севастополя. Мне поручили доставить на болгарский берег радиостанцию, необходимую для того, чтобы поддерживать связь между Варной и Севастополем, и оружие. Коларов обратился с соответствующей просьбой к советским товарищам и получил их согласие. Могла ли Советская власть остаться безучастной к попыткам одной из партий и одного небольшого народа свергнуть монархофашистское мракобесие!

В Севастополе все шло как по часам. Григор Чочев, бывший руководитель варненской базы связи между БКП и Коминтерном, с которым в последующие годы мне предстояло вместе заниматься конспиративной работой по доставке оружия, помог мне справиться со своей задачей. Товарищи прибыли вовремя, оружие было подоб-

рано, упаковано и погружено вместе с радиостанцией на дне маленького трюма, и поздней ночью моторка вышла в море. После сильной летней бури, свирепствовавшей лишь несколько дней назад, той самой бури, которую группа Коларова не переждала, сейчас море выглядело спокойным и тихим, словно оно отдыхало. До Варны приходилось плыть в зависимости от погоды от трех до пяти суток; нам же следовало попасть на тот берег через трое суток.

Именно так и случилось. Моторка приблизилась к болгарскому берегу после обеда, но дождалась ночи в открытом море — теперь приходилось соблюдать все меры предосторожности: остерегаться и патрульных моторных лодок пограничных властей, которые могли нас заметить, и всевозможных рыбачьих лодок. Среди рыбаков могли быть агенты властей.

Управляемая опытным рулевым, моторка обошла стороной Варненский залив, завернула за большой маяк и вскоре скрылась в тени Галаты. Легко и точно лодка приблизилась к скалистому берегу, и нос ее уперся в песок.

Как мы и договорились с Василом Коларовым, точно на этом месте нас ждали люди, сотрудники Варненской организации. С одним из них, Благоем Касабовым, я был знаком. Мы обнялись по-братски.

— Прибыли ли первые? — спросил я Касабова, имея в виду группу Коларова.

— Прибыли. Из-за бури чуть не погибли в море...

— А лодка?

— Вернулась обратно. На ней несколько наших товарищей, разыскиваемых полицией. (Михаил Видов, добруджанский революционер, и его жена, Михаил Лазаров и Христо Генчев, о котором я позже еще скажу несколько слов.)

— Мне необходимо повидаться с Василом Коларовым.

— Он предупредил нас об этом...

И пока представители Варненской организации вместе с моими спутниками занимались разгрузкой материалов, мы вдвоем с Касабовым немедленно направились в город. Мы поднялись наверх, на скалу, и вышли на равнину. Потом вышли к лесу, где на дороге нас ждала телега. Молчаливый и тихий возчик знал свое дело, поэтому сразу поехал, не ожидая указаний.

6*

— Касабов, а моторка? — спросил я.— Не обнаружат ли ее завтра пограничные власти?

Я беспокоился, потому что в летний день рано светает.

— Все предусмотрено, брат,— успокоил меня Касабов.— Мы ее разгрузим вовремя, и еще ночью она уйдет обратно в море. К вечеру вернется снова. И так, пока не уйдет в рейс...

Я не расспрашивал, кого еще ждет моторка и почему не отплывает сразу,— это забота других людей, и они отвечают за нее.

Варна казалась такой тихой в июльскую ночь, что человек мог подумать, будто все вымерло. Только внизу, у пристани, скрипели корабельные лебедки, сигналили маневровые паровозы. Немыми казались и казармы над городом. Военные, вместе с погромщиками из старых партий, сделав свое дьявольское дело, временно вложили свои шашки в ножны, чтобы завтра приняться за то же самое с еще большей злобой и ожесточением.

Возница тихо прошмыгнул мимо лагеря русских возвращенцев у Карантина и остановился на окраине города. Потом телега затерялась где-то в рабочих кварталах, а мы с Касабовым отправились к центру города. Остановились в тени одного дерева на маленькой тихой улочке вблизи Морского парка. Улочка, как и весь город, была безлюдной. Мы вышли из тени дерева, и Касабов толкнул железные ворота большого и красивого дома. Куда он меня ведет?

Несколько легких ударов по одному из угловых окон молчаливого дома — и минутой позже одна из дверей бесшумно открылась. Кто-то позади нас повернул ключ в дверях, и в следующий миг в комнате зажгли свет. Незнакомая красивая женщина встретила нас гостеприимной улыбкой и безмолвно повела в дом.

Оказалось, что это особняк видного варненского адвоката и коммуниста Георгия Желязкова, а женщина, встретившая нас, его жена Вера.

В одной из внутренних комнат дома, расположившись у большого стола, заседали Васил Коларов, Никола Пенев — член ЦК БКП и заведующий международными связями партии, Гено Петров Гюмюшев — брат Жечо Гюмюшева и видный варненский партийный и профсоюзный руководитель, Димитр Попов — руководитель Вар-

ненской окружной организации, Димитр Кондов — председатель Варненской коммуны, Васил Каравасилев и хозяин дома Георгий Желязков. На окнах висели светонепроницаемые занавеси и тяжелые бархатные портьеры. Облака табачного дыма окутывали сидящих за столом и свидетельствовали о том, что заседание началось давно.

— Первое задание выполнено, товарищ Коларов! — бодро доложил я, после того как сердечно поздоровался со всеми.— Лодка с соответствующим грузом и людьми уже здесь.

— Хоть бы и впредь все шло, как до сих пор! — улыбнулся Васил Коларов воспаленными от бессонницы глазами.

Я коротко рассказал о происшедшем, а потом, когда Димитр Попов, Кондов, Гено Петров и Никола Пенев один за другим тихо выбрались из квартиры и скрылись в темноте ночи, Васил Коларов поставил передо мной новую задачу:

— Вернешься обратно. На той моторке, на которой прибыл сюда. Мы попросили советских товарищей помочь нам оружием. Это оружие нужно доставить, и тебе поручается выполнить эту задачу. Варненская организация располагает известным количеством винтовок, гранат, пистолетов и патронов. Но необходимо еще. Нужно также оружие и для организаций внутри страны... На стороне погромщиков государственный аппарат, полиция, армия, офицеры запаса, государства Антанты... Силе нужно противопоставить силу...

Мне больше не о чем было спрашивать. Революционер не имеет права выбирать свою участь: он обязан находиться там, где это необходимо.

Прежде чем отплыть на моторке обратно, я попросил Каравасилева осведомить меня о восстании в Плевенском крае. Так ли все трагично, как это нам обрисовали в Москве? Он должен знать, ведь уже начало июля.

Васил обрисовал мне картину подвига народа и поражения.

...Крестьянские массы в нашем крае восстали еще 9 июня вечером под руководством Цоню Матева и майора Георгия Кочева. Их насчитывалось более двадцати тысяч — внушительная сила, которая двигалась к городу со всех сторон. Но у них не было оружия, кроме охот-

ничьих ружей, кое у кого припрятанных после солдатского восстания карабинов, вил и дубин.

— Так оружие-то находилось у них?

Васил покачал головой. Действительно, оружие принадлежало властям, а власть находилась в руках Земледельческого союза. Но в момент нанесения удара военные не позволили гражданским властям даже притронуться к военным складам. А оружие, спрятанное в округе, оказалось без затворов...

Но Плевенская партийная организация вышла на баррикады хорошо вооруженной, подтянутой, дисциплинированной, готовой осуществить планы повстанческого штаба.

Штаб состоял из трех человек — Асена Халачева, Ивана Зонкова, Христо Градинарова. В восстании участвовала вся Плевенская организация, весь ее актив вместе с женами.

В день переворота фашисты не встретили никакого сопротивления в городе со стороны земледельческой власти, быстро заняли все полицейские участки, общественные заведения, главные улицы и площади. К обеду, почувствовав, что их власть стабилизировалась, они начали сосредоточивать на стратегических пунктах города многочисленные группы буржуазных сынков, своих доверенных лиц и всевозможного сброда, почуявшего добычу. Воинские части целиком перешли на сторону погромщиков. Обмундированные во все новое офицеры запасного сговористского воинства взяли на себя командование карательными отрядами и распоряжались в городе. У Плевена они установили много станковых пулеметов, готовых по приказу стрелять в народ. На позиции возле города власть погромщиков насильно мобилизовала и граждан, стоявших вне всякой политики. Город усиленно патрулировался.

Заговорщики действовали быстро и нервно, потому что вся крестьянская масса вокруг Плевена готовилась атаковать город. Наши спешно послали своих людей в села, чтобы установить контакт с руководством земледельческих организаций по поводу общих действий против погромщиков. Курьеры получили также задание поднять на ноги партийные сельские организации в Быркачево, Пордиме, Старосельцах, Вылчи-Трыне, Ясене и др. Это им удалось. Так в Плевене на практике осуществился единый фронт между коммунистами и земледельцами.

Погромщики не только укрепили стратегические подступы к городу. Поняв, что настоящие силы сопротивления, в лице коммунистов, в сущности, находятся в городе, они постепенно начали арестовывать некоторых активистов, не смея, однако, посягнуть на руководителей — тогда им пришлось бы одновременно действовать на два фронта.

В первый день переворота 9 июня погромщики располагали более чем 1200 мобилизованных людей, кроме батальона 4-го пехотного полка в городе (полк был сведен до численности батальона согласно параграфам мирного договора) — 450 полностью вооруженных людей, ротой тяжелых пулеметов и неограниченным количеством боеприпасов. Участники переворота также взяли одно тяжелое орудие из Скобелевского парка и установили его на позиции в районе Площади свободы, у мавзолея. Очевидно, у них не хватило времени, чтобы подвезти артиллерию из Севлиево.

Восстание в городе началось рано утром 11 июня призывным набатом церковных колоколов. Местное партийное руководство не было единым. Большая его часть вместе с секретарем Василом Табачкиным настаивала на том, чтобы дождаться указаний ЦК, но рядовые коммунисты оказались едины в своей решимости бороться против фашистских узурпаторов.

Первым восстал Девятый квартал, превращенный Плевенской партийной организацией в крепость. Штаб находился в общине. Ведь Плевен был еще коммуной! Боевое ядро из молодых спартаковцев под командованием нашего учителя физкультуры и пулеметчика Александра Александрова заняло определенную ему штабом позицию под Praha Кованлыком, где уже развевалось красное знамя. Второе ядро, под командованием Павла Ламбова, залегло в Скобелевском парке и укрепилось перед его главным входом. Тут находился и Асен Нанов. Это ядро располагало двумя пулеметами, доставленными из наших тайников и сеявшими панику в рядах карателей, пытавшихся атаковать их со стороны города.

Перед штабом Девятого квартала собралось примерно четыреста вооруженных повстанцев. Тут находился и военный руководитель квартала Кольо Венков, надевший свою офицерскую форму. Квартал находился в наших руках, изъято все оружие, обнаруженное в домах сгово-

ристов. Энтузиазм был столь высокий, что коммунисты в любой миг ждали сигнала двинуться к казармам и там, соединившись с силами остальных кварталов, овладеть и последними опорными пунктами врага...

На передовых линиях находились и женщины Девятого квартала, среди них Радка Качармазова, Н. Стефанова, сшившая красное знамя; Пенка Цветанова, раздававшая оружие и боеприпасы; Мара Бешева, со своей маленькой дочерью Верой на руках разносившая городским отрядам спрятанные в пеленках указания штаба...

Восстание развивалось успешно и в Четвертом квартале, где Атанас Гырков вместе с рядом верных товарищей обезоружил несколько военных патрулей. Восстали стихийно и другие кварталы. В ходе восстания наши обеспечили дополнительное количество пистолетов «маузер», изъятых у обезоруженных патрулей, в полицейских участках, в раскрытых тайных складах властей.

И когда вооруженные повстанцы, численностью до двух тысяч, уже готовились занять казармы пехотного полка, уездное управление и телеграфно-почтовую станцию, а вместе с этим взять полностью власть в свои руки, пришло роковое распоряжение о нейтралитете... Этому приказу подчинились и члены штаба, которых во время восстания обманным путем арестовали участники переворота и отвели в казарму...

Дальше все развивалось трагически.

Еще 11 июня ночью погромщики, получив подкрепления из Софии (несколько рот солдат, вооруженных артиллерией) и из Врацы (весь Врачанский гарнизон), прорвали фронт, защищавшийся крестьянами под Гривицей, где командовал майор Георгий Кочев, у Ясен — Долна-Митрополия, где командовал Цоню Матев, и Дыбникский фронт, где командовали Пеню Симеонов, Мачо Пенеля и секретарь Дыбникской организации Илия Бешков, будущий известный карикатурист и народный художник. Плечом к плечу с земледельцами в сражениях участвовал и ряд сельских коммунистических организаций; они не имели никаких сведений о позиции Центрального Комитета, но их классовый инстинкт безошибочно определил: враг общий, общей должна быть и борьба... Крестьянские массы не располагали оружием: они обнаружили в тупике на железнодорожной станции Долни-Дыбник вагон с оружием, но винтовки оказались

без затворов; найденная в селе Мечка целая артиллерийская батарея тоже оказалась без замков (неделю назад военные их отвезли в Плевен); два вагона с винтовками на железнодорожной станции Гавренe (Милковица) тоже не имели затворов... Как же идти с голыми руками против сильно вооруженного врага? Все же выступили. Но через некоторое время никополско-свищовская пограничная рота поручика Ганева открыла огонь с тыла по восставшему народу: покинув границу, царский офицер быстро пришел на помощь участникам переворота — долг перед нацией отступил перед классовым долгом...

Поражение становилось неизбежным.

Аресты начались 12 июня. Повстанцев-коммунистов и земледельцев посадили в подземелья и нижние этажи плевенской казармы. Вместе с возглавившими восстание арестовали и многих военных руководителей и активистов кварталов.

На пятый или шестой день после арестов убили «при попытке к бегству» после продолжительных зверских мучений Асена Халачева. Зверски истязали и остальных заключенных.

...Революция, к которой Плевенская партийная организация готовилась так упорно, настойчиво и дисциплинированно, потерпела поражение. Поражение вследствие ошибки центрального руководства. Борису Хаджисотирову и остальным коммунистам-адвокатам несколько позже удалось взять арестованных под «защиту закона», чтобы спасти многих из них от смерти. Но в Плевене еще долго сохранялись следы поражения: одна из самых здоровых, многочисленных и сплоченных организаций в стране потеряла много времени, чтобы вновь встать на ноги и поднять красное знамя борьбы, пропитанное кровью еще одного коммуниста — Асена Халачева.

Васил Каравасилев остался в Варне по приказу Васила Коларова как окружной военный организатор для руководства подготовкой восстания в Варненской организации. В глубь страны отправился Боян Болгаранов, на которого Центральный Комитет возложил вскоре ответственные партийные задачи. В ближайшие дни лодкой прибыли из Советской России Кузман Стойков, Димитр Георгиев и еще несколько испытанных коммунистов для участия в подготовке восстания.

Как-то Васил Каравасилев мне сообщил, что после разгрома Плевенского восстания в Варне оказались плевенские руководители и активисты Павел Ламбов, Георгий Павлов и Атанас Линков, вынужденные скрываться в подполье. Предоставив себя в распоряжение Варненского окружного комитета, трое плевенцев приняли непосредственное участие и в подготовке, и в штурме во время Сентябрьского восстания в округе, после чего вместе с Каравасилевым еще прошли путями политэмиграции.

...В поздние ночные часы наша моторка легла на обратный курс. При расставании с Каравасилевым мое сердце жгла боль. Родной город, дорогие боевые товарищи попали в беду. Единственным утешением служила мысль, что все же настоящий бой еще не окончен, что в самые ближайшие месяцы вся партия, все организации страны поднимутся на сей раз единодушно и под общим руководством на бескомпромиссную классовую битву, и тогда все муки будут стократно искуплены торжеством победы.

4

ОРУЖИЕ — МОРЕМ

Август 1924 года, Севастополь. Город, овеянный славой.

Уже больше года перевозим оружие морем. Прежде чем вспыхнуло Сентябрьское восстание, мы успели перевезти несколько лодок с оружием, которое товарищи из Варненской организации, присланные Василом Каравасилевым, и из Бургасской организации принимали и распределяли в округе и по всей стране. Позже, когда восстание вспыхнуло и отгремело, мы временно прекратили наши тайные рейсы. Нужно было разобраться, живет ли все еще партия после жестокой сечи. Вести с родины приходили и тяжелые, и славные.

Партия болгарских коммунистов выдержала великое и страшное испытание на мужество. Руководимая своим боевым Центральным Комитетом во главе с Василом Коларовым и Георгием Димитровым, она подняла первое в Европе вооруженное восстание против наступающего фашизма. Она не победила — враг был сильный, коварный, свирепый; но партия уцелела, накопила опыт, извлекла

урок, воспитала тысячи новых борцов, которые уже знали, под чьим знаменем сражаться.

Продолжалась бурная подготовка к новому восстанию. Разбитые партийные организации во всей стране снова поднимались на ноги, и снова боевые группы — пятерки и десятки — начали проводить занятия с необученными, устраивать тайники, создавать сеть боевой организации. Знамена, спасенные во время погрома, снова будут развеваться. Но необходимо оружие. Еще и еще. Иначе повторится печальная эпопея сентября двадцать третьего года. Политэмигранты, нашедшие после жестоких зверств в восставших районах убежище в Югославии, сейчас снова переходили границу, восстанавливали обезглавленные местные организации, прятали оружие в тайных складах в горах, чтобы быть готовыми, когда снова пробьет час.

Они из Югославии, а мы — со стороны моря.

Молодая Советская страна, только что отбившая атаки белогвардейцев и всевозможных интервентов, только что защитившая свое право на жизнь, только что вставшая на ноги, протянула руку помощи, немедленно выделила оружие. Когда я осмотрел его, то едва не вскрикнул от удивления. Это было оружие, отобранное у разбитых белогвардейских армий Деникина и Врангеля. То же самое оружие, которое государства Антанты изъяли у нашей армии в соответствии с мирным договором и, вместо того чтобы его переплавить, уничтожить или потопить в море, как этого требовал договор, послали его в помощь контрреволюции; то же самое оружие, в тех же самых ящиках, которое они тайно перевозили в запломбированных вагонах. Теперь часть его снова вернется туда, откуда его подло вывезли в тщетной надежде спасти обреченный мир. Попадалось также новое английское, французское, немецкое, чешское оружие, взятое в качестве трофеев после разгрома интервентов.

С помощью советских товарищей мы спешно организовали небольшую столярную мастерскую. Под моим руководством (благо я был когда-то столяром) опытные мастера начали делать деревянные ящики для упаковки оружия. Используя как образцы случайно уцелевшие фабричные ящики, в которых оружие привезли в Болгарию, мы сделали несколько сотен новых упаковок четырех или пяти видов — для винтовок, пистолетов, пулеметов, гранат и патронов. Ящикам следовало быть не тяжелей того,

сколько могли бы без труда поднять и перенести два человека. К тому же предусматривалось с обеих сторон приделать ручки.

Разумеется, мастерская работала в строжайшей тайне. Никто, кроме соответствующих властей, не должен был знать, что там изготовляется и для чего: Севастополь, один из самых важных военно-морских портов и стратегических центров Советской России, находился под прицелом империалистических разведок, и следовало ожидать, что там действуют шпионы.

Одновременно с заботой о прочной внешней упаковке мы не упускали возможности проверить пристрелку, провести технический осмотр и смазать оружие, чтобы оно было в абсолютной исправности.

До сих пор мы переправили десять парусников с винтовками, пулеметами, революьверами, боеприпасами; пулеметы были тяжелые — марки «Шварц-Лозе» (немецкие) и легкие — марки «Льюис» (английские); гранаты — главным образом французские, часть винтовок — автоматические (французские), а револьверы — типа «паган».

В дождливую ночь группа болгарских коммунистов, и с ними Христо Генчев и я, идем к пристани. Лето, а холодно, с моря дует пронизывающий влажный ветер.

Пристань безлюдна. Многочисленные маленькие и большие корабли, всевозможные парусники, яхты и лодки, бросившие якорь у бетонных причалов, застыли неподвижно, и даже тихий прибой волн не шелохнет их. Не видно ни моряков, ни портовых грузчиков, ни служащих центральных торговых складов. Только часовые и парные патрули, подобно призракам в густом утреннем сумраке, проходят ровным шагом вдоль военных кораблей и направляются дальше к запретной зоне на пристани.

Мы вступили на маленький мостик, переброшенный между причалом и парусниками. Из небольшой каюты выбежал старый турок по имени Зекирия, владелец небольшого парусного судна.

— Доброе утро,— приветствовали мы его по-турецки, и он тоже отвечал по-турецки: с поклоном, легко и с достоинством — в знак уважения.— Готово ли все?

— Готово,— доложил лодочник, спокойно глядя нам в глаза. Потом головой показал на море: — Не нравится мне. И ветер, и небо...

— И нам тоже, Зекирия,— покачал я головой в знак полного с ним согласия.— Но ты ведь знаешь, надо. Па аллах керим. (Все в руках аллаха.)

Говорил только я. Христо Генчев и другие молчали, и старый лодочник, видевший их в первый раз, не обратил на них внимания. Старый морской волк. Однажды я уже плавал с ним к нашим берегам и имел возможность оценить его качества по достоинству — непреклонный, сообразительный. Остальные на паруснике подчинялись ему беспрекословно. И не зря.

Лодочник вызвал из палубной каюты трех своих помощников.

— Ты, Зекирия, и один из твоих людей останетесь тут, вместе с нами,— сказал я и указал на товарищей.— Мы пойдем на большой лодке первыми. На второй пойдет вот он,— я положил руку на плечо Христо Генчева,— с двумя твоими помощниками. Они будут следовать за нами в километре.

Старик кивнул головой, тихим голосом приказал что-то по-турецки своим людям, и те ловко перескочили в меньшую лодку, стоявшую рядом с большой. К ним перебрался и Христо. Коммунист из Пирдопа, он после 9 июня эмигрировал в Советскую Россию и целиком посвятил себя службе по обеспечению зарубежных связей партии; со мной он шел уже третий раз, чтобы помогать мне. Прекрасный товарищ. Мы не попрощались даже. В этом не было необходимости. Тем более что мы договорились: лодки будут держаться вблизи друг от друга, чтобы оказать помощь в случае бедствия.

...Берег давно слился с северным горизонтом, солнце сияло в чистом летнем небе. Курс определен точно, мотор равномерно работал, у нас достаточно питания и топлива для рейса в обоих направлениях. Парусник внешне выглядел именно так, как бы выглядел при своем «нормальном» контрабандистском набеге к запретному берегу.

Прежде чем погрузить последние ящики с оружием, я забираюсь в трюм и укладываю там взрывчатку, с ее помощью мы потопим лодку в случае нежелательной встречи. Разумеется, лодочники ничего не подозревали.

Я проверил также исправность двух тяжелых пулеметов — одного на носу, другого на корме, замаскированных канатами и парусами.

— Но зачем же два? Обычно ведь ты плывешь один, и только ты разбираешься в пулеметах?..— спросил один из моих спутников.

— Чтобы не менять ленты. Таким образом я располагаю фактически двумя пулеметными лентами. Кроме того, один пулемет мне нужен для нападения, а второй — чтобы обороняться в случае бегства...

Мы знали (и опыт это подтвердил), что в этих водах можно встретить только «мелких хищников» — парусники контрабандистов или какую-нибудь белогвардейскую моторку из тех, что в последнее время пересекали море из Болгарии или Румынии и перевозили на советский берег для анархо-националистических и контрреволюционных банд оружие, деньги, контрреволюционную литературу. Для всех этих людей «максимы» на носу и корме — убийственное оружие.

Первой нашей заботой являлось сократить расстояние между обоими парусниками. После этого спустились в трюм, чтобы осмотреть ящики: при сильном волнении неправильное распределение тяжести груза могло бы погубить парусник. Потом мы помогали старику и его помощнику привести все в порядок. Невозможно было избежать встречи с бурей — она приближалась, небо на юго-востоке устрашающе потемнело, далекие молнии сверкали, как огненные мечи. Буря пока бушевала где-то позади и в стороне от нас, но примерно через час она должна была настигнуть парусник, и тогда всем нам оставалось бы уповать, по словам старика, на милость аллаха...

Чтобы скрыться от бури, мы ушли в каюту на палубе. Помещение тесное, потолок так низок, что нельзя выпрямиться, старые бортовые доски скрипели, словно стонали.

В каюте внезапно стало очень темно, какой-то страшный, как будто донесшийся откуда-то из подводных глубин, треск заполнил все пространство между водой и небом. Парусник сразу же оказался в объятиях бури. Старый лодочник свернул все паруса, и это было последним актом его сопротивления. После этого он и его помощник опустились на колени и начали бить бесконечные поклоны, предоставив свою судьбу аллаху. Пришлось строго прикрикнуть на них, чтобы вывести их из состояния транса. Нужно было удержать нос парусника против волн. А они — высокие, сильные — одним ударом

могли разбить его, если бы неожиданно обрушились на него сбоку. Мы боролись с бурей и следили за тем, чтобы нас не смыло за борт, где уже нечего надеяться на спасение. Грозовые облака сгустились, опустились низко над морем и стали черными. Казалось, вдруг настала ночь. В этой ночи исчез куда-то маленький парусник. Куда же занесли его ветер и волны?

...Море не успокоилось и на следующий день. Совсем случайно, каким-то чудом, мы обнаружили второй парусник и решили искать убежища в ближайшей турецкой гавани. У нас не было другого выхода. Там перед властями мы могли выдать себя за унесенную бурей в открытое море турецкую рыбацкую лодку. Рискованно? Не очень: у нас троих турецкие паспорта, я говорю по-турецки, а другие товарищи и Христо Генчев могут не показываться из трюма, пока мы простоим в гавани. Если портовые власти что-нибудь заподозрят, прибегнем к помощи подкупа, а в крайнем случае взорвем лодку и постараемся добраться до Странджи[1]. Городок, к которому мы медленно, «ощупью» приближались, находился вблизи гор...

В гавани сновали десятки лодок, парусников, небольших грузовых пароходов. Большинство из них — наши собратья по несчастью. Застигнутые бурей в открытом море, они бросили здесь якорь, чтобы найти спасение и отдых, исправить возможные повреждения, осмотреть моторы и пополнить запасы горючего, воды и продовольствия. Вместе с нами в залив вошло еще несколько лодок, и мы, не замеченные никем, бросили якорь. Никто не пришел проверить, кто мы, никто не обратил на нас внимания. Через два дня, когда буря утихла, мы покинули порт.

До сих пор все шло хорошо. Благополучно завершилась борьба с бурей, благополучно покинули порт, благополучно вошли в международные воды. Но меня не покидало беспокойство. Товарищей из Варны предупредили по радио о нашем рейсе, и они знали примерно, когда мы прибудем. Благой Касабов должен был немедленно отправить людей в Бургас, чтобы сообщить там о нас партийной организации. Буря помешала нам явиться вовремя на

---

[1] Странджа — область в юго-восточной Болгарии, примыкающая к границе с Турцией. — *Прим. ред.*

условленную встречу. В подобном случае они обычно ждут еще несколько дней. Но поступят ли они так и на сей раз? Ведь теперь встреча условлена не в Пашедере под Галатой, а в северном Несебырском заливе...

У меня было еще одно основание тревожиться. С месяц назад, в одном из очередных рейсов, случилось кое-что неприятное. Не провал. Авария. Не в море, а на самом берегу. К полуночи, когда мы на парусах приблизились к берегу (чтобы не привлекать внимания пограничных патрулей) и уже вошли в небольшой залив Пашедере, лодочник решил завести мотор — хотел убавить скорость, которая могла вынести парусник прямо на скалы. Не успел: задний ход мотора не включился, и мы налетели на подводную скалу. Нос парусника задрался высоко над водой, груз скатился к корме, сильно накренив его к одному борту, и только счастливый случай спас нас от того, чтобы он не перевернулся. Но все равно мы оказались в тяжелом положении. Даже в очень тяжелом. В самом деле, до берега оставалось десяток шагов, и для нас не составляло особой трудности их переплыть, но что станется с парусником? На следующий же день пограничные патрули, которые регулярно обходят берег, непременно его обнаружат. И тогда?

Сошли мы на берег втроем: Жечо Гюмюшев, я и Христо Кукумявков, или Кукуто, как называли его товарищи,— он перевозил почту, адресованную БКП. Быстро обсудили, что нам делать. На берегу нас ждал Тодор Димов из Варненской организации. Парусник оказалось невозможно вытащить на берег, напрасно лодочник призывал бога и ругал сатану. И потопить его не удалось бы — кругом мелководье. Оставался единственный выход: разгрузить его и уничтожить какие бы то ни было признаки, которые могут подсказать властям, кому принадлежит парусник. В конце концов, в море и у побережья все время происходили всевозможные аварии, катастрофы и кораблекрушения как с нашими, так и с иностранными судами...

Сделали так, как решили. За несколько часов напряженной работы, в которую включились все мы, отдавая ей весь запас сил, нам удалось разгрузить ящики с оружием, а после этого мы самым тщательным образом

уничтожили на паруснике все то, что могло выдать его принадлежность. Потом мы перенесли оружие во временный тайник — естественную пещеру в скалах в тридцати шагах от берега. Когда начало рассветать, мы уже все закончили. Тайник оказался отлично замаскированным: залив не позволял лодкам пристать к берегу и рыбаки его не посещали, а глубокий прибрежный овраг густо оброс лесом, ежевикой и всевозможными кустами. Он казался почти неприступным и находился далеко от пешеходных троп.

Мы осмотрели все самым тщательным образом, еще раз «прощупали» парусник и, успокоившись, сошли на берег. Оставили, спрятав в лесу Пашедере, Кукуто вместе с тремя лодочниками для наблюдения, а сами втроем с Жечо Гюмюшевым и Тодором Димовым отправились в Варну.

Варненской окружной военной организацией в то время руководил Благой Касабов (Васил Каравасилев вскоре после Сентябрьского восстания эмигрировал). Касабов находился в прямом подчинении члена Политбюро ЦК БКП Бояна Болгаранова, руководителя Варненской партийной военной области, в которую входили Русе, Шумен, Ескиджумая (Торговище), Попово, Разград, Варна.

Товарищи из Варненской окружной организации получили приказ от Бояна Болгаранова срочно перенести оружие из временного тайника на постоянный склад.

Постоянный склад отстоял от временного, находящегося на берегу моря, почти на три километра. Он находился выше леса Пашедере, рядом с участком бахчи Димитра Стойчева. По существу, огород купили на деньги партии, а его владелец, в недалеком прошлом македонский революционер, был верным партии человеком. В лесу у самой бахчи выкопали глубокое и просторное помещение, хорошо изолированное от влаги. Из временного тайника сюда переносили ночью ящики с оружием члены военной организации. Но и здесь, в этом складе, оружие долго не задерживалось: по приказу из Софии люди из различных организаций страны приезжали на определенные станции около Провадии по железнодорожной линии София — Варна и там получали выделенное для них количество винтовок, пистолетов, гранат, привезенных туда из Пашедере на телегах.

Действительно, работа здесь была отлично продумана, военная организация при областном и окружном коми-

гетах работала энергично, точно и с большим размахом. Кроме залива Пашедере наши лодки часто причаливали и в устье реки Камчия, и в заливах Золотые Пески и Кранево. Однако наиболее удобным был пункт у Пашедере и особенно в устье Камчии. В те годы граница с Румынией проходила точно у самого Крапево, и берег севернее Варны тщательно охранялся. В устье Камчии нас обычно встречали гребные лодки липованов — одна, две, три — в зависимости от того, сколько лодок нам понадобится. Тихие, кроткие, безобидные люди, промышлявшие рыболовством, липованы, изгнанные когда-то из царской России за свою веру, оказались надежными людьми. Перевозили ли они лодками оружие в глубь реки Лангоза, возили ли они его после этого на телегах до какой-нибудь станции на дороге к Варне, где их ждали наши товарищи, чтобы перевезти его в склад у залива Пашедере, переплывали ли они на своих длинных, легких и быстрых гребных лодках все Черное море, чтобы отвезти в Советскую Россию кого-либо из нелегальных,— во всех случаях липованы незамедлительно откликались на зов партии и делали свое дело без шума, без позы, без всякой корысти...

...Оружие переправлялось в постоянный склад всего за две ночи. (В других случаях перевозка ящиков с драгоценным грузом по трехкилометровому пути от берега до бахчи охранялась верными людьми, но в тот раз охраны не было.) Все делалось бесшумно, тихо, и все бы прошло благополучно, если бы не одна роковая случайность... Один из товарищей, участвовавших в разгрузке оружия с парусника на берег, варненский коммунист Тодор Димов, потерял свое удостоверение личности. Потерял его на берегу, точно, у временного тайника...

Военные, своевременно заметив парусник, в тот же день провели необходимую проверку: сомнение у них вызвало то обстоятельство, что возле него они не увидели людей. Обследовали берег. И нашли удостоверение личности. Десять дней спустя начались провалы...

Пока мы находились в Варне, Тодора Димова еще не арестовали. Еще не было провала, но варненские товарищи всерьез встревожились...

Закончив свою работу в Варне, мы отправились (до того, как начался провал) в обратный путь. Без Жечо. Ему предстояло по заданию партии ехать в Софию. Мы

направились не к заливу Пашедере — сейчас приходилось просить помощи у бургасских липован. Мы обратились к липованам, живущим вдоль северного Несебырского залива, в местности Бунарджик — в селе Свети-Влас. Нас сопровождал товарищ из Варненской организации, поддерживавший связь с ними. Тут состоялась встреча с бургасским окружным военным организатором Янко Андоновым и руководителем Сентябрьского восстания в Карабунаре Тодором Грудовым, который тогда увел за собой в горы отряд смелых борцов. Оба товарища попросили оружия.

Липованы не теряли зря ни одного часа, и уже в ту же ночь лодка отошла от берега и в открытом море подняла паруса. Ветер был попутным, и мы добрались до Севастополя за двое, а не за трое суток. Советские товарищи не верили своим глазам. «Как так, на такой лодчонке — и через море! Да ведь этот черепок пойдет ко дну при самом слабом волнении!» Не знаю, были ли они правы, да и липоване не вступали в излишние споры: улыбающиеся и спокойные, они только качали головой. Они даже не пожелали отдохнуть и, провожаемые нами по-братски, немедленно отправились в обратный путь. Тихо, мирно, без шума, без торжественных приветствий. Денег они не брали, да и вряд ли можно было деньгами оплатить их преданность; брали только что-нибудь из продуктов, какую-нибудь одежду или одеяло, кусок кожи на обувь или кожух...

В Севастополе я немедленно доложил о несчастье с парусником. Сюда еще не пришла весть о провале. Несмотря на это, на всякий случай мы решили на этот раз доставить оружие южнее, в северный Несебырский залив; хотя реже, мы и туда доставляли оружие. И там товарищи (из Бургасской окружной организации) создали тайный склад в скалах, откуда на телегах вывозили оружие в глубь страны. Радиосвязь с Варной снова начала действовать, и спустя несколько дней два парусника, на которых находился Христо Генчев и я, пустились в путь.

...Видимо, все это и было причиной моей тревоги. Может, неудача с лодкой в Пашедере отразилась так. А может, Тодор Димов арестован? Или несчастный случай обернулся провалом?

7*

Ночью, темной, непроглядной, мы обходили издали Бургасский залив, потом Поморие и Несебыр и остановились напротив маяка на мысе Эмине. Подождали немного и к полуночи, выключив моторы, пошли на парусах по направлению к северному Несебырскому заливу. Сейчас это «Солнечный берег», один из самых красивых курортов на нашем Черноморье, и летом там отдыхают сотни тысяч болгар и иностранцев. Тогда же залив выглядел диким, безлюдным, пустынным. Я стоял на носу большого парусника, шедшего впереди, и всматривался в бинокль в черную полоску берега. Там, где залив упирался в молчаливые дюны, мне предстояло обнаружить небольшие, вспыхивающие на мгновение огоньки, которые должны были зажигаться и угасать через короткие интервалы времени. Это должны были сигналить с берега товарищи, сотрудники военной организации. Ночь достаточно светлая, лунная, хотя и не как в полнолупие, но у нас не было выбора.

Когда парусник уже вошел в залив, я увидел в бинокль ожидаемый сигнал. Трехкратный. Продолжительная пауза — и снова сигнал. Трехкратный сигнал ручного фонарика — и снова пауза.

Мы дали ответные сигналы и, когда товарищи с берега подтвердили, что они их приняли, спустили на море две шлюпки с оружием. Начали разгружать точными, заученными движениями. Команды были излишни, все работали четко. Первая шлюпка с Христо Генчевым и одним турком с его парусника отделилась от борта и направилась к берегу. Через полчаса шлюпка вернулась. Вторая шлюпка, уже нагруженная, тронулась без промедления. В ней находились мы с товарищами. На весла сел старый лодочник.

Несколько пар сильных рук помогли нам сойти на берег, и мы попали в объятия товарищей. Большинство из них были мне знакомы — они уже встречали меня здесь несколько раз. Трое из них липоване, которые приехали на телеге, чтобы помочь нам.

Разгрузка оружия продолжалась всю ночь. Шлюпку мы привязали к паруснику канатом; если бы что-нибудь случилось, мы могли быстро подтянуть ее к себе и скрыться в море. Успели разгрузить только меньший парусник. Товарищи увезли почти все оружие в тайные укрытия, приготовленные в пещерах в горах. Часть ору-

жия — несколько ящиков с пистолетами, гранатами, винтовками и патронами — они не успели переправить и наспех укрыли в прибрежных кустах. Большой парусник пришлось разгружать в следующую ночь. И прежде чем наступил рассвет, мы ушли в открытое море.

К полуночи следующего дня снова подплыли к берегу.

Выключив моторы, продолжали медленно углубляться в залив. Все как и минувшей ночью. Световых сигналов в этот раз нам не подавали, но я и не ждал их, с товарищами мы договорились обо всем.

Через считанные минуты первая шлюпка вместе с Христо Генчевым отплыла к берегу. Вторую, которую мы тотчас же начали нагружать, решил повести я сам.

Но тут как раз и подстерегало нас несчастье...

Минута, две, пять — первая шлюпка уже должна быть у берега и разгружаться. Я даже не смотрю на берег — все равно ничего нельзя увидеть в темноте ночи, луна еще не взошла. Но напряженно прислушиваюсь. Тишина.

И эту тишину вдруг расколол залп. Залп из винтовок раздался с юга, от перешейка, соединяющего Несебыр с берегом. Нет, стреляли не в нас. По всей вероятности, обстреливали шлюпку. Через мгновение раздался второй залп, на этот раз с северной стороны залива. Потом началась плотная ружейная стрельба по отплывшей лодке, зажглись также и осветительные ракеты.

Провал. Ясно, это засада. Нас ждали. Они знали место встречи и поджидали нас с оружием наготове.

Лодочник подошел ко мне. Несмотря на внутреннее напряжение, он сохранял полное самообладание — стреляный волк.

— Нам надо поднять на борт вторую шлюпку и уходить, пока и нас не обнаружили,— предложил он.

— Шлюпку поднимем,— согласился я.— Но подождем первую лодку. Если ее не захватили, она вернется.

Мы начали лихорадочно перегружать груз обратно на парусник, после чего подняли на борт и нашу шлюпку. Стали ждать. Тяжелые, мучительные минуты. Что случилось с нашими товарищами? Неужели их уже схватили? Если нас обнаружили, то враг устроил засаду не только с обеих сторон залива, но и на берегу, на месте предполагавшейся встречи с нашими... Подождали еще. Снова ружейные залпы, снова ракеты, неясные крики со

стороны берега. Мы ничем не могли помочь нашим. Если бы их шлюпка была привязана, как прошлой ночью, мы попытались бы подтянуть ее к паруснику. Но этого мы не сделали: вчера меньший парусник вошел в глубь залива, он мог плавать и по мелководью, а у большого парусника глубокий киль, и он должен держаться подальше, примерно на полкилометра от берега; небольшая же шлюпка не может тянуть за собой такой длинный канат...

Убедившись, что наши на шлюпке не могут вернуться, я приказал старику:

— Запускай мотор! Медленно задний ход!

Приказал, а сам бросился на корму. Снял чехол с пулемета и, пока парусник сначала медленно, а потом все быстрее плыл к устью залива, открыл огонь. Первая моя цель — южная засада со стороны перешейка.

Половиной пулеметной ленты я прошелся по южному крылу засады, а затем и по северному.

Обстреливал места, где замечал огоньки ружейных выстрелов. После моего вмешательства там быстро прекратили стрельбу. Может, это спасет моих товарищей от пуль? Прекратил огонь и стал готовить второй пулемет на случай возможной засады со стороны моря. В самом устье залива мы остановились на несколько минут: я допускал почти невозможное — что Христо Генчеву все же как-нибудь удастся вырваться. Когда надежды на это не осталось, парусник покинул залив.

Мы пустили моторы на полный ход, подняли и паруса и поплыли в открытое море — туда, где нас ждал меньший парусник.

В море все спокойно. Но что случилось с товарищами? Ждать больше бессмысленно. Логично было допустить, что после пулеметного обстрела в погоню за нами выйдут моторки морской полиции.

Мы взяли курс на север, по направлению к Крыму.

Что произошло в ту августовскую ночь в заливе недалеко от Несебыра, мы узнали от Жечо Гюмюшева, который вскоре после этого появился в Севастополе. Нашу деятельность обнаружили в результате чистой случайности. Трое молодых людей, отдыхавших в Несебыре, решили совершить «романтическое путешествие» вдоль берега до Обзора. И по пути наткнулись на спрятанные в прибрежных кустах ящики. Они не знали, что в них

находится, так как голыми руками, без лома, их невозможно было открыть. Тогда решили, что напали на контрабандные товары — в те годы Черное море являлось районом оживленной контрабандной деятельности. И сообщили о своей находке пограничному посту...

В дальнейшем события разворачивались быстро и в полной тайне. Морская полиция забрала оружие и устроила засады в трех местах вдоль берега: на месте, где нашли оружие, и с обеих сторон залива. Полиция рассуждала логично: те, чьей собственностью являются ящики, не оставят их на произвол судьбы на берегу. Остальное читателю уже известно.

Какое количество оружия попало в руки врага, я смог выяснить только после победы из служебного протокола, составленного в то время и подшитого к материалам «процесса об оружии». Согласно протоколу, морская полицейская служба обнаружила: один тяжелый пулемет «Шварц-Лозе» (немецкий) с 12 лентами к нему; восемь легких пулеметов «Льюис» (английских) с 150 лентами; 95 винтовок с 9120 патронами; 14 автоматических французских винтовок с 5760 патронами; 21 600 патронов для французских карабинов; 150 револьверов «наган» с 40 500 патронами; 879 гранат — французских с соответствующими взрывателями.

А что стало с Христо Генчевым и остальными?

Полиция схватила товарищей, ждавших нас на берегу (вместе с липованином Алешей), после чего дождалась шлюпки, на которой отплыл Христо. Солдаты из засады открыли огонь прежде, чем лодка достигла берега. Это позволило Христо и сопровождавшему его турку выбросить сундуки с оружием в море. Во время обстрела Христо ранило в ногу.

Процесс, подготовленный против товарищей из Варненской организации (некоторые из них являлись членами Бургасской организации), был крупный и шумный. Разоблачения не ограничились изъятием только оружия, найденного в Несебырском заливе. Был обнаружен временный склад у берега в заливе Пашедере, обнаружен и большой склад на бахче Димитра Стойчева. Предупрежденные о грозящей опасности, товарищи из Военной организации успели перевезти в другое место большую часть из скопившихся там ящиков, но многое все же попало во вражеские руки. Был арестован целый ряд

активистов и сотрудников Варненской партийной организации. После окончания следствия в марте 1925 года начался процесс против тридцати человек, среди которых фигурировали люди, ушедшие в подполье и эмигрировавшие в СССР.

Варненский военный прокурор, ссылаясь на закон о защите государства, требовал для всех самого сурового приговора. Товарищей спасло от расстрела вмешательство общественности.

Среди тех коммунистов, кого судили и осудили заочно, числился и я.

5

«ИНОСТРАНЕЦ» У СЕБЯ НА РОДИНЕ

Прежде чем отправить меня на выполнение первого заграничного задания в Вену, Павел Иванович Берзин предложил мне закончить специальную школу при Четвертом управлении.

— Свердловский университет ты не закончил, Ванко,— улыбаясь покачал головой начальник управления.— Хоть бы сейчас не случилось чего...

Ничего не случилось до конца занятий. Тем более что и занятия в школе были сравнительно краткосрочными. Но хотя и сокращенная, программа занятий оказалась уплотненной до максимума. Мы изучали то, что составляло азбуку в сложном искусстве разведки. Изучали и географию. Преподавали различные дисциплины люди из управления, почерпнувшие свои знания из кипящего котла живой практики.

Ответственным за курс перед управлением назначили меня. Еще когда определялся состав курса, Берзин попросил меня предложить людей для будущих кадров управления. Разумеется, их не обязывали оставаться работать в управлении, и действительно, впоследствии мало кто из них взвалил на себя тяжелый крест разведчика. Но во всех случаях было полезно, чтобы профессиональный революционер прошел серьезную подготовку — мог ли кто-нибудь из нас знать, какие задачи завтра столкнут его лицом к лицу с врагом?

Занятия проводились по строгому распорядку, по четырнадцать часов в день. Мы сдавали экзамены по

всем предметам. Старались извлечь максимальную пользу от контактов со своими преподавателями — настоящими мастерами искусства разведки. После выпускных экзаменов наш курс получил высокие оценки. Нам вручили также похвальную грамоту от руководства школы за проявленное усердие в учебе и безукоризненную дисциплину. К этому времени в Москву вернулся объездивший ряд стран, в том числе и Болгарию, Гриша Салнин. У него сложились великолепные впечатления о нашем народе и о нашей партии, но он казался очень встревоженным. Старый, закаленный в революционных битвах большевик кроме своей специальной работы быстро заметил вредные тенденции, исходившие из Военного центра нашей партии, воспринявшего в середине 1924 года пагубную тактику «на террор — террором». Гриша безошибочно почувствовал, что эта тактика доведет до беды. И поспешил вернуться скорее, чем его ждали, чтобы сигнализировать о появившейся опасности...

Незадолго до возвращения Гриши из Софии до нас дошла еще одна весть, очень расстроившая нас: убили Васила Каравасилева. После Сентябрьского восстания он снова эмигрировал в Советский Союз, но весной 1924 года партийный долг опять заставил его вернуться на родину, на этот раз «по суше», через Вену. Центральный Комитет, высоко оценив боевые и военно-организаторские качества Каравасилева, привлек его к работе в Военном центре. Но вскоре полиция сумела его обнаружить, арестовать, и во второй половине октября 1924 года после тяжелых истязаний его убили...

После Асена Халачева болгарские фашисты вырвали из наших рядов еще одну дорогую жертву, одного из самых одаренных, самых смелых плевенских коммунистов.

Пленум Коминтерна в январе—феврале 1925 года принял решение: настоятельно рекомендовать Болгарской коммунистической партии отменить курс на вооруженное восстание. В связи с этой необходимостью и просьбой о помощи в Москву прибыл секретарь партии по организационным вопросам Станке Димитров. Вскоре после завершения работы пленума, вооруженный его решениями, Станке отправился на родину, чтобы восстановить нормальное положение в Центральном Комитете, в котором Военный центр, дезориентировав до известной сте-

пени руководство, направлял события к неизбежному разгрому.

Станке Димитров пользовался полной поддержкой всех опытных и зрелых болгарских коммунистов, предвидевших наступающую драму, но не имевших возможности чем-то помешать этому.

Когда Васил Коларов ставил передо мной новую задачу, я заметил в нем такую же неприкрытую тревогу и напряженность, какую вызвало в июне 1923 года известие о нейтральной линии Центрального Комитета. Полтора года, прошедшие с того времени, были наполнены крупными событиями в жизни нашей партии. Пришлось преодолевать две смертельные опасности, угрожавшие нашей партии. Первая была успешно преодолена; вторая, как дамоклов меч, нависла сейчас над партией, над тысячами ее членов, над верными единомышленниками, над всеми демократами и честными людьми в стране, ненавидевшими кровавую власть Цанкова.

— В самом деле, фашисты убили во время восстания тысячи, а после того еще десятки самых верных наших людей,— сказал Васил Коларов.— Убили тех, кого наша партия никогда не сможет забыть: Вылчо Иванова, Яко Доросиева, Велу Пискову, Димо Хаджидимова, Харлампия Стоянова, Тодора Страшимирова, Христо Гюлеметова... Но линия Военного центра — ударом на удар — пагубная, вредная, роковая. Коста Янков и другие увлеклись, ослепленные контратакой, и не видят, что таким образом обрекают коммунистические кадры на полное истребление... Единственно правильный ответ на усилившийся террор властей — это организованное отступление. Нужно немедленно отменить курс на вооруженное восстание. Нужно вывести боевые отряды с гор и перебросить их за границу. Партия должна установить прочные связи с массами, врасти в них. И позже, когда наступит благоприятное время, снова подняться в атаку...

Москва — Варшава — Прага — Вена. Я отправился по кратчайшему пути, чтобы оттуда, через Австрию, спокойно добраться до Софии, где должен был содействовать отмене курса на вооруженное восстание. Я отправился один, но меня осведомили, что на родину посланы еще многие деятели партии с той же задачей.

Наибольшие надежды возлагались на Станке Димитрова, отправившегося в начале апреля по тому же пути,

через Вену, на родину. В Болгарии нам предстояло работать под руководством Станке.

Я пересек границу как обычный пассажир. Пассажир первого класса в «восточном экспрессе», совершавшем рейс по маршруту Гамбург — Берлин — Вена — Белград — София — Стамбул. Таможенные и пограничные проверки прошли нормально — меня снабдили надежным паспортом, багаж мой не представлял для властей никакого интереса. Национальность по паспорту — серб, профессия — торговец.

От Драгомана до Софии экспресс не останавливался. На софийском вокзале около него собралась большая толпа всевозможных мелких торговцев, носильщиков, извозчиков, назойливо предлагавших свои услуги. Вероятно, между ними сновали и тайные агенты.

Носильщик мне был не нужен, но извозчика я решил взять. Минутой позже молчаливый старый извозчик нахлестывал кожаным кнутом замученную клячу и вез меня по бульвару Марии-Луизы, сейчас Георгия Димитрова. Вскоре я заговорил с ним, отбросив всякое опасение, что он может оказаться агентом властей. Извозчики-агенты обычно имели здоровых, откормленных лошадей, а сами были молодые, болтливые, раздражающе любопытные люди.

— Как здесь дела, приятель? Я ездил по странам Европы — торговые дела,— не читал наших газет... Бесчинствуют ли еще бандиты в горах?

Извозчик смерил меня долгим взглядом, помолчал, пожевал свои усы и наконец проговорил:

— Не знаю, кого ты называешь бандитами, господин, но бандиты есть, бесчинствуют...

— Коммунистов, разумеется! Они творят всякие насилия... Стреляют на улицах...

И на сей раз старик не спешил с ответом.

— Стреляют, правду говоришь, господин... Но больше стреляют в них... Вот и давеча опять застрелили одного около Владайской реки. Арестовали убийцу, отвели его в участок через одни ворота, а потом выпустили через другие...

Теперь я замолчал. Старик сразу же стал мне симпатичен, и мне не захотелось его провоцировать новыми вопросами: честный и бедный человек, ему нечего терять, и он мог позволить себе говорить то, что думал, заткнуть рот преуспевающему выскочке, каким я казался ему. Да

и удовлетворил я уже свое любопытство. Мне хотелось только выяснить, не произошло ли чего нового с того момента, когда я покинул Москву. Ничего нового. Все «нормально», то есть дела продолжают двигаться с той же скоростью к пропасти...

Мы проезжали мимо здания бывшего Партийного дома — у меня защемило сердце. Враг, словно нарочно, после сентября двадцать третьего года превратил наш дом-святыню в дирекцию полиции. Отсюда не только исходили приказы об истреблении коммунистов и всех прогрессивно настроенных людей; здесь фашисты истязали их и убивали. Здание, совсем недавно излучавшее свет великой идеи, сейчас превратилось в крепость фашистского мракобесия...

— Приехали, приятель,— сказал я, когда мы миновали Львиный мост и поравнялись с гостиницей «Белвю» на углу.

Я протянул извозчику банкнот и попытался перехватить его взгляд. Тот посмотрел на деньги и хотел вернуть сдачу.

— Не надо,— остановил я его, небрежно махнув рукой.— И будь здоров...

Извозчик проводил меня грустным взглядом и, не произнеся ни слова, даже не ответив на мое пожелание, поехал...

Я не сердился на него. Наоборот, в том тяжелом настроении, охватившем меня при виде оскверненного Партийного дома, неподкупное поведение старика наполнило всего меня теплотой. «Можно расстреливать народ,— повторял я пришедшие на ум известные слова,— но победить его невозможно...»

Это было 14 апреля 1925 года.

Я еще не установил связи с товарищами, чьи адреса получил в Москве и Вене. София была напугана повседневными перестрелками и кровавыми расправами на улицах. Большинство деятелей партии жили нелегально или полулегально, и оказалось невероятно трудно их отыскать. Особенно после покушения в церкви Святой недели.

В тот день, 16 апреля, незадолго до обеда, когда в церкви отпевали убитого генерала Георгиева — военного

коменданта Софии, с треском обрушился купол церкви. Это была последняя авантюристическая операция Военного центра.

Результаты известны. Фашистские погромщики воспользовались этим покушением, чтобы осуществить давно задуманный дьявольский план поголовного физического истребления сотен и тысяч болгарских коммунистов, земледельцев-единофронтовцев, прогрессивных деятелей. «Черные списки», составленные еще до покушения, немедленно извлекли из сейфов, и уже в ночь на 17 апреля начался невиданный и неслыханный до тех пор кровавый погром.

Сразу же через несколько часов после покушения София была наводнена тысячами полицейских и солдат. Блокировали центр у разрушенной церкви, все соседние улицы и кварталы в центре, потом перекрыли пригородные пролетарские кварталы. По всей стране было объявлено военное положение. Началась тщательная проверка каждого дома, каждой квартиры: будто бы разыскивали совершивших покушение, а арестовывали сотни, тысячи невинных людей. Город застонал. Застонала вся страна. Там, в провинции, никто не давал себе труда даже объяснять, что «ищут совершивших покушение»; там грубо выволакивали людей из домов и расстреливали без всяких судебных формальностей... Над Болгарией спустилась долгая, бесконечная ночь белого террора.

Поводов для колебания не оставалось, и на второй день после покушения я собрал свои чемоданы. Наша миссия провалилась, прежде чем мы сделали что-нибудь, чтобы предотвратить эту ужасную беду. Меня любезно приняли, а сейчас любезно проводили — деньги делали ласковым любого хозяина гостиницы. Пришлось быстро решать, через какой пункт покинуть страну. Нельзя было снова ехать через Драгоман, возможно кто-нибудь из пограничных полицейских инспекторов меня запомнил; нельзя и через Русе — главный въездной и выездной пункт через северную границу: меня предупредили товарищи, что там полиция особенно бдительна. Я решил ехать через Лом — небольшую пристань на Дунае, где обычно грузили товары для Средней Европы; наверно, полиция там не столь придирчива к пассажирам, особен-

но когда у них в кармане заграничный паспорт на имя торговца-экспортера...

Софийский железнодорожный вокзал оказался блокирован полицейскими в форме и тайной полицией. Проверяли каждого, кто покидал столицу, подозрительно сравнивая их лица с фотографиями на документах. Мой паспорт, сфабрикованный в Вене, оказался безупречным. Поезд тронулся. Эта линия не была центральной, но состав кишел агентами и полицией. Они бесцеремонно всех проверяли и при малейшем сомнении выводили на первой же станции каждого «подозрительного» путника.

По счастливому совпадению поезд, в котором я ехал, прибыл в Лом почти одновременно с рейсовым пароходом австрийского пароходства, в те годы обслуживавшего почти все нижнее и среднее течение Дуная. Таможенники и пограничная полиция и здесь не чинили мне никаких препятствий, и минутой позже я оказался в салоне венского парохода. Вздох облегчения вырвался из моей груди, когда убрали сходни, пароход дал гудок и поплыл против течения.

6

ВЕНА, 1925 ГОД. КАНАЛЫ СПАСЕНИЯ

Вена в те годы являлась не только столицей Австрии, но и средоточием многих тысяч эмигрантов всех политических окрасок и всех государств Европы. Здесь находились и остатки белогвардейской армии — полковники, генералы без армии, князья, сановники, графы и княгини, оплакивавшие свой сметенный «красными» мир и питавшие сладкие иллюзии, что все еще может измениться, что «чудовищная несправедливость будет исправлена, большевиков истребят и Россия снова вернется к прежнему состоянию». Все эти осколки старого мира оккупировали первоклассные гостиницы, пировали до полуночи в самых дорогих ресторанах, барах, кабаре. Они все еще располагали деньгами, прихваченными ими при бегстве за границу, золотом, вкладами в швейцарских банках; «имели» поместья в России, «имели» заводы, шахты, тысячи гектаров земли, которую «распродавали» за бесценок алчным западным финансистам. И те и другие надеялись,

что богатства снова вернутся к их прежним владельцам... Вена, эта старая имперская столица, видела крушения бессчетного числа властителей, бесконечного числа грабительских походов и денежных состояний; теперь она стала свидетельницей еще одного. И наблюдала за этим крушением с ледяным равнодушием.

Такое же отношение Вена проявляла и к представителям различных европейских революционных движений, пребывавшим здесь более или менее продолжительный срок. Каждый мог радоваться ее гостеприимству, лишь бы нашлись у него банкноты в кармане и он сохранял благоприличие. Эти два качества — деньги и благоприличие — являлись двумя сторонами венского герба в те годы.

В Вене в то время нашли убежище и многие болгарские политические эмигранты, покинувшие пределы родины после двукратного кровавого погрома в сентябре 1923 — апреле 1925 гг. Большая часть из них приехала сюда из Югославии, где после Сентябрьского восстания сосредоточилось большинство нашей эмиграции. Из Югославии приехали в Вену и оба руководителя восстания — Васил Коларов и Георгий Димитров, создавшие здесь Заграничный комитет (будущее Заграничное бюро) ЦК партии; здесь они начали издавать уже нелегальную газету «Работнически вестник», доставлявшуюся на родину по тайным партийным каналам. Здесь они издали на различных языках и распространили по всей Европе разоблачительную брошюру «Кровавые злодеяния буржуазно-националистического правительства».

Мой приезд в Вену не был неожиданным для Васила Коларова, которого я случайно нашел по его старому адресу. Несмотря на то что вместе с Димитровым он составлял Заграничный комитет партии, он непрерывно ездил в Москву и ряд других столиц Европы. В связи с этим фактическим представителем Заграничного комитета являлся Георгий Димитров.

— Сейчас будешь работать здесь,— сказал мне Васил Коларов.— Огромное большинство уцелевших партийных кадров перешло границу и находится в Югославии. Нужно приложить все усилия, чтобы спасти их. Эти кадры — золотой фонд партии...

Спасение болгарских коммунистов должно было осуществляться по линии МОПРа — Международной организации помощи революционерам, находившейся в Москве.

Борьба за спасение болгарских революционных кадров началась еще после поражения Септябрьского восстания. Немедленно после того, как они перешли границу и устроились в Нише, Васил Коларов и Георгий Димитров направили телеграммы Коминтерну и МОПРу с просьбой обратиться к мировой прогрессивной общественности с призывом выступить против выдачи болгарскому правительству бежавших в соседние балканские страны повстанцев, бороться за оказание им материальной помощи, за спасение их семей, оставшихся в Болгарии, от зверской мести бесчинствующих фашистских банд. Они направили такие же настоятельные письма и телеграммы правительствам Румынии, Греции и Турции, демократическим организациям и видным общественным деятелям в этих странах, в которых настаивали на прекращении дальнейшей выдачи бежавших повстанцев и оказании им помощи. Руководители восстания немедленно уведомили ряд крупных европейских газет и известные во всем мире телеграфные агентства о событиях в Болгарии и просили их присоединиться к протесту против кровавых издевательств над восставшим народом. Кроме того, они добивались вмешательства европейских обществ защиты прав человека и гражданина и апеллировали к совести всех честных и неподкупных людей в мире.

В результате энергичного призыва к помощи по всей Европе поднялась волна протеста. Множество самых видных европейских ученых, писателей, общественных деятелей публично протестовали против бушевавшего в стране террора; в ряде европейских городов проводились демонстрации протеста, собрания, митинги. Самым мощным и единодушным был протест советской общественности, категорически поддержавшей дело восставшего народа и предупредившей, что трудящиеся Болгарии не одиноки, что на их стороне весь многочисленный советский народ, все Советское государство...

Кампания протеста дала свои результаты.

Правительства Греции и Румынии, хотя официально и не объявили свои границы открытыми, приказали пограничным властям в дальнейшем не возвращать болгарских политических деятелей, просивших политического убежища. Смягчило свое отношение к повстанцам, перешедшим границу, и правительство Турции, до того немед-

ленно возвращавшее каждого болгарского эмигранта, схваченного на турецкой территории.

Следующей заботой Коларова и Димитрова было сосредоточить всю болгарскую политическую эмиграцию в Югославии, где власти относились к ней наиболее благосклонно. Сосредоточенных главным образом в Нише болгарских политэмигрантов временно устроили на работу, а на средства, полученные из МОПРа, организовали общежития, открыли мастерские и столовые, купили одежду и обувь, обеспечили медицинскую помощь и пр. Самые значительные денежные средства, больше всего одежды и продуктов питания для политэмигрантов прислали различные советские организации. В Советском Союзе продовольствия не хватало, советский народ все еще недоедал, не имел достаточно топлива, одежды, обуви. Но когда понадобилось помочь, он ни на миг не поколебался.

Как известно, политическая эмиграция в Югославии представляла собой одну из главных ударных сил партии для нового вооруженного восстания, которое Витошская конференция в мае 1924 года решила снова готовить. И сотни видных партийных организаторов и руководителей восстания снова вернулись в страну, чтобы восстановить разгромленные партийные организации, чтобы сплотить и вооружить для нового боя партийные ряды.

Одновременно с военно-организаторской и политической работой Заграничный комитет проявлял и заботу о доставке оружия. В то время когда мы совершали свои рейсы на парусниках через море, значительное количество оружия ввозилось в страну с севера, запада и юга. С севера поступало австрийское оружие, закупленное в Вене Заграничным комитетом и посылавшееся в страну по Дунаю спрятанным в обычных торговых грузах; с юга поступало оружие, доставленное от приверженцев левого национал-революционного движения в Эгейской Македонии, руководимого Василом Манолевым, прежним верным соратником Яне Сандаиского и первым помощником Тодора Паницы; с запада поступало оружие, доставленное из Югославии. Его переносили через границу на своих плечах десятки болгарских политэмигрантов.

Летом и осенью 1924 года в страну нелегально проникли для подготовки партийных округов к восстанию многие партийные деятели. Часть из них получила зада-

ние возглавить военно-организаторскую работу, другие — политико-организационную, а третьи, как Йордан Кискипов, Тодор Грудов и Георгий Златков,— создать в горах партизанские отряды.

Вместе с коммунистами в страну возвращались для участия в подготовке восстания левые земледельцы-единофронтовцы, а также политэмигранты — македонские федералисты во главе с Тодором Паницей, развивавшие революционную деятельность главным образом в Пиринском крае.

Усилилась работа в условиях глубокого подполья.

Но подготовка к новому вооруженному восстанию не осталась тайной для правительства соседних государств. Первой реагировала Югославия, где коалиционное правительство Давидовича пало и сменилось реакционным режимом Пашича. Сразу после этого королевско-помещичье правительство Румынии официально предупредило о том, что «оно не будет стоять в стороне, если события в Болгарии разовьются в пользу большевиков». А угрозы румынской реакции не были пустой фразой: слишком свежим оставалось в памяти народов воспоминание об открытой военной интервенции в 1919 году румынского помещичьего правительства против Венгерской советской республики.

Это было плохим предзнаменованием для готовящегося штурма. Но не только откровенные угрозы со стороны двух соседних государств ухудшали политические условия для подготовки восстания. В 1924 году буржуазия в Европе сумела устоять против послевоенной революционной волны, и на старом континенте появились явные признаки известной временной и частичной стабилизации капитализма. Трезвый разум сейчас требовал сменить стратегию. И Заграничное бюро, в связи с решением пленума Коминтерна, еще в феврале 1925 года настоятельно предупреждало Центральный Комитет о необходимости отменить курс на вооруженное восстание. Предупреждению сопутствовал срочный приказ Георгия Димитрова всем нелегальным деятелям, посланным в страну, прекратить свою военно-организационную деятельность и вернуться обратно в Югославию.

Одновременно с этим товарищи Коларов и Димитров, которые опасались авантюристических перегибов Военного центра, послали в страну немало представителей

партии в помощь Станке Димитрову, чтобы помочь партии перейти на новые рельсы, отказавшись временно, до более благоприятного момента, от вооруженного восстания.

Вот так развивались события до момента апрельского покушения, давшего повод фашистской власти нанести жестокие удары нашей партии, вырвать из ее рядов множество верных сынов.

Сейчас задача партийного руководства, оказавшегося перед лицом безудержного белого террора на родине и враждебного отношения режима Пашича, сводилась к тому, чтобы сделать все возможное для спасения уцелевших от погрома партийных кадров.

В эту деятельность включили и меня.

Нелегальный канал связи Белград — Марибор — Вена, ставший с апреля 1925 года поистине «каналом спасения», создали еще в начале 1924 года. Первое время это был существовавший и ранее канал для заграничных связей Югославской коммунистической партии, пока постепенно наша партия не создала и свой. Общий канал начинал перегружаться, а это неизбежно создавало опасность провала. Параллельно с главным партийным каналом болгарские политэмигранты создали новые каналы, проходившие через другие пункты на югославско-австрийской границе. Один из них проходил через Грац и обслуживался рядом болгарских студентов-коммунистов, обучавшихся в грацских высших учебных заведениях. Каналы использовались для передачи средств, собранных МОПРом, партийных газет и нелегальной литературы и для переброски партийных деятелей и курьеров Коминтерна в обоих направлениях.

Разумеется, нелегальные каналы не существовали, если бы не враждебное отношение к революционному движению и его представителям реакционных режимов в балканских странах.

С апреля 1925 года эти каналы приобрели огромное значение для судьбы партии. Через них нужно было перебросить из Югославии сотни самых преданных деятелей партии, «золотой фонд партии», как выразился Васил Коларов.

В 1925 году сербская реакционная власть Пашича предприняла против нашей эмиграции самые крутые ме-

ры — интернировала всех эмигрантов в глубь Сербии. Для политэмигрантов создали лагеря в Суботице, Нови-Саде, Инджии, Нови-Бечей, Вршаце, Горни-Милановаце, Велики-Бечкереке, Велика-Кикинде. Самыми большими были лагеря в Нови-Саде и Инджии. Расположенные на железнодорожной линии София — Белград — Вена, они представляли собой важные пункты в цепи нелегального партийного канала.

После высылки из Югославии Гаврила Генова, обвиненного полицейским Жикой Лазичем в «шпионской деятельности», эмигрантское руководство в Югославии представляли Георгий Михайлов, Хаим Пизанти и Кузман Стойков. Несмотря на то что сербская полиция начала преследовать эмигрантов с невиданной жестокостью, связи между их лагерями и заграничным руководством не прекращались ни на один день. Наши эмигранты регулярно получали ежемесячную помощь МОПРа, литературу, газеты, письма от Георгия Димитрова и Коминтерна. Начала издаваться на ротаторе еженедельная газета «Слово болгарских политэмигрантов», несомненно сыгравшая положительную роль для поднятия духа эмигрантов, для нейтрализации появившихся отдельных пораженческих, оппортунистических и ультралевых настроений, для сплочения кадров вокруг септябрьского руководства партии во главе с Коларовым и Димитровым.

Осенью 1925 года реакция перешла в наступление не только в Болгарии, но и во всех балканских странах, управляемых монархо-фашистскими режимами: не только коммунистические партии, но и все левые течения в этих странах, все прогрессивные деятели, честные представители культуры, ученые и общественные деятели стали жертвой полицейского террора и физически уничтожались. На судебных процессах, на которых попирались элементарные нормы закона, и без процессов сотни и тысячи людей находили свою гибель, и, казалось, ничто не было в состоянии остановить эту кровавую вакханалию.

Тогда ряд передовых людей Европы по призыву политэмигрантов из балканских стран снова, но теперь еще более активно поднялись на защиту жертв. Во главе этой прогрессивной интеллигенции и общественных деятелей встал видный французский писатель-гуманист Анри Барбюс. К нему обратился Георгий Димитров, предложив

ему лично расследовать положение в балканских странах, чтобы убедительнейшим образом осведомить о нем общественное мнение в Европе и во всем мире и призвать его на защиту невинных. Анри Барбюс не остался глух к этому зову. Осенью 1925 года он создал и лично возглавил «Комитет защиты жертв фашизма и белого террора в балканских странах». Кроме Барбюса в этот комитет вошли видный французский общественный деятель Жан Вилар и бельгийская общественная деятельница Поле Лами. Получив всеобщую поддержку, эта следственная комиссия посетила Болгарию, Румынию и Югославию и, несмотря на яростное противодействие полиции в этих странах, увидела собственными глазами неслыханные страдания людей. После своего возвращения члены комиссии развили активную деятельность в защиту пострадавших от белого террора. Анри Барбюс написал потрясающую документальную книгу «Палачи», а Жан Вилар опубликовал книгу «О том, что я видел в Болгарии», пропитанную органической ненавистью к болгарскому фашизму и откровенной симпатией к болгарскому народу. Быстро переведенные почти на все европейские языки, эти две книги получили широкую популярность и дали новый толчок антифашистской борьбе народов.

Переброска эмиграции через югославско-австрийскую границу началась в апреле 1925 года, когда Заграничное бюро решило, что ее пребывание в Югославии уже лишено смысла и она подвергается опасности стать жертвой террора, репрессий и физического уничтожения со стороны полиции. Отлив в мировом революционном движении непосредственно затронул и нашу партию, а это требовало перегруппировки сил и стратегического пересмотра задач.

По плану, разработанному Георгием Димитровым и руководством политэмиграции, во-первых, следовало вывезти больных и пожилых политэмигрантов: для них в Москве МОПР уже обеспечил все условия для отдыха и лечения. После этого в Советский Союз следовало отправить партийных деятелей и комсомольских активистов. выделенных для обучения в партийных школах, академиях и институтах, для подготовки к будущей

революционной деятельности на родине. Разумеется, в Советский Союз надо было переправить и всех видных деятелей партии, чье пребывание в Югославии или в другой капиталистической стране было сопряжено с риском для жизни. Остальную часть эмигрантов разделили на две группы: первая группа — амнистированных фашистским правительством (вследствие протестов европейской общественности) и вторая группа — неамнистированных. Неамнистированные должны были разъехаться по различным европейским странам и поступить в распоряжение Заграничного бюро, а амнистированные вернуться на родину, чтобы включиться в нелегальную работу партии. Подобные меры предприняло в отношение своей эмиграции и единофронтовское земледельческое представительство в Белграде.

Переброска эмиграции проводилась, разумеется, по нелегальным каналам. Техническим аппаратом на югославской территории руководили Асен Греков и Иван Крекманов, но в непосредственной работе канала участвовал ряд других партийных активистов, как и болгарские студенты-коммунисты, получавшие высшее образование в Граце и Вене. Считаю долгом отметить, что в те годы студенты — коммунисты и антифашисты, обучавшиеся в различных европейских капиталистических странах, активнейшим образом помогали в работе Заграничного бюро, особенно в годы после Сентябрьского восстания, когда антифашистская борьба начала принимать наиболее острые формы. Особенно сильные партийные группы среди студентов были созданы в Вене, Граце, Праге, Братиславе, Брно, Берлине, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге, Париже, Монпелье, Нанси, Гренобле и др. Кроме общих политических задач студенческие партийные группы выполняли и ряд строго секретных поручений, охраняли партийных курьеров, сопровождали партийных активистов и пр. Сейчас, когда потребовались люди для переброски болгарских политэмигрантов из Югославии, студенческие организации немедленно включились в операцию.

В помощь Грекову и Крекманову эмигрантское руководство направило политэмигрантов Стефана Боюклиева — активного деятеля партийной организации в Ихтимане и участника Сентябрьского восстания, Георгия Башикарова — бойца из партизанского отряда Кискино-

ва-Ципоркова, Кирила Митева — одного из руководителей Сентябрьского восстания в Ломе, Александра Василева — активиста Карловско-Калоферской партийной организации и председателя Сопотской коммуны. Для прикрытия своей деятельности Банкаров и Ал. Василев открыли овощные лавки, а другие трое стали студентами в Загребском университете.

Прежде всего руководство политэмиграции постаралось изыскать легальные или полулегальные пути для переброски болгарских коммунистов из Югославии. В первое время это ему удавалось. Иван Петров, член эмигрантского руководства, сумел устроить отъезд легально, через официальные въездные и выездные «ворота» страны. Но полиция вскоре раскрыла эту хитрость, и эмигрантское руководство возложило главную тяжесть по переброске людей на функционировавшие нелегальные каналы.

Главным каналом для переброски политэмигрантов являлся, как я это уже отметил, существовавший и ранее канал Югославской коммунистической партии, который начинался в Загребе, проходил через Марибор и пересекал границу по направлению к Грацу или Вене. Обычно эмигранты являлись группами по пять-шесть человек по определенному адресу в Загребе или Мариборе, после чего в сопровождении курьера партии (болгарина, югослава или австрийца) тайно переходили границу. С обеих сторон границы Югославская компартия имела своих проводников, оказывавших ей незаменимую помощь.

Позже, когда число людей значительно увеличилось и старый канал оказался «тесным», эмигрантское руководство создало еще один или два параллельных канала: они начинались в Любляне и проходили через границу по направлению к австрийскому городу Клагенфурту.

В те годы переход югославско-австрийской границы не представлял особых затруднений. Правда, полиция отказывалась выдавать заграничные паспорта болгарским политэмигрантам, но в то же время закрывала глаза перед фактом их «исчезновения» из страны. Это было для нее весьма кстати — югославские коммунисты доставляли ей достаточно забот. Граница охранялась слабо, и только изредка патрули делали обходы между пограничными пунктами. С другой стороны границы почти не существовало пограничной охраны, кроме центральных

въездного и выездного пунктов. Австрийские власти почти не интересовались тем, кто вступает на территорию их страны. Если все же кого-то и задерживали без документов, полиция не устраивала никакого следствия, а тем более процесса; по железной дороге сопровождала до границы незваного иностранца и там ему указывала ближайший пункт, через который он может перейти на ту сторону (в Югославию, Чехословакию, Венгрию, Швейцарию, Германию или Францию — согласно его желанию)... Режим в Австрии был самый терпимый по сравнению с остальными капиталистическими странами в Европе. По этой причине Георгий Димитров избрал это место для пребывания Заграничного бюро БКП, а позже Балканского революционного центра и Западноевропейского бюро Коминтерна.

Но идиллическое отношение властей к присутствию и проявлениям различных революционных иностранных организаций и отдельных лиц продолжалось совсем недолго, до залитого кровью героического восстания венских трудящихся в июле 1927 года. Именно это восстание показало, что австрийская буржуазия ни на йоту не согласна отступить от своих классовых интересов.

Технический аппарат, принимавший под моим руководством переброшенных из Югославии политэмигрантов и отправлявший их по назначению, состоял из двадцати болгарских коммунистов и антифашистов, которые в то время обучались в Венском или Грацском университетах или же временно пребывали здесь как политэмигранты. Все работали самоотверженно до тех пор, пока не вывезли последнего человека.

Мы приступали к своим задачам обычно с того момента, когда политэмигранты, выделенные для отправки в Советский Союз, переходили через границу и прибывали на наши явки в Австрии. Явками, принимавшими политэмигрантов, служили дома австрийских коммунистов или прогрессивных болгар, поселившихся в этой стране. Как только эмигранты незамеченными вступали на австрийскую территорию, они сравнительно легко и почти не потревоженные властями добирались до явок в самой Вене, где их ждал я или кто-нибудь из моих сотрудников.

Во многих случаях обстоятельства требовали начать переброску людей еще из эмигрантских лагерей в Юго-

славии; с этой целью я посылал туда, снабжая надежными паспортами, некоторых студентов-коммунистов из Вены или Граца. Ездил я и сам. Поздней осенью 1925 года, например, мне пришлось ездить дважды — один раз до Белграда, где я встретился с Иваном Петровым, тамошним представителем нашей эмиграции, а второй раз — до Суботицы.

Венские явки были весьма характерны. Это не были ни квартиры, нанятые нашими товарищами под фальшивыми именами, ни укромные уголки в венских парках или окрестностях города, которые могли обеспечить необходимую секретность любой конспиративной встречи; явками служили различные венские кафе.

Венские кафе совсем не похожи на представления болгарина о подобного рода заведениях. В те годы там человек мог провести в чудесной, уютной обстановке многие часы, зайдя туда утром и выйдя вечером. Там студенты могли спокойно готовиться к экзаменам, домашние хозяйки — заниматься своим вязаньем, пенсионеры — перелистывать одну за другой по двадцать газет (некоторые из них выходили по два раза в день). Обстановка в кафе была очень приятной, в них царили необыкновенная чистота и почти никем не нарушаемая тишина.

Именно поэтому венские кафе — разумеется, не первоклассные, на Ринге, а квартальные — в те годы предоставляли все условия для успешной конспиративной деятельности. Свои встречи с эмигрантами мы обычно устраивали там. Конечно не в одном и том же кафе. Мы меняли заведения при каждой новой встрече.

Установив связи со мной или с некоторыми из моих сотрудников, политэмигранты отправлялись через Прагу и Варшаву в Советский Союз. Перед этим каждый из них получал полный комплект одежды, вплоть до шляпы и обуви. Для этой цели МОПР из Москвы переводил значительные суммы. Мы заходили с эмигрантами в какой-нибудь венский магазин готового платья, и там они меняли буквально все, кроме белья. Второй моей заботой было снабдить их соответствующими документами, билетом на проезд до Москвы и небольшим запасом еды на дорогу. Документом, который получала большая часть эмигрантов, являлось удостоверение на «право возвращения на родину». Читатель, вероятно, догадывается — это были удостоверения, которые в это же самое время

выдавала комиссия Красного Креста для значительного количества настоящих возвращенцев (бывших белогвардейцев, военнопленных и др.), сосредоточившихся в Австрии, чтобы они могли отправиться на Советскую родину. С такими же удостоверениями в свое время уехали из Варны и мы с Жечо Гюмюшевым и Бояном Папанчевым.

Советские власти, по просьбе Заграничного бюро партии, с полной охотой согласились предоставить подданство всем болгарским коммунистам-изгнанникам. Так для них, как и для тысяч других политэмигрантов со всех концов света, Советский Союз стал второй матерью-родиной.

Примерно за шесть месяцев до конца 1925 года через Вену мы переправили в Москву несколько сотен болгарских политэмигрантов. Переброска их из Югославии на восток проходила без единого провала и инцидента.

Часть третья

В КИТАЕ С МИССИЕЙ БЛЮХЕРА. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ПОМОГАЕТ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

БОЕВЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

осква, декабрь 1925 года. Иду по улицам красной столицы, а под ногами скрипит снег. Навстречу спешат по делам москвичи, надевшие на себя все самое теплое, с неизменными шапками-ушанками на голове. А как же иначе при тридцатиградусном морозе? Над кирпично-красными стенами Кремля — холодное зимнее солнце.

И мне холодно. Но не от мороза. На мне серо-зеленая красноармейская шинель, фуражку с красной пятиконечной звездой над козырьком я надвинул до самых глаз, а на ногах высокие сапоги. Холод сковывает мне сердце.

Этот холод я почувствовал еще в зловещие апрельские дни двадцать пятого года, когда врагу удалось расстроить ряды нашей партии. В последующие месяцы тот же холод я почувствовал, когда в Вене пришлось помогать переброске нашей эмиграции. Изгнанные огнем и мечом со своей родины, эти достойные борцы и мужи нашли вторую мать-родину на земле Ленина, но, несмот-

ря на это, боль у меня не проходила. Там, на дорогой родной земле, между Дунаем и Родопами, между Черным морем и Нишавой, белый террор пожинал свою кровавую жатву, томились в тюрьмах или погибали без суда и приговора лучшие боевые товарищи, братья, оставшиеся до конца верными своему революционному долгу. Боль за них отзывалась у нас в сердце. И в моем...

Здание Четвертого управления Генерального штаба Красной Армии. Вхожу, и дежурный в бюро пропусков кивает мне головой: свой.

Как только я открыл дверь, Наташа Звонарева, секретарь Берзина, выйдя из-за письменного стола, подбежала ко мне и, словно сестра, тепло обняла меня. Дело тут было не только в особенностях характера Наташи, но и в том стиле поведения, который отличал работников Четвертого управления. Хотя я и был сравнительно новичком среди них, но уже имел возможность убедиться в том, какие братские чувства связывают этих людей, посланных партией на «тихий фронт». Тогда я еще не знал, но вскоре смог удостовериться, что, в сущности, без этой самоотверженности и самопожертвования, без этих подлинно братских чувств, связывавших людей из разведывательного управления, их опасная работа оказалась бы невозможной.

— Павел Иванович уже ждет тебя несколько дней, Ванко! — Наташа пристально посмотрела на меня, и в ее словах я почувствовал не укор, а тревогу.— Что с тобой?

— Все в порядке, сестренка, просто я лечил легкий венский грипп...— попытался я пошутить, но женщин в этом отношении не проведешь, моя шутка прозвучала неубедительно.

— Хоть бы Павел Иванович вылечил тебя окончательно,— покачала головой Наташа, но в ее глазах я не заметил даже намека на смех.— Но ты же знаешь, врач бессилен, если пациент ему не помогает...

Наташа скрылась за двойной, обитой клеенкой дверью кабинета Берзина и через минуту снова вернулась. Вместо обычной своей фразы «Павел Иванович ждет тебя» она только тепло мне улыбнулась, когда я проходил мимо нее. Она поняла, что мой «грипп» особенный и что мне нужны не медикаменты, а крепкая мужская рука Берзина.

— Прими мои горячие поздравления, Ванко! — воскликнул Павел Иванович и, как всегда, до боли сжал мне руку, а потом обнял.— Мои горячие поздравления! И добро пожаловать домой!

Я отпустил его руку и посмотрел на него. В его взгляде я не уловил никакой иронии. Но тогда по какому же поводу «горячие поздравления»? Поздравляют удачливых, а поздравления побежденным почти всегда насмешка. Но в глазах Берзина я не заметил иронии...

— Павел Иванович, простите, я не совсем вас понимаю...— произношу я, с трудом выговаривая слова.— Не щадите меня... Я пришел выслушать укоры... Знаю, что заслуживаю их... Плохими революционерами оказались мы, болгарские коммунисты...

— Плохими революционерами, говоришь? Да? Ну, продолжай!

Берзин не сводил с меня взгляда. Но теперь он смотрел на меня выжидательно-вопросительно. Я продолжал. Говорил о наших ошибках в июне 1923 года, о поражении в сентябре этого же года, о погроме в апреле двадцать пятого... Говорил и о провале с оружием, о нескончаемых потоках политэмигрантов, которым пришлось покинуть родину... Говорил и о потоках крови, пролитых на нашей земле.

И выражение лица Берзина постепенно сменилось на столь характерное для него выражение понимания и сочувствия. Он слушал меня не прерывая, слушал так, как только он умел слушать.

Я рассказал ему о всех своих терзаниях.

Долго ходил начальник Разведывательного управления из одного конца своего кабинета в другой, после того как я закончил свою исповедь, потом снова сел напротив меня и заговорил:

— Я уверен, что мы с тобой легко договоримся, нам не понадобится много слов.— Берзин говорил медленно, словно подчеркивая каждое слово.— Во-первых, о вашей партии. Она оказалась партией настоящих революционеров. Все то, что ты рассказал мне о ней, свидетельствует о том, что она борется. Несмотря на кровавые жертвы, она не сложила оружия — значит, она многого стоит. О вашем Сентябрьском восстании будущие поколения станут говорить с гордостью: болгарские рабочие и крестьяне первыми в Европе подняли оружие против фашист-

ского мракобесия. Это подвиг.— Берзин помолчал, не сводя с меня глаз, и продолжил: — Во-вторых, о провале с оружием. Знаю все со всеми подробностями. Знаю и причину. Знаю и последствия. За тобой нет никакой вины. Да и беда не столь велика. Пропало известное количество оружия, но люди же не пострадали. Варненский процесс закончился, не вынеся ни одного смертного приговора... О, провалы будут и в будущем. Мы же не созерцатели, для нас каждый шаг — это сражение! Почему же мы должны считать, что боги покровительствуют только нам? Тем более,— на лице Берзина появилась улыбка,— что мы объявили войну не только мракобесию, но и богам, веками великодушно терпевшим его... И в-третьих, об эмигрантах. Тяжело покидать родину, но это страшно только тогда, когда покидаешь ее внутренне сломленным. Болгарская партия сражается. А эти люди не просто неприкаянные, ищущие спасения; они все до одного жаждут вернуться на родину для нового, последнего боя. Нет, эти люди заслуживают не упрека, не сожаления, а уважения...

Он почувствовал, что во мне произошла перемена. И остановился — слов больше не понадобилось. Я словно поскользнулся, а он подал мне руку, и вот я уже выправил свой шаг. А впереди нас ждали нехоженые дороги.

— Ну, перейдем к делу, Ванко. Готовься ехать в Китай.

Я вздрогнул.

— В Китай? Я правильно расслышал, Павел Иванович?!

— Совершенно правильно, Иван Цолович! — Берзин улыбнулся в ответ на мое изумление.— В Китай. В страну, где столкнулись сейчас волчьи аппетиты всех великих колониальных сил. В страну Сун Ят-сена. В страну первой в Азии национально-освободительной революции, которая погибнет, если мы не протянем ей руку помощи...

Всего другого ждал, только не этого. Ждал, даже намеревался попросить Берзина о продолжении обучения в Свердловском университете, ведь перерыв в занятиях был временным. Но теперь все мои намерения мгновенно изменялись. То, что начальник Четвертого управления предлагал мне сейчас, не подлежало обсуждению: это приказ.

— Огромная страна, Павел Иванович,— тихо произнес я.— Даже в мыслях не могу ее охватить целиком. Сложные условия, совершенно незнакомый народ и язык... Мне трудно будет...

— Понимаю тебя,— прервал меня Берзин.— Огромная страна, четырехсотмиллионный народ, десятки национальностей, сотни языков, миллионы солдат в десятках враждующих между собой армиях, бессчетное число генералов, и у каждого из них свой бог... Действительно, там очень трудно работать. Китайская революция до смерти перепугала империалистов, и теперь они все свои усилия направили на то, чтобы расправиться с нею. Используя все вспомогательные средства, всевозможных «специалистов» и провокаторов, кучу золота... Этому колоссу, едва вставшему на ноги, снова грозит опасность рухнуть в прах истории. Почти полмиллиарда людей, на которых напали империалистические гиены, ждут помощи... А что касается твоих качеств, то об этом тут нечего и говорить. Ты накопил опыт, освоил революционные традиции вашей партии, ознакомился с сущностью нашей работы. Жду от тебя, что в Китае станешь работать так, как работал до сих пор. Даже еще лучше, еще более хладнокровно, более терпеливо, более зрело. Западные центры разведки действуют там и тайно, и неприкрыто, па любых уровнях и используя все наличные средства. Американская разведка, английская, французская. Через Гонконг и Пекин. Совсем серьезно вмешались и японцы. Опи быстро свыкаются с иллюзией, что Китай — это неприкосновенная территория японского империализма. Мне ни к чему говорить тебе, что японцы и остальные их собратья в Китае действуют сурово и беспощадно: очевидно, их доводит до сумасшествия сама мысль, что Китай может выйти на историческую арену как экономически и политически суверенное государство. А сейчас, после смерти Сун Ят-сена, их надежды на реставрацию возросли стократно... Ты едешь военным советником в миссию Блюхера. Твоим непосредственным шефом будет...

У меня перехватило дыхание. Я ждал, какое же он назовет имя. Берзин, понимая это, словно нарочно удлинял паузу. Как хорошо знал этот сердцевед людей своего управления и взаимные симпатии, связывавшие их!

— ...Гриша.

— Гриша Салнин? Да?

— Совершенно верно. Может, у тебя есть какие-нибудь возражения?

Впервые с тех пор, как переступил порог кабинета Берзина в тот день, я рассмеялся. Вместе со смехом пришло и облегчение. Самовнушение ли это или еще что другое, но с этого момента груз, который лежал у меня на плечах, когда мне сообщили о Китае, словно испарился куда-то. Гриша Салнин! С таким товарищем я пошел бы повсюду! Берзин знал об этом.

— Его нет в Москве, а то мы разговаривали бы тут втроем,— добавил Берзин.— Но я со дня на день жду его. То, что мы сейчас не смогли сделать, сделаем в ближайшее время.

После этого Берзин в самых общих чертах ознакомил меня с положением дел в Китае. Разумеется, многие факты из событий в этой огромной азиатской стране, только что пробудившейся к самостоятельной жизни, я знал и до того, но сейчас Берзин раскрывал передо мной эти события с их «интимной» стороны.

...После безуспешных и отчаянных попыток умиротворить страну, осуществившую свою национальную революцию, вождь и отец революции — как сами китайцы называли Сун Ят-сена — обратился к России с просьбой о помощи. Отвергшая тысячелетнюю монархическую тиранию, республика теперь переживала смертельный кризис: всевозможные политические и милитаристские авантюристы, одни — охваченные пагубными политическими амбициями, другие — оплаченные агенты империализма — разрывали страну на множество враждующих между собой лагерей. Каждый лагерь искал удобного случая, чтобы установить в своем округе с помощью своей армии «свой» режим, хотя бы и под фиктивной опекой сунятсеновского правительства, и в этом своем «государстве в государстве» вводить свои налоги, осуществлять конфискации, накапливать богатства... Напрасно Сун Ят-сен обращался ко всем милитаристам и шефам различных военно-политических группировок с призывом к мирному объединению страны. Генералы и слышать не хотели, а те, кого силой оружия заставляли признать власть законного правительства, ждали удобного момента, чтобы отомстить; другие же, еще вчера верные конституционному правительству, ныне, подкупленные на японское

или американское золото, легко становились троянским конем врага...

Все это привело Сун Ят-сена к окончательному выводу, что решающей для судьбы Китая является необходимость создания единой, хорошо организованной революционной армии и воспитание своих верных революционных кадров. А осуществить эту задачу оказалось невозможно без самого тесного сотрудничества с Советской Россией. Вождь революции видел, что враг вооружен до зубов, беспощаден, опытен, коварен и что китайская революция не сможет победить, если не будет располагать своими преданными вооруженными силами.

Сун Ят-сен со всей ясностью сознавал необходимость иметь верные командные кадры. Верных революции офицеров можно воспитать только в собственной военной революционной школе. А для ее создания необходим опыт Советской России. «Наш взгляд устремлен к России,— говорил он народу.— В дальнейшем, если мы не последуем примеру России, революция не сможет закончиться успешно... Мы должны учиться у русских...»

Сун Ят-сен призывал учиться у русских тому, как устанавливать связи с народными массами; как организовывать все надежные революционные силы; как успешно сражаться на два фронта, что для Китая означало борьбу против империализма и феодализма; как создавать революционную армию; как вести революционную войну и на фронте, и в тылу...

Так Сун Ят-сен пришел к историческому решению обратиться к Советской России, к Ленину с просьбой о конкретной помощи...

— Дальнейшее тебе известно, Ванко,— закончил Берзин свою военно-политическую информацию о Китае.— Осенью двадцать третьего года ты в Москве сам видел делегатов Сун Ят-сена. Знаешь и о Карахане, сразу же отправившемся в Пекин. Знаешь и о Бородине. Знаешь и о Блюхере. Китайские революционеры нуждаются в нашем революционном опыте, в нашей материальной помощи, в нашем оружии, в наших революционных методах. Сун Ят-сен не коммунист, но понимает, что без большевистской России, единственного искреннего друга революционного Китая, его дело обречено на гибель.

Разговор уже заканчивался, когда Берзин сообщил мне о последней в этот замечательный день неожиданности.

— Да, еще одна деталь, Ванко.— Он снова весело посмотрел на меня, и я понял, что он вовсе не по рассеянности оставил эту «деталь» под конец.— На сей раз у тебя будет милая компания — Галина.

— Не понимаю, Павел Иванович? Неужели мою Галину вы имеете в виду?

— Именно ее,— громко рассмеялся он и добавил: — Только давай договоримся. Галина Лебедева наша, из нашего управления. Ты едешь с нею не на курорт в Крым или Сочи. В Китае она будет вашей шифровальщицей... Итак, до свидания, Ванко,— пожал мне руку на прощание Берзин.— Готовьтесь. Через месяц-два отправляетесь...

Месяц-два — это было то время, которое Берзин смог нам выделить для подготовки к работе на новом участке. Мало это или достаточно? Я бы сказал — ничтожно мало. Китай для меня (да и для Галины — моей жены) оставался совершенно незнакомой землей, словно другой планетой. Скудные географические познания, данные нам школой, только усиливали его загадочность, не объясняя ничего существенного. Да и европейская политическая печать Китаем тогда занималась с недавних пор и не столь уж обширно: с Октябрьской революции прошло только восемь лет, с разгрома интервентов и подавления белогвардейской контрреволюции — менее пяти, и европейская печать, следовательно, располагала изобилием материала, чтобы заполнять свои колонки всевозможными клеветническими и лживыми информациями, сенсационными сообщениями, злопыхательскими комментариями о Советской России. Китай в те годы все еще оставался очень, очень далеким, и только самые просвещенные умы и дальновидные политики могли предвидеть, что «проблема Китая» — это проблема Европы, что Китай — часть единого и неделимого мира людей, что судьба Китая — часть судьбы международного революционного движения...

До конца января наше время с Галиной оказалось заполнено усиленным чтением — мы читали так, как читают студенты перед экзаменом. Читали всевозможные книги, исследования, справочники об истории и географии, о климате, об экономике и быте, о народном творчестве, обычаях и религиозных верованиях в Китае. Изучали всевозможные альманахи, карты, фотографии и

картины, изображавшие жизнь этой страны. Беседовали с товарищами из управления и с учеными, побывавшими в Китае или изучавшими его проблемы. Управление было к нашим услугам. Специалист по китайскому языку постарался ознакомить нас с азами китайского языка, с системой иероглифов. Мы заучивали (что за мука это оказалась) некоторые наиболее распространенные слова и выражения, необходимые нам на всякий случай... Наша квартира на Цветном бульваре превратилась в настоящий класс для занятий, и свет в ней горел до полуночи...

Разумеется, с особенным вниманием мы изучали историю, характер и особенности китайской национальной революции — ведь на ее защиту отправлялось наше пополнение корпуса Василия Константиновича Блюхера!

2

О КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ВОЖДЕ СУН ЯТ-СЕНЕ

Хотелось бы надеяться, что читатель и в дальнейшем проявит интерес к моим запискам, потому что в противном случае ряд фактов, имевших решающее значение для судьбы Китая, которые потрясли эту страну и вывели ее на современную историческую арену, останутся для него совсем загадочными.

Китайское национально-освободительное движение зародилось в конце прошлого века, когда группа молодых интеллигентов, выходцев из народа, но получивших европейское образование и имевших широкий идейный кругозор, решила посвятить свои силы освобождению своего народа. Освобождение они понимали двояко — как свержение маньчжурской Цинской династии, тиранически управлявшей страной почти три столетия (с 1644 г.) и освобождение от наглого нашествия иностранцев.

В эпоху Цинской династии в Китае начался глубокий социально-политический кризис, страна стала ареной ожесточенных колониальных войн. Самым агрессивным оказался британский лев, в 1840 году спровоцировавший первую «опиумную» войну. С этого момента Китай стал превращаться в полуколонию Великобритании, Франции, США (позже кайзеровской Германии), наводнивших его дешевыми и низкокачественными товарами в виде «ком-

пенсации» за драгоценное китайское сырье и предметы искусства. Настоящим народным бунтом против иностранного нашествия, а также и против ига китайских и маньчжурских феодалов стало знаменитое Тайпинское восстание (1851—1864 гг.). На помощь Цинской династии пришли, прибегнув к откровенной интервенции, империалистические державы — началась вторая «опиумная» война. Колониальные силы стали распространять свое влияние в Китае вширь и вглубь, используя целую систему неравноправных договоров, превративших тысячелетнюю Поднебесную империю в свою беззащитную добычу и поделивших ее на «сферы влияния»...

Восстание тайпинов разгромили, но боевые традиции не угасли: боксерское движение, как европейцы назвали родившееся в народе патриотическое социальное движение, стало символом китайского возрождения.

Уже с момента своего возникновения китайское национально-освободительное движение было связано с именем Сун Ят-сена. Это тот молодой, двадцатисемилетний врач, родившийся в провинции Гуандун и получивший образование в Гонконге, который в 1894 году провозгласил свою «Великую программу четырех условий». Она сводилась к ликвидации пережитков феодализма и на этой основе — к ликвидации отсталости Китая и его колониальной зависимости от империалистических держав.

Идеалы молодого Сун Ят-сена глубоко гуманные, истинно демократические и патриотические. Но ни молодой Сун Ят-сен, ни его товарищи, столь сильно любившие свой народ, все еще не видели конкретных путей осуществления своих целей.

Трагическое стечение событий в Китае в начале девяностых годов прошлого века раскрыло Сун Ят-сену глаза: Япония, усилившаяся империалистическая держава, хотя в глазах цинских сановников и выглядела «букашкой рядом со слоном», объявила войну Китаю. И с помощью небольшой, но отлично обученной и вооруженной по последнему слову техники армии нанесла ему позорное поражение. В руки японцев попали Корея, потом Порт-Артур, а затем — огромные территории Маньчжурии. После того как китайский флот был разбит и сухопутные армии обращены в бегство, японцы стали угрожать восточным провинциям и самой столице империи. Казалось, уже ничто не в состоянии остановить их

победный марш. Букашка побеждала слона... Сун Ят-сен и его товарищи видели, что все это результат продажности Цинской династии и вековой отсталости их страны. Они понимали, что страну можно спасти только в том случае, если будет свергнута Цинская династия, а вместе с нею и сам абсолютистский монархический режим, господствовавший в стране свыше двух тысяч лет, что спасение Китая в революции.

24 ноября 1894 года в Кантоне собрались основатели Союза возрождения Китая, чтобы заслушать декларацию новой революционной организации, зачитанную д-ром Сун Ят-сеном. Тогда их оказалось всего двадцать человек. Но это были просветители, сеятели, а огромная китайская земля явилась благодатной почвой для революционного сева.

В начале 1895 года руководство Союза обосновалось в Гонконге, планы восстания разработаны, уточнены и главные направления для нанесения удара.

Но в канун самого восстания среди его руководителей вспыхнул конфликт, заставивший отложить на несколько дней начало восстания. Это событие оказалось роковым. Случайное раскрытие привело к провалу. Власти приступили к поголовным арестам. Большинство схваченных членов Союза предали смерти. Сун Ят-сену, укрывшемуся у верных друзей, удалось спастись.

Так первая попытка оказалась неудачной, но Сун Ят-сен и его товарищи не сложили оружия. Горячо убежденный в своих революционных идеях, Сун Ят-сен немедленно принялся за возрождение из пепла тайной организации, но уже с бо́льшим умением, опытом, трезвым подходом к делу.

Революционный долг заставил его отправиться в Англию, Соединенные Штаты, Японию. Он ездил повсюду, где были массы китайских переселенцев, и повсюду искал друзей дела революции.

Новый век вступал в Китай под эхо новых боксерских восстаний на Севере — в Маньчжурии, в провинциях Шаньдун, Чжили, Шаньси. Зародившееся как протест против гнета китайских и маньчжурских феодалов, движение тайных революционных организаций превратилось в массовое восстание против оккупантов. Но, предоставленное самому себе, восстание на Севере оказалось разгромленным.

Сун Ят-сен и его товарищи начали усиленно готовить восстание на Юге. Собирали оружие, создавали тайные революционные отряды, разрабатывали новую тактику.

И в 1905 году у д-ра Сун Ят-сена уже оформились политико-идеологические концепции, касающиеся будущего устройства Китая, появился первый вариант революционной программы. Это «три народных принципа: национализм, народовластие, народное благоденствие».

Но 1905 год оказался примечательным еще и потому, что Сун Ят-сен заложил начало Объединенного революционного союза, а это явилось новым шагом на пути к сплочению революционных сил.

Повстанческие действия начались в 1907 году как далекий отзвук первой русской революции (1905 г.). Они слились с бунтами китайских шахтеров и крестьянскими волнениями в Южном Китае.

В апреле 1911 года вспыхнуло героическое Кантонское восстание. Монархистам удалось, хотя и из последних сил, потопить его в потоках крови. Но это была пиррова победа. Для всего Китая Кантонское восстание превратилось в громогласный призыв к революции.

Революция началась в октябре 1911 года в провинции Хубэй, где ее столица, тысячелетняя монархическая крепость Учан, оказалась в руках восставших. Победа в Учане вызвала мощные волнения в Шанхае, Кантоне, Чанша. Из Учана революционные войска форсировали реку Янцзы и овладели Ханьяном и Ханькоу. Еще нескольким провинциям удалось вырваться из-под власти династии Цыси. Это явилось началом конца тысячелетней монархии. В декабре революционные войска из провинции Узянсу, Аньхой и Чжэцзян при поддержке революционных отрядов из Шанхая и эскадры флота овладели Нанкином. Древняя имперская столица Китая стала столицей революции. Здесь собрались представители шестнадцати освобожденных провинций и избрали временное правительство, свергнув маньчжурскую династию Цыси и провозгласив республику.

1 января 1912 года все руководство Объединенных революционных сил единодушно избрало Сун Ят-сена временным президентом Китайской республики.

Но путь, открывшийся перед республикой 1912 года, не был легким. Китаю предстояло уже перестать быть вечной добычей, как это случалось до сих пор, и «откры-

тыми воротами» для любого иностранного завоевателя; внутри самого Китая каждая мировая колониальная держава через подкупы и концессии учредила свои настоящие «государства в государстве»; китайская компрадорская буржуазия, смертельно перепуганная лозунгом «Народовластие и народное благосостояние», держала в своих руках главные экономические рычаги страны и была готова сделать все, чтобы помешать дальнейшему революционному развитию республики, попытавшись превратить ее в послушное орудие своей власти.

Сун Ят-сен понимал все это. Он видел, что в ряды Объединенного революционного союза проникли буржуа, землевладельцы-феодалы, капиталисты, агенты иностранного капитала и всевозможные авантюристы, продажные генералы, карьеристы, политические спекулянты. Он понимал, что все эти «революционные» элементы при первом же удобном случае продадут революцию за пригоршню сребреников, а ее руководителей пошлют на эшафот. Он видел все это, но социальных сил, на которые могла бы опереться подлинная революция, рабочего класса, в то время в Китае практически не существовало. В начале века рабочий класс составлял там менее одного процента населения. Значительной была по численности прослойка мелкой городской буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, а огромный процент населения составляли крестьяне, погрязшие в нищете, невероятном невежестве, консерватизме, политической инертности и слепоте. А смогут ли здоровые силы революции нейтрализовать подводный натиск черных сил разрушения?

Республика все еще не победила на всей территории Китая — оставалось освободить от ига империалистических государств еще миллионы квадратных километров территории с сотнями миллионов населения. Оставалось и самое важное: стабилизировать экономическое положение республики, разоренной и доведенной до катастрофы паразитировавшей династией Цыси, республики, беспощадно ограбленной нашествием японцев, грубо эксплуатируемой колониальными государствами. Республика располагала небольшой, плохо вооруженной армией, не имела финансовых средств, а империалистические государства отказывали ей в каких бы то ни было кредитах; западная капиталистическая печать называла Сун Ят-

сена «беспочвенным мечтателем» и «фантазером» и откровенно поддерживала старый режим...

В то время в мире существовала только одна партия — партия большевиков, которая первой в европейском социалистическом движении восторженно приветствовала революционное возрождение Китая. Как указывал Ленин, огромное значение китайской революции заключалось в том факте, что четыреста миллионов отсталых азиатов завоевали свободу, пробудились к политической жизни. Четверть населения земного шара перешла, так сказать, от сонного состояния к свету, к движению и борьбе.

Окруженный неверными помощниками, колеблющимися министрами и продажными «сотрудниками» из Объединенного революционного союза, Сун Ят-сен ценой огромных усилий пытался направить развитие республики не по капиталистическому пути. Для него революция едва только начиналась, а республика являлась только той необходимой предпосылкой, которая должна была обеспечить осуществление глубоко гуманных принципов социализма. Разумеется, Сун Ят-сен не был социалистом-марксистом, его концепции окрашены наивным либерализмом и народничеством, но для тогдашнего этапа развития Китая и это являлось шагом вперед. Ленин определил Сун Ят-сена как революционного демократа, полного благородства и героизма, присущего классу, который движется не вниз, а вверх, не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется, классу, который ненавидит прошлое и умеет отбросить его мертвую, удушающую все живое гнилость...

Настанет время, пророчески предсказывал Ленин, когда в Китае вырастет рабочий класс, и именно он создаст пролетарскую партию, которая сохранит и разовьет революционно-демократическое ядро в его (Сун Ят-сена) политической и аграрной программе. А Сун Ят-сен считает основой своей внутриполитической программы именно «раздел земли», т. е. аграрную реформу («каждому сеятелю — собственную ниву»).

В это же самое время — 25 августа 1912 года — в Пекине открылся учредительный конгресс новой политической партии Гоминдан, которой предстояло в последующие четыре десятилетия играть в судьбе Китая роковую роль. Новая партия — это детище умеренных и правых буржуазных сил в Объединенном революционном

союзе. Хотя Сун Ят-сен не участвовал в этом конгрессе и с известным недоверием относился к созданию Гоминдана, его избрали главой новой политической партии. Однако фактически руководство в ней находилось в руках правых сил. И уже через год они попытались предать республику. После их измены Сун Ят-сен создал новую политическую партию — Чжунхуа Гоминдан (революционную партию). Эта партия была уже строго законспирированной организацией. В ее программу вошли «Три народных принципа» Сун Ят-сена и его учение о революционной диктатуре.

Создание законспирированной организации подсказала сама жизнь. Правые силы, занявшие ключевые позиции и в органах власти, и в Гоминдане, вскоре передали власть в руки представителя компрадорской буржуазии Юань Ши-кая. Они убедили Сун Ят-сена подать в отставку в пользу Юаня, который будто бы один способен объединить страну и обеспечить устойчивость республики. За короткое время Юань фактически реставрировал монархию и провозгласил себя новым императором. Сун Ят-сен оказался вынужден на непродолжительное время эмигрировать в Японию. Через два года революционная партия, завоевавшая симпатии и поддержку огромных масс населения, подняла повсеместно по всему Китаю восстания, и конец Юаня наступил быстро. Но прежде чем окончательно исчезнуть со страниц истории, диктатор отказался от власти в пользу нескольких милитаристских клик, группировавшихся около продажных генералов Дуан Ци-жуя, У Пэй-фу, Цао-куна, Чжан Цзолина и других.

Сложными, то верными и целенаправленными, то ошибочными, непоследовательными, реставрационными были шаги республики, неясными ее политические концепции, глубоко укоренившимися конфликты между отдельными группировками, которые выдавали себя за ее защитников. Хотя она и осуществила одну из главных целей революции, свергнув эксплуататорскую Цинскую династию, республика оказалась все же неспособной разрешить основные противоречия китайского общества: боевой демократизм масс пугал либеральную буржуазию. Вскоре она порвала с крестьянством и пошла по пути милитаризма и предательских соглашений с иностранным капиталом. Япония, во время первой мировой войны

решительно вмешавшаяся в «битву за Китай», фактически установила над страной свой контроль.

Новый решительный шаг в своем идейном созревании Сун Ят-сен, а вместе с ним и китайское освободительное движение совершили после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Под ее влиянием Сун Ят-сен превратил свой «принцип национализма» в принцип беспощадной и бескомпромиссной борьбы с империализмом; «принцип народовластия» — в идею народной диктатуры, а «принцип народного благоденствия» из требования обыкновенной аграрной реформы вырос до требований немедленной национализации крупной промышленности, так, чтобы частный капитал не мог бы держать в своих руках судьбы народа.

Именно после Октябрьской революции — а Сун Ят-сен приветствовал ее как «надежду всего человечества» — он пришел к своим знаменитым трем стратегическим лозунгам, которые могли бы обеспечить победу китайской революции: союз с Коммунистической партией, поддержка рабочих и крестьян, союз с Советской Россией. «Дальнейшая революционная борьба нашей партии окажется безрезультатной,— писал тогда Сун Ят-сен,— если мы не будем учиться у России».

И в то время как в 1918 году Япония, США, Франция и Англия организовывали на Дальнем Востоке экспедиции белогвардейцев и интервентов, снабжая Колчака — «верховного главу всея Руси», и других белых генералов несчетным количеством оружия, снаряжения, продовольствия, золота и даже составом всевозможных «советников», Сун Ят-сен послал Ленину приветственную телеграмму: «Революционная партия Китая выражает свое глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

В конце 1920 года наступили благоприятные перемены и в Китае. Удалось разгромить милитаристские клики в южных провинциях, а в апреле 1921 года полностью освободить Кантон. Чрезвычайный парламент торжественно избрал Сун Ят-сена президентом Китайской республики.

В том же году, после того как Колчака окончательно разбили, белогвардейские банды изгнали из Забайкалья

и Приморья, а Монголию освободили от разбойничьих шаек барона Унгерна, из Москвы прибыл посланец Ленина.

Радости Сун Ят-сена не было границ. Он нуждался и в помощи, и в советах, и в друзьях. Формально власть Южного правительства Сун Ят-сена распространялась на провинции Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань. Фактически же полностью его власть признавали только в провинции Гуандун. В Гуанси все еще управлял милитарист генерал Лу Юнтин, собравший вокруг себя многочисленную армию бандитов и самовольно провозгласивший себя губернатором. Подобное же положение создалось и в других «союзных» провинциях, где почти не считались с властью Кантонского правительства. В Гуандуне тоже хватало милитаристов, только и ждавших удобного момента, чтобы установить личную военную диктатуру в своих округах. Понадобились гигантские усилия для национального и территориального объединения этой огромной страны с сотнями миллионов населения, все еще не пробудившегося для активной общественной инициативы. Сун Ят-сен видел в партии большевиков, в Ленине, в новой России ключ к разрешению собственных проблем, друга и доброжелателя революционного Китая.

В то время власть Кантонского правительства, единственно законного конституционного правительства Китая, распространялась только на южную часть Китая. Северная часть и Маньчжурия все еще находились под властью реакционного узурпаторского правительства Пекина, а оно, со своей стороны,— под сапогом генерала Чжан Цзо-лина. Чжан Цзо-лин официально числился только командующим войсками или военным губернатором Маньчжурии, но что значила в те бурные годы «чистая» политическая власть, лишенная вооруженного могущества! В свою очередь все еще могучий Чжан Цзолин подчинялся Токио. Таким образом, Пекин в то время стал фактически орудием в руках Японии и ее империалистических планов в Китае и на всем Дальнем Востоке.

В конце 1921 года Сун Ят-сен организовал поход против пекинского правительства, срывавшего все усилия добиться национального объединения страны. Но пока он успешно воевал на Севере, военный комендант Кантона объявил себя диктатором. Измена генерала заставила

Сун Ят-сена немедленно вернуться и наказать изменника...

Это ему удалось. Но это не первый и не второй случай измены со стороны генералов. Сун Ят-сен очень встревожился. На кого ему опереться, от кого можно ждать верного сотрудничества в тяжелой борьбе за спасение Китая? В то время — в конце 1921 года — возникла Китайская коммунистическая партия. Вначале она была совсем малочисленной, но история Европы свидетельствует о том, что партия коммунистов — это партия будущего, что это сила, на которую можно опереться как на верного, самоотверженного союзника. И Сун Ят-сен проектировал ее включение в объединенный политический союз Гоминдана.

«Если мы хотим добиться чего-то,— говорил Сун Ятсен после неудачного похода на Север,— то должны искать новых путей. У нас не было образца, которому можно бы следовать. Но теперь такой образец есть: Россия.

Необходимо учиться у нее. Необходимы тесные деловые контакты с русскими. Русские осуществили революцию и выдержали четырехлетнюю гражданскую войну. В Россию ворвалось больше иностранных войск, чем когда-либо находилось в Китае. И все же русские победили. Потому что они располагали народной армией, новой армией, созданной в ходе революции, и эту армию вели в бой люди партии, революционеры. Эту армию поддерживали рабочие и крестьяне — народ...»

В соответствии с этими мыслями Сун Ят-сен решил реорганизовать Гоминдан — этого непременно требовала революция. И он послал в Москву военно-политическую делегацию: ее обязали ознакомиться с деятельностью советских правительственных, военных и партийных организаций, а также попросить неотложной помощи. Это решение нашло свое выражение в советско-китайском соглашении, подписанном 26 января 1923 года Сун Ят-сеном и посланцем Ленина А. А. Иоффе. Ленин протянул братскую руку Китайской революции в самый трудный момент ее развития.

Первым конкретным результатом переговоров китайской делегации в Москве явилась командировка в Китай группы советников-добровольцев. Во главе группы Ленин послал видного русского большевика М. М. Бородина. Все

члены группы были заботливо подобранными коммунистами, накопившими богатый опыт в нелегальной борьбе, участвовавшими в революции, содействовавшими разгрому контрреволюции и иностранной интервенции. Именно в таких военных и партийно-политических советниках испытывал крайнюю нужду Сун Ят-сен. Глава группы, Бородин, не имел военного опыта, но обладал очевидными качествами прозорливого политика, тонкого дипломата, крупного партийного стратега и организатора.

Бородин руководил всей работой группы советников, однако сложная военно-политическая обстановка в этой стране вскоре поставила вопрос о необходимости иметь опытного военного руководителя. И в октябре 1924 года в Гуанчжоу приехал в качестве главного военного советника при Сун Ят-сене и Гоминдане герой революции В. К. Блюхер.

Василий Константинович Блюхер, русский, родился в 1890 году в семье крестьянина-бедняка, свою сознательную жизнь начал рабочим на вагоностроительном заводе в г. Рыбинске. Одаренный исключительной природной интеллигентностью, твердый и волевой человек, Блюхер вскоре выдвинулся как один из первых руководителей пролетариата. Но после одной успешно проведенной забастовки царская охранка бросила его на три года в тюрьму.

Во время первой мировой войны Блюхер служил в армии унтер-офицером, был тяжело ранен и уволен из армии как «негодный к строевой службе». Он поступил рабочим на судостроительный завод в Сормово, где вступил в ряды партии большевиков.

Начавшаяся Октябрьская революция открыла поле деятельности для тысяч талантливых выходцев из народа — людей, самоотверженно сражавшихся за свою советскую власть. Одним из героев революции стал Блюхер. Его имя овеяно славой неповторимого героя в решающей борьбе против белогвардейцев и интервентов. Под его командованием был осуществлен героический сорокадневный поход партизанской армии по тылам белоказацких войск, бой за Каховку, кровопролитная схватка за Перекоп (ворота в Крым), легендарные сражения у Волочаевска, о которых еще в те годы пели — поют и сейчас — широко популярную песню. В 1918 году В. К. Блюхера первым в Советской России наградили

самым высоким орденом республики — орденом боевого Красного Знамени. В 1921—1922 гг. он стал главнокомандующим, военным министром и председателем Военного совета тогдашней Дальневосточной советской республики — самого неспокойного района в стране, где предстояло разгромить бесчисленные полчища белогвардейских генералов и интервентов разного рода. Блюхер блестяще справился с этой задачей, очистив от врагов весь огромный район Сибири, Забайкалья и Приморья.

Вместе с В. К. Блюхером в Китай были направлены опытные военные специалисты-революционеры. «Миссия Блюхера» — под таким именем вошла в историю советско-китайских отношений эта небольшая группа военных специалистов-революционеров, оказавших вместе с политическими советниками Бородина неоценимую помощь Китаю.

Если резюмировать вкратце достижения советских военных и политических советников, приглашенных Сун Ят-сеном, то к весне 1926 года они сводились к следующему.

Установлен порядок в армейских соединениях сунятсеновского правительства.

Создана на острове Хуанпу, расположенном на реке Чжуцзян близ Гуанчжоу, столицы революционной провинции Гуандун, первая в истории Китая революционная военная школа. В ней будущие командиры революционной армии получали не только военную, но и политическую подготовку, что уже само по себе до этого было неведомо за всю тысячелетнюю историю Китая.

Создан новый устав и коренным образом реорганизован Гоминдан с целью превратить его в мощную и дисциплинированную политическую партию, способную руководить народом и осуществить широкую программу всесторонней национальной реконструкции.

Организован созыв Первого конгресса обновленного, коренным образом перестроенного Гоминдана, фактически Единого национально-революционного фронта в Китае, включившего в свои ряды и Коммунистическую партию. Конгресс избрал Сун Ят-сена пожизненным председателем революционной партии и принял историческое решение о создании революционной армии по образцу Красной Армии.

Началось создание революционной китайской армии — опоры революционной власти и щита революции от поползновений мирового империализма.

Вот в главных чертах успехи, достигнутые при непосредственной помощи советских военно-политических и партийных советников за столь краткий период времени — за два-три года. Читателю не обязательно быть политиком или военным специалистом, чтобы понять, какую колоссальную по объему и какую важную для судьбы страны работу проделали эти посланцы Ленина в поддержку Китайской революции.

Вот почему Сун Ят-сен, преисполненный безграничной благодарности к советскому народу, убедившись с предельной ясностью, что без его помощи Китайская революция обречена на гибель, накануне своей смерти продиктовал завещание китайскому народу и свое последнее письмо правительству СССР. В нем вождь Китайской революции писал:

«...Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, хочу выразить мою пламенную надежду, надежду на то, что скоро наступит рассвет. Наступит время, когда Советский Союз, как лучший друг и союзник, будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за освобождение угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы...

11 марта 1925 года Сун Ят-сен».

Пророческие слова великого народного вождя. Действительно, через четверть века после его смерти Китайская революция победила, опираясь на всестороннюю помощь и братскую руку могучего Советского Союза. Но теперь бессмертные заветы Сун Ят-сена забыты. Нынешние китайские руководители из группы Мао Цзэ-дуна, грубо растоптав священные традиции советско-китайской дружбы, льют грязь на родину Ленина, на страну, которую Сун Ят-сен назвал «великой надеждой» не только Китая, но и всех угнетенных империализмом народов.

Китайская революция причалила к надежному берегу только в боевом братстве с Советским Союзом, а куда приплывет ныне корабль китайской «культурной революции», поднявший флаг борьбы против Советского государства? Он идет к своей гибели.

3
В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ. ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Транссибирская железная дорога, пересекающая Советский Союз от Москвы через Урал и Сибирь до Владивостока на Тихом океане, с давних пор занимала мое воображение. Благодаря своей гигантской протяженности, примерно в десять тысяч километров, и тому, что она пересекает труднопроходимые и почти ненаселенные районы, горы, огромные сибирские равнины, тайгу, Транссибирская железная дорога представляет собой одно из замечательных творений русского инженерного гения. И вот теперь случай предоставлял мне возможность проехать по ней.

Конец января 1926 года.

На восток отправились несколько человек из группы, которая ехала по заданию Четвертого управления. В Китае нас должны были включить в миссию Блюхера как советников по вопросам военной разведки: революционная армия Сун Ят-сена на ряде фронтов терпела поражения, между прочим, и потому, что разведка — этот в большинстве случаев решающий фактор в подготовке любой военной или военно-политической операции — там полностью игнорировалась... Разумеется, Берзин предупредил нас, что в Китай мы едем прежде всего как коммунисты-революционеры, что мы должны быть готовы отозваться на любой призыв Гоминдана и Коммунистической партии защищать Китайскую революцию...

Отправились мы из Москвы в снежную зимнюю ночь. На вокзале нас никто не провожал, хотя на сей раз мы ехали официально или полуофициально с паспортами на наши подлинные имена: Берзин считал, что не следует поднимать лишнюю шумиху. Логично было предположить, что западные центры разведки весьма активно интересуются не только составом, но и числом советских военно-политических советников, вызванных для оказания помощи Сун Ят-сену.

Багаж мы собирали и упаковывали с величайшей осторожностью: он не должен был быть объемистым (в Китае нам следовало сохранить способность быстро передвигаться), но мы непременно хотели взять необходимые личные вещи, одежду, фотоаппарат, кое-какие книги.

Необычайно требовательная к каждой вещи, излишне перегружающей чемоданы, Галина все же нашла место для своих любимых книг. Как сумеет справиться эта женщина, с нежной, чувствительной душой, поклонница театра, музыки и литературы, с суровыми велениями воинского долга?

Впрочем, пора познакомить читателя вкратце с Галиной, моей женой, которая со дня отъезда в Китай становилась и моим товарищем по работе. Ей предстояло нести на своих хрупких плечах тяжелую ответственность военного разведчика. Сейчас она ехала со мной как шифровальщица, а впоследствии в Европе исполняла по совместительству обязанности шифровальщицы и радистки.

Я познакомился с нею за три года до этого. Разумеется, это произошло случайно, как и большинство наших счастливых встреч в жизни. Все благоприятствовало этому: и моя молодость, и самое начало весны в Серебряном бору под Москвой, куда меня послали на две недели отдыхать, и чудесная обстановка и уют на дачах — недавней собственности крупных сановников, где теперь отдыхали старые большевики и рабочие московских заводов.

Я встретил ее у одной старой большевички. Нина Петровна, с которой мы подружились, всегда с неистощимым интересом слушала мои рассказы о Болгарии. В один праздничный вечер мы были представлены друг другу, и я оказался в знакомой компании, окруженный вниманием и доброжелательностью.

Галина Лебедева, так она назвала себя, сидела рядом со своей приятельницей, и, когда я начал рассказывать о Болгарии, безмолвно слушала, пристально разглядывая меня большими карими глазами. Ни о чем не спросила, не сделала ни одного замечания, вообще ничем не подчеркнула своего присутствия. Голова ее была слегка наклонена, словно под тяжестью длинных кос.

Когда в следующую субботу наша компания снова собралась у пылающего камина, я понял, что никто другой из присутствующих меня уже не интересует: к Галине Лебедевой относились и мои слова, и взгляды, и трепет всего моего существа. То ли она умела хорошо слушать, то ли влюбленное сердце делало меня красноречивым, не знаю, но те вечера у камина в Подмосковье остались одним из самых прекрасных периодов в моей

жизни. Я думал тогда, что больше ничего мне не нужно, чтобы быть по-настоящему счастливым, что карие глаза Галины, ее тонкое лицо, тяжелые русые косы могут заменить мне весь мир, и при этом я еще останусь в выигрыше. Она умела петь — ее мягкий альт наполнял почь красотой и поэзией... Чудесные вечера в Подмосковье и мне подарили законную долю простого и великого человеческого счастья, называемого любовью...

И вот теперь, через три года после нашей встречи в Подмосковье, Галина Лебедева ехала со мной в Китай. Как же получилось, что она — дочь царского генерала, скончавшегося за несколько лет до революции, воспитанница знаменитого петербургского института благородных девиц, поклонница изящных искусств, дала свое согласие включиться в рискованную и опасную работу военного разведчика? Она была членом партии, а до революции сочувствовала революционному движению. Но тогда мне казалось — да и теперь кажется,— что главной причиной был я; что она готова была поехать в любое место и взять на себя выполнение любого задания, лишь бы быть вместе со мной; что она готова отказаться от своего призвания — сцены, от своего музыкального дарования, чтобы только быть со мной... Я не задумывался над тем, насколько я прав. Возможно, это просто драгоценная иллюзия, питавшая мое мужское самолюбие. Сама Галина, с ее тонкой славянской душой и способностью понимать состояние мужа, никогда и не пыталась разрушить эту мою иллюзию, за что я испытываю к ней особенную благодарность. Разумеется, тогда мы были еще очень молоды, нам предстояло пройти через многие испытания, нам предстояло обоим открыть для себя много истин — жизнь необъятна, и чем больше плывешь в ее океане, тем яснее понимаешь ничтожность человеческого тщеславия. Но человек всегда остается человеком. Как ценно для каждого из нас убеждение, что жена, которую ты любишь, идет в ногу с тобой не только по велению долга, но и по велению сердца...

Вместо того чтобы уснуть после перегруженного важными обязанностями и тысячами мелочей дня, Галина уселась у небольшого столика в купе, зажгла настольную лампу и читала.

Я не подал вида, что проснулся. Какая-то странно новая, особенная атмосфера наполнила купе поезда, и мне показалось, что все рассеется, как сон, если я промолвлю слово. Углубленная в свою книгу, слегка наклонив голову к плечу, Галина словно была у себя дома, на Цветном бульваре (она так хорошо умеет создавать уют повсюду, к чему прикасаются ее руки). Сколько ночей я пробуждался и наблюдал, как, склонившись над книгой, она погружалась в волшебный мир искусства и по-настоящему жила в нем. Но отчего произошла сейчас замеченная мной перемена? Да, в ней произошла перемена. Я улыбался, но мне было грустно: Галина сейчас выглядела по-иному, чем день-другой назад, когда она вернулась из парикмахерской. Она отрезала свои дивные золотые косы. Этого требовала новая ее работа, особые условия в Китае, но в первое мгновение я изумился. «Галя, что ты наделала!» — вскрикнул я. Мне казалось, что кто-то посягнул на какую-то драгоценность, на которую я имел право как на свою собственность. «Разве я такая не нравлюсь тебе?» — закружилась она перед моими глазами и встряхнула кудрями своих коротко остриженных по европейской моде волос. «Если ты хоть что-нибудь смыслишь в моде, как и полагается каждому современному мужчине, ты должен поздравить меня и себя!» И рассмеялась. Но смех ее прозвучал невесело, хотя она старалась внушить и мне, и себе самой, что, по существу, ничего особенного не произошло... Мне показалось, что и сама она сознавала, что во всем этом было что-то символическое. Что вместе с отрезанными косами в прошлое ушли детство, молодость, безмятежные годы на родине и что с этого дня перед ней простираются далекие, незнакомые, рискованные пути военного разведчика; что с этого дня и впредь каждый ее шаг, каждая мысль и жест должны подчиняться суровым, точно определенным военным требованиям; что с этого дня у нее не будет постоянного угла, который можно назвать своим домом; что она не будет знать, ложась спать, удастся ли ей проспать эту ночь до конца; что она не будет знать, не уедет ли куда-нибудь по требованию сурового долга в любой момент человек, с которым она связала свою жизнь, и увидит ли она его еще когда-нибудь...

Галина оторвала взгляд от книги и стала всматриваться в проносящиеся мимо окон вагона пейзажи. Же-

лезные колеса постукивали равномерно, и поезд летел через снежную пустыню все дальше и дальше на восток. О чем она думала? Может, в этот тихий полуночный час закралось в нее сомнение? Все может быть. Разве и я не сомневался столько раз в своих силах и в силах других, зависевших от меня, разве я не боялся, что мне не хватит сил до конца честно выполнить свой долг?..

С тех пор прошло много лет, и теперь можно сказать, что зря я тогда боялся за Галину. Она шла по тяжелым дорогам, по которым ее вел воинский долг, уверенной мужской поступью. Она была моим верным шифровальщиком и радистом, незаменимым советчиком, надежным другом.

Бесконечная колея Транссибирской железной дороги пересекает границы двух континентов и нескольких республик. Мы доехали до Читы, где нас перебросили на знаменитую КВЖД по маршруту Харбин — Пекин — Шанхай — Кантон. Мы ехали более девяти суток. Наш паровоз останавливался только на некоторых крупных станциях, чтобы пополнить запасы воды и топлива и чтобы пассажиры могли размяться на перроне и перекусить что-нибудь в станционных буфетах.

Хотя белогвардейские банды и армии интервентов были изгнаны с советской земли, воспоминания о них и даже следы их варварского нашествия встречались на всем протяжении магистрали. Ведь первой заботой интервентов являлось стремление овладеть именно ею, Транссибирской железной дорогой — единственной дорогой в европейскую Россию для врагов, решивших нанести удар по ней с востока. Опять же она, Транссибирская магистраль, стала дорогой, по которой отступали их последние эшелоны. При отступлении они разрушали все, что могли и что успевали разрушить,— станционные постройки и ремонтные мастерские, мосты, виадуки, само полотно железной дороги. Многое они не успели уничтожить: партизанские обходные рейды Блюхера и неожиданные атаки соединений Красной Армии вызывали такую панику среди интервентов, что под конец они только об одном и думали — как бы спасти свою шкуру...

До Свердловска пейзаж оказался знакомым: это пейзаж гигантской русской равнины от Карпат до Урала и от Балтийского моря до Крыма и Одессы, равнины пере-

секаемой могучими медленно текущими реками, покрытой березовыми рощами или хвойными массивами, небольшими холмами, полями и редкими селениями.

Свердловск — это уже Урал. Свердловск — прежний Екатеринбург — один из самых старых и самых крупных промышленных и культурных центров старой России. Это город со старыми традициями в металлургии и машиностроении, со старыми традициями революционной борьбы.

Поезд немного постоял на станции, словно отдыхая, и вскоре Свердловск остался позади. Но Урал продолжался. Железнодорожная трасса проходила высоко по краю глубоких долин, через тоннели, прорытые в огромных скальных массивах заснеженных гор, пересекала бурные горные реки. Я, болгарин, воспринимал уральский пейзаж как свой родной, словно проезжал через горы моей родины.

Наиболее интересная часть этого путешествия началась после Петропавловска и Омска. До этих мест пейзаж в большей или меньшей мере был знаком. А после Петропавловска и Омска начинается нечто, приводящее человека в изумление. Это тайга, вековые непроходимые леса.

Мне кажется, что тот, кто не видел тайги, по-настоящему не знает России. До этого мое представление о ней было совсем иным, так как определялось в основном ее масштабами. Когда я увидел тайгу, то понял, чем Россия отличается от любой другой страны в мире. Пейзажи до Урала можно еще в той или иной мере сравнить с пейзажами, хотя и в сильно сокращенных пропорциях, ряда европейских равнинных государств. Но то, что видишь после Петропавловска и Омска, можно увидеть и узнать, можно почувствовать только в России.

Поезд идет через тайгу несколько суток, пока не покажутся озеро Байкал и Иркутск. В течение нескольких суток с обеих сторон от железнодорожного полотна в окно видны только высокие зеленые стены бесконечного леса. Лес, лес, лес, лес... Ничего другого, кроме леса и клочка голубого неба. В конце вторых или третьих суток пассажир чувствует себя как на океанском пароходе. Не хватает только качки и морской болезни. Все то, что вы здесь можете увидеть, превосходит нормальные чело-

веческие представления об огромном, бесконечном, гигантском: тайга превышает все эти представления, и кажется, что она не имеет ни начала, ни конца...

За период с 1926 по 1929 год мне пришлось четыре раза проехать через всю Россию от Москвы до Читы и пересечь тайгу. В первый раз, как я уже сказал, я сел в поезд Транссибирской магистрали в Москве. Остальные три раза пришлось ехать из... Вены. Читатель, наверно, догадывается почему: задачи разведчика заставляли меня ехать через «большевистскую Россию» транзитом в качестве иностранного торговца, комиссионера или коммивояжера, которому предстоит заниматься своим бизнесом в Китае, но он страдает морской болезнью и не может сесть на пароход в Гамбурге или Гааге, чтобы ехать на Дальний Восток, или же, наконец, хочет выиграть время, отправившись «напрямик», а не через тридевять земель, чтобы доехать до обратной стороны географического глобуса. Это я говорил своим спутникам по Транссибирской железной дороге. Как солидный торговец-комиссионер, я ехал в первом классе, носил обувь и костюмы из самого дорогого материала, сшитые по самым модным венским образцам, расточал улыбки и чаевые, курил ароматные египетские сигареты и все время, в зависимости от обстоятельств, демонстрировал пренебрежение, подозрительность и наивное отношение к «большевистской России»... Мои поездки начинались из Вены не только потому, что мне предстояло выполнять специальные задания, но и в связи с двумя дополнительными соображениями. Во-первых, с целью обеспечить нам полную безопасность в Китае. Наши случайные попутчики в поезде, в большинстве случаев агенты иностранных разведок, смогут в Китае засвидетельствовать перед своими резидентами, что «своими глазами» видели, как интересующая их личность, т. е. я или кто-нибудь из моих коллег, ехал транзитом из Вены, где находится его торговый центр, и что он не является ни «красным», ни «подозрительным». Во-вторых... На этом мне хочется остановиться подробнее.

Первое соображение подсказал Берзин, и оно полностью оправдалось. Второе выдвинули мы. Оно исходило из того впечатления, которое производила на нас тайга.

Для меня, славянина и коммуниста, тайга и все путешествие через Россию являлось праздником: праздником для моего воображения, не успевающего насытиться многоликой красотой этой земли; праздником для моего сердца, словно устанавливавшего контакт со своей праземлей, прародиной; праздником для моих коммунистических убеждений; праздником для моей веры, потому что раз в России, на этой необъятной земле, восторжествовала революция, то будущее мира непременно принадлежит коммунистическим идеям...

Одновременно я убеждался в том, как русский пейзаж, особенно тайга, воздействуют на чувства и мысли иностранных пассажиров Транссибирской железной дороги.

Это влияние трудно описать.

Русский лес действовал на них, как шок. Шок внезапный, неожиданный, потрясающий всего человека и дающий в большинстве случаев неожиданные для самого пассажира последствия.

Разумеется, иностранные пассажиры, ездившие в те годы по Транссибирской магистрали, резко отличались друг от друга. Среди них были и агенты различных разведок — французской, английской, американской, японской — и всевозможные «эксперты по России» и просто диверсанты, снабженные подлинными заграничными паспортами, которые ехали через Россию, чтобы ознакомиться с этой загадочной «красной» страной, непосредственно почувствовать дух ее земли, подсмотреть какой-нибудь новый промышленный объект или военную установку, услышать какую-нибудь случайно вырвавшуюся из уст русского пассажира секретную новость, забросить, если подвернется случай и повезет, «удочку» какому-нибудь наивному пассажиру...

«Так вот она какая — Россия!» — можно было, как в открытой книге, прочесть на лицах некоторых из них. А это только часть России... На поезде ее не объедешь, воображением и взглядом ее не охватишь, даже солнце не может всю ее осветить одновременно (когда во Владивостоке восход солнца, в Минске еще ночь)... «Какая бесконечная земля! Какие богатства! Как ее лучше завоевать? Как захватить эти богатства? Как воевать с этим народом, как его победить?..»

Выехав из Вены врагами этой земли, приехавшие сюда, чтобы злословить, вредить, шпионить, некоторые

из этих людей приезжали в Китай неузнаваемо переменившимися. Еще в Вене они легко вступали в разговор со мной и моими коллегами, и мы тотчас же находили общий тон и язык. До Москвы совместно ругали все «красное», отворачивались от революционных плакатов и лозунгов на перронах станций, откровенно демонстрировали досаду при своих неизбежных контактах со всем советским — таможенниками, проводниками вагонов, официантами в вагоне-ресторане...

Краткая остановка в Москве резко усиливала нашу антисоветскую ярость. «Жалко, как жалко, что великая Россия попала в плен к этой неграмотной сволочи — фабричным лентяям, солдатам, вшивым мужикам. Какая трагедия...» Обильный обед в вагоне-ресторане и крепкие французские вина успокаивали нашу ярость, поднимали настроение у будущих «хозяев и освободителей России» — мы предлагали тосты за провал советского строя и запевали старинные русские романсы.

Алкоголь освобождал сознание собеседников от всяких тормозов, и мы слышали отдельные, помимо воли вырывавшиеся слова и целые фразы, которые о многом говорили опытному уху, давали возможность установить подлинную личность «торгового комиссионера». В этих фразах содержались не только отголоски дикой злобы и не простые угрозы.

Потом мы доезжали до Урала, этой неисчерпаемой сокровищницы подземных богатств, этого настоящего металлургического сердца России. Пьянство продолжалось, но ругань уступала место неистовой злобе. «Смотрите, герр... (в каждой поездке я менял имя), смотрите, я узнаю этот хребет. Тут были горнодобывающие концессии французско-бельгийской фирмы. Если бы вы могли себе представить, какой уголь, какую медь и железо добывали здесь!..» Наши спутники демонстрировали поразительную для обычного пассажира осведомленность об ископаемых богатствах России, об их прежних русских или иностранных владельцах, о промышленных запасах, производственной мощности... Мы только кивали в знак полного единодушия. «И эти богатства теперь в руках красных! Нет, это чудовищно! Это действительно надо исправить, господа...»

Так мы подъезжали к Омску, к величественным сибирским рекам, к тайге.

Сначала тайга поражала. Наши попутчики сидели ошеломленные около окон своих купе.

Мы все так же продолжали играть свою роль независимых торговцев. «Мы уже стали приятелями и могли быть откровенными. Лично для меня, в конце концов, не столь важно, кто владеет этими лесами, этими землями, этими богатствами; самое важное для меня то, чтобы я мог покупать и продавать, делать свой бизнес... А большевики оказались хорошими хозяйственными организаторами и, извините, честными торговыми партнерами... Простите за откровенность, герр...»

Наши «приятели» кивали, отпивали очередной глоток спиртного и продолжали молчать. Мы не скрывали своего «настоящего» отношения к этой стране, но они в самом деле не находили сил, чтобы скрыть то необыкновенное смущение, которое охватывало их души...

Когда мы расставались с ними в Китае и пожимали им руки на прощание, мельком заглядывая им в глаза, эти люди отворачивались, боясь, что раскроют перед нами, своими случайными попутчиками в их поездке через Россию, бездну своей душевной опустошенности.

Через несколько часов пути после Иркутска наш состав повернул на юг, и вскоре перед нашим взором раскинулось озеро Байкал, окруженное венцом из живописных гор и скал, украшенных гигантскими соснами, вечнозелеными елями, и мы наслаждались его могучей красотой.

В ночь на девятые сутки мы остановились в Чите. Отсюда Транссибирская железная дорога шла на восток, к Хабаровскому краю и Приморью до Владивостока, а мы отправлялись по КВЖД в Харбин, Дайрен, потом пароходом до Шанхая и оттуда поездом до Пекина — конечной цели нашего путешествия.

4

МИССИЯ БЛЮХЕРА — МИССИЯ ДРУЖБЫ. ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

В своем стремлении к освобождению Китай пережил на протяжении первой половины нашего века одну за другой три гражданские войны. Первая (1924—1927 гг.)

была начата Сун Ят-сеном как война против предательского милитаризма и его опоры — империалистских сил во имя мирного объединения страны. Как известно, эта первая попытка довести до благополучного завершения дело Китайской революции окончилась провалом из-за измены Чан Кай-ши и поворота вправо Гоминдана, после преждевременной смерти Сун Ят-сена. Вторую гражданскую войну (1927—1937 гг.) вели революционные силы во главе с китайской Коммунистической партией в Южном и Центральном Китае против изменников из Гоминдана за спасение дела Китайской революции. Третья гражданская война (1945—1949 гг.), разгоревшаяся после разгрома Советской Армией японских агрессоров на Дальнем Востоке, завершилась полным поражением чанкайшистов и их американских хозяев, победой дела революции, начатой еще Сун Ят-сеном. Создание Китайской республики 1 октября 1949 года открыло путь для народно-демократических и социальных преобразований в этой стране.

Читатель, наверно, уже получил представление о том, что счастливое завершение тяжелой, продолжавшейся без перерыва почти полвека революционной войны в Китае оказалось бы немыслимым без огромной материальной, политической и моральной поддержки, которую Советский Союз оказывал революционным силам до самого дня окончательной победы.

Когда я впервые вступил на китайскую землю в начале 1926 года, там бушевало пламя первой революционной гражданской войны за объединение страны под эгидой революционного правительства в Кантоне (Гуанчжоу). Как я уже говорил, ее начал Сун Ят-сен, который натолкнулся на разветвленную сеть заговора против дела революции, против Гоминдана, против самого себя — объединителя и вождя революционных сил.

Этот заговор — результат коварства империалистов и контрреволюционных сил, видевших для себя смертельную опасность в возможности окончательной победы революции, ее программных социально-демократических преобразований. Во главе заговорщиков стояли кантонские торговцы — компрадоры. Самым тесным образом связанные с западным, в основном английским, капиталом, они поддерживали постоянные контакты с английской колонией Гонконгом. Это оказалось нетрудно: остров

Гонконг находится всего лишь в сотне километров южнее Кантона — незначительное расстояние для огромных масштабов Китая — и в непосредственном соседстве с португальской колонией Макао (Аомынь). Во главе кантонских торговцев-компрадоров встал Чен Лиен-бо. Он был в то время председателем Кантонской торговой палаты, его вклады в банках достигали двухсот миллионов долларов. Однако «главным дирижером» заговора являлся англичанин Роберт Годен, шеф Гонконгско-Шанхайского банка, крупный финансист, представитель западных финансовых монополий, чьи хищнические интересы тесно связаны с богатствами Китая.

Разумеется, как и показало будущее, наряду с Робертом Годеном в центре заговора стоял «посольский квартал» в Пекине, т. е. блок западных империалистических сил, которых сплотила общая ненависть к Сун Ят-сену и его революционному режиму.

Кантонские текстильные фабриканты, и главным образом торговцы-компрадоры, энергично подстрекаемые английскими финансовыми магнатами, еще в 1912—1913 гг. создали в Кантоне свою наемную армию. Не более и не менее, чем свою собственную вооруженную армию! Они исходили при создании этой армии, на первый взгляд, из вполне благовидных побуждений: она должна была охранять промышленные предприятия, склады и магазины от воров и разбойников. Но ее истинным предназначением являлось служить буржуазии бронированным кулаком в будущем неизбежном столкновении с революцией и рабочим классом. В ней насчитывалось десяток тысяч человек: бродяг, солдат-дезертиров, уголовных преступников, беглецов из других провинций страны, всевозможных авантюристов и профессиональных убийц, способных по первому приказу пролить кровь рабочих. Кантон привлекал это отребье, потому что находился в непосредственной близости от острова преступности и проституции — Гонконга и от колониального города-вертепа Макао. Наемная армия, прозванная народом «шантуан» («бумажные тигры»), подчинялась непосредственно Чен Лиен-бо.

Итак, согласно планам заговорщиков, Чен Лиен-бо должен был увеличить численный состав «шантуанов», снабдив их новым оружием и достаточным количеством боеприпасов, и сосредоточить их в торговом квартале

Кантона — Сигуане. Заговорщики предусматривали, что вторым ходом явится установление оперативного взаимодействия с армией контрреволюционного генерала Чжен Цзюн-мина, а также и с реакционными группами в самом Гоминдане. Так, с помощью координированных ударов, извне — армией Чжен Цзюн-мина и изнутри — «бумажных тигров», реакционных групп в Гоминдане, объединившихся вокруг Чен Лиен-бо, намеревались захватить Кантон и свергнуть революционное правительство Сун Ят-сена. Параллельно с ударом, направленным на Кантон, войска контрреволюционного генерала У Пэй-фу должны были передвигаться с Севера из провинции Цзянси и оккупировать провинцию Гуандун — базу революционного правительства.

В коварный заговор вовлекли и командира второй гуандунской армии — самой значительной вооруженной силы революционного правительства. Заговору обещал помочь и ряд милитаристов: генералы из провинции Юньнань и Гуанси, не признававшие конституционного режима Сун Ят-сена и властвовавшие в оккупированных ими районах как абсолютные самодержцы.

Весной 1924 года армия «бумажных тигров» насчитывала уже двадцать тысяч головорезов. В это же самое время Чен Лиен-бо закупил в Гонконге современное оружие и на норвежском судне «Хаф» привез его на остров Уампу, в двадцати километрах от Кантона.

Одновременно с этим в боевую готовность привели и силы контрреволюционного генерала Чжен Цзюн-мина, примерно 70 тысяч солдат, а также сформированные в самом Кантоне «тайные» вооруженные группы, составленные из торговцев и торговых служащих, непосредственно связанных с интересами компрадорской буржуазии. Привели в действие и «суперсекретную» группу бывшего офицера авиации и английского агента Чжу Чжо-вэя. Состоящая из профессиональных убийц и террористов, эта группа имела задачей физически ликвидировать определенных ответственных лиц в государственном аппарате и революционной армии, не поддавшихся ни подкупу, ни шантажу. Так как о «сверхсекретной» группе убийц Чжу Чжо-вэя в дальнейшем не будет речи, мне хочется здесь сказать, что она оправдала ожидания своих хозяев: в 1925 году эта группа убила друга и заместителя Сун Ят-сена, председателя национального правительства в

Кантоне Ляо Чжун-кая, а за последующие несколько месяцев зверски истребила более двухсот видных деятелей китайской Коммунистической партии и левых гоминдановцев, последовательно проявлявших верность идеалам революции.

Силы заговорщиков оказались значительными и тщательно организованными, причем они пользовались могучей поддержкой империалистических государств. Их поддержка тогда была глубоко законспирирована, но они были готовы хоть на следующий день выступить открыто и грубо, если контрреволюции удастся завоевать хотя бы пядь «свободной территории». Какими же силами располагала революция в этот решающий для ее судьбы момент?

Опорой законного правительства являлись три гуандунские армии, из которых вторая, самая крупная, оказалась связанной с заговорщиками. На стороне властей находились, по крайней мере официально, и силы порядка — местные полицейские. Но их начальники, выпускники западных или японских военно-полицейских школ, не скрывали своего «нейтралитета» по отношению к политическим «междоусобицам» и в любой момент могли стать троянским конем врага. Самой надежной опорой законного правительства являлась военно-политическая школа на острове Уампу.

Наверно, читатель проявит интерес к моим заметкам об этой школе, которая сыграла значительную роль в ходе и развитии Китайской национальной революции.

Как уже говорилось, эту школу открыли после посещения Советской России китайской делегацией в 1923 году. Эта школа начала функционировать 1 мая 1924 года, но официально ее открыл лично Сун Ят-сен немного позже. В своем приветствии и речи, произнесенной на торжестве, он подчеркнул, что правительство придает особое значение этому первому в своем роде военному учреждению в истории Китая. До начала октября 1924 года в школу поступило примерно две тысячи курсантов. Основной профиль школы — подготовка пехотинцев с шестимесячным сроком обучения. В специальном отделе готовили артиллеристов, саперов, связистов. Срок обучения — 9—12 месяцев. В политическом отделе срок обучения 6—9 месяцев.

За свое четырехлетнее существование военно-политическая школа в Уампу успела подготовить тысячи офи-

церов и политработников, впоследствии ставших основным костяком народно-революционной армии, которую Сун Ят-сен мечтал организовать по советскому образцу. Это осуществлялось на практике под непосредственным наблюдением и при прямом руководстве советских военных специалистов, фактических создателей школы.

Но военно-политическая школа привлекла внимание и врага. В данном случае трудно было действовать в открытую, поэтому контрреволюция пыталась заминировать изнутри эту исключительно важную опору революционной власти. Какими средствами? Известными: с помощью своей агентуры в Гоминдане, своих платных агентов-милитаристов, признававших в тот момент, хотели ли они этого или нет, законное правительство Кантона, но готовых при малейшем ослаблении его позиций стрелять ему в спину. Одним из этих милитаристов был японский воспитанник генерал Чан Кай-ши.

Эта действительно роковая для революционного Китая фигура, стоившая столько крови своему народу и принесшая столько бед революции, в те годы с помощью демагогии завоевала расположение Сун Ят-сена. Чан Кай-ши назначили начальником военно-политической школы. Это явилось актом высокого доверия: незадолго перед этим Сун Ят-сен намеревался лично возглавить руководство школой, но ему пришлось отказаться от своего намерения, после того как он тяжело заболел.

Чан Кай-ши начал свою политическую карьеру как палач. В 1912 году, всего через год после провозглашения республики, он убил видного революционера Тао Чен-чжена, мешавшего гоминдановскому реакционеру Чен Ци-мею прорваться к власти. В последующие годы Чан Кай-ши «делал деньги», участвовал во всевозможных политических и финансовых сделках с милитаристами Юга, покровительствовал бесчинствовавшим разбойничьим бандам, занимавшимся насилиями, грабежами, убийствами. Легко приспосабливающийся к любым условиям, впоследствии Чан Кай-ши перешел на службу к шанхайским торговцам-компрадорам и банкирам и сам стал «солидным бизнесменом». Но тонкие биржевые операции пришлись не по вкусу вояке, и он вскоре потерпел финансовый крах. Это заставило его возобновить свою игру на оживленной политической бирже. И в 1922 году этот бессовестный политический карьерист, демагог и

предатель громко, демонстративно и эффектно объявил о своих внезапно пробудившихся симпатиях к Сун Ятсену. Сами по себе действия Чана и в то время были достаточно откровенны: он стремился «приблизиться» к Сун Ят-сену и немного позже пришел к власти с помощью испытанных приемов агента-провокатора. А его путь к власти прошел через военно-политическую школу в Уампу.

Чан Кай-ши и его империалистические хозяева хорошо понимали будущее значение школы. Заняв пост ее начальника, Чан намеревался создать с ее помощью современную и мощную, благодаря своему вооружению, армию, используя которую подчинить непокорных и буйствующих милитаристов в Гуандуне и захватить власть. Сотрудниками Чан Кай-ши в этой коварной игре стали многие преподаватели-китайцы в школе, морально разложившиеся люди, считавшие Уампу ступенькой к «большой карьере» и готовые любой ценой заручиться высочайшим благоволением Чана.

Итак, в августе 1924 года норвежское судно «Хаф» с тщательно упакованным и уложенным в трюме оружием бросило якорь недалеко от Кантона. Но революционные власти раскрыли заговор. Оружие конфисковали, а шефы «бумажных тигров» Чен Лиен-бо и Чен Гун-шу бежали в Гонконг. Кантонские торговцы-компрадоры объявили стачку в знак протеста против «своеволия» правительства, закрыли свои магазины и торговые конторы и начали строить укрепления в западных кварталах Кантона, главным образом в торговом квартале Сигуан. Одновременно с этим милитаристы из соседних южных провинций Юньнань и Гуанси с помощью угроз и шантажа пытались оказать сильный натиск на правительство, предлагая компромисс: чтобы Сун Ят-сен передал половину конфискованного оружия заговорщикам...

Но Сун Ят-сен, опираясь на советы М. М. Бородина, действовал решительно и быстро. За небольшой срок, пока «бумажные тигры» строили укрепления в Сигуане, правительство мобилизовало и вооружило рабочих Кантона и крестьян окрестных сел. В сущности, оно создало, базируясь на опыте большевиков, рабоче-крестьянскую революционную армию. Сун Ят-сен дал ясно понять, что,

если «бумажные тигры» добровольно не сложат оружия, он начнет немедленные действия.

Тогда, чтобы поддержать «свободное торговое сословие» и защитить «свободу личности», будто бы нарушавшуюся в Кантоне, нагло вмешался британский консул. 29 августа он отправил предупреждение Сун Ят-сену о том, что, если он прикажет открыть огонь по «шантуанам», английский флот начнет бомбардировку Кантона...

Грубое вмешательство империалистов во внутренние дела революционного правительства вызвало всеобщее возмущение. Сун Ят-сен не только гневно отверг «предупреждение», но и обратился с воззванием ко всему миру. Поднявшаяся в Кантоне волна протестов обошла всю планету. «Руки прочь от Китая!» — раздавался призыв на митингах и собраниях в Москве и Ленинграде, Париже и Лондоне, Риме и Чикаго. «Рабочее» правительство Макдональда было вынуждено отступить...

В начале сентября 1924 года Москва представила очередное доказательство своего искреннего дружеского отношения к Китайской революции: испытывая тяжелые экономические затруднения и валютный голод, Советское правительство отпустило Сун Ят-сену заем в размере десяти миллионов юаней для создания Центрального национального банка в Кантоне. Буквально через несколько дней в порту Кантона бросили якорь несколько советских кораблей, которые привезли для революционной армии оружие, одежду, боеприпасы, питание. «Друзья познаются в беде»,— говорит народ. А разве существовало более необходимое условие для стабилизации революционной власти, чем финансовая помощь и оружие! Западные империалистические государства, западные финансовые магнаты презрительно пожимали плечами, когда Сун Ят-сен обращался к ним за помощью. Отозвалась только Советская Россия. Для всего китайского народа еще раз стало ясно, кто враг, а кто бескорыстный друг их революции...

Временно притихшие «бумажные тигры» в октябре 1924 года перешли в наступление. Воспользовавшись тем, что Сун Ят-сен отсутствовал в Кантоне, Ху Хуан-мин, видный гоминдановский реакционер и тайный агент империализма, приказал вернуть «шантуанам» половину

конфискованного оружия и боеприпасов. И 10 октября, в день годовщины победоносного Учанского восстания 1911 года, улицы Кантона оказались залитыми кровью: «бумажные тигры» открыли огонь по демонстрации кантонских рабочих.

Сун Ят-сен, получив известие о кровавых событиях, немедленно вернулся в Кантон и отдал краткий приказ: беспощадно подавить бунт.

В течение двух дней бунт подавили.

Опорой правительства стали курсанты школы в Уампу, сформировавшие ударный отряд почти из двух тысяч бойцов. Одновременно с этим по распоряжению Сун Ятсена к Кантону стягивались лучшие части правительственной армии Сюй Чун-чжи. И самое важное: под знамена призвали для защиты революции рабочих города и крестьян из окрестных сел. А они лучше всех знали цену поражения.

Операцией против «бумажных тигров» руководил непосредственно Сун Ят-сен, которому помогали советские военные советники.

Решительные действия кантонского правительства застали империалистов врасплох: эти действия свидетельствовали о его государственной и военно-стратегической мудрости, о неизмеримо возросших возможностях обороны.

Так началась первая гражданская война в Китае, навязанная контрреволюцией и империализмом. Сун Ятсен решил, что наконец наступил момент использовать крупную победу над врагом и атмосферу революционного оптимизма для национального объединения страны.

Решение о походе на Север совпало с прибытием В. К. Блюхера в Китай. В начале ноября 1924 года прославленный советский командир прибыл в Кантон вместе с большой группой советских военных специалистов. Встреча между Блюхером и Сун Ят-сеном состоялась на борту советского военного корабля «Воровский», бросившего якорь недалеко от Кантона. Как позже нам рассказывал сам Блюхер (в Китае он известен как генерал Галин), Сун Ят-сен в полувоенном костюме, с широкополой шляпой на голове для защиты от солнца, опиравшийся на бамбуковую трость, произвел сильное впечатление огромной энергией, которую излучало все его существо, но которая — это чувствовалось — была на ис-

ходе. Сун Ят-сен (в то время ему было только 57 лет) уже сильно поседел и был явно измучен болезнью, державшей его в постоянном напряжении. Однако вождь революции, мобилизуя все свои запасы сил, еще крепко стоял на ногах и направлял корабль революции, словно предчувствуя, что в будущем некому заменить его на капитанском мостике...

— Останьтесь у нас и помогите нашему делу своим опытом,— сказал на прощание Сун Ят-сен, крепко пожимая руку Блюхеру. — Я верю в Советскую Россию, верю и лично вам!

Несмотря на то что у него не было солидной военной опоры, поход на Север в 1925—1926 гг. оказался политической необходимостью. В результате разгрома «бумажных тигров» общее политическое положение в Китае резко переменилось в пользу революционного правительства и момент для нанесения удара оказался благоприятным.

Ситуация требовала, во-первых, разбить и подчинить кантонскому правительству контрреволюционного генерала-милитариста Чжен Цзюн-мина, непрестанно угрожавшего с Севера спокойствию и безопасности Гуандуна; во-вторых, обуздать всех менее значительных милитаристов и диктаторов в соседних провинциях Гуйчжоу и Гуанси, официально признававших власть конституционного правительства, но на деле саботировавших в своих военных округах почти все его мероприятия, направленные на стабилизацию и перестройку режима.

В результате нанесения решительного удара по «шантуанам» и по их империалистическим подстрекателям существенно изменилось положение и на Севере. Реакционному цзянсийскому генералу У Пэй-фу, одному из главных заговорщиков против Кантона, с тыла нанесло удар армейское соединение его подчиненного Фын Юй-сяна, порвавшего со своим хозяином, после чего дивизия Фына овладела самой столицей Пекином. Потерпев поражение, армия У Пэй-фу отступила в панике, а пекинский реакционный режим Цао Куна рухнул, как карточный домик. «Президент» пекинской олигархии попал в тюрьму, а «временным главой государства» стал старый политический канатоходец генерал без армии Дуан Ци-жуй. Освободитель Пекина Фын Юй-сян сразу же после свер-

жения диктатора Цао Куна во всеуслышание объявил, что поддерживает конституционное правительство, призвал к сотрудничеству с китайской Коммунистической партией и сближению с Советским Союзом и объявил свое войско «народной армией». Одновременно с этим генералом Фын Юй-сян послал дружеское послание Сун Ят-сену и пригласил его в Пекин, чтобы совместно обсудить вопрос о созыве Национального собрания, которое бы осуществило мирное объединение страны...

Странные события на этой странной земле... Кто мог ждать подобного развития событий! Это превосходило всякие ожидания — ведь объединение в то время являлось первой и основной целью национального революционного правительства. Без национального объединения и сплочения страны было невозможно решительно противостоять хищным империалистическим силам. Неужели эта высокая цель, еще вчера встречавшая тысячи препятствий на своем пути, оказывалась достигнутой почти без усилий, с помощью неизвестного до тех пор и вычеркнутого из списков друзей Фын Юй-сяна?

Сун Ят-сен, по совету Бородина и Блюхера, немедленно отправился в Пекин морем — хотя вероятность мирного объединения страны была и незначительной, ею следовало воспользоваться. Может быть, там, на месте, вождь революции, уважаемый всеми Сун Ят-сен, сумеет придать дополнительный импульс развитию событий и превратить победу из военной в политическую?

Планировавшийся до этого поход на Север отпал сам по себе. В «поход» на Север отправился сам вождь революции.

Но советские военные специалисты не строили никаких иллюзий: положение в Пекине, явившееся результатом военной победы, едва ли подчинялось целиком Фын Юй-сяну. Старые политиканы, находившие выход и из «более запутанных» положений, вряд ли сложили руки. Надо было ждать также контрдействий против Фын Юй-сяна и со стороны империалистических сил, прежде всего Японии: перспектива мирного объединения Китая под руководством Сун Ят-сена для них означала полный политический провал. А приходилось иметь в виду и еще кое-что: Сун Ят-сен уже изнемогал от приступов болезни...

К сожалению, прогнозы советских специалистов оказались точными. Еще до того как Сун Ят-сен доехал до

Пекина, положение там резко переменилось. Старый капатоходец Дуан Ци-жуй, хотя для виду дал свое согласие на то, чтобы Фын Юй-сян мирным путем договорился с Сун Ят-сеном, неожиданно заключил союз с маньчжурским диктатором Чжан Цзо-лином — орудием в руках японцев — и объявил «отсрочку» переговоров о созыве Национального собрания. Эта столь неожиданная и подлая измена потрясла весь Китай. Фын Юй-сяна заставили под угрозой мощной в тот момент армии Чжан Цзо-лина покинуть Пекин, куда тотчас же вторглись соединения Чжана. Реставрация оказалась полной: Япония через Чжан Цзо-лина наложила лапу на Пекин и автоматически обрекла на провал любые усилия, направленные на мирное объединение страны.

Несмотря на это, Сун Ят-сен поехал в Пекин. Он сам сознавал, что конец его близок и возвращение назад невозможно. Что бы ему ни удалось сделать, пусть даже произнести только еще одно слово о деле революции, он все равно его выскажет, каких бы мук это ему ни стоило...

Но болезнь оказалась сильнее его воли. И в Пекин он приехал, чтобы окончательно слечь. Сун Ят-сену страшнее смерти казалась рухнувшая надежда на мирное объединение страны. Сколько крови придется пролить его народу, прежде чем он увидит осуществление великого идеала... И здесь, в Пекине, окруженный самыми верными своими друзьями, согреваемый близостью М. М. Бородина, специально приехавшего из Кантона, и Л. М. Карахана, советского политического представителя в Пекине, 12 марта 1925 года Сун Ят-сен скончался.

Весь Китай оделся в траур, народ скорбел о потере своего великого сына, верного вождя революции.

Что ожидало теперь страну, буквально распятую на кресте?

Ей предстояло новых тридцать лет войны, резня, кровавые конфликты, коварные заговоры и наглые происки империалистов, напряжение титанических усилий лучших революционных сил, чтобы спасти дело революции и водрузить знамя победы.

Смерть Сун Ят-сена снова поставила на повестку дня вопрос о походе на Север, чтобы добиться военного раз-

грома контрреволюционных сил и национального объединения страны. Если не предпринять этот поход, то смертельная опасность по-прежнему будет угрожать самому существованию южнокитайской революционной власти, самому делу революции.

Прежде чем начать Северный поход, революционные силы успели блестяще осуществить так называемый Восточный поход. Этот поход пришлось совершить в связи с угрозой, нависшей над провинцией Гуандун, из-за контрреволюционных действий милитариста Чжен Цзюнмина. Этот генерал-предатель, которому щедро помогали империалисты, откровенно угрожал, что «очистит Кантон от большевистской заразы». И не только угрожал, но и действовал. Используя свои наличные войска, он вступал в союз со всевозможными бандитскими организациями и разбойничьими шайками, в заговоры с реакционными силами в самом Гоминдане. Это была реальная угроза революционной власти.

Факты говорили о необходимости разгрома Чжен Цзюн-мина как предпосылки для предпринятия Северного похода. Именно это и предложил Блюхер военному совету, созданному незадолго перед тем по его настоянию. По статуту военным советом полагалось руководить Сун Ят-сену в качестве главнокомандующего революционной армии. Но в этот момент, в декабре 1924 года, Сун Ят-сен уехал в Пекин и оставил своим заместителем левого деятеля Гоминдана Ляо Чжун-кая[1]. План, предложенный Блюхером, встретил в военном совете ожесточенное сопротивление реакционных гоминдановских генералов во главе с Чан Кай-ши. Ляо Чжун-каю пришлось употребить весь свой авторитет заместителя главнокомандующего, чтобы заставить принять план Блюхера.

В походе приняли участие самые надежные армейские части народно-революционной гуандунской армии вместе с двумя отборными полками военно-политической школы. И в то время как на Севере прояпонски настроенные генералы и сторонники английского империализма вели между собой ожесточенную войну за «сферы господства и влияния», Восточный поход, начавшийся 2 фев-

[1] После смерти Сун Ят-сена — председатель национально-революционного правительства. Группой убийц-контрреволюционеров застрелен в августе 1925 г. — *Прим. ред.*

раля 1925 года, закончился через два с половиной месяца блестящей победой. Не только в подготовке генерального плана, но и в детальной разработке каждой операции принимали участие советские военные специалисты во главе с Блюхером. Опыт Октябрьской революции и гражданской войны в России оказался и для Китая бесценной сокровищницей, а герои русской революции — верными друзьями и компетентными военно-политическими советниками народно-революционной армии и правительства.

Когда наше пополнение прибыло в Пекин в первой половине февраля 1926 года, Гуандун, самая южная провинция Китая и центральная база революционного правительства, был полностью очищен от врагов. Разумеется, неподвластным революционному правительству оставался (и остается поныне) Гонконг, где неутомимо плели свои козни против революции резиденты западных разведок и представители международного монополистического капитала, а также португальская колония Макао с городом под тем же названием, где царили некоронованные короли опиума, азартных игр, процветала проституция.

Провинция Гуандун занимала, по сравнению с остальной территорией Китая, небольшую площадь. Но накануне Северного похода конституционное правительство в Гуандуне признали и милитаристы двух других южных провинций — Гуанси и Гуйчжоу. Хоть и ненадежные союзники, они в тот момент усиливали авторитет революционного режима и проявляли готовность участвовать в его военных мероприятиях.

Наши встречи с необычными и экзотическими явлениями начались сразу же, как только мы переехали границу Китая. В Маньчжурии и дальше поезд шел вдоль Великой китайской стены. Это сооружение поражало своими масштабами. Высотой от 5 до 10 и шириной от 5 до 8 метров, длиной более 4 тысяч километров, построенная на отдельных участках в IV—III вв. до н. э. и законченная в III в. н. э., эта стена возвышалась над долами и горами, на которых ее построили как молчаливый и зловещий символ незнакомого и чудовищного деспотизма древних китайских монархов. В этом бессмыслен-

ном с военной точки зрения сооружении воплотился колоссальный человеческий труд и неисчислимое множество человеческих жертв. Никогда — ни в начале строительства, ни после его завершения — Великая китайская стена не была в состоянии остановить или дать отпор нашествиям врагов. Зачем же тогда понадобилось ее строить? Из-за какого-то странного преклонения перед волей монарха-божества, из-за какого-то странного и страшного равнодушия к человеческим страданиям...

По подобию «великой» оказались построены и стены, которые окружали, как мы убедились, почти все крупные города, через которые шел наш путь. Такая же стена окружала и Пекин. Она была поменьше «великой», уступала ей в ширине, а высоту имела примерно ту же. Через каждую сотню метров над стеной вздымались боевые башни с бойницами. Башни служили для того, чтобы в них располагать орудия и хранить боеприпасы. Несколько величественных ворот вели в город. Эта стена больше, чем «великая», играла какую-то роль при обороне от вражеских нападений, но роль относительную: что значит скорлупа, если яйцо внутри протухло?

В Пекине и Кантоне миссия Блюхера находилась в состоянии полной боевой готовности. Среди множества военно-политических специалистов, приглашенных помогать созданию и руководству национальной революционной армии, я знал лично или по имени ряд людей: часть из них имела за плечами многолетний командирский стаж еще с революции и гражданской войны, другие впервые взялись за оружие во время штурма Зимнего дворца, третьи только что окончили Военную академию (будущую академию им. Фрунзе). Немного позже в качестве военного советника в Китай приехал В. И. Чуйков. В качестве военных советников в Китае находились и несколько болгарских революционеров. Большинство военных специалистов впоследствии стали генералами Красной Армии, а некоторые — В. К. Блюхер и В. И. Чуйков — получили звание маршала. Это еще одно доказательство того факта, что в помощь китайской революции Советский Союз посылал свои испытанные во всех отношениях, закаленные, отборные революционные кадры.

Нам предстояло представиться Блюхеру. Он только что приехал из Кантона в Пекин, где инспектировал работу советских специалистов.

До этого я не встречался с ним, но так много слышал и читал о нем, что, когда он принял нас, я чувствовал себя так, словно мы давно знакомы.

Это был мужчина среднего роста, крепкий и плечистый, с темно-русыми волосами, густыми бровями и ярко-голубыми глазами. Черты лица правильные, массивный волевой подбородок и большой лоб. Одет он был в военную форму китайской народно-революционной армии с погонами генерала. Блюхер, «красный генерал», стал широко известен в Кантоне, в Пекине и во всем Китае. Этой известностью он был обязан блестяще проведенным под его руководством военным операциям в Гуандуне (Восточный поход и операции по очистке южного побережья). Империалистические телеграфные агентства ссылались на «миссию Блюхера» как на доказательство «подозрительного вмешательства большевистской России» в политический конфликт в Китае... Молодой читатель, для которого эти события — история, наверно, удивится подобной выходке, но все же это факт: империалисты, еще совсем недавно господствовавшие здесь неограниченно и бесконтрольно, всеми средствами мешавшие китайской революции и все еще продолжавшие прилагать дьявольские усилия, чтобы помешать делу освобождения страны, вдруг стали проливать крокодиловы слезы о «политическом суверенитете» Китая... В отдаленных областях нашего земного шара, куда трудно прорваться правде, может быть, они и имели успех среди наивных людей, но в самом Китае не могли рассчитывать на легковерие. Русские корабли, бросившие якоря недалеко от Кантона, русских моряков, русских военно-политических советников, русские продукты питания, русское оружие, ввезенное по настоятельной просьбе Сун Ят-сена, и в Кантоне, и в Пекине, и во всем Китае окружали необыкновенным, возможным только в этой стране, вниманием, почтением, даже обожанием. Народ Китая с полным основанием видел в лице Советской России своего единственного бескорыстного друга, и этого оказалось достаточно, чтобы в его сердце вспыхнула самая чистая любовь к стране Ленина...

Мы трое из Управления разведки вместе с Галиной представились главному военному советнику. Блюхер принял нас по-братски тепло. Столь огромное расстояние разделяло его с Москвой, с друзьями, что в каждом вновь

прибывшем советском гражданине он видел своего близкого человека. Я начал по-деловому докладывать о характере нашей командировки, но Блюхер только махнул рукой.

— Не спешите, дорогой товарищ, не спешите, найдем время и для этого. Сначала расскажите о Москве, о Родине, душа жаждет. Рассказывайте, да поподробнее...

Мы долго беседовали. Теплый прием, оказанный нам Василием Константиновичем, прекрасный завтрак, каким-то магическим образом оказавшийся на столе, и свежие газеты, привезенные нами из Москвы, — это вызвало у всех пракрасное настроение. Разумеется, свежими газеты можно было назвать только условно: в те времена, когда не было пассажирской авиации и связь между двумя государствами осуществлялась только через Транссибирскую железную дорогу, «свежие» московские газеты сюда приходили на пятнадцатый день. Для Блюхера это не имело значения: новости он мог узнать и по радио. Сейчас же ему хотелось именно газетные новости посмотреть и почитать.

В. К. Блюхер в те годы носил три ромба в петлицах, т. е. имел ранг командира корпуса. А он был еще так молод, ему едва исполнилось тридцать семь лет! Он был подвижным и энергичным человеком, но жесты его были точными, будто выверенными. Он хотел, чтобы мы без устали рассказывали ему обо всем, что произошло на Родине после его отъезда в Китай, а сам говорил мало и скупо: ни лишних слов, ни лишних жестов. Это был прирожденный солдат, причем солдат революции, у которого понятия о порядке, дисциплине, принципиальности, чести, достоинстве вошли в плоть и кровь.

— Ну, перейдем теперь к делам, — предложил Блюхер, когда мы исчерпали все новости и все темы, относящиеся к Москве.

Я доложил. Он знал о полученном нами задании.

— Я с таким нетерпением ждал вас, — сказал он, когда я закончил свой доклад. — Жду еще людей из ваших. Грише Салнину недавно пришлось уехать в Союз, но он скоро вернется. Китайской национальной революционной армии мы оказались необходимы, как глаза и уши. Подготовленных военных кадров здесь все еще так мало, что они словно капля воды в океане. Школа в Уампу работает,

как говорится, на полную мощность, но она подготовила только несколько выпусков, а потребности огромные...

Блюхер подробно ознакомил нас с военно-политическим положением в Гуандуне и во всех остальных провинциях Китая, охарактеризовал видных китайских генералов, различные политические тенденции в Гоминдане и его руководящих деятелей, рассказал в общих чертах о средствах, с помощью которых агентура империалистов саботирует дело революции.

— Гоминдан состоит из разных людей, — говорил он. — По словам Сун Ят-сена, он объединил в себе и самых хороших, и самых плохих... Вот я уже два года здесь и должен с сожалением констатировать, что «плохие люди» все больше берут верх. Несмотря на то что китайская Коммунистическая партия с каждым днем усиливается, она все еще не в состоянии решительно влиять на ход событий и в Гоминдане, и на поле боя...

В. К. Блюхер конкретизировал наши задачи в тот момент:

— Вы останетесь здесь, в Пекине. Тут временно и будет ваша сфера действий. Генерал Фып Юй-сян, командир крупного армейского соединения, которое он сам назвал «народной армией», нуждается в военных советниках. В данный момент он действует в южных районах столичной провинции (Чжили). В прошлом году он проделал огромную работу: разбил в пух и прах проанглийского милитариста У Пэй-фу. Но вы, наверно, знаете, что Чжан Цзо-лин изгнал его из Пекина и восстановил прежнее положение...

Одним словом, нашей первоначальной задачей являлось оказание помощи в создании военной разведки в китайской национальной революционной армии.

— Даже в военном совете в Кантоне, — заметил Блюхер, — до недавнего времени отвергали любую идею о военной разведке, считая это ненужной тратой времени, сил и средств. Я не верю в то, что генералы, выступившие там моими оппонентами, настолько профессионально неграмотны. Большинство из них окончили военные академии за границей... Наверно, они отвергают необходимость в китайской разведке, чтобы предоставить поле деятельности западным центрам разведки...

Как сам Василий Константинович заметил в самом начале нашего разговора, «плохие люди» в Гоминдане все

больше брали верх. Китайская Коммунистическая партия все еще являлась членом Гоминдана и всеми силами боролась за сохранение, стабилизацию и, по возможности, расширение китайского национального антиимпериалистического фронта, но правые силы и контрреволюционеры, подстрекаемые империалистическими государствами, неизменно перетягивали весы в свою сторону. День неизбежного разрыва должен был наступить, только никто не знал, когда и как это произойдет, какой именно милитарист или гоминдановский демагог всплывет на поверхность, чтобы продать врагу дело революции.

При расставании В. К. Блюхер испытующе посмотрел на меня:

— Простите за любопытство, но вы не русский, не правда ли? Вас выдает произношение...

— Совершенно верно, Василий Константинович, — рассмеялся я. — Смогли бы вы узнать, какой я национальности?

— Какой национальности — трудно сказать, но я убежден, что вы из славян...

— Болгарин...

— О, болгарский коммунист! — воскликнул он. — Это так приятно, так приятно... — И он обнял меня за плечи. — У нас в Китае уже есть один болгарский товарищ, — продолжал Блюхер. — Христо Паков. Чудесный летчик. Сейчас он военный советник в Уампу, обучает китайских пилотов...

Я знал о Пакове. Еще в Москве Берзин предупредил меня, что «болгарская компания» в Китае станет более многочисленной. Кроме Пакова сюда приезжали на непродолжительный срок с временными задачами по линии военной разведки, а впоследствии на протяжении ряда лет работали здесь как военные специалисты и советники революционной армии болгарские коммунисты Христо Боев (читатель знает его с первых страниц этой книги), Штерю Атанасов, Боян Папанчев, Антон Недялков, д-р Янко Канети и ряд других. В тот момент «болгарская компания» состояла из двух человек. Пакова, кончившего авиационную школу в Советском Союзе, послали сюда по линии Четвертого управления еще в середине 1925 года. Пламенный интернационалист, Паков с готовностью принял новое поручение и после кратковременной подготовки отправился на Дальний Восток. Те-

перь, работая плечом к плечу с советскими военными специалистами, Паков обучал молодых китайских курсантов из школы в Уампу и строил аэродромы.

Хочется добавить, что в Китае в то время самолеты были редкостью. Генералы-отщепенцы и реакционный режим в Пекине располагали отдельными машинами, но это были полузабракованные американские военные самолеты марки «Кэртис» — тихоходные, со слабыми моторами, небольшой грузоподъемностью и ограниченным радиусом действия. По этой причине они выглядели жалкими рядом с советскими самолетами, которые благодаря своим боевым качествам сеяли панический ужас в рядах врагов. На первых порах советские самолеты использовались главным образом для военной разведки позиций неприятеля, а вскоре после этого и для ударных действий. Сначала на этих «летающих драконах» летали советские летчики, а впоследствии стали летать и китайцы, обученные летному искусству в школе Уампу. Есть ли необходимость и здесь подчеркивать, сколь многозначительным, сколь красноречивым являлся и этот дружеский жест Советского государства! Оно посылало на помощь китайской революции одни из первых и самых совершенных своих боевых самолетов, необходимых как воздух ему самому для защиты от возможных ударов со стороны империалистов!

Наш разговор с Василием Константиновичем в тот день неожиданно затянулся. Как только было произнесено слово «Болгария», он сразу же обратился к своим личным воспоминаниям, и его суровые черты лица смягчились.

— Дорога моему сердцу ваша маленькая Болгария, — тихо сказал он. — В русско-турецкую войну там сражались двое из нашего рода — мой дед и отец. Дед так и не вернулся. Где он погиб, нам не сообщили — у Свиштова ли, под Плевеном, на Шипке или у Шейново...

Мы все примолкли.

— Где бы ни покоился его прах, Василий Константинович, — позволил я себе прервать молчание, — можно быть уверенным, что его могила почитается нашим народом... Могилы павших за освобождение Болгарии русских воинов у нас в стране — это места священные, места поклонений...

Блюхер благодарно улыбнулся мне.

— Знаю о вашем народе, знаю и о вашей партии. Лично знаком с Василом Коларовым. Мне приятно, Иван Цолович, работать совместно с болгарскими коммунистами...

Китайская Коммунистическая партия в те времена была малочисленной организацией. У нее не было достаточно революционного опыта, достаточного числа испытанных руководящих кадров, богатой революционной истории — источника мудрости, знаний и примеров для подражания.

В то время, когда мы оказались в Китае, она насчитывала всего лишь пять лет существования.

Одними из первых марксистов, впоследствии ставших и основателями китайской Коммунистической партии, были интеллигенты: Ли Да-чжао, профессор политэкономии в Пекинском университете, литератор Цюй Цо-бо, один из видных деятелей революции, Дэн Чжунся, Чжан Тай-лэй — в последующем один из руководителей китайского комсомола и герой Кантонской коммуны 1927 года. Эти первые пламенные проповедники марксизма в Китае не только ревностно изучали теорию научного коммунизма, но и начали его популяризировать среди студентов и интеллигенции, среди рабочих и мелких буржуа, среди солдат и бедного крестьянства. «Весна возвращается! Возродится ли и Китай?» — этими восторженными словами Ли Да-чжао приветствовал первую годовщину Октябрьской революции...

Действительно, в Китае рабочего класса было все еще ничтожно мало по сравнению с огромной массой крестьянства: но все же два миллиона рабочих в крупных городах, политически грамотных и организованных под знаменем марксизма, представляли собой надежную базу для будущего подъема рабочего революционного движения. Да и численность рабочего класса после первой мировой войны начала быстро расти. В Шанхае, Пекине, Кантоне, Нанкине, Харбине, Ухани, как грибы после дождя, возникали всевозможные капиталистические предприятия, за вывесками которых почти всегда скрывался иностранный капитал. Капитализм в этой огромной сельской полуфеодальной стране неизбежно должен был породить, как он породил в остальных районах земного

шара, своего гробовщика — рабочий класс и его политическую партию.

Днем рождения китайской Коммунистической партии считается 1 июня 1921 года, когда с помощью Коминтерна в Шанхае двенадцать человек объявили о ее создании. Основой Коммунистической партии послужили общество по изучению марксизма, созданное Ли Да-чжао, а также и революционное рабочее движение, прошедшее уже через первые серьезные классовые конфликты и заплатившее кровью за свои первые уроки. Органической частью этой основы являлось и крестьянское революционное движение, которое в этой огромной полуфеодальной стране воздействовало и в будущем будет воздействовать на развитие классового революционного движения со всеми своими плюсами и минусами.

Следующим шагом вновь созданной партии стало ее вступление в единый антиимпериалистический фронт, каким в то время, хотя и со многими оговорками, являлся Гоминдан. Этот шаг был в духе генеральной линии Коминтерна, в то время провозгласившего необходимость единого фронта трудящихся рабочих и крестьянских масс в борьбе против социального неравенства и империалистического гнета. Линия Коминтерна целиком подходила и для Китая, где дело национальной революции, возглавляемое Сун Ят-сеном, оказалось бы обреченным на неминуемую гибель без единства революционных сил. Вступление китайской Коммунистической партии в Гоминдан произошло в результате личных переговоров между Сун Ят-сеном и представителем партии Ли Да-чжао. Ли — первый коммунист, принятый в Гоминдан. Это стало началом реорганизации Гоминдана, который по настоянию КПК должен был превратиться в боевой союз всех революционных сил, борющихся против империалистического гнета, феодальной эксплуатации и натиска милитаристов.

Китайская Коммунистическая партия быстро увеличивала свои ряды. Если в прошлом она насчитывала несколько сот членов, то теперь в ней было уже несколько тысяч человек. КПК все больше проникала на фабрики и торговые предприятия. Пускала корни в среде бедного крестьянства, завоевывала сторонников среди интеллигенции, сеяла семена в армии. Ценой огромных усилий и терпения КПК делала первые шаги в деле, идеалом

которого являлось полное социальное и национальное освобождение страны.

Когда в Китай по приглашению Сун Ят-сена приехали группы советских военно-политических специалистов, работа Коммунистической партии пошла вперед значительно легче. Проверенные в условиях нелегальной борьбы, революции и гражданской войны, советские ветераны по-братски обучали своих китайских товарищей, направляли их усилия на дальнейшее идейно-организационное укрепление партии.

Одновременно с укреплением партии китайские коммунисты энергично работали и в довольно-таки активном профсоюзном движении, организовывали стачки и руководили ими, являлись лучшими бойцами в армейских соединениях Южнокантонского правительства, в сражениях с отщепенцами-милитаристами проявляли настоящий героизм. В бою их пример воодушевлял остальных солдат, поднимал престиж Коммунистической партии среди масс.

Но барометр в то время — весной 1926 года — показывал «тайфун». Он не начался сразу же, даже не начался в том году, но свинцово-серые тучи предательства уже нависли над небом Китайской революции. Партия с помощью Коминтерна принимала все меры, чтобы встретить в полной боевой готовности неизбежный, уже чувствующийся в воздухе взрыв контрреволюции.

5

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД. ИЗМЕНА ЧАН КАЙ-ШИ

Самая значительная военная операция и самая крупная военная победа Гоминдана — Северный поход — по злой иронии судьбы превратилась в его «лебединую песню». Как известно, главнокомандующий войсками национального революционного правительства Чан Кай-ши изменил заветам Сун Ят-сена, резко повернул курс Гоминдана вправо, предприняв «чистку» от всех левых элементов, включая и Коммунистическую партию, и... за подкуп в 60 миллионов юаней предал империалистам уже завоеванную победу.

А эта победа доставалась ценой обильно пролитой крови десятков тысяч китайских патриотов, благодаря неизвестному до тех пор героизму китайских коммунистических полков. Эта победа была завоевана прежде всего благодаря великолепному стратегическому гению, воинской дерзости и боевому опыту главного военного советника В. К. Блюхера и его советских помощников.

Победа в Северном походе достигалась исключительно трудно.

Северный поход начал готовиться в мае 1926 года, когда Центральный исполнительный комитет Гоминдана принял решение приступить к ликвидации отщепенцев-милитаристов в Центральном и Северном районах страны и завершить дело национального объединения.

В середине 1926 года революционная провинция Гуандун, в результате безупречно проведенных операций Блюхера, была в основном очищена от генералов-контрреволюционеров. Одновременно с этим генералы из соседних южных провинций Гуанси и Гуйчжоу признали власть революционного правительства и дали свое согласие участвовать в походе. Революционные силы располагали значительной поддержкой и в лице Фын Юй-сяна, чья «народная армия» хотя и отступила из Пекина, но находилась в боевой готовности и была способна действовать в рамках общего плана наступления против сепаратистского правительства в Пекине и отщепенцев-милитаристов во главе с Чжан Цзо-лином. В армии Фын Юй-сяна, как читатель уже знает, работали советские военные специалисты, что резко улучшило тактические и стратегические качества ее командования.

Одновременно с исторически и стратегически оправданным решением о Северном походе Исполнительный комитет Гоминдана принял одно роковое решение — назначил командующим народно-революционной армией Чан Кай-ши. Этим выбором Гоминдан фактически подписывался под своим смертным приговором...

Главный военный советник В. К. Блюхер немедленно занялся подготовкой стратегического плана похода. Пользуясь расширившимися возможностями своих советских помощников, применяя опыт и принципы советского военного искусства, включая на «полные обороты» деятель-

ность только еще создаваемой разведки, В. К. Блюхер сумел в кратчайший срок представить главному командованию всесторонне разработанное решение.

Итак, двум армиям численностью 270 тысяч солдат народно-революционная армия могла противопоставить не более 100 тысяч бойцов, уступавших при этом в обеспеченности вооружением и боеприпасами. А следовало иметь в виду и другое: тот, кто нападает, должен на другую чашу весов положить и весь риск атаки против подготовившегося к обороне противника. Требовалось овладеть, без необходимой техники, такими старыми и хорошо защищенными крепостями, как Учан, Наньчан, Аньцин...

В нескольких словах план Блюхера предполагал следующее: воспользовавшись отсутствием единства действий между двумя генералами-отщепенцами (У Пэй-фу являлся проанглийским и проамериканским агентом, а Сун Хуан-фан «независимым» милитаристом-диктатором), осуществить разгром противника за два последовательных этапа: сначала разгромить чжилийскую милитаристскую группировку, возглавляемую У Пэй-фу, и освободить центральные провинции Хунань и Хубэй. После завершения этой операции народно-революционная армия должна была направить всю свою ударную мощь на восток, чтобы разгромить сильную контрреволюционную армию Сун Хуан-фана и присоединить к национальному революционному фронту восточные провинции Цзянси, Цзянсу, Фуцзянь и Аньхой. В этих провинциях, довольно богатых и густонаселенных, находились древний столичный город Нанкин и промышленно-банковский центр Китая — Шанхай, а также десятки менее крупных городов и тысячи сел, в которых жило сравнительно зажиточное население.

Третий этап, согласно планам Блюхера, мог быть осуществлен после успешного завершения первых двух, т. е. только после полного освобождения Центрального и Восточного Китая: Север, включающий в себя обширные районы, находившиеся под властью реакционеров из Пекина и военного диктатора Чжан Цзо-лина — агента японского милитаризма в Маньчжурии, можно было сломить и заставить принять национальное объединение только при наличии единого в военном и политическом отношении сплоченного Китая.

Предусматривалось, что на третьем этапе помощь окажет и «народная армия» Фын Юй-сяна. Поистине необыкновенным был состав этой армии. Наряду с китайскими войсковыми частями мы обнаружили в ней и несколько русских полков, сражавшихся против контрреволюционных милитаристов. Это оказались бывшие полки «всероссийского правителя» Колчака; их обманом заставили повернуть штыки против Советской власти; потом, после разгрома, когда их изгнали на территорию Китая, они осознали свою тяжкую вину перед родиной и пожелали вернуться в Россию. После измены Чан Кай-ши и резкого поворота Фына вправо эти русские полки вернулись на родину.

Главное командование приняло детально разработанный план. Однако у В. К. Блюхера оставалось много и вполне основательных причин тревожиться: а можно ли рассчитывать на преданность и компетентность командного состава? В самом деле, военно-политическая школа в Уампу обучила несколько выпусков, и закончившие обучение командиры уже вносили свой вклад в стабилизацию национальной революционной армии. Но все же их число было ограничено, причем они занимали низшие и средние командные должности, а во главе полков и дивизий все же оставались старые генералы и полковники — выходцы из класса помещиков и буржуазии... Разве эти люди могли с чистой совестью содействовать победе национального революционного дела, которое означает будущее свержение феодалов и капиталистов-эксплуататоров? Да и сам главнокомандующий Чан Кай-ши? Кто он? Что у него в душе, что у него на уме? Ведь В. К. Блюхеру с таким трудом удавалось убедить его в необходимости каждого нового шага по пути к осуществлению Северного похода! Друг ли Чан делу революции или змея, свернувшаяся клубком у нее на груди?..

Северный поход начался 9 июля 1926 года, когда развернулось наступление национальной революционной армии против армий У Пэй-фу в провинции Хунань, а завершением похода считается 24 марта 1927 года, когда пал город Нанкин в центральной провинции Цзянсу. Это составляет точно восемь с половиной месяцев ожесточенных военных операций, в которых снова самым блестя-

щим образом проявился военно-стратегический талант В. К. Блюхера и его советских помощников. Несмотря на колебания Чан Кай-ши, его постоянные сомнения в успехе, несмотря на нехватку вооружения и боеприпасов в национальной революционной армии, несмотря на неискреннее поведение старых генералов, против своей воли участвовавших в этой справедливой войне, народно-революционная армия добилась поразительных побед над Учаном, представлявшим собою первоклассную, солидно защищенную старую крепость, оборонявшуюся десятками тысяч отлично вооруженных солдат, под Наньчаном, тоже крупной крепостью, при захвате которой удалось взять в плен более 40 тысяч солдат неприятеля вместе с их вооружением, под Нанкином, яростно оборонявшемся превосходно вооруженным противником...

Благодаря взятию Нанкина и вступлению авангардных частей национальной революционной армии в восставший Шанхай Северный поход мог перейти к третьему этапу: к разгрому милитаристов в Пекине и Маньчжурии, возглавляемых Чжан Цзо-лином, который бы увенчался национальным объединением страны. Все условия для успеха были налицо.

Но именно это испугало империалистов. Раньше они, наверно, недооценивали возможности национального революционного фронта, его попытки разгромить милитаристов и объединить страну под знаменем Сун Ят-сена. Но теперь, когда его победа стала столь очевидной, они ударились в панику. И поставили на самую свою надежную карту: купили главнокомандующего за золото. Действительно, пришлось выложить огромную сумму, но этот расход стоил того. Чан Кай-ши вдруг ликвидировал появившуюся угрозу интересам империалистов, просто сведя на нет результаты победоносного похода и повернув оружие против тех, кто имел самые большие заслуги в завоевании победы, — против левых сил в Гоминдане, против советских специалистов и коммунистов.

12 апреля Чан Кай-ши осуществил контрреволюционный переворот и залил кровью восстание рабочих в Шанхае. 28 апреля были арестованы и казнены двадцать пять видных деятелей КПК во главе с одним из ее создателей Ли Да-чжао. Почти одновременно с этой кровавой операцией контрреволюционеры организовали бандитское нападение на советское политическое представительство в Пе-

кине, разграбили помещения и имущество, арестовали его персонал и издевались над ним. Трагедия Китая началась снова. Реакционные силы в Гоминдане, воспользовавшись контрреволюционными действиями Чан Кай-ши, спешно собрались в Нанкине и создали там реакционное нанкинское правительство, во главе которого встал агент империалистов Ху Хан-мин (лично замешанный в убийстве премьера Ляо Чжун-кая).

Политическое развитие событий шло в точном соответствии с прогнозами главного политического советника М. М. Бородина, равно как и развитие событий в военной области шло согласно прогнозам В. К. Блюхера. Все, что они могли сделать, уже сделали. Но китайский пролетариат как общественная сила оказался все еще очень слабым и неорганизованным, КПК — недостаточно зрелой, а крестьянство — политически несознательным, склонным к стихийным действиям, неоднородным. Фатальный конец стал неизбежным.

Разумеется, в трагедии Китая главным действующим лицом был и оставался империализм. Этот факт всем известен и не требует доказательств, но все же хочется процитировать здесь официально опубликованное в апреле 1927 года предупреждение французского министерства иностранных дел: «У великих держав есть опасение, что Китай угрожает превратиться в плацдарм коммунизма в Азии. В связи с этим было достигнуто соглашение, чтобы все великие державы осуществили бы такие меры, которые ликвидируют эту угрозу...»

В то же самое время, незадолго до предъявления этого откровенного и наглого ультиматума, представители Англии, США, Франции, Японии и Италии собрались на тайное совещание в Пекине и пришли к единодушному решению о «немедленной вооруженной интервенции» в случае необходимости. Именно эта «необходимость» заставила их теперь, в связи с предательством Чан Кай-ши, идти «до конца»: интервенция ограничилась вмешательством англо-американского военного флота, 22 апреля открывшего орудийный огонь по восставшим рабочим кварталам Шанхая и высадившего на берег двадцать тысяч вооруженных солдат, которые «помогли восстановлению порядка в стране»...

Когда история сделает исчерпывающий анализ драматических событий в эпоху первой гражданской войны

в Китае, наверно, станет ясной и подлинная роль китайской Коммунистической партии.

В годы, о которых идет речь, линия борьбы Коминтерна за единый фронт раскрывала и в Китае условия для развертывания коммунистического, антифеодального и антиимпериалистического движения. Однако в этом отношении КПК оказалась пока неспособной использовать предоставившиеся возможности. Я не стану говорить о всех причинах, но основная из них ясна: молодость и незрелость партии, ее пестрый социальный состав.

Коминтерн, направляющий орган коммунистических партий, определял генеральную линию, напутствовал и разрабатывал основные проблемы Китайской революции, но само выполнение задач, естественно, являлось делом КПК. Ее успехи зависели от ежедневной, неутомимой, упорной, целенаправленной идейно-организационной работы партии, от поведения и личного примера всех коммунистов сверху донизу, от правильной ориентировки руководства в любой конкретной военно-политической ситуации, от его способности отозваться на любой призыв революции, от тактического мастерства каждого коммуниста в отдельности и всей партии как единого целого, от умения наступать, когда есть благоприятные условия, и отступать организованно на предварительно подготовленные позиции, когда это станет необходимо. Именно в этом смысле КПК допускала целый ряд ошибок, на которые Бородин своевременно указывал ее Центральному Комитету. Ко всему этому надо добавить известную оторванность руководства от народных масс и от самой партии, от ее боевых организаций. До 1927 года Центральный Комитет КПК находился в Шанхае и оттуда осуществлял руководство. А центр коммунистического движения, «самые горячие» места революции находились на Юге, в провинции Гуандун и в Кантоне. Главным образом там массы нуждались в повседневном и непосредственном руководстве в сложной борьбе против правых сил Гоминдана и явной контрреволюции, против империализма.

Уже в то время в китайской Коммунистической партии, впрочем, как и во многих других партиях во всем мире, появились две противоположные тенденции: правооппортунистическая и ультралевая. Правые оппортунисты в КПК в те времена, кажется, представляли собой меньшую опасность. В Китае правых любой разновидности —

от «умеренных» и «лояльных» до прикрытых агентов империализма и явных контрреволюционеров — было сколько хочешь, и любого правого оппортуниста в партии легко было заметить. Поэтому и борьбу против них вести оказалось сравнительно легче, и она давала больший эффект. Не случайно в 1927 году старые, закаленные в борьбе руководители КПК, сплотившиеся вокруг интернационалистов Цюй Цо-бо, Ван Мина, Цин Бан-сяна и других, с помощью Коминтерна сумели разгромить правый уклон во главе с Чен Ду-сю. Но ближайшее же время доказало, что, давая отпор опасности справа, китайские руководители серьезно недооценили опасность слева.

Ультралевый уклон в китайской Коммунистической партии, в сущности, являлся троцкизмом, привитым на китайской почве. Встречались, разумеется, и местные очаги этой пагубной болезни, но главными носителями этой ядовитой бациллы являлись троцкисты, проникавшие в страну извне. Легко предположить, как они проникали в Китай: большинство из них находили там почву для действий после того, как были разоблачены, а часть из них — изгнана из Советского Союза. Мастера революционной фразеологии, опытные во всех «идеологических» спорах схоласты, они оказались фанатичными сторонниками идеи «перманентной мировой революции» немедленно, в данный же момент, во всех случаях и при любых обстоятельствах, не отдавая себе отчета о реальных условиях времени, соотношении сил, шансах на успех...

Я не могу со всей определенностью сказать, какова вина ультралевых и правых уклонистов в ошибках КПК в конце двадцатых годов, но, как мне кажется, любой современник ныне легко может убедиться в том, сколь живуч китайский оппортунизм в лице уродливого современного маоизма. Многие партии в свое время заболевали различными болезнями, «детскими» и «недетскими», но, переболев, вставали на ноги, учась на собственных ошибках, и прежде всего на опыте руководителей Октябрьской революции — русских большевиков. К сожалению, китайские догматики, в особенности группа Мао Цзэ-дуна, не смогли излечиться от старых болезней, заразились новыми, бросаются из крайности в крайность, извращают и ревизуют основные идеологические положения марксизма-ленинизма и фактически ныне довели дело китайской революции до катастрофы. Своеобразный ревизионизм,

неприкрытый антикоммунизм и великодержавный шовинизм Мао привели его группу к отказу от единства действий и дружбы и даже к грубому противопоставлению себя родине коммунизма — Советскому Союзу и всему мировому коммунистическому движению, к идеологической и организационной ликвидации КПК, это поставило их на одну ступень с самыми черными предателями и ренегатами коммунистического движения. Китайский народ снова переживает великую трагедию. И только будущее покажет истинные размеры поражений, которые группа Мао Цзэ-дуна нанесла и все еще продолжает наносить мировому революционному процессу.

Но как коммунист, непосредственно соприкасавшийся с коммунистами этой страны, я храню надежду, что здоровые силы в КПК придут в себя, удалят маоистскую гангрену, откажутся от антисоветского знамени и культа Мао, спасут дело революции, выведут Китай из хаоса и снова присоединятся к братской семье социалистических народов...

Измена Чан Кай-ши и поворот Гоминдана вправо сделали невозможным дальнейшее пребывание советских специалистов в Китае. Им угрожало физическое истребление. Бандитские организации контрреволюции, убившие Ляо Чжун-кая в его кабинете, теперь действовали с развязанными руками, не испытывая никакого страха перед полицией, старательно их прикрывавшей. Советники начали покидать страну. Первым уехал герой Восточного и Северного похода, главный военный советник В. К. Блюхер (Галин), а в начале августа 1927 года пришлось уехать вместе с помощниками и главному политическому советнику Гоминдана М. М. Бородину.

Над Китаем спустилась черная ночь кровавого террора и суровой гражданской войны, продолжавшейся с большей или меньшей силой еще целых три десятилетия...

А мы?

Наша группа под руководством Гриши Салнина осталась. Мы за короткое время выполнили функции советников по военной разведке в «народной армии» Фын Юйсяна, и, когда Фын после измены Чан Кай-ши «переориентировался» и встал под другие знамена, мы перебрались в Пекин и Шанхай, где начали осуществлять свои

задания — вести разведку в лагере противника. Еще до того, как корпус советников при Блюхере выехал из Китая, наша группа незаметно «растаяла» и исчезла, превратившись в группу из нескольких бизнесменов, срочно открывших небольшие торговые предприятия и начавших «делать деньги». Разумеется, группа поддерживала связь и с центром, с управлением Берзина, через нашу шифровальщицу Галину, имевшую в то время «официальный статут» в Пекине. Встречи с Галей и обмен секретной корреспонденцией с Москвой осуществлялись по всем правилам разведывательного искусства.

6

ТОРГОВЦЫ В ШАНХАЕ И ПЕКИНЕ. КРОВЬ — ЦЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАИВНОСТИ

Декабрь 1927 года. В контору импортно-экспортного торгового предприятия вошел незнакомый китаец. Это был мужчина лет пятидесяти, одетый в европейский костюм, с желтым кожаным портфелем и бежевым английским плащом на одной руке. Войдя, он снял шляпу, учтиво улыбнулся вместо приветствия и слегка поклонился.

Я наблюдал за ним, еще когда он проходил через прихожую конторы. Мы специально выбрали контору именно здесь и именно с такой прихожей, чтобы нас не могли застать врасплох неожиданные посетители. Старательно поработали над освещением в конторе и с помощью бамбуковых абажуров и плотных занавесок на окнах добились того, что мы, находясь в глубине конторы, оказывались в тени, в то время как посетитель, стоявший у порога, ярко освещался солнечными лучами или электрическим светом, падавшим из-под китайского абажура.

Что мы выигрывали этим? Хотя бы несколько минут. Но тот, кто имел возможность познакомиться с рискованной профессией разведчика, хорошо знает, как много значат иногда минуты, даже секунды, когда они есть в запасе. Да и нам с Гришей Салниным хватило бы всего нескольких секунд, чтобы покинуть, когда понадобится, контору через незаметный черный ход, который мы открыли после того, как наняли помещение.

— О, здравствуйте, дорогой Чен. — Я сразу же узнал его по желтому кожаному портфелю под мышкой. — Изви-

ните, но эти усы, ваша новая прическа и элегантная внешность сначала заставили меня вздрогнуть...

Чен повесил на вешалку плащ, а когда протянул мне обе руки, чтобы поздороваться, его лицо сияло дружеской улыбкой. Пароль не понадобился: я хорошо его знал, «нашего Чена». Я не видел его уже несколько недель, да и в последний раз, когда он явился с письмом от товарищей, он был одет в одежду кули.

Чен, рабочий с промышленного предприятия в Шанхае, имел интеллигентный вид, да и путем самообразования сумел приобрести довольно высокую политическую и общую культуру. В этом я имел возможность убедиться при прежнем нашем знакомстве.

— Как поживаете, дорогой Чен? — И я усадил его за маленький столик в нашей приемной, а сам сел лицом к двери. — Ты столько времени не появлялся... Какие-нибудь новости?

Чен молчал, но, когда я посмотрел ему в лицо, заметил, что он совсем пал духом.

— Новости есть, товарищ Ван.

Тогда мы часто меняли имена, обстоятельства требовали этого.

— Из Пекина? Я уже знаю. В английском сеттльменте снова расстреляли группу рабочих под предлогом, что они бандиты, пробравшиеся в город с целью грабежа...

Чен только покачал головой.

— Это стало для нас обычным делом, товарищ Ван... Важные новости пришли с Юга...

— Но раз они оттуда, значит, добрые новости?

— Очень, очень печальные. Сердце разрывается на части, товарищ Ван... Коммуна разгромлена. Кантон залит кровью рабочих... Провокаторы напали и на советское консульство, убили русских товарищей...

Я был поражен. Последние новости, которыми мы с Гришей располагали о развитии Кантонского восстания, были хорошими и даже более того. Кантонская коммунистическая организация и левые силы Гоминдана, оставшиеся верными заветам Сун Ят-сена, подняли восстание против контрреволюционного переворота Чан Кай-ши. В восстании приняли участие и сельские боевые организации из Южной провинции, которые еще во времена Блюхера участвовали в Восточном походе и операциях по прочесыванию южнокитайского побережья. Мы знали

также, что с ними и народно-революционные армейские части, оставшиеся верными революции и после измены Чан Кай-ши...

Это мы знали. Сообщения о «большевистском мятеже» в Кантоне передавались и раздувались в печати и по радио всеми корреспондентами западных телеграфных агентств в Кантоне. При этом они не только информировали, но и призывали к тому, чтобы немедленно дать отпор «мятежу». Последняя услышанная нами по радио новость была для нас отрадной: «Кантон восстал. Красные взяли власть в свои руки и объявили Кантон коммуной. Кантоном управляет совет красных комиссаров. Кантон объявил об аннулировании всех договоров с западными государствами, о реквизиции без компенсации земли у помещиков, ввел восьмичасовой рабочий день...» Могла ли быть новость более радостная, чем эта! Когда мы ее услышали, Гриша Салнин даже подскочил:

— Что за новости принес, Чен? Неужели возможно все это?

— Наши сражались до последней возможности, — промолвил Чен. — Отступили, только когда крейсеры с моря начали их обстреливать, а войска Чан Кай-ши окружили Кантон с северо-запада... В самом деле, товарищ Ван, они не могли больше продержаться...

Чен говорил так тихо, что я едва его слышал. И говорил так, словно извинялся за отступление восставших, за их поражение. В его глазах я был советским человеком, русским, а китайские коммунисты считали русских опытными революционерами, мастерами революционной тактики и стратегии, доказавшими свои способности довести борьбу до победы... И теперь любой неуспех Чен воспринимал как упрек китайской партии, как признак слабости, неумелости. Я хорошо его понимал. Ведь я испытывал то же чувство революционной неполноценности, когда в свое время стоял перед Берзиным и просил его отчислить меня из управления после некоторых неудач в работе!..

Мы поговорили еще немного — ровно столько, сколько обычно может продолжаться деловой разговор между клиентом и торговцем-импортером. Чен взял с вешалки свой плащ, опять так же учтиво попрощался и покинул контору, стиснув под мышкой желтый кожаный портфель.

Но теперь он крепко прижимал к себе другой портфель. Тот, что он принес, я сразу же спрятал под раз-

ными торговыми ведомостями, лежавшими па моем письменном столе, после чего подменил его похожим.

Чен вышел в сопровождении Людвига.

Впрочем, я должен вам представить Людвига. Он один из двух «акционеров» этой торговой фирмы, чех по национальности, вместе с Мирко, югославом, они официально зарегистрированы властями как собственники фирмы, а за этой вывеской, в сущности, скрывались мы: Гриша Салнин и я. И тот и другой не коммунисты, но достойные, честные люди, изгнанные из родных стран за свои политические убеждения. Читатель может спросить: разве политические эмигранты из этих стран не могли найти убежище в каком-нибудь государстве поближе от родной земли, что им понадобилось забраться на другой конец планеты? Вполне обоснованный вопрос, я сам задавал его себе, но мне не удалось найти на него правильный ответ, пока, наконец, они сами без всякого стеснения не объяснили: «Мир так огромен. Нам хотелось поездить по свету, посмотреть, познакомиться с другими народами и континентами».

Людей подобного типа называют авантюристами; действительно, это, кажется, самое подходящее определение. Но Мирко и Людвиг были людьми на редкость чистой души. По своим убеждениям они были похожи на левых социал-демократов с их надеждами на то, что врожденные социальные недуги буржуазного общества можно исправить с помощью реформ. Но здесь, в Китае, где так называемые западные демократии, включая США и Японию, не скрывали своего волчьего облика и беспощадно подавляли огнем и пулями порыв китайского народа к свободе, оба они прозрели и поняли правду о реальном мире и протянули нам руку для честного сотрудничества. Они не знали точно характера нашей с Гришей работы, даже не интересовались ею. Но знали, что мы советские люди и помогаем этому жестоко притесняемому народу в его борьбе за национальное освобождение и социальную справедливость. Этого им было достаточно, чтобы стать нашими верными сотрудниками и друзьями. Они не знали, что собой представляют люди типа Чена, которые приходили к нам в определенные дни и которых мы принимали только после того, как они скажут пароль; не знали, что содержится в «торговых пакетах», присланных вместе с накладными из Вены после того, как они проследовали через

советскую территорию; не знали, как мы осуществляем «торговые поручения» и платежные операции; не знали, как нам удается обеспечить предприятие достаточным количеством товаров, причем из самых известных европейских фирм...

Наша шанхайская импортно-экспортная фирма владела не только конторой для деловых контактов с местными клиентами и бизнесменами, но и представительным магазином в европейской части города: во французском сеттльменте. Там можно было купить всевозможные товары: меховые изделия из Финляндии, туалеты для дам и различные принадлежности для них же из Вены, хрустальные и фарфоровые сервизы из Праги, модную обувь из Брно, разнообразную электроаппаратуру и машины из Берлина, ароматные сигареты из Турции, Греции и Болгарии, шелковые ткани, кимоно и дамские веера из Японии, черную икру, рыбные деликатесы и дорогие меха из Советского Союза. В той части Шанхая это был один из приличных магазинов, правда небольших, но хорошо снабжавшихся, и нам удавалось вести там доходную торговлю. В магазине чаще работали Мирко и китаец-продавец, который объяснялся на китайском языке с местными клиентами. Разумеется, китаец знал еще меньше, чем оба «собственника» фирмы, т. е. ничего. Он просто был убежден, что работает у двух бизнесменов, которые хорошо ему платят. Может быть, только удивлялся тому, что эти бизнесмены так по-дружески к нему, туземцу, относятся, уважают его человеческое достоинство, что так редко встречалось тогда среди настоящих бизнесменов.

Мы имели такую же импортно-экспортную фирму и в Пекине. Ее «хозяевами» являлись поляк, немец и двое бывших белогвардейцев из армии Колчака. Немец и поляк напоминали наших приятелей в Шанхае, а двое бывших белогвардейцев, родом из Смоленска, полностью осознали свою вину перед матерью-родиной и выразили желание, как и тысячи других в то время бедствовавших в северных провинциях Китая, полностью забытых своими вчерашними «хозяевами», вернуться домой. С нашей помощью оба русских поняли, что своей родине они достаточно успешно могут служить и здесь, и временно отложили свой отъезд, чтобы «начать» торговлю и «делать деньги»...

Как и следовало ожидать, обе импортно-экспортные фирмы имели своих «торговых агентов» и в других горо-

дах страны и почти во всех крупных портах Китая. Это, в сущности, были наши люди, вроде Мирко и Людвига (европейцы, китайцы, монголы, корейцы), которых нам самим удавалось привлечь для осуществления наших задач. Обе фирмы, к которым позже добавилось промышленное предприятие в Харбине, не имели ничего общего между собой, кроме истинных владельцев. Это мы осуществляли связи с «торговыми агентами» в остальных провинциях. «Официальные владельцы» являлись только представительными лицами в Шанхае и Пекине и осуществляли торговую деятельность в магазинах. Между прочим, надо добавить, что наши торговые фирмы, хотя и фиктивные по сути дела, действительно занимались торговой деятельностью и давали доходы. На доходы от этих фирм нам удавалось покрывать почти все расходы группы и жить на «широкую ногу», как это и требовалось, чтобы завоевать себе здесь независимость и авторитет. В этой стране внешность и деньги являлись единственным удостоверением личности человека...

Проводив Чена до выхода на улицу, Людвиг вернулся в контору, сел за свой письменный стол, заваленный накладными, и продолжил работу, прерванную приходом китайца. Он был примерно на десять лет старше меня, значит, ему было что-то около сорока. Но лицо, изборожденное глубокими морщинами, и лысая голова старили его и делали солидным. Людвиг казался грустным.

— То, о чем рассказал посетитель, сегодня утром слышал и я, — промолвил он, — но просто забыл рассказать... Ужасно... Ужасно... Английские крейсеры открыли огонь из бортовых орудий прямо по восставшим кварталам. Испепелили все вокруг... По какому праву, боже мой, по какому праву!.. — Он сжал голову обеими руками и продолжал сокрушаться.

— Но, Людвиг, ты жил здесь и год тому назад, не так ли? Был в Шанхае, даже когда английские крейсеры обстреливали город. Почему же ты так удивляешься сейчас их вмешательству в Кантоне?

— Я не удивляюсь. Я уже в том возрасте, когда мало что может меня поразить, особенно в политике... Но в данном случае это не политика. Это бесчеловечная, жестокая война сильного против слабого и беспомощного... Притом без попыток скрыть это, без усилий придать благовидность своим намерениям... Вандалы, вандалы, современные гунны...

— В самом деле, вандалы, Людвиг, грубые, бесчеловечные. Первой познакомилась с их подлинным ликом Советская Россия. Те же самые крейсеры обстреливали Ленинград, Севастополь, Одессу. А к тому же они послали еще и войска, чтобы удушить революцию в момент ее рождения. Не удалось... Действительно, ты прав, Людвиг, империалисты — это современные вандалы. Только ты не прав в другом...

Людвиг посмотрел на меня вопрошающе.

— Ты не прав, считая, что этот народ беспомощен... И что у него нет друзей, которые ему помогали, помогают сейчас, будут помогать и в будущем, чтобы он мог стать хозяином в собственном доме...

Гриша Салнин приехал вместе с Мирко на рикше, плавно подкатившем к нашей конторе и быстро отъехавшем по тихой улице. Они прибыли, прежде чем я успел уйти к себе во внутреннее помещение конторы, чтобы проверить содержимое портфеля.

Гриша шел ко мне неторопливо, небрежной и независимой походкой бизнесмена, чьи дела идут отлично. Темные роговые очки прикрывали глаза, а дорогая итальянская шляпа бросала тень на его удлиненное и гладко выбритое лицо. Элегантный английский фланелевый костюм, модные швейцарские туфли и тонкая трость из вьетнамского бамбука с набалдашником из слоновой кости дополняли картину. Гриша спокойно пересекал широкий тротуар на тихой улице перед входом в контору. Я ждал его с едва сдерживаемым нетерпением: сегодня утром он отправился в шанхайский порт, чтобы получить на таможне «груз». Сопровождал его Мирко — «официальный» владелец фирмы. «Груз» оказался значительно объемистее, чем в прошлый раз, и весил несколько тонн. Накладные, которые власти вручили нам после того, как он прибыл, свидетельствовали о том, что груз прибыл из Германии транзитом через Советский Союз. И еще, что это электроаппаратура, швейные машины и запасные части, заказанные согласно спецификации.

Гриша поздоровался с нами на китайский манер, слегка поклонившись, и сразу же заговорил:

— Все в порядке. После обеда перевезем груз на склад.

Гриша имел в виду склад нашей фирмы, расположенный по соседству с магазином.

— Жалко, что не все в порядке, — покачал я головой. — Ты узнал о новостях с Юга?

— Еще утром. Гонконгское радио в своей передаче на английском языке первым передало сообщение из Кантона. Корреспондент этого радио хвастался, что ему выпал счастливый случай наблюдать «разгром путча» с борта самого крейсера, извергавшего, «как настоящий вулкан, огненную лаву»... Торжествовал, что персонал советского консульства подвергся «казачьей рубке»...

Гриша говорил без аффектации, но я чувствовал в его словах огромную, едва сдерживаемую боль.

— Наступит день, когда эта огненная лава извергнется на их головы. Преступники...

Мирко, огромный и стройный, как гладиатор, югослав из Шумадии, стоял рядом с худым и элегантным Гришей, а его лицо выдавало, что он смущен и окончательно запутался.

— А что теперь? — спросил он. — События на Юге, наверно, отразятся и на положении здесь?

— Наверно, — ответил после краткой паузы Гриша. — Но это ничего не значит. У импортно-экспортной фирмы Мирко и Людвига нет никаких интересов, кроме бизнеса... Работа продолжается...

Потом Гриша повернулся и взглядом спросил меня.

— Да, — кивнул я в ответ.

У Мирко не было больше дела, и он ушел. В конторе остался Людвиг со своими торговыми ведомостями и грустными размышлениями, а мы с Гришей ушли во внутреннее помещение.

— Приходил курьер, — шепнул я Грише, когда он плотно закрыл за собой дверь. — Вероятно, что-нибудь спешное и важное.

В потайных карманах желтого портфеля лежало запечатанное письмо. Оно было кратким и содержало ряд указаний по организации работы в Тайюане, куда мне необходимо было срочно выехать.

— Еду, Гриша, — объявил я. — Думаю, что на обратном пути лучше проехать через Пекин.

— Точно так, Ванко. Наверно, у Галины накопилась корреспонденция. Прошло почти две недели с тех пор, как

я в последний раз виделся с нею. Да, наверняка есть что-нибудь и в пекинской фирме...

— Думаю одеться так, словно еду на охоту на фазанов.

Гриша улыбнулся:

— Не только оденься, как охотник, но и постарайся при возвращении раздобыть откуда-нибудь эту дичь... Отправиться аж до Тайюаня за фазанами и вернуться с пустыми руками — да тебе никто не поверит...

Мы сожгли письмо и распрощались.

— Встретимся после обеда, в три часа, на складе, — уточнил Гриша и тотчас же покинул помещение конторы. Выйдя на улицу, он помахал рукой свободному рикше и исчез.

Да, Кантонскую коммуну разгромили с помощью орудий английских крейсеров. Но борьба продолжалась...

После обеда мне пришлось выйти задолго до условленной встречи, чтобы попасть на место точно в три. Мне понадобилось пересечь большую часть этого гигантского человеческого улья, простиравшегося на много километров, весь английский сеттльмент, а потом и японский, а это означало каждый раз менять рикшу, потому что каждый сеттльмент фактически являлся государством в государстве, с собственной юрисдикцией, собственной полицией и войсками, с территорией, со всех сторон окруженной или стенами, или густыми проволочными заграждениями, с внутренней стороны защищенными мешками с песком, которые неизменно охранялись солдатами соответствующего государства.

В помещении склада, расположенного во французском сеттльменте, я застал кроме Гриши и Мирко еще одного человека — китайца, хорошо знакомого товарища.

Мы молча пожали друг другу руки, после чего Мирко ловко начал вскрывать ящики, крепкие деревянные ящики, окованные металлическими шинами, со всех сторон оклеенные этикетками, свидетельствовавшими о том, что они прибыли из Берлина.

Мирко вскрыл четыре, а может быть, пять ящиков. Их содержимое никого не удивило: запасные части к машинам и электроаппаратура, перечисленная в приложенной к ним фактуре. Их тщательно уложили и переложили ватой, чтобы предохранить от ударов. Гриша снял первый

и второй ряды запасных частей — все оказалось именно так, как мы ожидали. Потом повернулся к Мирко.

— Благодарю тебя, друг, — сказал он ему.

Мирко дал знак, что он все понял, и покинул склад, закрыв за собой дверь на специальный замок. Он знал свое место, не проявлял излишнего любопытства, делал точно то, что от него требовалось, и не считал, что, если мы о чем-то умалчиваем или скрываем что-то от него и Людвига, это признак недоверия. Он знал, что каждый должен знать только то и в такой степени, насколько это необходимо для нормальной работы, и ни одного слова, факта, имени или адреса больше.

Как читатель уже догадывается, нижняя половина ящиков, специально сделанных для этой цели, была заполнена оружием. На сей раз оружия оказалось больше, чем обычно. Правда, оно было не новое, но вполне сохранившееся, смазанное и с запасом боеприпасов к нему. Гриша лично подбирал его на военных складах в Хабаровске и Владивостоке. Это было трофейное оружие (английское, французское, чехословацкое), доставшееся от взятых в плен контрреволюционных банд Колчака и барона Унгерна, от изгнанных наемных армий интервентов. Оттуда шло оружие, а остальные «мирные» грузы прибывали из Берлина или Вены, из Праги или Белграда, в зависимости от случая. Но прибывали они всегда после переупаковки в Хабаровске или Владивостоке. С этой целью Гриша или я «наезжали» время от времени в Европу, чтобы на месте оформить очередной заказ или же сбыть там экзотичные китайские товары (ведь наши фирмы занимались и экспортом) — фарфоровые вазы, статуэтки и сервизы, изделия из лака и слоновой кости, искусную китайскую резьбу по дереву, гобелены, изящные бамбуковые зонтики, веера, всевозможные изделия народных умельцев и др.

Эти путешествия в Европу и обратно «транзитом» через Советский Союз имели целью не только экспедировать оружие в Китай. Проехав по Транссибирской магистрали и пробыв необходимое время в Москве, чтобы получить новые инструкции и задачи, мы после этого продолжали свой путь на Запад — в Вену, Берлин или Прагу, по нашим торговым делам. И уже с товарами для продажи, которые иногда, если они нужны спешно, следовали вместе с нами в багажном вагоне или же малой скоростью

в товарных вагонах. Мы действительно ехали в Китай транзитом через Советский Союз.

Читатель может задать себе вопрос: а если таможенные власти все же случайно обнаружили бы, что на самом деле представляли собой эти грузы, не являлось ли это слишком опасным для нашей группы разведчиков? Нет, в Китае в то время не являлось. Самой большой угрозой мог бы оказаться штраф — в большем или меньшем размере — за незаконный ввоз оружия без пошлины, и ничего больше. В сущности, наиболее трудной частью этой работы являлась сама передача оружия китайским товарищам, конспиративная связь с ними.

Мы договорились с китайским товарищем, как будем передавать оружие. Китайская коммунистическая партия не располагала денежными средствами, чтобы вооружаться путем обычной закупки оружия, хотя в Шанхае, Пекине, Нанкине или Кантоне в оружейных магазинах оружие продавалось свободно. За нею не стояли банковские магнаты империалистических держав, она не могла рассчитывать на их крейсеры и войска. Единственным другом КПК и революционных сил этой страны в те мрачные годы и всегда после этого являлась родина Ленина, первое свободное государство рабочих и крестьян.

Поездка с Ченом прошла спокойно. В Тайюань мы приехали даже на день раньше, и я смог обойти окрестности города, славившиеся чудесной охотой на фазанов. В рощах около города я встречал и других охотников — европейцев, и мы учтиво раскланивались. Каждого из нас сопровождал китаец, чтобы искать подстреленную дичь и, разумеется, чтобы таскать охотничьи трофеи. Мой сопровождающий Чен таким образом получал довольно убедительное оправдание поездки со мной в этот город.

Мы вернулись к вечеру, подстрелив полдюжины жирных фазанов, довольные удачной охотой. В гостинице, где остановились и другие охотники-европейцы, в ту ночь гуляли допоздна. Мне пришлось вести себя так же, как и другим охотникам, приехавшим сюда развлечься. А в это время Чен затерялся во мраке городских улиц, чтобы установить необходимые связи.

На следующий день я уклонился от приглашения компании охотников, пожелал всем провести «приятно» вечер

и ушел, сославшись на легкое недомогание. Когда мрак спустился на Тайюань, Чен повел меня через густонаселенные рабочие кварталы, где без провожатого иностранец наверняка бы заблудился.

В небольшой комнате бедного дома рабочего, куда Чен меня привел, я застал десятерых мужчин, собравшихся за столом, освещенным светом бумажного фонаря. Лица у них были серьезные, сосредоточенные. По крайней мере так казалось мне, европейцу, в первое время. Они были бедно одеты, без головных уборов. От очага струилось тепло.

На небольшой полочке в нише стены был устроен семейный алтарь. Большая часть народа этой страны исповедовала религию, отличную от европейской. Распространенной религией являлось конфуцианство (в сущности, не религия, а этическая философская система поведения), таоизм (самая старая религия китайцев, которая приближается к нашим понятиям о вере, так как основывается на почитании бога Тао), буддизм, а самая распространенная религия — культ предков. Каждая семья сторонников этого культа хранила прах своих предков и держала его в семейном алтаре — очаге, перед которым все читали свои молитвы, исповедовались и давали клятвы. Дом, куда мы пришли, очевидно, принадлежал последователям этого культа. Коль зашла речь о религии, хочется, между прочим, упомянуть и о новой религии, нашедшей широкое распространение, правда насильственным путем, в пределах нынешнего Китая, — о культе Мао. Цитаты из его сочинений, превращенные в священные догмы, его портреты, значки с его изображениями, торжественные оды, кантаты и восхваления теперь разлились по всей стране, как воды Янцзы весной, и засорили душу этого народа пустословием и псевдоистинами, вытеснили единственную великую религию пролетариата — веру в социальную справедливость, равноправие, мир и счастье трудящихся на земле...

Чен подождал, чтобы мужчины — их было точно десять человек — расселись, и представил меня на китайском языке, отдельные слова и фразы которого я начал постепенно понимать и даже произносить. Все повернулись к нему и слушали его внимательно. Они были предупреждены о том, кто посетит их этой ночью, но в тот момент, когда Чен сообщил им, что «прибыл советский

товарищ», я заметил, как их лица оживились. Некоторые украдкой рассматривали мою одежду, лицо, старались проникнуть в мои мысли.

В ответ на слова Чена, которые он произнес, повернувшись вполоборота ко мне, один из сидящих в комнате встал, сказал несколько фраз и вежливо поклонился мне.

— Боевая десятка товарища Лиена, — перевел мне на русский язык Чен, — выражает свои самые лучшие чувства русскому товарищу и свою преданность.

Я вежливо поклонился всем. Ритуал взаимного уважения обязателен для любых классов и сословий в этой стране. После этого Чен снова обратился ко мне:

— Товарищ Ван, они ждут вашего выступления.

Я подготовился к этому. Я уже присутствовал на подобных собраниях в центральных и восточных провинциях Китая, в рабочих центрах, составляющих целую сеть боевых организаций. Повсюду они проходили по одному и тому же регламенту, и у меня создалось такое ощущение, будто я присутствую в одном и том же коллективе. Да и люди казались похожими: и по скромной одежде, и по поведению, и по кроткому молчанию, и по выражению лиц и глаз.

— Я передаю вам братские поздравления русских рабочих и крестьян, всего советского народа, — начал я, и Чен стал переводить.

Я заверил их, что в лице Советского Союза революционный Китай имел и всегда будет иметь верного союзника и брата, что Советский Союз не покинет китайский народ в борьбе против контрреволюции и империалистических угнетателей, что партия большевиков будет продолжать оказывать помощь китайской Коммунистической партии, Китайской революции...

Я коротко рассказал, какие задачи стояли перед нелегальными группами партии большевиков в эпоху царизма, подробно остановился на формах их работы, рассказал, как эти группы участвовали в нелегальной борьбе, какие средства использовали они для своего вооружения и обучения, для поддержания контактов между собой, а также с руководителями десятки. Потом я сказал о революционной дисциплине, о необходимости хранить в абсолютной тайне свою принадлежность к боевой группе, ее численный состав, имена членов и руководителя, а также задачи...

Пока говорил, я внимательно наблюдал за людьми, сидящими напротив меня в бедном жилище рабочего. Освещенные бумажным фонариком, их лица казались еще более желтыми, появлялся блеск в глазах, и я видел, как на их лицах появляется оживление. Это северяне, жители северных провинций. Кожа у них на широких, скуластых лицах бледно-желтая; постоянный труд, хроническое недоедание оставили на некоторых из этих лиц множество морщин. На вид им можно было дать от тридцати до пятидесяти лет. Все рабочие. Это безошибочно угадывалось по ветхой одежонке и по выпирающим костям их худых тел.

Я закончил свое выступление вопросом, есть ли среди них курильщики опиума.

Когда Чен перевел мой вопрос, из сидящих на подушках людей встали четверо. У них лихорадочно блестели глаза, лица были бледнее и морщинистей, чем у других. Они казались стариками, хотя были не старше остальных.

Я кивнул головой, и эти четверо сели так же молчаливо, как и встали, совсем не стесняясь ни меня, ни остальных.

— Опиум такое же большое зло, — не выдержал я, — как империализм и контрреволюция... — Я подождал, чтобы Чен перевел, и продолжил: — Это зло разрушает организм молчаливо, но беспощадно, ослабляет мускулы борца, затуманивает его сознание, лишает его воли к сопротивлению. Опиум — союзник контрреволюции...

Мужчины, сидевшие за столом, смотрели на меня явно растерянные. «Неужели в самом деле этот невинный белый порошок, дарящий несколько часов покоя и забвения, может причинить зло революции?» — читал я в их глазах. Четверо «виновных» дрожали, как в агонии. Слова о том, что опиум «союзник контрреволюции», потрясли их души. Я даже пожалел их.

— Курильщики опиума не виноваты в своей слабости, — продолжал я. — Эксплуататоры заинтересованы в том, чтобы этот порок распространялся среди народа, тогда легче держать его в подчинении. Так в свое время русские помещики и царизм поощряли среди народа употребление алкоголя — такого же врага рабочего класса и революции, как и опиум...

Я говорил еще долго. В то время наркомания в Китае приобрела невиданные масштабы. Опиум, который производили в южных провинциях страны и вывозили в огром-

пых количествах через Гонконг, Шанхай и Макао, превратился в пагубную страсть и среди миллионных масс трудящихся. Мнимое кратковременное блаженное спокойствие, которого добивался курильщик опиума после употребления этого наркотика, обычно стоило ему всей скудной заработной платы за неделю изнурительного труда на пристани или у фабричных машин, большей части урожая с небольшого клочка земли. А главное, это «блаженство» непоправимо вредило его здоровью, становилось истинным бедствием для всей семьи, которая, по существу, теряла кормильца. Разумеется, опиумомания приносила вред и делу революции. За несколько граммов опиума наркоман готов продать с себя последнюю рубаху, заложить свою честь, забыть о своих идеях, или даже стать провокатором, предателем, шпионить за своими братьями по классу. Вот почему китайская Компартия в те годы считала борьбу против этой пагубной страсти важной задачей.

— Призываю вас, дорогие товарищи, бороться за полную победу революции! Будем же высоко нести знамя, на котором написано: «Смерть контрреволюции! Вон империалистов из нашей родины! Долой опиумоманию! Да здравствует братство и социальное равенство всех трудящихся! Да здравствует коммунизм!»

Чен закончил перевод моей речи. Мужчины быстро встали и склонились в глубоком и продолжительном поклоне: они поклонились моим словам, поклонились оратору.

Собрание подпольной десятки закончилось после того, как они произнесли клятву. Каждый вставал со своего места, произносил слова клятвы, низко склонял голову перед домашним алтарем предков, после чего молча возвращался на место.

Клятва гласила: «Клянусь прахом предков, что буду служить коммунистическим идеям, отдам силы, а если понадобится и жизнь, за братство, социальную справедливость и счастье всего моего трудового народа. Клянусь!»

Клятва верности делу, которому ты себя посвятил, совсем не новшество в практике революции. Подобную клятву давали и мы в наших боевых десятках и пятерках в Плевенской организации. Клялись в свое время и наши деды — борцы за национальное освобождение, когда целовали крест и револьвер и получали божье причастие от священника-революционера. Но клятва, которую давали

китайские товарищи, в чем-то отличалась от их. Мне трудно определить точно, в чем выражалось это отличие, так же как мне трудно вообще делать анализ всего того, что относится к этой стране. Особенным, может быть, был тот непередаваемый фанатизм, который проявляли члены боевой группы, произнося слова клятвы «о верности до самой смерти», странный блеск в их глазах, напоминавший лихорадочный блеск в глазах наркоманов. Внешне казалось, что эти люди ничего особенного не делают, а на самом деле этот миг, миг произнесения клятвы, превращался для них в самый решающий для их судьбы.

Однажды я был свидетелем страшной картины — публичной казни в крупном городе Баодин, оккупированном Чжан Цзо-лином. Этот город расположен на железнодорожной линии Пекин — Тайюань, и служебный долг заставил меня остановиться там на сутки после того, как я закончил свои дела в Тайюане. Кажется, сама судьба пожелала, чтобы казнь состоялась накануне моего отъезда из города, на площади перед гостиницей, где я жил (на сей раз мы выбрали маленькую гостиницу в одном из отдаленных от центра кварталов города). В этот город до меня приезжал Гриша, в связи с «торговой деятельностью» нашей фирмы в Пекине. Я явился в гостиницу поздно ночью, сопровождаемый только Ченом, без которого, может быть, стал бы жертвой гангстеров и бандитов — в то время Китай кишел ими.

Проснулся я рано, задолго до того, когда мне надо было вставать. Разбудили меня удары барабана и пронзительный свист маньчжурских свирелей, а также необычный шум толпы. Я подошел к окну своего номера. Вся площадь оказалась забита людьми, стоявшими вплотную друг к другу. Посередине многотысячной толпы, на небольшом свободном пространстве, я увидел трех обнаженных до пояса китайцев с завязанными сзади руками, стоявших на коленях прямо в грязи. Я стоял у окна и не находил в себе силы оторваться от этого тревожного зрелища.

Ждать пришлось недолго. Звуки свирелей и удары барабана внезапно прекратились, и в свободном пространстве, окруженном толпой, появился офицер в сопровождении десятка солдат. Офицер нес в руках длинный свиток, который развернул и начал громко читать, указывая пальцем на связанных полуголых людей. Что все это значило?

Мне все стало ясно, когда я внезапно увидел среди солдат, окружавших офицера, человека с топором. Боже мой, да я присутствую при казни! Китайские товарищи уже рассказывали мне о подобных казнях на Севере, а также и в Пекине, где господствовал диктатор Чжан Цзолин. На публичном месте власти обезглавливали тех коммунистов, которые, будучи схвачены, имели при себе оружие, а также тех, кто участвовал в каких-нибудь политических мероприятиях партии. До восстания в Кантоне подобные казни были редким явлением, но теперь, после разгрома Кантонской коммуны, повсюду в Китае диктаторы — монархисты и чанкайшисты — вынули мечи из ножен. Казнили и рабочих, и солдат, еще вчера героически сражавшихся во время эпического похода на Север, и крестьян из революционных организаций... Казнили их на публичных местах в присутствии всего населения села или квартала, если это имело место в более крупном городе, где жили «красные бандиты», для острастки и в назидание остальным. То, что теперь увидели мои глаза, являлось новой страницей в трагедии этого народа.

Офицер-прокурор сыграл свою роль, и в дело вступил палач. У меня не хватило сил смотреть на эту невероятную сцену, но я знал, какую «роль» исполняет он: палач отрубал одну за другой головы троим связанным полуголым мужчинам, стоявшим на коленях безмолвно и, казалось, бесстрастно на расчищенной площадке среди толпы...

Когда я открыл глаза, тела троих бедняг лежали в грязи, содрогаясь в предсмертных конвульсиях. Произошло что-то ужасное, о чем до этого момента я знал только по книгам.

Но судьба в этот день уготовила мне еще один «сюрприз», надолго выбивший меня из колеи и ставший причиной моего тяжелого нервного расстройства. В сущности, это именно то, из-за чего я рассказываю об этой страшной истории в Баодине, именно то, что с тех пор по ассоциации у меня связано со словом «клятва», особенно когда это относится к китайцам...

Когда палач ушел и народ, на вид равнодушно стоявший около места развернувшейся трагедии, уже готовился разойтись, эта сцена получила неожиданное продолжение. Из толпы послышались громкие призывные голоса, проникавшие даже через мое окно. «Но что это? — спрашивал я себя и искал в толпе причину шума. — Может

быть, кто-нибудь выражает свой протест? Может быть, кто-то громко грозит палачам?»

Нет. В тот день мне предстояло увидеть самую странную, страшную своей парадоксальностью картину в моей жизни.

Голоса, которые я услышал, принадлежали четырем мужчинам, растолкавшим толпу перед собой и представшим перед группой военных. Один за другим они громко говорили что-то офицеру, затем сами снимали с себя ветхую одежонку и рубашки и становились рядом с местом, где лежали уже обезглавленные тела первых троих. Потом все повторилось словно сначала: им связали руки, причем они сами без звука и без какого-нибудь жеста протеста протянули их, встали на колени в грязь, на небольшом расстоянии друг от друга в ожидании своей гибели...

Я отошел от окна, задернул плотные занавеси, чтобы хоть как-нибудь изолировать себя от всего того, что происходило на площади. Первые трое — коммунисты, это очевидно. Но что значил поступок других четверых?..

Когда я через час покинул гостиницу, перед которой все еще валялись в грязи тела казненных, Чен, ждавший меня внизу, нанял рикшу и вкратце объяснил мне разыгравшуюся трагедию: четверо добровольно подставивших головы под топор палача были из той же боевой десятки, к которой принадлежали и первые трое. И так как данная ими клятва в верности до самой смерти гласила также «один за всех и все за одного», они добровольно решили, что их долг — разделить судьбу с уже казненными товарищами...

Вот эта история о пережитом мною в северном китайском городе Баодине заставляла и все еще заставляет меня размышлять над странной душой этого народа, над ее проявлениями, кажущимися нам невероятными. Что значил этот поступок четверых? Стоическое поведение перед лицом палача первых троих, насильственно казненных, вызывает восхищение: этот поступок мы отлично понимаем. Наша новейшая история изобилует подобными примерами мужественного спокойствия перед лицом смерти. Но поступок других? Проявление взятого на себя долга быть верными до конца? Но ведь человек, который, никем не разыскиваемый, добровольно кладет свою голову под топор палача, не учитывает целого ряда обстоятельств. А они делают его самопожертвование ненужным, ошибоч-

ным и бессмысленным. Верность, в которой он клялся, — это верность не отдельному лицу, а великому идеалу социального освобождения. Офицер, прочитавший приговоры, не высшая моральная инстанция, а самый обыкновенный палач. И наконец, это бессмысленное самопожертвование вносило страх и смуту в сердца других, которые все еще оставались не посвященными в благородные цели нелегальной борьбы и для которых жизнь все так же представлялась не заменимой никакими идеями ценностью...

Большинство китайского народа и, конечно, подавляющее большинство в партии не имели элементарных политических знаний и в большинстве случаев в полном недоумении сталкивались с крупными и сложными проблемами китайской общественной жизни. Это наследство вековой невежественности, психика векового рабства под властью монархов, мандаринов, феодалов. И наконец, это продукт убеждения, что жизнь не представляет никакой ценности. В этой стране, где людей считали на миллионы, где не существовало никакой регистрации населения, никаких личных документов или паспортов, где число семей растет невероятно быстро и невероятно быстро создаются новые семейные очаги, где зачастую рождение человека не приносит радости, а смерть — скорби, здесь, в этой стране, наши нормы поведения, наши понятия о верности, наши идеалы человеческой личности и ее счастья действительно преломлялись совсем неожиданным образом...

Я думал тогда, продолжаю так думать и сейчас: какая понадобится огромная работа, какие титанические усилия надо приложить, чтобы вывести этот народ из черной тьмы вековой отсталости, чтобы вдохнуть в мрак его души истинную и реальную надежду на счастье человека, чтобы просветить его ум с помощью высоких и гуманных идеалов коммунистического учения. Работа, настоящая богатырская работа, подобная той, которую проделали большевики среди широких крестьянских масс царской России, среди изнемогавших от непосильного труда рабочих в шахтах и закопченных фабриках. Такая же титаническая, вдохновляемая высокими идеалами работа, какую проделали в свое время основоположники партии тесняков в нашей стране, соратники Благоева, всюду гонимые, но гордые своим высоким призванием просветителей.

Действительно, требовалось провести титаническую работу среди всех слоев этого народа, но работу просвети-

тельскую, оплодотворенную достижениями мировой культуры и марксистской теории общественного развития. Цитаты — догмы Мао, зазубривание его лжемарксистских теоретических положений, хоровое восхваление Мао и все формы современной «культурной революции», практическое уничтожение партии к добру не приведут. В мое время этот народ расплачивался кровью за свою политическую слепоту и наивность. Как расплатится Китай теперь, куда приведет его культ Мао — уму непостижимо...

Заканчиваю свои заметки о Китае.

Не хочу упустить возможность сказать, что мы, интернационалисты, помогавшие вооружению и созданию военной организации в китайской партии, приложили все усилия, чтобы оградить уже созданные боевые пятерки и десятки от трагедии, подобной баодинской. Мы старались при новых встречах с нелегальными десятками, с их руководителями и активистами разъяснять истинный смысл клятвы в верности до самой смерти, в верности коммунистическим идеям, объяснять, что значит «один за всех и все за одного». Кроме того, мы внушали им: высший партийный долг повелевает коммунистам не присутствовать на публичных казнях ни рядовым членам партии, ни членам боевых групп. Мы говорили и убеждали, как и какими средствами настоящий коммунист должен сражаться на классовом фронте, как надо вести себя перед лицом палачей, как надо хранить свои ряды от провалов и спасать тех, кого можно спасти, без ненужного и бессмысленного самопожертвования... Это были только отдельные семена, которые мы разбрасывали среди огромной невспаханной целины этого народа. Тысячи людей должны последовать нашему примеру, потому что никто до тех нор не вступал в контакт с этими массами людей с добрыми намерениями, не прибегая к грабежам, насилиям, убийствам.

Мы покинули Китай в начале 1929 года. Разумеется, покинули его мы, группа Гриши Салнина, чтобы нас сменили наши новые товарищи. Берзин не держал своих людей за границей продолжительное время: и самый хороший разведчик допускает отдельные неточности, которые могут попасть в поле зрения западных разведок и центров контрразведки. А Китай в то время являлся боевым театром для разведчиков всех родов и всех национальностей. Речь шла о таком «лакомом кусочке» на тра-

пезе колонизаторов, что они пошли ва-банк, лишь бы дорваться снова до того, что ускользало из их рук.

Прежде всего мы прикрыли дела с нашими фирмами в Пекине и Шанхае. В сущности, фирмы остались, но они уже имели меньшие вклады в банке — только то, что «официальные собственники» получали от нас как законную долю подлинных доходов. Остались верными нашими людьми и «собственники» этих фирм. И большинство других наших «торговых агентов» в Китае готовы были служить интернациональному делу. Всех их буквально через несколько месяцев получил в наследство кадровый разведчик Рихард Зорге — его Берзин послал в Китай в качестве руководителя группы.

Мы закончили дела и на промышленном предприятии в Харбине, куда в последний период переместилась большая часть нашей работы. Это была вполне современная для своего времени фабрика консервов. На ней работало более 500 рабочих. Ее владелец Леонид Вегедека, дореволюционный политэмигрант, обосновался там надолго, но не забыл ни своей родины, ни своего долга по отношению к ней. И когда мы предложили ему через его жену Веронику (кстати она окончила Сорбонну) сотрудничать с нами, он взялся за это всем сердцем.

В то время Галина покинула Пекин и перешла работать в Харбинский дальневосточный банк, не изменив, разумеется, своей «истинной» работе. Сюда нам в помощь прислали из управления разведчика Леонида Етингона. Мы вместе с Гришей жили в небольшой вилле в окрестностях Харбина, где он смог посвятить свободное время своему любимому занятию — разведению кроликов и голубей... Не улыбайтесь, дорогой читатель. Даже старый разведчик может иметь свое хобби. Но надо добавить, что в данном случае эти существа представляли собой не просто хобби. Голуби служили курьерами. Неожиданно для меня Гриша оказался неподражаемым дрессировщиком почтовых голубей. И с привязанной к хвосту в непромокаемом конверте небольшой запиской эти птицы пролетали огромные расстояния, в сто, а то и больше километров, чтобы доставить в определенный город и дом указания и принести ответ...

После нашего отъезда фабрика «Вегедека», разумеется, осталась в Харбине и позже тоже перешла в «наследство» новому составу советских разведчиков. Когда Леонид Ве-

гедека скончался, его жена, наша сотрудница, женщина с великолепным артистическим дарованием, просто рожденная для сцены и театра, продала свое имущество и вернулась на родину.

Мы покинули Китай, где в нашей работе не произошло ни одного провала. Мы выполнили свои задачи по разведке. Центр получал от нашей группы регулярную информацию о соотношении военно-политических сил и скрытых тенденциях в них, а это определяло в то время поведение и судьбу Китая. Советскому правительству приходилось делать, и оно делало все необходимое для защиты своих дальневосточных границ, по ту сторону которых с остервенением точили зубы японский империализм и его китайские марионетки.

«Благодарю за все, возвращайтесь домой!» — передал Берзин. Мы, коммунисты, посланные оказывать помощь этой стране, ее измученному народу, сделали все, что нам велел интернациональный долг. Другим предстояло занять наши места. А остальное было делом самого китайского народа.

Часть четвертая

ЗАЩИТА СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ — ЗАЩИТА МИРА

1

КОНФЛИКТ НА КВЖД. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ГРАНИЦЫ МИРА

Я уделяю несколько страниц в своих воспоминаниях конфликту на Китайско-Восточной железной дороге, потому что в то время это являлось «сенсацией дня» для всего мира. В разрешении этого конфликта призвали участвовать и меня.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) являлась единственной магистралью на суше между Советским Союзом и Китаем и имела особенно важное значение для взаимных политических и культурно-экономических отношений между обеими странами. Ее строили в начале нашего века перед русско-японской войной, линию почти целиком строила Россия, используя свои материалы, своих людей и свои средства, и она имела огромное стратегическое значение для обороны Дальневосточного приморского края от нашествий японских самураев.

КВЖД пересекала Маньчжурию в виде креста с запада на восток и с севера на юг, точкой пересечения яв-

лялся Харбин. Главный ее отрезок на линии восток — запад (протяженностью примерно 1000 километров) начинался в Чите, где она подключалась к Транссибирской магистрали, затем проходила по территории Маньчжурии через Харбин и Мукден и шла дальше на восток до Владивостока. Вертикальный отрезок север — юг начинался на советской территории у Благовещенска, затем проходил по территории Маньчжурии через Харбин и шел дальше до города Чанчунь. От Чанчуня до Пекина железную дорогу строили и эксплуатировали японцы.

До Великой Октябрьской социалистической революции КВЖД являлась собственностью царской России.

В 1918 году Советская Россия через народного комиссара иностранных дел Чичерина объявила основные принципы своей внешней политики по отношению к Китаю. О КВЖД Чичерин заявил:

«Мы уведомили Китай о том, что отказываемся от всего, что царское правительство награбило в Маньчжурии, и восстанавливаем суверенные права Китая на ту территорию, по которой проходит самая важная торговая артерия — Китайско-Восточная железная дорога, собственность китайского и русского народов, стоившая многих миллионов народных денег и поэтому принадлежащая только этим народам и никому другому. Больше того, мы предполагали, что если Китай вернет русскому народу вложенные в строительство этой линии деньги, то он может ее выкупить, не дожидаясь сроков, предусмотренных договором...»

Сун Ят-сен воспринял декларацию Чичерина как искренне протянутую руку помощи. И только внутренние междоусобицы в Гоминдане помешали ему немедленно приступить к разрешению этой проблемы.

В апреле 1918 года японские империалисты высадили десант во Владивостоке. Наряду с самураями высадили десант и армии США и Англии. Их полчища превышали 150 тысяч солдат, солидно вооруженных, хорошо снабжавшихся боеприпасами. Ими командовал отборный офицерский состав. Воспользовавшись затруднениями только что родившейся Советской державы, интервенты сумели оккупировать весь советский Дальний Восток, Приморье, Забайкалье, Сибирь. Они оккупировали и КВЖД. После этого сколотили пресловутое «Дальневосточное правительство» во главе с премьер-министром Хорватом и

военным министром адмиралом Колчаком, вскоре провозгласившим себя «верховным правителем всея Руси». Под командованием Колчака на золото империалистов была организована крупная белогвардейская армия, насчитывавшая более 300 тысяч человек...

А дальше?

Дальше события развивались совсем не так, как ожидали империалисты. Проявляя железную выдержку, «большевистская Россия» не только защитила свое право на существование, но и изгнала со своей земли после тяжелых кровопролитных боев всех врагов, наемников и интервентов. Освободила от них и Дальний Восток.

Во владение КВЖД снова вступили ее истинные хозяева. Советское правительство предложило Сун Ят-сену эксплуатировать железную дорогу смешанным русско-китайским персоналом. Так обстояли дела до конфликта на КВЖД в 1929 году.

После измены Чан Кай-ши весной 1929 года северокитайские генералы-реакционеры оккупировали Дальневосточную железную дорогу и нагло изгнали советских рабочих и служащих, едва не ставших жертвой их зверств. Все сооружения на линии, все имущество и все учреждения, включая и Харбинское управление, было бесцеремонно конфисковано и разграблено. Они организовали и нападение на советское консульство в Харбине, а его персонал подвергли издевательствам и унижениям... Волна репрессий, бешено раздуваемая антисоветизмом чанкайшистов, скоро приняла самые грубые формы. Более 2000 советских граждан, рабочих и служащих КВЖД и сотрудников харбинского консульства арестовали и отправили в концлагеря, где они находились в невыносимых условиях. А десятки из них озверевшими китайскими властями были обезглавлены.

Советский Союз посылал протесты и ноты, призывал китайские власти к разумному и человеческому отношению к незаконно арестованным, настоятельно требовал их освобождения, предлагал переговоры об урегулировании всех возникающих споров. Все оказалось напрасно: китайские марионетки в своем бешеном озлоблении шли к намеченной цели.

Но бесчинства весной были только началом. Подстрекаемые Англией, США и Японией, чанкайшисты в июле 1929 года приступили к усиленным военным приготовле-

ниям и провокациям на дальневосточной советской границе с очевидной целью: спровоцировать войну, нанести удар Советскому Союзу там, где он относительно слабее всего защищен, на Дальнем Востоке, чтобы оккупировать Приморье, Хабаровский край и Забайкалье и создать из них «независимую Дальневосточную державу». То, что империалисты не сумели сделать десять лет назад, они попытались осуществить сейчас.

Военные провокации империалистов и их китайских слуг на Дальнем Востоке являлись, как известно, частью большого заговора, усиленно планировавшего новый крестовый поход против Страны Советов в конце первого десятилетия Октябрьской революции. Империалисты считали, что Советский Союз бросил все силы на выполнение своей первой пятилетки и не сможет выделить средства и силы для своей защиты.

В начале августа 1929 года Советское правительство спешно создало специальную дальневосточную армию — Особую краснознаменную дальневосточную армию, или сокращенно ОКДВА. Командовать ею назначили героя гражданской войны, бывшего главного военного советника в китайской Национальной революционной армии В. К. Блюхера. Исключительно удачный выбор. Да кто же мог лучше знать Забайкалье, Приморье, Хабаровский край, Сибирь, чем тот, кто за десять лет перед этим благодаря своим победоносным походам изгнал оттуда белогвардейцев и интервентов, кто уже знал и характер своего неприятеля!

В. К. Блюхер должен был согласно приказу Советского правительства нанести сокрушительный удар по китайским контрреволюционерам Чан Кай-ши и их империалистическим подстрекателям, прежде всего японским самураям, защитить границы СССР.

2

СНОВА СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗАДАНИЕМ К БЛЮХЕРУ

Из Китая мы с Галиной вернулись еще в апреле 1929 года. Вместе с нами вернулись Гриша Салнин — руководитель группы и еще два человека, Михайлов и Вершинин, приехавшие позже и большую часть времени остававшиеся в Пекине. Галина заболела: тревоги ее секрет-

ной работы, ежедневный риск, непривычное питание, особый климат и тысячи других явных и неизвестных причин, способных сразу и неожиданно подорвать здоровье человека, стали причиной и ее болезни. Галина храбро держалась три года, не делала никаких скидок на свое слабое здоровье, но теперь, когда все осталось позади, она не выдержала. К счастью, болезнь оказалась не тяжелой, и вскоре после нашего возвращения в Москву она встала на ноги и опять начала работать в управлении. Через неделю или две ее направили в специальную школу. Кроме специальности шифровальщицы ей пришлось овладеть и профессией радистки — этого требовали будущие ее задания.

В специальную школу поступил и я. Берзин как железный закон ввел эту систему работы с кадрами: работа, обучение и специализация должны были неразлучно сопутствовать друг другу. Все усовершенствовалось — мы вступали в век подлинной технической революции. Усовершенствовались не только средства ведения разведки и связи, но и методы, тактика и стратегия искусства разведки, приобретавшей все большее значение. Особенное значение советской разведки проистекало из коварства и неистовых усилий мирового империализма помешать делу Советской власти, шпионить и подрывать ее изнутри, клеветать и провоцировать, а когда подвернется случай, то и напасть в открытую, чтобы стереть с лица земли... Разведка должна была превратиться в наши глаза и уши.

В школе мы осваивали все последние технические новинки, которые могли бы оказаться полезными в нашей работе, все новые виды оружия, усовершенствовали приемы самозащиты при внезапном нападении, анализировали действия врага, раскрытые на последних процессах против шпионов в Советском Союзе, изучали шифр, повышали свою физическую подготовку. Разумеется, в обучение входило повышение марксистско-ленинских знаний, расширение общей и политической культуры, приобретение экономических и географических знаний, изучение иностранных языков. Я усиленно осваивал немецкий (наверно, Берзин уже имел какие-то соображения насчет меня), после того как в Китае некоторое время изучал английский.

Поздней осенью 1929 года, через несколько месяцев после моего поступления в школу, Берзин внезапно вызвал меня в управление. У него в кабинете я застал и Гришу Салнина. Гриша уже заведовал отделом в управ-

лении, и у него в петлицах появился еще один ромб. До поездки в Китай он носил один ромб.

— Собирай чемоданы, Ванко, — улыбаясь сказал мне Берзин, как только я вошел в кабинет. — Убежден, что ты соскучился по Дальнему Востоку...

Я озабоченно посмотрел на Гришу, ожидая от него ответа.

— Да, опять с ним вместе. — Берзин проследил за моим взглядом. — По его предложению. И опять вместе — по просьбе Василия Константиновича Блюхера...

Как потом разъяснил Берзин, Василий Константинович спешно прислал из Хабаровска список людей, которых он просил откомандировать к нему в специальную дальневосточную армию. Его соображения были ясны: он искал людей, знакомых с характером работы в условиях Дальнего Востока и Азии, а ими, естественно, прежде всего являлись бывшие военные советники в китайской Национальной революционной армии. Талантливый стратег, Блюхер верно ориентировался в конкретной обстановке конфликта и уже уточнял, какие шаги надо предпринять, чтобы дать отпор и добиться победы.

— Конкретные распоряжения получите от Василия Константиновича, — закончил разговор Берзин.

Мы выехали немедленно.

Хабаровск — столица далекого Хабаровского края, граничащего на юге с Китаем, а на севере простирающегося до Берингова моря и полуострова Чукотки, — в то время как-то сразу приобрел особенное значение для Советского Союза. С защитой Хабаровского края, Приморья и Забайкалья тогда были связаны безопасность, мир, даже судьба Советского Союза. Весь советский народ почувствовал надвигающуюся угрозу, жил в напряжении и тревоге. Взгляды всех обратились к Хабаровску и армии В. К. Блюхера. «Дадим провокаторам достойный отпор!» — этот призыв молниеносно облетел всю огромную Страну Советов от Дальнего Востока до самого дальнего Запада. А композиторы даже сочинили песню, которую, подобно «Волочаевским дням», начали петь повсюду:

Стоим на страже всегда, всегда,
Но если скажет страна труда —
Винтовки в руку! Врага в упор!
Товарищ Блюхер, даешь отпор!
Краснознаменная, даешь отпор!

В. К. Блюхер в исключительно краткие сроки заложил основы ОКДВА и на самых уязвимых пунктах границы расположил опорные пункты, отрезвляюще действовавшие на провокаторов. Граница проходила на протяжении более тысячи километров по широкой и могучей реке Амур, которая после Хабаровска резко поворачивает на север, проходит по советской территории и около Николаевска впадает в Охотское море. Река Сунгари, приток Амура, протекает по Маньчжурии и впадает в Амур недалеко от Хабаровска. Обе эти реки судоходные, а граница проходила по фарватеру Амура. И на Амуре, и на Сунгари китайские милитаристы держали значительный речной флот, активно участвовавший в военных провокациях: незадолго до нашего приезда в Хабаровск советские саперы Амурской военной флотилии выловили и обезвредили много плавающих мин, расставленных китайским флотом с целью помешать советскому судоходству по Амуру, а если удастся, то и нанести материальный ущерб. Одновременно с этим китайские речные военные корабли по ночам совершали набеги на советский берег, обстреливали из орудий и пулеметов советские пограничные укрепления и рыбацкие села, грабили и убивали мирных людей там, где не встречали сопротивления.

Читатель, наверно, спросит, почему я не упоминаю здесь имени маньчжурского диктатора Чжан Цзо-лина, раз конфликт и военные провокации совершаются на «его территории». В то время самодержца Маньчжурии и фактического главы правительства в Пекине и северных провинциях уже не существовало. Этого авантюриста, годами осуществлявшего империалистические замыслы Японии и утверждавшего их господство в Китае, за год до этого убрали... сами японцы. Вчерашние его хозяева сочли, что Чжан уже недостаточно исполнительный их слуга, и решили заменить его другим человеком. Они ликвидировали его, устроив крушение на железнодорожной линии Пекин — Харбин, когда маньчжурский диктатор проезжал по ней в своем специальном вагоне...

Чжан Цзо-лина уже не стало, но японцам и остальным империалистам легко удавалось купить на иудины сребреники столько и таких слуг, какие оказывались им необходимы для завоевательных целей. Вместо Чжана появился целый десяток чжанов, ведь для них сейчас наступил момент умножить свои вклады в гонконгских банках и сде-

лать «большую карьеру». Чан Кай-ши являлся таким заразительным примером...

В рядах китайских милитаристов числились и остатки разгромленных банд Колчака и барона Унгерна — банды, состоящие из самых отъявленных врагов Советской власти, все еще хранивших иллюзии о реставрации царского строя. Разумеется, за ними стояли миллионы, принадлежавшие западным милитаристам, которые их кормили, одевали и платили им как своим наемникам.

Конфликт назревал и достиг критической точки. Советское правительство пыталось урегулировать его мирными средствами, однако постоянные предложения о дипломатических переговорах систематически отклонялись Чан Кай-ши, подстрекаемым империалистическими державами. Война становилась неизбежной, китайцы ни в коей мере не скрывали своих агрессивных намерений. Очередная крупная провокация имела место в начале ноября, когда в обстреле мирных населенных пунктов на советской территории приняла участие и китайская артиллерия. Так они переросли в наступление чанкайшистских армий в середине ноября, когда значительные пехотные соединения и многочисленная китайская конница перешли советскую границу и начали грабить и бесчинствовать, объявив занятую ими территорию «исконно китайской землей»... Это произошло вскоре после нашего приезда в Хабаровск.

Сердечно, как старых друзей, принял нас В. К. Блюхер, когда мы представились ему в Хабаровске.

— Ждал вас, ждал, дорогие мои! — воскликнул он, обеими руками пожимая мне и Грише руки. — К сожалению, мы встречаемся не по приятному поводу: опять война, опять сражения... Но, — и он шутливо развел руками, — кто виноват, что мы выбрали себе службу солдата?

Блюхер, очевидно, находился в хорошем настроении, да и какой настоящий командир проявит слабость перед подчиненными в самом начале боя. Но выглядел он плохо. Сильно похудел, темно-русые волосы контрастировали с бледным лицом, а мундир не сидел уже как влитой на его похудевшей фигуре. Заметил я еще одну перемену в нем. На его петлицах блестели не три, а четыре металлических ромба. Четвертый ромб он получил за то, что блестяще справился со своими задачами в Китае. А что касается его здоровья, оно ухудшилось еще в то время. Мы

знали об этом, и ему пришлось на известное время уехать в Советский Союз на лечение. Он заболел трудноизлечимой азиатской экземой в результате необыкновенно жаркого климата на Юге Китая, а главное, из-за круглосуточного напряжения при решении задач по подготовке и реализации планов большого Северного похода... Болезнь прошла, но восстановление здоровья было прервано чрезвычайным поручением Советского правительства.

— Будем воевать, это более чем ясно, — сказал Василий Константинович, когда мы уселись у огромного стола с топографической картой Дальнего Востока. — Разведка дала нам исчерпывающие данные: враг накапливает силы, чтобы напасть... Придется сражаться и против некоторых армейских частей, которые мы собственноручно обучали военному искусству... Драма ли это или еще что — об этом скажет история. От этой страны мы, очевидно, должны быть готовы ждать самого невероятного...

Блюхер показал нам по карте расположение чанкайшистских и белогвардейских батальонов, указал нам и самые вероятные направления нанесения удара, которые они собирались осуществить.

— Они собираются перейти границу на широком участке, — уточнил Блюхер, — от Забайкалья до самого Владивостока. Если они первые нанесут удар, то заставят нас сражаться на фронте протяженностью примерно две тысячи километров... Сами понимаете, сколько осложнений это создаст для нас, сколько дополнительно потребует сил, скольким тысячам советских людей еще придется покинуть стройки, чтобы встать под знамена... И сколько крови, страданий, разорения...

Мы произвели точный расчет позиций противника, его боевых средств и живой силы. Если он вторгнется на нашу землю, мы точно знаем, где и как ему дать отпор, чтобы сокрушить еще до того, как он развернет свою огневую мощь...

— А вот и ваши задачи...

Большим красным карандашом Василий Константинович провел по карте трассу КВЖД от Читы до Харбина. Необходимо было нарушать переброску войск противника по КВЖД — единственной линии связи, по которой непрерывно циркулировали армейские соединения чанкайшистов и бронепоезда перевозили материалы и боеприпасы по направлению к Забайкалью для подготовки нападения.

Линию надо было временно выводить из строя, но не уничтожать.

Необходимо было также выводить из строя укрепления и другие военные объекты чанкайшистов.

— Эта задача по силам только тем, кто знает Маньчжурию, — закончил Блюхер. — И тем, разумеется, кто имеет связи с нашими друзьями в этих районах...

Мы с Гришей Салниным имели такие связи. И в Мукдене, и в Харбине, и в Цицикаре. Конкретно выполнять задачи следовало при непосредственном сотрудничестве местных китайских патриотов.

— Когда прикажете выезжать, Василий Константинович? — встав по стойке «смирно», спросили мы с Гришей.

— И еще один вопрос, если разрешите, Василий Константинович? — спросил я. — Через какой пункт на Амуре, согласно сведениям нашей разведки, наиболее безопасно перейти на ту сторону?

Блюхер посмотрел на меня.

— Да, это вопрос, который мы все еще не решили, — ответил он после краткой паузы. — Знаем отлично каждый километр течения Амура, и переброска на ту сторону не сложное дело. С другой стороны на границе у нас есть сотрудники да и местное население, которое милитаристы грабят и терроризируют. Когда нам понадобится, они немедленно отзовутся. Но сейчас мы обсуждаем другую идею. А что, если выбросить вас с парашютом?.. От Амура до цели вашей поездки почти триста километров. Пешком не пройдешь. А самолет преодолеет их примерно за пару часов.

— Согласен! — отозвался я тотчас же. — Прыгал с парашютом. Действительно так быстрее и более безопасно...

Но Блюхер, хоть он и сам предложил подобное решение, отнесся к нему не очень оптимистически.

— Скорей всего — да, — согласился он после некоторого раздумья.— Но будет ли это более безопасно? — И через мгновение, продолжая свою мысль, добавил: — Здесь вместе со мной в ОКДВА служит и мой младший брат. Летчик. Буйная голова, как и каждый молодой парень с горячей кровью, но и он к парашютам относится с известным недоверием.

— Не понимаю вас, Василий Константинович... — недоумевал я.

Вместо ответа Блюхер быстро встал и сказал:

— Закончим наш разговор завтра. Жду вас в семь здесь, в штабе.

Утром следующего дня, точно в семь, перед штабом ОКДВА нас ждала закрытая военная машина. В машине сидел главнокомандующий вместе со своим старым боевым другом по Китаю Альбертом Яновичем Лапиным, теперь начальником штаба Блюхера. Машина сразу же тронулась. Куда? Ни я, ни Гриша не знали.

Густой утренний мрак еще не рассеялся, когда машина покинула окраины Хабаровска; вскоре мы очутились среди заросшего травой поля, в конце которого высились ангары и блестела крыльями длинная вереница самолетов. Мы приехали на хабаровский военный аэродром, а стоявшие там бипланы оказались новыми советскими боевыми самолетами Р-1, которые я видел и в Китае.

Все вышли из машины. Мы с Гришей опешили: неужели уже полетим? Но в таком случае Василий Константинович должен был нас предупредить, чтобы мы подготовили одежду, оружие и прочее?..

Блюхер посмотрел на нас и улыбнулся:

— Проведем испытание, дорогие мои, пока не полетим... Испытаем парашюты...

Минутой позже над аэродромом поднялся один из Р-1, на борту которого находились подготовленные для спуска парашюты: к каждому парашюту привязали мешок с песком, чья тяжесть соответствовала примерно тяжести человека.

Хотя сентябрьское утро было холодным, но, по всем признакам, день обещал выдаться солнечным и тихим — небо было синее-синее. Летчик за несколько минут набрал высоту и, когда достиг примерно тысячи метров, открыл люк. Первый, второй, третий... Десять белых пакетов выбросила эта летящая птица. Мы стояли, глядя не отрываясь на пакеты, которые вот-вот должны были раскрыться... Раскрылся один, потом еще два... еще четыре... Раскрывшиеся парашюты плавно опускались на зеленую территорию аэродрома.

Но раскрылось восемь парашютов. А самолет сбросил десять...

Начальник аэродрома стоял рядом с нами весь пунцовый и вспотевший, словно он нес ответственность за неудачу. А ничьей вины не было: просто производство

парашютов тогда еще было в зачатке и в СССР, и повсюду в мире.

Когда самолет приземлился, Блюхер распорядился повторить опыт. Опять с десятью парашютами, но на сей раз выбрасывать их с большей высоты.

При второй попытке раскрылись все десять.

Я улыбнулся с облегчением, посмотрел на Василия Константиновича.

— Все в порядке, товарищ главком... Предлагаю не терять больше времени...

Но Блюхер, не разделяя моей радости, покачал головой и распорядился проделать еще одну попытку.

При третьей попытке раскрылось девять парашютов. Десятый с привязанным к нему мешком, врезался в траву, а песок рассыпался по травяному покрову, как будто произошел взрыв.

— Нет! — произнес Блюхер. — Будем передвигаться по земле, пока наверху все не станет надежным. Абсолютно надежным!

— Но, Василий Константинович, — попытался я возразить, — может быть, это чистая случайность... Ведь девять же раскрылись!..

Блюхер по-дружески положил мне руку на плечо:

— Меня интересует десятый...

Излишне было возражать. Блюхер не согласился бы рисковать без надобности жизнью бойца, если существовал другой, более безопасный путь выполнить задачу.

Неделей позже, после того как Гриша все подготовил, в одну из темных ноябрьских ночей, четырех человек — меня, двух русских товарищей из разведки и одного китайца — перебросили на лодке на другой берег Амура. Лодка принадлежала рыбаку с того берега, и его назначили проводником, так как он знал каждый квадратный метр реки, каждый ее изгиб, каждый куст и камешек на другой ее стороне. Широкий, могучий Амур спокойно нес свои темные воды на восток. Мы плыли безмолвно: обо всем договорились предварительно, каждый из нас точно знал свои конкретные задачи, каждого мы посвятили в соответствующую часть общего плана. Китаец должен был только перевезти нас на тот берег реки, а там нас должны ждать четверо китайских товарищей из военной органи-

зации в городе Цицикаре... В нескольких десятках километров ниже по течению Амура китайские армейские соединения уже вторглись на советскую землю. Настал час дать им отпор...

Мы вернулись с задания точно через девять дней. Все мы трое, перешедшие границу, оказались налицо. Четверо китайских товарищей из Цицикара проводили нас до того же места на берегу, и тот же рыбак, который перевез нас туда, вернул нас на советский берег.

Задачу мы выполнили согласно полученным указаниям.

Блюхер, следивший за движением и действиями нашей группы, встретил нас поздравлениями и дал нам новые задачи.

Читатель, наверно, знает, как развивался конфликт на КВЖД, как он протекал и чем закончились провокационные действия чанкайшистов на дальневосточной границе Советского Союза. В. К. Блюхер блестяще осуществил детально разработанный план отпора провокаторам, нанес им молниеносные и сокрушительные удары там, где враг меньше всего этого ждал (операция на реке Сунгари, Мишанфусская операция, Чжалайнорско-Маньчжурская операция). В военных операциях участвовал целый ряд первоклассных командиров, таких, как будущий Маршал Советского Союза и герой Отечественной войны К. К. Рокоссовский, герой гражданской войны С. С. Вострецов, член Военного совета старый большевик Н. Е. Доненко, командир 1-й Тихоокеанской дивизии А. И. Черепанов, командир 9-й кавалерийской бригады Д. А. Вайнер, начальник дальневосточной разведки Медведев и др. Противника не просто отбросили, а разгромили. В плен попали десять тысяч солдат, офицеров, даже генералы со своими штабами, горы оружия и боеприпасов, несколько бронепоездов, речных судов, средства связи...

Развитие военных действий потрясло правящие реакционные круги в Китае и их подстрекателей. Провокация провалилась, крестовый поход, который империалисты усиленно готовили против Страны Советов и который должен был начаться на востоке, провалился в самом начале.

Беспощадно разгромленные на поле брани, чанкайшисты только теперь согласились на переговоры. 22 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано советско-китай-

ское соглашение, восстановившее нормальное положение на дальневосточной границе и на КВЖД.

Немного позже, на торжестве по случаю награждения Советским правительством Особой Дальневосточной Красной Армии орденом Красного Знамени, Блюхер заявил:

— Если в будущем враг повторит свои попытки помешать нашему социалистическому строительству, нарушить наши границы, Красная Армия сумеет с еще большей решительностью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью к самопожертвованию во имя дела революции защитить наши границы.

В Москву я вернулся еще до начала советско-китайских переговоров в Хабаровске. Василий Константинович разрешил мне перед этим десятидневный отпуск, который я провел, знакомясь с Приморским краем. Во Владивостоке я застал Бояна Папанчева, чей район действий включал Дальний Восток, Китай, Японию. Там с ним находилась и его жена Пенка. С ними обоими мы встречались и раньше, когда приходилось «заезжать» с Гришей во Владивосток и Хабаровск, чтобы переупаковать ящики, направлявшиеся к нам в Китай. Теперь Боян работал в разведке.

В Москве меня ждал большой сюрприз. Среди бойцов, которых В. К. Блюхер предложил Советскому правительству наградить орденом Красного Знамени, был и я. Мне его вручил в торжественной обстановке в Кремле М. И. Калинин. Одновременно с орденом я получил и повышение по службе: в моих петлицах появился ромб.

Часть пятая

БОЙЦЫ ТИХОГО ФРОНТА

1

ЗАДАЧИ В ЕВРОПЕ

анятия в специальной одногодичной школе закончились в конце февраля 1930 года, и Берзин не замедлил послать меня на новое место с новым заданием. На сей раз — в Среднюю и Восточную Европу. Сферой моих действий совместно с группой людей, которых обязали помогать мне, являлись Австрия, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария, Турция. Только теперь я понял, почему так настаивали, чтобы я изучал немецкий язык: в одной из этих стран, Австрии, немецкий — официальный язык, в трех других — Чехословакии, Польше, Венгрии — он широко распространен, в остальных же странах мне должен был послужить турецкий (я говорил на нем), сербский (я знал его довольно хорошо) и, разумеется, родной язык. Там, где ни один из этих языков не распространен, должен был помочь мне русский...

На меня возложили большие и ответственные задачи. В результате накопленного опыта я уже чувствовал уве-

ренность в себе. Но меня не покидало внутреннее напряжение, которое, наверное, бывает у каждого, когда он собирается пуститься в трудный и продолжительный путь: а хватит ли сил?.. При этом теперь мне предстояло ехать без Гриши Салнина, моего непосредственного учителя в овладении искусством разведки. Галина оставалась в Москве. Пока что Берзин не видел, чем бы она могла мне быть полезной, но обещал «придумать что-нибудь» в дальнейшем.

В Европе барометр политических отношений показывал «бурю». Западные империалисты, никогда до этого не проявлявшие симпатии к «большевистской России», теперь снова нагло и откровенно бряцали оружием и грозили ей войной. Опасность, парированная на Востоке, переместилась на Запад со всеми вытекавшими из этого последствиями для мира, безопасности и судьбы Советского Союза.

Провокация на КВЖД, как я уже говорил, была задумана империалистами, в сущности, только как прелюдия к большой войне против Советского Союза на Дальнем Востоке. С другой стороны, предусматривалось, что за ударом с Востока последуют согласованные военные нападения с Запада, Севера и Юга. Такие планы намечали империалистические державы. Но для этого им было необходимо, чтобы завершились успешно сначала провокация на КВЖД, а сразу же после этого и удар по дальневосточным советским границам.

Не вышло. Западные империалисты временно отказались от своих обязательств в Китае, делая вид, что предоставляют Дальний Восток японским самураям как сферу их влияния. А они, обжегшись на «конфликте на КВЖД», оттянули свои войска от границ Советского Союза, но накапливали силы и злобу для новой провокации и нового удара, как только подвернется удобный момент...

Теперь западные империалисты акцентировали свое внимание и усилия на Европе. В начале тридцатых годов большой заговор возглавили стратеги из французского генерального штаба, наследники маршала Фоша, а также английские колонизаторы. Париж, эта столица Западной Европы, превратилась в «столицу русских изгнанников», в центр международного шпионажа и козней заговорщиков против Страны Советов. Опираясь на свое военно-экономическое превосходство, страны-победительницы, к ко-

торым присоединилась, хотя и на последнем этапе войны, Италия, практически держали в полном экономическом и политическом подчинении всю Европу. Кайзеровская Германия, вчерашний главный враг Антанты, была разгромлена, но Германия оставалась: действительно разбитая войной, претерпевшая страшную политическую, финансовую и экономическую катастрофу, она, несмотря на все это, была страной, которую ее вчерашние враги поставили на ноги, чтобы натравить против СССР. Профашистские режимы установились в пяти европейских странах: в Италии (режим Бенито Муссолини), в Венгрии (режим адмирала Хорти), в Испании (режим Примо де Ривера), в Португалии (режим генерала Кармона), в Болгарии (режим «Сговора»). Антинародные режимы полуфашистского типа управляли в Польше (режим Пилсудского), королевско-помещичий режим в Румынии, реакционно-милитаристский режим в Греции, королевско-диктаторский режим в Югославии.

Относительно мягкие режимы, все еще связанные с иллюзорными добродетелями буржуазной демократии, крайне остро реагирующие на любое революционное проявление и холодно подозрительные по отношению к Советскому Союзу, установились в Чехословакии и Австрии. Масариковская Чехословакия, ставшая государством в результате распада Австро-Венгерской империи, находилась под морально-политическим влиянием Франции и являлась основным опорным камнем так называемой «малой Антанты» (Чехословакия, Румыния, Югославия). Французские империалисты стремились сколотить ее как предмостное укрепление для нового крестового похода против Советского Союза. Чехословацкая промышленность, освободившись от конкуренции разоруженной Германии, стала быстро развиваться, стремясь занять на мировом рынке место, освобожденное кайзеровскими оружейными заводами, временно переставшими дымить после поражения или работавшими согласно ограниченным производственным планам. Оружейные заводы в Праге, Брно, Пльзене, Остраве, привлекая солидные иностранные капиталы, в лихорадочном темпе производили самое современное для своего времени оружие и усиленно вооружали армии фашистских держав. Одновременно с этим французский генеральный штаб, в соответствии со своей агрессивной антисоветской стратегией, перестраивал чехословацкую армию, чтобы

сделать из нее часть своей будущей ударной силы. Эта особенная послевоенная ситуация создавала в Чехословакии условия для относительного благополучия. Но благополучие, построенное на пороховых погребах, которое зависит от болезненной политической конъюнктуры и не считается с главными национальными интересами, на протяжении всей истории приводило к фатальному исходу...

Несколько особенное положение создалось в Австрии. Большая и всесильная десять лет назад, Австро-Венгерская империя растаяла, как снежная баба в апреле, и в начале тридцатых годов представляла собой страну, меньшую, чем Болгария (84 тыс. кв. км), с экономикой, жестоко пострадавшей от обрушившихся на нее событий. Вена, прелестная столица вальса, романтического флирта и незабываемых развлечений, в начале тридцатых годов, когда я вторично приехал туда в марте 1930 года, превратилась в бледную тень своего прежнего величия.

Я направился в Вену, где должен был находиться центр нашей группы разведчиков, получив по личному приказу Старика (так называли мы начальника нашего управления) псевдоним «Март» — этим именем мне предстояло подписывать свои секретные донесения.

В те времена широкие трудящиеся массы в Европе быстро созревали для революционных перемен в мире. Миллионы простых людей, все еще настороженно относящихся к мысли об организованных действиях в рядах партии, в душе уже были сторонниками коммунистических идеалов и с радостью наблюдали за социалистическим строительством в Стране Советов. Ведь всем трудящимся людям дорог мир, а они убедились, что единственная страна в мире, искренне борющаяся за мир, счастье и благополучие своего народа, — это СССР. И были готовы, в этом я лично имел возможность убедиться в последующие годы, сотрудничать с нами, понимая, что таким образом они помогают делу мира и братства между народами. Классовый инстинкт проявлял себя безошибочно.

В противовес нам западные империалистические разведки строили свою методическую систему на соблазне обогащения. Они исходили из убеждения, что нет такого человека, которого нельзя купить: только одного за несколько сребреников, а другого за кучу золота... И они широко обменивали на золото всевозможные ценности, не

входящие ни в одну торговую номенклатуру: покупали души, совесть, покупали иногда и... будущее поколение.

Объясню подробнее.

В Китае, где я уже имел возможность установить контакт с бывшими агентами западных империалистических разведок, мне удалось выяснить следующее: некоторые западные центры разведки, главным образом английская Интеллидженс сервис, иногда предлагали определенным лицам, казавшимся им «перспективными», значительные суммы за то, чтобы они переехали в определенную страну, поселились там навсегда и начали какой-нибудь бизнес. Суммы, необходимые для бизнеса (торговли, промышленного производства, ренты, содержания гостиницы и пр.), обеспечивала соответствующая разведка. От этого субъекта не требовали никакой работы в разведке, он только был обязан пустить корни в определенной среде, установить необходимые связи, подходящим образом жениться и жить как «равный с равными» в обществе иностранных джентльменов, в самом деле далеких от конкретной политики и работы разведки...

Итак, Интеллидженс сервис щедро финансировала бизнес этих людей, им составляли и самую благонадежную родословную. Однако в дальнейшем интересовались не ими самими, а их молодым поколением. Купив отца, «инвеститоры» автоматически покупали и его сыновей и дочерей. Отец имел «единственную обязанность» — вырастить поколение, достойное славы своей великой родины — Британской империи и, разумеется, готовое, когда наступит час, взять на себя предопределенную ему роль профессионального шпиона...

Но английский и остальные западные центры разведки, несмотря на все, допускали ошибку. Они в основу своей оперативной тактики и рассчитанной на далекое будущее стратегии клали «всемогущество» денег. Деньги действительно сила, смешно обманывать себя на этот счет. Я сотни раз мог убедиться в этом. Но сила денег обманчива, они обыкновенно соблазняют людей самых бездарных, а то и просто никчемных. Честные люди если и соблазнялись деньгами, то ненадолго: рано или поздно они находили способ вырваться из сетей неразумно взятого на себя обязательства. Иногда это им не удавалось, и тогда они кончали жизнь самоубийством. Я лично имел случай наблюдать подобные, необъяснимые на первый взгляд

самоубийства людей, у которых все было в порядке: и бизнес шел хорошо, и солидный счет имелся в банке, и дети выросли здоровыми и интеллигентными... Объяснялось это тем, что эти люди хотели порвать с сатаной, которому они обрекли своих детей, и, когда они убеждались, что это не в их силах, выбирали единственно возможный способ: умирали, чтобы их дети жили достойно.

Некоторые из этих людей, однако, находили и другое разрешение проблемы. Осознав, что допустили ошибку, что истина на стороне противника, они сами приходили к нам. Они приходили и, не требуя ни доллара, оказывали нам ценные услуги. Таких сотрудников имела и наша группа в Китае, таких сотрудников имела советская разведка и в других пунктах нашей планеты...

Вот эти и многие подобные случаи лично мне дали основание считать, что деньги отнюдь не всемогущая сила. Надо добавить, что мы крайне редко прибегали к помощи денег: в большинстве случаев наши сотрудники отказались бы от них с обидой. Они помогали нам во имя того, что несравнимо с деньгами, с обычными ценностями жизни, во имя того, что придает смысл самой жизни — во имя идей, а точнее, веры в то, что таким образом они помогают Советскому Союзу, прогрессу человечества и делу мира.

Вена 1930 года — это не Вена Стефана Цвейга, т. е. не довоенная Вена, даже не Вена 1925 года.

За пять лет, прошедших после моего первого приезда в этот город, здесь разыгрались тревожные события, заметно изменившие общий политический климат в стране.

Речь идет главным образом об июльском восстании 1927 года, восстании венских трудящихся, которое потрясло до самых основ всю Австрию и привело в замешательство капиталистические правительства во всей Европе.

Вот вкратце как развивались тогда события.

В январе 1927 года в Вене фашистская банда совершила вооруженное нападение на мирное собрание трудящихся. Убили и ранили несколько рабочих. Подобные вооруженные нападения на мирные рабочие митинги, собрания и демонстрации имели место и перед этим: беснующиеся фашистские банды, вооруженные и покровительствуемые крупной буржуазией и властями, уже несколько лет, с мо-

мента первой попытки Гитлера в 1923 году захватить власть в Германии, терроризировали венский пролетариат.

Убийцы, арестованные полицией, предстали перед судом, но 14 июля того же года их оправдали как «невиновных»...

Провокационное решение суда, в сущности поощрявшее новые подобные расправы над венскими рабочими, возмутило всю трудящуюся Вену. Была объявлена частичная стачка: десятки тысяч рабочих венских предприятий собрались перед ратушей на широком центральном бульваре Рингштрассе и перед зданием парламента. Народ настаивал на справедливом наказании убийц. Одновременно с этим рабочие выдвигали лозунги против наступления капитала, против либерального отношения властей к правым экстремистским и фашистским организациям, с требованиями хлеба и работы. В это время жертвой безработицы стали сотни тысяч людей, попавших в бедственное положение.

Демонстрация была мирной. Но полиция открыла огонь по невооруженному народу: сначала из винтовок, потом из пулеметов, а после этого конная полиция бросилась в кровавую атаку на колонны рабочих...

Венских рабочих принудили ответить силой на жестокость полиции: они, хотя и с голыми руками, ополчились против нее, против сеющих смерть представителей власти, обезоруживали ее, потом атаковали полицейские учреждения, овладели зданием суда и сожгли на костре позорные судебные акты. К ним на помощь примчалась и пожарная команда.

Этим бы все, возможно, и кончилось, если бы полиция, озверевшая из-за оказанного ей сопротивления, не бросила против рабочей демонстрации новые силы. Рабочие вынуждены были построить баррикады на Рингштрассе и в некоторых рабочих кварталах. Начался настоящий бой.

На второй день частичная стачка переросла во всеобщую, а центр боев переместился в рабочие кварталы Вены. На баррикадах сражались плечом к плечу левые социал-демократы, коммунисты и беспартийные. Там сражались и левые члены социал-демократического союза защиты — «Шуцбунда». Сражались героически, но на третий день власти подтянули из провинции подкрепления — полицию и войска. Против восставших направили огонь артиллерийских орудий и минометов. Вся Вена содро-

галась от ужаса. Восстание подавили, и это стоило сотен убитых и тяжело раненных...

Разгромить восстание удалось главным образом в результате вмешательства войск. Руководство австрийской социал-демократической партии дало сигнал «Отбой», отменило всеобщую стачку, призвало восставших сложить оружие, помешало «Шуцбунду» дать отпор. Разгром стал неизбежен...

Репрессии против восставших и всех левых сил, за исключением «правоверных» социал-демократов, были суровыми. Власть превратила июльское восстание в рубеж, за которым начался постепенный восход австрийской реакции, завершившийся диктатурой Дольфуса и «аншлюсом» в 1938 году. Сотни и тысячи повстанцев-коммунистов, левых шуцбундовцев и др. эмигрировали, чтобы спастись от свирепой мести властей. Власти спешно начали создавать заслон из «специальных» законов, «поправок» к существующим распоряжениям и постановлениям, стремясь ввести такой «порядок и мир», который ей диктовали ее классовые интересы.

К чести болгарских коммунистов, в Венском восстании в июле 1927 года приняли активное участие и десятки наших политэмигрантов и студентов, находившихся в то время в Вене. Это были члены заграничной организации БКП и прогрессивного студенческого общества, существовавшего еще с начала 20-х годов и объединявшего почти всю честно мыслящую болгарскую молодежь и рабочую интеллигенцию, приехавшую в эту страну, чтобы получить образование. Как читатель уже знает, часть этих людей, временно покинувших пределы родины, во второй половине 1925 года, после злосчастного апрельского покушения, самоотверженно помогала в нашей работе по переброске болгарской политэмиграции из Югославии, где ей угрожало истребление. Разумеется, молодежь, входившая в общество, менялась: одни заканчивали обучение и возвращались на родину, другие приезжали учиться и пополняли его ряды. Таким образом, оно долгие годы, несмотря на репрессии официальных властей и шантаж болгарского царского посольства в Вене, продолжало руководить политическими проявлениями нескольких сотен болгарских прогрессивных студентов и политэмигрантов.

2

ВЕНА 1930 ГОДА. ВСТРЕЧИ С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ

Границы от Москвы до Вены я переезжал с паспортом на имя турецкого торговца, едущего транзитом из Ирана в Европу через Советский Союз. Но как только я вступил на австрийскую землю, потребовалось сменить документы. Я стал польским евреем из Закарпатья. Еще в Москве для меня составили родословную. Я был готов ответить на любой вопрос относительно места своего рождения, истории и географии родного города, усвоил характерные для польских евреев особенности, даже манеру одеваться и вести себя в обществе и пр. Во всем этом мне помогал Берзин.

Моя квартира во втором районе, одном из буржуазных районов Вены, являлась собственностью мелких рантье, которые приняли меня особенно охотно. Их предпочтение, проявленное по отношению ко мне, молодому иностранцу-холостяку, было очевидно, но эту подчеркнутую любезность они проявили после того, как я согласился на ту плату, которую они запросили. Их любезность сопровождалась удивлением: обычно рантье торгуются почти по всем поводам, особенно по поводу квартплаты, так как они могут свободно определять цену, руководствуясь только спросом и предложением, а я принял цену почти сразу же, не выражая протеста, хотя она оказалась чересчур высокой. Еще нанимая квартиру, я ставил себе целью добиться двух вещей: во-первых, завоевать расположение своей хозяйки, пожилой уроженки Вены, вдовы, жившей на небольшую пенсию за умершего мужа, и, во-вторых, внушить этой женщине, что для меня, сына богатых родителей, деньги не имеют особого значения. Я объяснил хозяйке, что приехал в Вену, чтобы специализироваться в юриспруденции и затем взять на себя управление отцовской торговлей. «Я, майн герр», — прелюбезно кивала хозяйка в ответ на мои слова и под конец совсем умилилась, когда я подарил ей флакон варшавского одеколона. Она не сотрудничала с полицией, что видно было из ее поведения. Эта пожилая почтенная вдова не строила себе никаких иллюзий в отношении будущего и сумела найти способ перебиться в годы послевоенного экономического кризиса. Дополнительным обстоятельством, которое

и оказалось решающим в вопросе о том, чтобы нанять именно эту квартиру, явилось то, что она находилась в близком соседстве с полицией. Районный полицейский участок располагался в бель-этаже того же дома. Если вести себя осторожно, то это соседство могло превратиться в дополнительную защиту для моей секретной работы.

Я знал Вену, знал и любил ее, наверно, потому, что у меня связаны с этим городом воспоминания о дорогих для меня людях и о трагичном для нашей партии 1925 годе. Из этих товарищей здесь сейчас остались немногие. Значительная часть политэмигрантов давно находилась в Советском Союзе, и там некоторые уже закончили различные учебные заведения, отдавали свои силы социалистическому строительству и обороне страны. Другую часть по решению Заграничного бюро партии отправили в различные страны Западной Европы, где они в последующие годы оказали незаменимую помощь делу революции. Часть политэмигрантов осталась в Австрии, главным образом в Вене. Тут все так же функционировала организация болгарских политэмигрантов, хотя и значительно сократившая свой состав; проводилась важная работа по линии Заграничного бюро, МОПРа и Коминтерна. Несмотря на все, Вена оставалась важным центром на перекрестке движения болгарских кадров из Болгарии и в Болгарию, и это продолжалось до аннексии Австрии в 1938 году.

Мне удалось встретиться с рядом болгарских друзей, которые исчерпывающе обрисовали обстановку в городе, состояние и состав Венского болгарского землячества и партийной организации...

...В сущности, ее создали в 1921 году как Социалистическое общество болгарских студентов. До Сентябрьского восстания состав ее был невелик: 20—50 человек. Организация развивала активную культурно-просветительную деятельность, одновременно ведя борьбу против остальных двух болгарских студенческих обществ («Балкан» и «Климент Охридский») — реакционных и националистических, получавших финансовую помощь и политическую поддержку от болгарского царского посольства в Вене.

После Сентябрьского восстания и особенно после апрельских событий 1925 года общество (фактически партийная организация) резко увеличило число своих членов. В Вену приехали сотни болгарских политэмигран-

тов — повстанцев, участников вооруженной борьбы партии, преследуемых полицией после апрельского покушения. Была, разумеется, и молодежь, приехавшая в Австрию учиться, но ее оказалось сравнительно немного. Большая часть политэмигрантов, которые временно, на год-два или больше, оставались в Вене, поступили в венские высшие учебные заведения и одновременно на работу, чтобы заработать себе на жизнь. С 1924 по 1929 год Венской партийной организацией болгарских коммунистов руководило Заграничное представительство ЦК БКП (впоследствии Заграничный комитет, Заграничное бюро) в следующем составе: Васил Коларов, Георгий Димитров, Гаврил Генов, Станке Димитров, Антон Иванов, Младен Стоянов, Георгий Михайлов и др. До 1928 года, когда закончилось распределение нашей политэмиграции и большинство из эмигрантов отправились в определенные для них страны, организация насчитывала более 120 человек. В тот год, когда я вторично приехал в Вену, партийная организация насчитывала примерно 35 человек. В Венской партийной организации состояли будущие видные наши инженеры и врачи, агрономы, филологи, музыканты, экономисты. Причем они не только учились, но и отдавали все силы борьбе.

Присутствие Георгия Димитрова в Вене, первоначально как члена Заграничного бюро партии, а затем и как секретаря Западноевропейского бюро Коминтерна, оказывало благотворное влияние на всю работу организации. Его самой большой заслугой явилось прежде всего создание единого фронта болгарской студенческой молодежи в австрийской столице. Георгий Димитров поставил задачу приобщить к Общему союзу болгарских студенческих обществ на факультетах университета в Вене (в них состояло примерно 400 студентов) всех честно мыслящих юношей и девушек из националистического студенческого общества «Отец Паисий», в котором насчитывалось около 80 студентов из прежних двух обществ — «Балкан» и «Климент Охридский», а также молодых социал-демократов и земледельцев. Партийная организация обеспечивала пересылку в Болгарию пособий, поступающих по линии МОПРа, устраивала приехавших в Вену политэмигрантов и помогала им уехать в Советский Союз, провозила в страну через различные каналы разнообразную коммунистическую литературу и пр.

Болгарская передовая студенческая молодежь и болгарская политэмиграция в Вене установили прочные дружеские связи не только с Австрийской коммунистической партией, но и со всей австрийской прогрессивной общественностью. Это результат ее активной солидарности с борьбой австрийских трудящихся и ее участия в славном Июльском восстании 1927 года. Дружеские связи организации простирались на все круги общества: в поддержку ее мероприятий выступали такие видные австрийские литераторы и общественные деятели, как писатели Стефан Цвейг и Артур Шницлер, видные прогрессивные адвокаты д-р Шенфельд, д-р Освальд Рихтер (социал-демократ), д-р Вакс, д-р Лазарфельд и др. Многие из них открыто выступали в газетах и участвовали в собраниях протеста против белого террора в Болгарии. С помощью прогрессивных венских юристов организации удалось освободить из рук полиции Николу Кофарджиева (Сашо). Во время его нелегального пребывания в Вене в 1928 году он был арестован, и ему грозила передача в руки болгарской полиции, искавшей его повсюду. Тепло отозвался на кампанию оказания помощи жертвам белого террора и австрийский «Красный Крест», пользовавшийся поддержкой социал-демократической партии.

Филиалами болгарского общества в Вене являлись студенческие общества в Граце (Австрия) и Брно (Чехословакия). Впрочем, партийная организация в Брно существовала еще до 1923 года, но потом она почти распалась из-за фракционной борьбы и в 1929 году снова возобновила свою деятельность. Ее возглавил Стоян Караджов, учившийся в то время в Чехословакии.

Наконец, в актив болгарского студенческого общества, включая и партийную организацию, нужно причислить также и помощь, оказываемую при выпуске и распространении таких важных легальных и нелегальных изданий партии, как «Работнически вестник» (с конца 1923 года до середины 1924-го), журналы «Коммунистическое знамя» и «Студенческая трибуна», газета «Балканская федерация» и др.

Важным моментом в жизни Венской партийной организации явилось создание студенческой столовой. Она открылась в VIII районе на Лаудонгассе в доме № 6 благодаря материальной помощи Заграничного бюро. В столовой питались не только прогрессивные студенты,

получавшие там горячее и дешевое питание, но и многие наши политэмигранты.

Разумеется, помещение столовой имело двойное предназначение: оно служило также и залом для оживленной культурно-просветительной, политической и организационной работы партийной организации. Там регулярно проводились собрания, товарищеские встречи, вечеринки и митинги. Почти каждый вечер после ужина в столовой проводились по строго определенной программе беседы небольшого марксистско-ленинского университета: изучались вопросы международного и болгарского коммунистического движения, политэкономия, исторический и диалектический материализм, текущие проблемы Европы, гражданская война в Китае и роль империалистических держав в ней, новый заговор против Советского Союза и пр. и пр.

В болгарской столовой питались в то время и обучавшиеся в Вене прогрессивные студенты из Югославии, Греции, Китая и др. И так как помещение столовой оказалось удобным, они тоже часто использовали его для своих политических собраний или культурно-просветительных мероприятий: руководство болгарской политэмиграции проявляло к их нуждам должную интернациональную отзывчивость.

Непосредственное участие в баррикадных боях во время Июльского восстания 1927 года приняло более пятидесяти членов Союза студенческих обществ и партийной организации во главе со Стефаном Тодоровым и др. Вместе с болгарскими бойцами находился и Антон Иванов, представитель Заграничного бюро партии. Наши сражались действительно героически. Когда венская конная полиция окружила тройным кордоном судебную палату и попыталась разогнать многотысячную демонстрацию с помощью оружия и нагаек, болгары, большинство из которых имели опыт уличных схваток с болгарскими жандармами, первыми бросились вперед, заставили конных полицейских спешиться и обезоружили их. Этому примеру последовали десятки венских рабочих. Разгневанный народ смял полицейский кордон, а судебную палату поджег. Группа наших врачей во главе с Георгием Поповым оказывала первую медицинскую помощь раненым рабочим... Наши сражались до последнего, третьего дня восстания, когда центр боев переместился в новый

промышленный квартал Флорисдорф. Там больше двадцати человек во главе со Стефаном Тодоровым показали пример революционной смелости и покинули поле боя только в последний час, когда на баррикады обрушился убийственный огонь артиллерии... После разгрома восстания венская полиция временно закрыла столовую и арестовала многих членов руководства во главе со Стефаном Тодоровым, подвергнув их тщательному следствию. И в полиции наши вели себя смело, достойно: через несколько дней из-за отсутствия улик их освободили.

Почти все болгарские политэмигранты и студенты по поручению Заграничного бюро состояли членами не только Союза болгарских студенческих обществ и партийной организации, но и Венского общества свободомыслящих. Основанное Австрийской коммунистической партией, это общество ставило себе задачей вести борьбу против религиозных верований и распространять атеистические знания, одновременно с этим используя любую возможность вести публичную марксистско-ленинскую пропаганду. Хотя его и организовали коммунисты, Общество свободомыслящих пользовалось поддержкой сильной тогда австрийской социал-демократической партии, которой руководили Отто Бауэр и Макс Адлер. В рядах общества состояли одновременно коммунисты, социал-демократы, земледельцы, беспартийные и др. И оно фактически превратилось в маленькую цитадель единого фронта. В оживленных дискуссиях, разворачивавшихся там по целому ряду современных политических и культурных проблем, участвовали и болгары, часто являвшиеся основными докладчиками по некоторым темам, или же оспаривали с трибуны ошибочные платформы, защищавшиеся представителями церкви, анархистами, правыми социал-демократами, троцкистами и др.

В своих заметках я ставлю перед собой скромную задачу только припомнить о некоторых героических проявлениях наших политэмигрантов и, кроме того, обрисовать обстановку в Вене в 1930 году, когда пришлось создавать и организовывать новую группу разведки. Напомню: среди наших сотрудников находился и ряд представителей болгарской молодежи, в большинстве прогрессивных студентов, которые в течение долгих лет, отдавая все силы, выполняли свой интернациональный долг.

Само собой разумеется, что среда, в которую я попал в те годы и в которой я должен был «раствориться», чтобы успешно выполнять свои разведывательные задачи, вовсе не была болгарской политэмиграцией. Работа велась главным образом с помощью многих людей, по различным поводам находившихся в Вене, или же с помощью австрийцев. Болгарские студенты только помогали нам.

Сотрудниками в нашей работе являлись также политэмигранты и прогрессивные студенты самых различных национальностей, находившиеся в то время в Вене, чтобы учиться или найти политическое убежище. Это были югославы, греки, румыны, турки, поляки, чехословаки, венгры, немцы, испанцы, итальянцы и др. Помогали нам и интернационалистски настроенные местные австрийские граждане. Не требуя материальной компенсации за свои услуги, не превращая свой долг в профессию, абсолютно бескорыстно эти люди в меру своих сил способствовали защите Советской страны от поползновений империализма.

Георгий Димитров в те годы уже покинул Вену, которая перестала быть постоянным местом пребывания Заграничного бюро БКП и Постоянного бюро Балканской коммунистической федерации. Причины я уже указал: после 1927 года австрийское правительство, не без соответствующего нажима со стороны стран-победительниц, усилило полицейское вмешательство в политическую жизнь, установив все более явные ограничения и контроль за деятельностью революционных организаций трудящихся. Правительство проявляло возрастающую нетерпимость и к иностранным политическим деятелям, которые проживали в Австрии по воле судьбы: полиция не удовлетворялась теперь, как раньше, лишь высылкой нежелательных иностранцев через какую-нибудь из шести границ, а все чаще передавала арестованных революционеров полиции их родной страны, где в большинстве случаев их ожидали суровые приговоры и тюрьма.

Покинув Вену в конце 1928 года, Георгий Димитров обосновывается в Берлине, где наряду с деятельностью в Заграничном бюро взял в свои руки руководство Балканской федерацией, а некоторое время спустя и Запад-

ноевропейским бюро Коминтерна. Будучи значительно большим городом, чем Вена, имея старые традиции социал-демократического движения, являясь перекрестком для миллионов иностранцев, едущих транзитом через Германию во все точки континента, Берлин в те годы представлял относительно лучшие условия для революционной работы. Правительство и здесь, при этом еще более строго, чем в Австрии, следило за деятельностью революционных организаций. Но в Германии существовало, в отличие от небольшой Австрийской республики, мощное коммунистическое движение, способное постоять за себя. Созданная, как известно, на базе революционного союза «Спартак» в декабре 1918 года, Коммунистическая партия Германии сплачивала в своих рядах широкие массы немецкого пролетариата. Вместе с буржуазными группировками и буйствующими фашистскими молодчиками Адольфа Гитлера, врагом партии, хотя и не самым ожесточенным, являлась социал-демократическая партия, возглавляемая после ноябрьской революции 1918 года в Германии правыми социал-демократическими вожаками. Напуганные революционной мощью восставших масс, они вступили в сотрудничество с реакцией и монархистами, группировавшимися около Гинденбурга. До начала 1930 года власть находилась в руках буржуазной коалиции во главе с католическим центром и его вожаком Брюнингом. Сменившее в марте 1930 года коалиционный режим Мюллера, правление Брюнинга ничем не отличалось от старого, разве только тем, что при нем резко возросло налоговое бремя, которое было взвалено на плечи народных масс. Ужасающие размеры принимала безработица. Расстроенная войной, попавшая в самый центр свирепствовавшего мирового экономического кризиса, Германия корчилась в страшной агонии: подавляющая часть крупных военных заводов была или закрыта, или демонтирована и вывезена из страны в счет военных репараций. Огромное число мелких торговцев и промышленников обанкротилось, деньги обесценивались, инфляция обрекала на голод миллионы скромных вкладчиков — пенсионеров, которым жизнь уже не сулила никаких перспектив. В то же время экономический кризис выбрасывал на улицу все новые и новые волны безработных, которых, согласно официальной статистике, в 1930 году было три миллиона человек, а уже в 1931 году

их число превышало 6 миллионов человек... Страна шла к неминуемой экономической катастрофе. Куда направится корабль этой страны, какие силы воспользуются тяжелой конъюнктурой, чтобы захватить штурвал, каким курсом они его направят? Это те вопросы, на которые история теперь уже дала ответ. Ответ жестокий, залитый кровью десятков миллионов людей, опаленный варварскими пожарами, полный страданий и мук, каких человечество еще не знало на протяжении всей своей истории...

Итак, когда я обосновался в Вене, Георгий Димитров установил свое местопребывание в Берлине, но австрийская столица оставалась, так сказать, его второй по значению резиденцией, куда он нередко наезжал.

В один из таких наездов мы встретились с ним в кафе на Рингштрассе напротив Венской оперы.

— Поздравляю тебя с прибытием, Ванко, — сердечно встретил меня Георгий Димитров, удивленно осмотрев с головы до ног. — Вроде ты и вроде не ты. Трудно тебя узнать... Садись и рассказывай. Когда прибыл? Какие новости привез оттуда? Где остановился в Вене? С тобой ли Галина?..

Я знал Георгия Димитрова еще с юношеских лет, когда начал посещать клуб тесняков Плевенской организации — он приезжал туда, будучи секретарем Синдикального союза, чтобы организовать плевенский пролетариат в революционные профессиональные организации. Встречался я с Георгием Димитровым и позднее, когда вступил в партию и стал секретарем профсоюза деревообделочников в Плевене, слушал Георгия Димитрова в партийной школе в Софии — он являлся одним из лекторов, — и его темпераментные выступления раскрывали нам во всей глубине проблемы мирового и болгарского профсоюзного движения. Знал Георгия Димитрова как оратора и по выступлениям в Плевене, куда он приезжал сам или с Георгием Кирковым, чтобы выступить на партийных и общенародных собраниях, митингах, торжествах. Знал Георгия Димитрова и в годы вооружения партии — вместе с секретарем партии Василом Коларовым он составлял основу партийного руководства, которое подготовило и привело партию к величавой эпопее Сентябрьского восстания. Встречался с Георгием Димитровым и в Вене в 1925 году, когда он руководил деятельностью нашей политэмиграции и контролировал вывод из Юго-

славии находившихся перед опасностью истребления болгарских коммунистов...

Я знал, наконец, Георгия Димитрова и по Москве. Видел его в Коминтерне. В период с 1925 по 1927 год он являлся не только делегатом нашей партии в Исполнительном комитете Коминтерна, но и активным коминтерновским деятелем. Встречался с ним и на квартире Васила Коларова в гостинице «Люкс», куда он часто приходил со своей супругой Любой.

Георгий Димитров, естественно, не входил в курс моих служебных обязанностей по линии Четвертого управления — он интересовался мною постольку, поскольку дело касалось оказания помощи чем-нибудь тому или другому болгарскому коммунисту. Но когда по моей просьбе он мне давал какие-нибудь советы или делал некоторые оценки чисто политического характера, то делал это с большим тактом. Искренняя вежливость, настоящая культура в отношениях с людьми отличали этого человека. Деликатный и отзывчивый собеседник, он, когда было нужно защищать партийную точку зрения на ораторской трибуне или в уличных схватках с полицией, превращался в неустрашимого, пламенного борца, который не знал ни компромисса, ни пощады к врагам революции.

Ко мне Георгий Димитров относился тепло и сердечно, как и к большинству болгарских политэмигрантов в Советском Союзе. И всегда после встречи или разговора с ним я чувствовал, что многим ему обязан. Он укреплял в человеке уверенность в своих силах, усиливал в нем волю к борьбе.

Человек, побывавший в загадочном Китае, всегда в компании находится в центре внимания: он должен рассказывать о далекой экзотической стране, о тысячах невероятных вещей и пикантных подробностях, о гражданской войне, о Великой китайской стене и национальной китайской кухне, о шанхайских гангстерах и иностранных сеттльментах, о пагодах и мандаринах, о джонках, о пустыне Гоби и бог весть еще о чем... Вот поэтому, когда мы виделись в Москве на квартире Коларова, Георгий Димитров просил меня рассказать побольше о Китае и сам засыпал меня вопросами. В большинстве случаев мы уединялись в каком-нибудь укромном уголке квартиры, где нас никто не беспокоил...

И вот сейчас при нашей новой встрече в Вене он держался все так же сердечно, по-свойски. Он был в белоснежной рубашке и элегантно завязанном галстуке, чисто выбрит, с небольшими усиками, подстрижен по венской моде, в очках. В первый момент его очки меня удивили — в Москве он прибегал к их помощи только при чтении. Очки, очевидно, имели то же назначение, что и мои в то время, — они были с простыми стеклами, а их форма могла изменить выражение лица. Маскировка была нужна, чтобы обеспечить безопасность от полиции.

Георгий Димитров во время этой встречи спросил о письме, в котором просил навестить его жену.

— Письмо получил, товарищ Димитров. Привез вам сердечные поздравления от Любы, от товарища Коларова и Цветана Николаева...

— Тоскую я по ним, — сказал Димитров в ответ на мои слова, и на его лице отразилась грусть. — А Люба, как она там?

Перед тем как отправиться в Вену, я посетил больницу, и при расставании она меня попросила отвезти мужу письмо и небольшую фотографию. «Передай ему, что я чувствую себя хорошо. Пусть не тревожится обо мне».

На фотографии она и в самом деле выглядела хорошо. Но ничто не может обмануть глаза, которые любят. Когда Димитров взглянул на фотокарточку, его глаза увлажнились. О состоянии жены Димитрова постоянно осведомляли врачи в Москве.

Люба Ивошевич, его супруга, с которой он начал свои первые шаги в революционном движении и которая следовала за ним повсюду как заботливая сестра, мать, любимая, сейчас находилась в тяжелом состоянии. Все, что можно, сделал Георгий Димитров для ее лечения — сначала в Вене, где она находилась с ним до его отъезда в Берлин, а затем и в Москве. Она была окружена вниманием и любовью Васила Коларова и всей болгарской политэмиграции, но болезнь действовала на нее быстро и сильно. Наряду с многочисленными тяготами, которые нес Димитров на своем ответственном революционном посту, в те годы он тяжело переживал болезнь нежно любимой жены, обреченной на скорую смерть.

— Сердце мое изболелось о ней, — тихо промолвил Димитров, глядя на фотографию Любы. — Мама и она —

две женщины, которых я так люблю и которым так многим обязан.

Димитров замолчал. Его лицо посерело от тяжелой боли.

Ему уже было под пятьдесят, но возраст не особенно сказывался — физически он сохранился хорошо: мужественная гордая голова с красивым открытым лбом, темно-каштановые волосы, чуть тронутые сединой, живые карие глаза, которые излучали волю и ум. Но он не отличался цветущим здоровьем — это мы знали. Мы, болгарские коммунисты, близко знали этого достойного сына нашего рабочего класса, но только три года спустя смогли его увидеть в подлинном исполинском росте, а его имя, овеянное славой несгибаемого борца против фашизма, облетело весь мир. На Лейпцигском процессе он показал всем коммунистам, всем честным людям, как нужно отстаивать смысл своей жизни, свою совесть, свои идеалы...

Когда Димитров успокоился, он спросил, хорошо ли я устроился, поинтересовался моим здоровьем.

Ответив на все его вопросы, я высказал свою радость, что в Вене не буду так одинок, как в Китае, что здесь смогу иногда видеться с близкими товарищами. И мы расстались.

3

МАШИНА ЗАКРУТИЛАСЬ. ТАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА БЕЗ РОКОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ. ТОРГОВЦЫ В ВЕНЕ

Работа началась очень скоро после моего приезда в Вену. После шестимесячной подготовки разведывательная группа приступила к осуществлению первых заданий. Мы не имели права больше ни на день откладывать их выполнение: империалистические круги в Европе, Америке и на Дальнем Востоке день и ночь плели сеть коварного заговора против Страны Советов.

Наша работа началась с одной любопытной встречи и... небольшой ошибки. И если бы мы были суеверными, то следовало бы поставить крест на все наши дальнейшие намерения и упаковать свои чемоданы для отъезда в Москву.

Случилось это так.

Радист группы мне передал, чтобы я ожидал посланца из Москвы. Был определен точный день и час, указано и место встречи — в парке Пратер, около колеса обозрения.

Был конец лета, и Вена гостеприимно встречала своих многочисленных зарубежных гостей. В этом году их было меньше, как говорили жители столицы, — сказывался мировой экономический кризис, — но и сейчас их были тысячи и тысячи. Толпы туристов всевозможных национальностей наводняли улицы и бульвары, рестораны и кафе, парки, сады и, разумеется, знаменитый Пратер.

Я стоял около колеса обозрения и спокойно покуривал трубку, наблюдая за пестрой толпой туристов. Веселый всепоглощающий шум Пратера. Среди них должен был находиться ожидаемый посланец центра. Я не всматривался в лица туристов, это не помогло бы мне: было только обусловлено, чтобы я стоял около большого колеса обозрения без всякого опознавательного знака. Посланец сам должен был меня узнать... То, что передал радист, несколько меня озадачило и даже вызвало известное беспокойство. Как же могли меня узнать в новом модном костюме, с трубкой во рту, в очках с тонкой золотой оправой?.. В таком виде даже близкие партийные товарищи в Вене проходили мимо, не узнавая в этом венском денди своего старого приятеля. И как узнает меня ожидаемый мною товарищ?..

Колесо обозрения остановилось, и из гондол начали спускаться веселые люди, опьяненные головокружительным полетом. Пожилой турист, в изысканной летней шляпе, одетый в легкий костюм из шелковой чесучи, вышел из остановившейся вблизи гондолы и учтиво подал руку молодой даме, которая заливалась смехом. Наверное, это были отец и дочь — разница в возрасте была слишком большая, чтобы принимать их за супружескую пару. Скорее всего, англичане, прибывшие провести на свои фунты стерлингов, очень высоко котировавшиеся в период кризиса на венском рынке, несколько приятных дней в австрийской столице. Они громко разговаривали на английском языке, и девушка задорно смеялась. Они прошли мимо, не обратив на меня внимания, а я продолжал спокойно расхаживать около колеса.

— Могу ли я попросить вас, герр, одолжить мне ваши спички?

Я обернулся на голос. Это был пожилой англичанин. Остановившись в шаге от меня, он произносил свою просьбу на безукоризненном немецком языке.

— Коробка вылетела у меня из рук, герр, когда я был высоко вверху. — И он показал на верхнюю дугу колеса обозрения.

Господин высказывал просьбу с подчеркнутой вежливостью, с извиняющейся улыбкой.

— Прошу вас, герр. — И я с готовностью достал коробок спичек, отводя свой взгляд от него. Я все же прогуливался на этом месте не для того, чтобы обмениваться любезностями с рассеянными англичанами. Поднеся ему зажженную спичку, я добавил на своем далеко не безупречном немецком языке: — Вы должны благодарить судьбу, герр, что сверху слетел только ваш коробок спичек...

— О, да, конечно, хорошо, что я сам там удержался. — Пожилой турист весело рассмеялся, перевел девушке мою шутку, потом снова обратился ко мне и вежливо поблагодарил, сняв элегантным жестом свою белую шляпу. — Вы были очень любезны, герр!

Тут англичанин задержал на мне свой взгляд, может быть, только на секунду дольше, чем было необходимо. Я увидел его глаза за матово-зелеными стеклами очков, и меня словно током ударило.

Это был Гриша Салнин.

— До свидания, любезный герр, — с улыбкой поклонился на прощание собеседник и, когда девушка отошла, добавил тихо: — Через час на этом же месте.

Догнав спутницу, он продолжал на английском языке прерванный на мгновение веселый разговор.

Стремясь подавить волнение, я сделал несколько глубоких затяжек из трубки и пошел прогуливаться. Если бы в тот момент за мной наблюдали чужие глаза, от них наверняка не укрылось бы радостное волнение, которое внезапно охватило меня после случайной встречи с «англичанином». Я ожидал встретить кого угодно, только не Гришу. Вот, значит, почему человеку из центра не нужны были никакие дополнительные знаки, чтобы узнать меня!

Колесо обозрения делало свой очередной круг, поднимая к чистому летнему небу веселящихся людей, когда точно через час снова появился Гриша. Он был один,

шел той же свободной походкой независимого человека, которому некуда и незачем спешить. Прошел близко от меня и, когда увидел, что я его заметил, двинулся дальше вместе с толпой, поддерживая рукой висевший на плече фотоаппарат.

Я последовал за ним. Мы шли на небольшом расстоянии друг от друга, пока не удалились от колеса. Гриша направился к пестрым, кокетливым зонтикам небольшого кафе, где человек действительно может найти на некоторое время отдых и уединение.

— Сердечный привет, летучий голландец, — крепко стиснул я руку Гриши, когда мы сели за небольшой мраморный столик.

— Летучий англичанин, — поправил меня Гриша и в свою очередь крепко пожал мою руку. — Здравствуй, мой дорогой, здравствуй. Сердечные поздравления тебе от всех. Особые поздравления шлет тебе Старик.

— Спасибо. А дама? Куда ты ее дел?

— Распрощался с ней после того, как угостил ее мороженым. Она не моя. Просто ей стало плохо на большой высоте. Я сам, понимаешь, должен был помочь своей соотечественнице, проводить ее...

Приближался обеденный час. У нас не было больше дел в Пратере. Мы сели в такси и после продолжительной поездки по Рингштрассе остановились перед рестораном, где я обыкновенно обедал после своего приезда в Вену.

В Вене — двухмиллионном городе, населенном людьми различных национальностей, — в свое время имелись рестораны с испанской, восточной, немецкой, русской, французской кухней.

Я питался в еврейском ресторане. Читатель, наверное, помнит — до этого момента я жил в Вене по паспорту польского еврея из Закарпатья. В ресторане, где подавались еврейские национальные блюда, я держался, как все остальные регулярные посетители, без излишней фамильярности и был принят по-свойски и официантами, и клиентами, которые уже мне дружески кивали в знак приветствия, когда случалось обедать в одно и то же время с ними.

Итак, в ресторане, в котором я так старательно разрабатывал свое амплуа, в этот день я допустил тактическую ошибку.

Мы вошли, сели за стол, который я обычно занимал. Перед этим Гриша снял — по старому православному обычаю — свою шляпу и повесил ее на ближайшую вешалку. В силу какого-то слепого автоматизма я последовал его примеру, увлеченный начатым разговором. В следующий момент после этого поднял голову к официанту, подошедшему к нам за заказом сразу же, как только мы сели.

Гриша заказал свежую рыбу, приготовленную по-еврейски. Когда я разговаривал с официантом, то заметил в его глазах удивление. «Чему он удивляется?» — недоумевал я.

И тут я заметил еще одну странность. Когда официант проходил мимо оберкельнера, он обменялся с ним многозначительным взглядом. «Что удивительного в том, что я привел сюда на обед своего знакомого?» — удивился я. А когда бросил с напускной небрежностью взгляд на соседние столики, мое удивление переросло в раздражение: обычные посетители, которых по приходе я приветствовал вежливым кивком головы и которые так же вежливо мне ответили, сейчас смотрели на меня во все глаза.

«Что все это значит?..»

Гриша первый заметил необычный интерес, проявляемый к нам, но держался так, словно мы одни были в ресторане: самообладание является основным качеством каждого настоящего разведчика.

Официант принес блюда с вкусной вареной рыбой и удалился, избегая моего взгляда.

— За твое здоровье, — поднял я рюмку с искрящимся австрийским рислингом. — Вино отличное, гарантирую. Отлично приготовлена и рыба. За это тоже ручаюсь...

— Твое здоровье, — поднял Гриша свою рюмку.

И тут вдруг меня осенило. Мы оба сели обедать с непокрытыми головами. А это противоречило еврейским обычаям: евреи всегда сидели за столиками в головных уборах, а наши сейчас висели на вешалке, подобно предательским знакам, которые указывали: эти двое мужчин не являются и не могут быть евреями...

Ошибка, разумеется, была моей. Мне сдавило горло, прекрасно приготовленная рыба и охлажденный рислинг сразу потеряли свою прелесть, но я продолжал жевать — мы не могли покинуть ресторан просто так, неожиданно, не закончив обеда, это было бы подозрительно.

— Твое здоровье, — бодро поднял рюмку Гриша. — Рыба действительно приготовлена прекрасно.

Примерно через полчаса он подозвал вежливым жестом оберкельнера, который стоял как истукан в конце салона.

— Мой приятель, — сказал Гриша достаточно громко, чтобы его могли услышать и за соседними столиками, — просто насилу затащил меня пообедать в ваш ресторан. Разумеется, в Лондоне у меня среди друзей имеются евреи, но никогда до сих пор я не посещал еврейского ресторана и никогда не пробовал такой искусно приготовленной рыбы. Примите мою благодарность, герр!

Оберкельнер поклонился, видимо довольный комплиментом и еще больше — щедрыми чаевыми.

Мы учтиво попрощались и покинули ресторан. Больше там моей ноги не было. Гриша постарался как-то исправить допущенную мною оплошность, но на меня уже пала тень подозрения...

Читатель, может быть, сочтет этот случай незначительным. Отнюдь нет. Принятые меры (я сменил уже на другой день квартиру, район местожительства, паспорт) помогли избежать возможных осложнений. А могло все это окончиться и плачевно. Известно из истории, как были схвачены в марте 1933 года в Берлине нелегально находящиеся там Георгий Димитров, Благой Попов и Васил Танев: какие-то незначительные на первый взгляд мелочи в поведении, одежде, жестикуляциях были замечены официантами — агентами берлинского ресторана «Байришерхоф», и они сообщили об этом в полицию... Вена в этом отношении не отличалась от Берлина: и здесь официанты, портье в жилых домах, содержатели частных пансионатов и отелей в большинстве случаев поддерживали тесные связи с полицией.

Мы вышли из ресторана, снова взяли такси и совершили длительную поездку по венским улицам, после чего сели в одном тихом углу в парке дворца Шёнбрунн. В отличие от меня Гриша сохранил хорошее расположение духа и ничем не выдавал своего недовольства. Даже наоборот — сам начал рассказывать случаи из своей практики в США и Японии, где подобные незначительные оплошности чуть не выдали его.

— И я не смог тебе ничем помочь, Ванко, — корил себя Гриша. — До сих пор мне не приходилось изучать

еврейские нравы... Однако должен отметить, ты держался отлично. Ничем не выдал своего беспокойства. Молодец!

Таков был Гриша, таким был и Берзин. Они понимали, что, если опасность миновала, главное сохранить душевное равновесие. И ни слова об ошибке, если видят, что ты сам ее понял и делаешь из нее необходимые выводы.

Школа Берзина не была рассчитана на новичков в разведке. Я мог бы сравнить ее с своеобразным вузом, который удается закончить только подготовленным людям. Именно поэтому Берзин постоянно требовал от всех своих кадров непрерывно совершенствовать свои познания... Эта школа воспитывала непоколебимую душевную стойкость. Я еще не обладал этим качеством, хотя Гриша и похвалил меня в парке дворца Шёнбрунн за отличную выдержку. Не знаю, как я выглядел внешне, но внутренне мое состояние в ресторане было далеко не на высоте. В дальнейшем я понял, что самым трудным в воспитании настоящего разведчика является выработка стабильной «железной» психики. Такой психики, которая позволит справиться с любыми неожиданностями, позволит по крупицам сохранить силы для новых заданий, позволит увидеть даже минимальный шанс и вдохнет волю, чтобы его использовать, которая будет поддерживать душевное равновесие разведчика при всех обстоятельствах, при любой опасности, даже перед лицом смерти...

— Итак, — сменил тему Гриша, — что нового у тебя?

В сущности, Салнин, который руководил нашим отделом и числился одним из первых помощников Павла Берзина, был в курсе почти всего, сделанного нами до сих пор. Радиосвязь, поддерживаемая включенным в группу советским товарищем, работала безупречно.

— Фирма уже зарегистрирована у властей, — докладывал я. — Здесь это оказалось сделать так же легко, как и в Шанхае. Мы подумали и в отношении ее торговой номенклатуры.

— Наверное, ты используешь опыт, приобретенный в Китае? Экспорт-импорт электрооборудования, машинных частей, часов?

— Мы решили, чтобы в данный момент она была только импортной. Будем ввозить сельскохозяйственные товары из Балканских стран. На венском рынке можно

сбывать брынзу, яйца, свежие овощи, птицу... Пока только это, потом в зависимости от спроса...

Импортная фирма, которую мы решили создать в то время в Вене, в общих чертах использовала опыт импортно-экспортных предприятий, накопленный в Пекине и Шанхае. Специфическая деятельность торговца, с его постоянными деловыми поездками по стране и за рубеж, широкими связями в различной среде, банковскими операциями, постоянными деловыми встречами и оживленной корреспонденцией, представляла благоприятные возможности для нашей работы. К тому же и сословие торговцев в Вене составляло едва ли не основную часть населения: торговлей — в розницу или оптом — занимались тысячи людей, и торговля здесь считалась почетной, солидной, уважаемой профессией.

Люди, с которыми я намеревался вести дело торговой фирмы, являлись болгарскими политэмигрантами *X* и *Y*. Болгарский студент Ангел Вылчев, изучавший в Вене гидромелиорацию, стал постоянным и незаменимым техническим секретарем группы. Позднее в работу включился целый ряд других сотрудников, но в тот момент это были первые люди, которых импортная фирма должна была использовать в своей работе.

— Значит, импорт из Балканских стран, — произнес Гриша.

— Удачно. Оттуда в Вену нужно ввезти и тот «товар», который нам наиболее интересен.

Гриша поставил передо мной задачу с районом действия в Центральной и Восточной Европе.

Задание было вызвано усиливающейся подготовкой империалистических государств к военной интервенции на Востоке. Центр получил достоверные сведения, согласно которым крупные западные капиталистические государства усиленно превращали восточно-европейские страны в военный и политический плацдарм для своей будущей агрессии. В сущности, это была уже известная советской разведке заговорщическая деятельность, которая не прекращалась ни на один день после разгрома интервентов, но которая в последнее время резко усилилась. Наша группа имела задание проследить за деятельностью военных атташе Германии, Италии, Венгрии, Польши, Испании и некоторых других стран в Софии, Бухаресте, Белграде и Афинах. Судя по данным нашей

разведки, империалистические государства осуществляли свои заговорщические планы как раз через военных представителей в этих восточно-европейских странах. Проследить за их деятельностью значило проследить за ходом и результатами развития заговора. Самая существенная часть нашей задачи состояла в получении копий их шифрованных телеграмм-донесений, адресованных своим штабам и правительствам. В то время посольства, как правило, не имели собственной радиосвязи с соответствующей страной, которую они представляли. Кроме курьеров военные атташе и другие дипломатические представители использовали единственный в то время канал для быстрой связи со своей страной — радиотелеграф страны пребывания. Эта практика породила необходимость во всех государствах создать в почтово-телеграфных учреждениях секретный радиотелеграфный отдел.

Разумеется, военные атташе отправляли свои телеграфные донесения надлежащим образом зашифрованными, но, несмотря на это, радиотелеграфисты «секретного» отдела специально подбирались полицией из тщательно проверенных людей, и в большинстве случаев они являлись платными полицейскими агентами.

Итак, задание состояло в том, чтобы проникнуть не в сами посольства или военные представительства, а в секретные радиотелеграфные службы Болгарии, Румынии, Греции и Югославии. Получение копий телеграфных донесений открывало доступ к важным тайнам: в этих документах атташе описывали каждый свой шаг, который они предпринимали для того, чтобы привлечь на свою сторону генеральные штабы и правительства соответствующей страны, каждое обещание, которое они успевали у них вырвать, каждое конкретное соглашение, направленное на осуществление заговорщических планов; они содержали также анализы политического и военного положения той или иной страны, характеристики влиятельных военных и политических деятелей, прогнозы развития страны и будущих перспектив в области ее политики и военной стратегии; они включали, наконец, и чисто разведывательные данные о военно-экономической мощи соответствующей страны, ее вооружении, боеготовности армии и уровне подготовки командного состава, о военных укреплениях, пропускной способности портов

и аэродромов, потенциальных возможностях военной промышленности, состоянии и характере путей сообщения и прочее. Из всего этого было видно, что в те годы большинство военных атташе западных империалистических государств в Балканских странах (и не только там) являлись не столько армейскими представителями, сколько шпионами.

— Мы имеем сведения, что резиденты западных разведок в Балканских странах недавно получили чрезвычайные распоряжения о «срочности» осуществления поставленных задач. Очевидно, враг поднял по боевой тревоге все свои средства, силы и резервы. Это заставляет нас ответить тем же. Подумай, проверь и незамедлительно доложи, что намереваешься предпринять, — закончил Гриша. — О расшифровке телеграмм не беспокойся. Все будешь немедленно направлять курьером в центр...

Договорились о дополнительных каналах срочной связи.

— Хорошо, Гриша, мне все ясно. Только не могу тебе сейчас обещать, что все будет сделано, как полагается...

— Давай поговорим серьезно, как подобает мужчинам, Ванко. Столько лет совместной работы позволяют мне быть уверенным в тебе... — И после небольшой паузы добавил: — У тебя сейчас неважное настроение из-за этого дурацкого случая... Оно пройдет. Мой отец — моряк, и его товарищи говорили: погибает тот, кто выходит в открытое море, боясь кораблекрушения... Бывалые моряки знают: море любит смельчаков. Даже на утлой посудине настоящий моряк выходит в море, словно на крейсере...

Распрощались поздно вечером, после того как Гриша постарался максимально помочь мне во всем своим опытом разведчика. На следующее утро он должен был отправиться в Италию, где правил Муссолини.

Импортная торговая фирма «*X* — *Y*», зарегистрированная у властей для ввоза фруктов, овощей, яиц и других сельскохозяйственных товаров, начала свою работу энергично и деловито. Оба «собственника» — *X* и *Y* — в считанные дни сделали все необходимое для того, чтобы установить связи с местными венскими торговцами-оптовиками, соответствующей финансовой средой, владельцами магазинов и оптовыми посредниками по сбыту товаров.

X получил возможность применить на практике то, что изучал в венском институте внешней торговли. Другой «компаньон», Y, также получил образование в Вене, изучал науки, которые ничего общего не имели с торговлей, но долг заставил его временно оставить свое призвание и пойти трудиться туда, где он был больше нужен.

Примерно спустя месяц X вызвал из Болгарии и своего младшего брата, который немедленно поступил учиться и официально стал директором фирмы. Почти в то же время в Болгарию отправился Y. Пока мы прилагали усилия, чтобы проникнуть в секретную радиотелеграфную службу на софийском почтамте, он должен был открыть филиал фирмы в Горна-Оряховице и на железнодорожной станции Левский и начать оттуда отправку в Вену винограда, яиц, птицы, овощей. Y должен был использовать свою торгово-экспортную фирму и некоторые другие общества, которые в то время развивали оживленную торговлю. Фирма создала сеть своих торговых агентов в Софии и целом ряде городов Северной Болгарии — Русе, Ломе, Мездре и других. В свою сложную работу Y привлек и своего младшего брата.

Торговля пошла неожиданно хорошо, ежедневный денежный оборот непрерывно рос, увеличивались и поступления импортной фирмы X, которая не на шутку вмешалась в дела Венской торговой биржи...

В то время как один из «компаньонов» действовал в Болгарии, второй — X, должен был находиться большую часть времени в Вене, часто наезжая с настоящим паспортом по «торговым делам» в Софию, Белград, Бухарест, Афины...

Фирма была создана, как читатель уже догадывается, для того, чтобы придать законную форму нашим поездкам между Веной и столицами Балканских стран. Экспорт, который Y должен был осуществлять в Вену, имел своей целью прикрывать доставку секретных донесений, которые наши люди в Болгарии должны были изымать в Центральном почтамте и отправлять по назначению.

Когда все по созданию торговой фирмы было сделано и машина завертелась, группа сосредоточила свои усилия на решение второй, более трудной части комплексной задачи — проникнуть в секретные радиотелеграфные службы.

До моего отъезда из Вены группа полностью выполнила задание, связанное с вскрытием подрывной заговорщической деятельности военных атташе ряда империалистических государств в Балканских странах. Вскоре после получения задания копии телеграмм этих атташе начали течь потоком в центр. Наши верные люди, которые работали в секретных радиотелеграфных службах в балканских центральных почтамтах, или же технические лица, имевшие непосредственный контакт с ними, могли регулярно снимать копии с шифрованных радиотелеграмм перед их уничтожением. Другие лица получали эти копии и оставляли их в различных явочных местах в Софии, Бухаресте, Афинах, Белграде. Третьи лица заботились о том, чтобы переправить их через границу в Вену. В Болгарии это делал *У* с помощью торговой фирмы, а также через других лиц, которых специально посылал для этой цели. Почти во все страны, на которые простиралась наша сеть, время от времени ездил и я для осуществления контроля и оказания помощи на месте.

До января 1933 года, когда поступило распоряжение приостановить работу с телеграммами, по нашей линии провалов не было. Только в Бухаресте было схвачено несколько наших людей, но удар последовал по другой линии: из-за небрежности технического лица, который работал по каналу Бухарест — Прага — Вена, два наших сотрудника из группы на Бухарестской центральной почте, возглавляемой Иваном Тевеклиевым, болгарином из Горнооряховицкой околии, были арестованы. Однако полиция не смогла добраться до истинной деятельности наших людей, и суд вынес им незначительные наказания за некие «неправомерные» действия, в которых они были третьестепенными и эпизодическими соучастниками.

Но до своего провала эти товарищи в Бухаресте проделали большую работу. Кроме выполнения наших заданий они вели тщательное наблюдение за подозрительно активной деятельностью японского военного атташе в Румынии. Его донесения, передаваемые шифром через Бухарестскую центральную почту, значительно превосходили по объему секретные донесения других фашистских военных атташе. Было очевидно, что за этим что-то крылось. После мы получили приказание Берзина проследить за деятельностью самураев. В результате мы добыли очень

тревожные данные. Оказалось, что японский военный атташе в Бухаресте «между прочим» занимался самой черной шпионско-диверсионной деятельностью против Страны Советов. Сурово наказанные на Дальнем Востоке, самураи решили пакостить на румыно-советской границе. Следует добавить, что здесь они пользовались покровительством румынского королевского правительства, которое начало против своего народа и революционного движения настоящую внутреннюю войну, в то же время, подстрекаемое западными империалистами, оно держалось нагло и вызывающе в отношении своего миролюбивого восточного соседа. Многочисленный персонал японского военного атташе в Бухаресте организовал в Карпатах секретную шпионско-диверсионную школу. В эту школу японцы собрали всевозможных уголовников-рецедивистов, белогвардейских офицеров, оставшихся не у дел бывших сподвижников бесславно кончившего генерала Кутепова и других, которых специально обучали на вилле, принадлежащей японскому посольству, бандитским действиям на советской территории: поджогам, взрывам заводов, мостов и железнодорожных линий, убийству партийных и государственных деятелей, сбору шпионских сведений и прочее. Переправляемые тайно на лодках через Днестр, бандиты уходили из карпатской виллы и возвращались «отчитываться» туда же. В своих секретных телеграммах японский атташе не сообщал подробностей о работе диверсионной школы — наверное, отчет о конкретных действиях он направлял специальным курьером, — однако часто похвалялся, что «актив» растет, и запрашивал у своих господ дополнительные суммы для вознаграждения «отличившихся»...

Согласуя свои действия с другими империалистическими шпионскими организациями, японские империалисты пытались любыми средствами нарушить мирный созидательный труд советского народа...

Не вдаваясь в подробности, добавлю, прежде чем закончить свой рассказ об этом, что эффективными контрдействиями Советская власть скоро после этого смогла отсечь щупальца японской разведки, протянувшиеся далеко с востока на запад, чтобы вершить свое преступное дело.

Безупречно выполнила поставленные перед ней задачи и группа, созданная в Софийском центральном поч-

тамте. Ее руководителем был опытный конспиратор и старый почтово-телеграфный служащий Димитр Ананиев, прошедший у нас в Вене специальный инструктаж. Кроме прямой задачи, связанной с секретными телеграммами, группа осуществляла широкую деятельность по сбору информаций через свои связи с лицами из различных военно-фашистских и правительственных кругов. Некоторые из этих людей помогали советской разведке вплоть до дня победы.

4

НОВЫЕ ЗАДАЧИ. «ЭКСПОРТНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО» В ПРАГЕ. «ИНТЕЛЛИДЖЕНС СЕРВИС» ЗАПАЗДЫВАЕТ

Тридцатые годы — это зловещее десятилетие нашего века, которое началось весьма тревожными симптомами в политическом климате на континенте и закончилось, как известно, второй мировой войной. Она разразилась осенью 1939 года, но ее подготовка велась долгие годы.

Было совершенно очевидно, что война готовится против СССР и мирового революционного движения. Большой заговор набирал силы, втягивая все новые страны и правительства в свою коварную сеть, а в 1932—1933 гг. поставил на ноги реваншистские фашистские силы в Германии, разрешив им вооружаться, в надежде использовать их против СССР в качестве своего «стального кулака»...

Параллельно с созданием политического заговора империалисты настойчиво развивали свою военную промышленность в государствах, подчиненных им или политически связанных с заговором. Лихорадочно разрастались военные предприятия в странах Большой Антанты. Важное место по масштабам, номенклатуре и совершенству производимого вооружения среди главных мировых государств-поставщиков (Англия, США, Франция, Швеция) занимала Чехословакия Бенеша и Массарика.

Я не пишу историю — это дело историков, но думаю, что имею право высказать свою точку зрения на судьбу этой страны и ее трагедию в конце тридцатых годов: это право мне дают личные впечатления о Чехословакии в первые три-четыре года предвоенного десятилетия, когда мне довелось многократно бывать там.

Думаю, что трагедия буржуазной Чехословакии, родившейся на развалинах Австро-Венгерской империи, была предопределена еще в первые годы ее создания. В ущерб коренным национальным интересам чехословацкого народа, в противовес всякой разумной мысли о защите страны от германского империализма, старая Чехословакия направила свой государственный корабль курсом на запад, на политический сговор с империалистическими государствами, и в первую очередь с Францией. Политическому соглашательству сопутствовало равнение на западную военщину и растущая экономическая зависимость национальной экономики от крупного монополистического капитала. Таким образом, оставаясь формально независимой, буржуазная Чехословакия была вовлечена в общую политику империалистических государств и фактически потеряла свой суверенитет. Чехословакия стала неотделимой составной частью западного империалистического блока и членом Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия). Таким образом, она должна была служить плацдармом для подготавливаемой агрессии на восток.

Впрочем, это хорошо известные исторические факты. Известно также, что французский генеральный штаб, который держал в этой стране многочисленную миссию «советников», перестроил чехословацкую армию в духе французских военных концепций и фактически подготовил ее к роли пушечного мяса в большом заговоре.

В начале тридцатых годов в политической жизни Чехословакии появился еще один многозначительный факт, который сделал очевидной прозападную военно-стратегическую ориентацию этой страны. Под руководством французской военной миссии и новых, дополнительно командированных из Франции военных инженеров на всем протяжении чехословацко-немецкой границы началось строительство оборонительной линии с современными фортификационными сооружениями. Строительство разворачивалось в столь огромных масштабах, что невозможно было сохранить его в тайне. Оборонительная линия строилась точно по образцу французской линии Мажино, только в уменьшенном варианте, и даже печать не скрывала этого факта. Судя по заверениям газетных писак, две «оборонительные линии-сестры» и оба «навеки связанные рыцарской дружбой» государства — Франция

и Чехословакия являются надежной гарантией против любого возможного агрессора... (Пройдет совсем немного времени, чтобы рассеять, как облачко дыма, эту горькую иллюзию; ни «рыцарская дружба», ни «оборонительные линии-сестры» не оказались такими уж прочными, хотя высокие достижения военно-инженерного дела могли бы остановить агрессора. Как известно, французская линия Мажино просто была обойдена с северо-запада и удар был нанесен по ней с тыла, а ее уменьшенный чехословацкий вариант пал без единого выстрела.)

Известен и другой многозначительный факт. В чехословацкую промышленность, и главным образом в военную индустрию (в первую очередь на заводы Шкода), начался широкий приток французских, бельгийских, английских и других западных капиталов. Некоторые данные тогда свидетельствовали о том, что в заводы Шкода тайно были вложены и капиталы немецких оружейных магнатов, которые использовали для этого посредничество определенных деловых кругов Запада. Оружием, изготовленным на чехословацких заводах, западные империалистические силы вооружали и подготавливали к походу на восток армии восточно-европейских фашистских государств, в первую очередь государств Малой Антанты. Кроме того, чехословацкое оружие в массовом порядке экспортировалось в страны Ближнего и Среднего Востока, включая Египет, а также в Индию и даже Японию...

Политическим итогом этих тревожных фактов стала трагедия. И она началась, как известно, в Мюнхене в сентябре 1938 года. Западные империалистические страны, «верховные покровители» буржуазной Чехословакии, подписали позорное Мюнхенское соглашение, которое похоронило Чехословацкую республику. Жертвуя свободой Чехословакии, империалистические державы считали, что таким образом насытят аппетиты Гитлера в отношении новых земель. А последовавшим вскоре подписанием еще двух новых особых соглашений, французско-немецкого и англо-немецкого, Даладье и Чемберлен надеялись, что наконец достигли давно преследуемой цели — включения гитлеровской Германии в их заговор и направления всей ее вооруженной мощи против СССР...

Было ли это политической наивностью или чудовищным политическим преступлением? Империалистические круги Англии, Франции и США с циничным спокойствием

наблюдали, как разрывали Чехословацкую республику, точно так же, как до этого они с позорным смирением приняли аннексию Австрии.

Но если мы определим как политическое преступление поведение западных держав, то как же тогда следует квалифицировать курс самих чехословацких политиканов? Какой разумный, дальновидный и честный государственный деятель может спокойно наблюдать за уничтожением своей собственной страны, не предпринимая абсолютно ничего в защиту ее суверенитета, территориальной целостности, чести? Поведение тогдашних чехословацких государственных деятелей было равносильно национальному предательству. Оставаясь сторонниками прозападного курса, они легкомысленно и безответственно отвергли предложение СССР о коллективном отпоре агрессору и в угоду своим классовым интересам принесли в жертву интересы национальные...

Словом, это была тяжелая и страшная история, которая покрыла трауром на долгие годы землю братского чехословацкого народа и причинила ему неисчислимые жертвы, неописуемые страдания.

Эта история может служить поучительным уроком: политический суверенитет и территориальная целостность Чехословацкой республики могут быть надежно защищены только в сотрудничестве, непоколебимом союзе и братской дружбе с СССР — единственно могучей мировой силой, которой всегда были дороги свобода, независимость и мир.

Я позволил себе напомнить об этих общеизвестных исторических фактах совершенно не случайно — дальше мои записки содержат страницы, которые имеют непосредственную связь с буржуазной Чехословакией. Туда меня забросило специальное задание, полученное из центра.

В начале тридцатых годов советская разведка в Западной Европе получила сведения, что по поручению и лицензиям западных стран некоторые чехословацкие заводы приступили к серийному выпуску новых видов вооружения. Это вооружение — автоматические винтовки, скорострельные пулеметы, легкие противотанковые орудия, портативные полевые радиостанции и пр. — было не только сконструировано, но и финансировано крупными западноевропейскими оружейными концернами, такими, как «Крезо» и «Шнейдер» во Франции, «Армстронг» в Англии и др. Судя по информации нашей разведки, по-

добное по техническому решению и такой же повышенной эффективности оружие производили уже военные заводы ряда империалистических государств. Передача такой секретной технической документации тогдашней Чехословакии недвусмысленно говорила о доверии, которым пользовались буржуазные политические круги и военщина этой страны у империалистических сил.

Как читатель понимает, полученные разведкой сведения раскрывали картину фактического включения Чехословакии в западный агрессивный блок и свидетельствовали о той важной роли, которую ей отводили в деле вооружения этого блока. Это обстоятельство вынудило советских руководителей принять соответствующие меры. Перед нашей группой была поставлена задача: добыть данные о новом оружии.

Военным специалистам хорошо известно, что знание вооружения, которым располагает противник, является первостепенной военной задачей, без которой нельзя создать ни надежной защиты, ни обеспечить условия для нанесения мощного контрудара.

И самое совершенное вооружение в значительной мере теряет свою эффективность, если о нем становится заранее известно. От нас требовалось добыть точную информацию о вооружении, которое ряд крупных военных заводов изготовлял для будущей агрессивной войны. Контроль за производством вооружения и охрану его тайны обеспечивали английская разведывательная служба Интеллидженс сервис и французская военная разведка. Они поставили дело так строго, что в секретные цехи имели доступ только работающие там специалисты и инженерно-технический персонал. Вход для любого «чужого» лица, будь то даже представитель официальных государственных властей, был строго запрещен. Это дополнительно свидетельствовало о том, что в действительности Чехословакия здесь играла подчиненную роль, что чехословаки являлись только исполнителями, а вдохновителями и хозяевами были другие люди. Наша деятельность была направлена как раз против этих «других», которые подготавливали «большую стратегию» заговора, которые в данный момент использовали заводы Чехословакии и ее специалистов, чтобы как следует вооружиться.

Я отправился в Прагу немедленно после получения задания. Нужно было изучить все возможности для про-

никновения в компетентные круги и на заводы, где ковалось секретное оружие для новой мировой войны.

Злата Прага — так чехословаки называют с любовью свою столицу. Дворец Градчаны, великолепно сохранившийся средневековый квартал, живописная Вацлавская площадь, прелестная Влтава, тихо несущая свои пепельно-голубые воды между построенных около нее зданий и протекающая под великолепными мостами, камни которых изъедены временем многих веков, чудесные парки и сады, роскошные окрестности с полями, лесами, старинными замками и симпатичными деревеньками, — все это, собранное в неповторимый ансамбль миллионного города, действительно очаровывает иностранца.

Любил Прагу и я. Я был здесь до этого не раз — или проездом в Советский Союз, или для конспиративных встреч. В Чехословакии Коммунистическая партия была боевой, энергичной, существовало значительное прогрессивное движение, а ее народ, миролюбивый, талантливый, трудолюбивый, не был согласен с ролью, которую его правители определили стране в будущем крестовом походе на Восток. И как-то так произошло, что этот народ, влюбленный в свою землю, еще не успевший нарадоваться на свою независимость, в целом не видел, как республика медленно и неотвратимо катится к краю пропасти...

Прага жила своей обычной жизнью, правители произносили благонамеренные речи, Томаш Массарик академически спорил с теоретиками марксизма и утверждал, что «единственный путь для вновь созданной Чехословацкой республики — это путь национального единения, затушевывания классовых противоречий, развитие гармоничной демократии»... В сущности, такие идеи Европа уже знала, это были обесцененные реформистские схемы «переустройства и совершенствования буржуазного общества», которые выдвигала правая социал-демократия, облегчавшая таким образом процесс стабилизации капитализма. Массарик, старый профессор философии и социологии, признанный борец за самостоятельное существование в годы австро-венгерского господства, первый и постоянно переизбираемый президент вновь созданной Чехословацкой республики, своей ошибочной военно-политической ориентацией объективно принес своей стране тяжелые беды. Массарик оказался неспособным надежно ее защи-

тить, не разглядел настоящих друзей и скрытых врагов республики...

Прага жила своей нормальной жизнью, и народ, радовавшийся относительному благополучию в сложной послевоенной конъюнктуре, словно не замечал или не хотел заметить гибельную бездну. Однако активная, наиболее сознательная часть чехословацкого народа видела смертельную угрозу. Сплоченная в рядах своей Коммунистической партии, а позднее в рядах Народного фронта, она выразит ярко и категорически твердо свою волю.

В Праге, как и в Вене, существовала сильная болгарская студенческая организация. Впрочем, студенческих организаций было три: первая, националистическая, под покровительством болгарского царского посольства. Во вторую входили студенты, состоящие членами БЗНС, к которой терпимо относились официальные государственные власти. Третья, более малочисленная, чем вторая, но сильная и боевая, была наша.

Когда я прибыл в Прагу со специальным заданием, болгарская студенческая организация, которая в двадцатые годы существовала под названием «Нарстуд» («Народное студенчество»), после 1928 года была переименована в организацию имени Васила Левского и смогла привлечь в свои ряды, подобно венской, значительно более широкие круги. И здесь присутствие Георгия Димитрова оказало свое благотворное воздействие — относительная замкнутость старой организации уступила место более современным и дееспособным формам общения с наиболее широкими кругами и честными людьми, включая левых земледельцев, которые восприняли основные принципы нашей борьбы. Таким образом, и здесь, в Чехословакии, линия Георгия Димитрова на создание Народного фронта, которая позднее стала генеральной линией нашей партии и всего Коммунистического интернационала, одержала полную победу.

Кроме большой группы прогрессивных студентов в Чехословакии имелось и значительное число болгарских политэмигрантов, нашедших здесь убежище после тяжелых ударов в двадцать третьем и двадцать пятом годах. Некоторые из них перебрались сюда из Вены, где до этого учились в высших учебных заведениях и получили образование или же были изгнаны из Австрии в связи с участием в Июльском восстании 1927 года. Наконец, к среде

прогрессивных болгар в этой стране следует причислить и сотни бедняков-эмигрантов, которые работали в качестве огородников главным образом в предместьях Праги и других больших городов.

В тридцатые годы многие болгарские политэмигранты переместились из Вены в Чехословакию, в ее наиболее крупные города — Прагу, Братиславу, Брно, Остраву, Пльзень.

Рост нашей политэмиграции и прогрессивного студенчества в Чехословакии не был случайным явлением: он был связан со смелой борьбой, которую чехословацкие патриоты, возглавляемые своей боевой Коммунистической партией, вели против превращения Чехословакии в сателлита империалистических держав и слепое орудие в их агрессивных замыслах.

Здесь я желал бы добавить, что болгарское прогрессивное студенчество и вся наша передовая политэмиграция в Чехословакии остались до конца верными революционным традициям. Они не только поддержали усилия Коммунистической партии Чехословакии по созданию и расширению Народного фронта во второй половине тридцатых годов, но и позднее, когда Чехословакия была оккупирована гитлеровскими захватчиками, они активно включились в антифашистскую борьбу. Новая чехословацкая история включает страницы, преисполненные теплой благодарности к десяткам болгарских антифашистов, которые сражались с оружием в руках против гитлеровского фашизма, плечом к плечу с чехословацкими борцами бились в партизанских отрядах, участвовали и в славном Словацком восстании, где многие из них сложили свои головы... Вся история борьбы болгарского прогрессивного студенчества и политической эмиграции в этой стране, по существу, является частью истории боевой болгаро-чехословацкой дружбы, рожденной и закаленной в самые суровые для обоих народов времена.

В Чехословакии в течение многих лет работал целый ряд наших сотрудников. Они выполняли свои задания поодиночке или в крайнем случае вдвоем. Формы их деятельности были самыми различными. Я расскажу лишь об одной из них, которая проводилась нашим фиктивным экспортно-информационным бюро: прикрывая наш интерес к военному производству вывеской торговой фирмы, бюро свободно смогло установить контакт с торговыми

конторами военных заводов, а постепенно — и с самими конструкторами, имена которых, а тем более существо работы, держались в тайне.

Бюро было создано и зарегистрировано перед официальными властями с местом нахождения в Праге. Единственным собственником являлся X-1, который изучал инженерные и экономические науки, интересовался культурой и отличался верной политической ориентацией. Благодаря своему богатому воображению и предприимчивости, X-1 за короткое время развил энергичную и многостороннюю представительскую деятельность. Разумеется, экономический характер и сферу торговой деятельности мы предварительно обдумали до мелочей: бюро должно было интересоваться широкой номенклатурой товаров, которые могло бы предлагать на чехословацком рынке, и незаметно и постепенно, как бы между прочим, пробиваться в направлении, которое нас действительно интересовало.

Наше торгово-экспортное бюро в короткий срок смогло развернуть кипучую деятельность в чехословацкой столице. Быстро заметив предприимчивость, широкие торговые интересы и знание конъюнктуры X-1, целый ряд промышленников и экспортных предприятий в Софии проявили к нашему бюро повышенный интерес. В конце концов, их интересовали расторопность и прибыль, а не личность появившегося торгового посредника. И вот наше бюро получило образцы розового масла софийской фирмы Николы Нечева, которая предложила нам принять ее генеральное представительство в Чехословакии. Фабрикант и торговец коврами З. Филиппов направил целую серию высококачественных чипровских, котленских и других ковров с просьбой предложить их на пражском рынке. Болгарский торговый союз в свою очередь предложил нам вести все его деловые связи с Чехословакией.

Однако сфера нашей деятельности не ограничивалась Болгарией. Через месяц-два акционерная пражская фирма «Поледна» установила посредничество между нашим бюро и французской фирмой «Дюрас» (Ницца) о поставке болгарского розового масла. Она же договорилась о поставке болгарских эфирных масел для пражской парфюмерной фабрики «Прохазка», а немного спустя после этого — и для первой краловской парфюмерной фабрики

«Пилначек» в Градец-Кралове. В дальнейшем бюро установило деловые контакты с центральным управлением табачной монополии в Праге, венской биржей сельскохозяйственных продуктов, «Лионель-Стронгфорт» — институтом спортивных товаров в Берлине и другими. Вскоре после этого две крупные японские фирмы предложили нам посредничать в деле поставки в Болгарию японской вискозы, китайского женьшеня, японских шелковых тканей, изделий из слоновой кости и др.

Параллельно со своей чисто торговой деятельностью бюро смогло войти в круг компетентных лиц, связанных с производством вооружения на заводах «Шкода», «Витковиц-Верке», «Збройовка», чешско-моравска «Колбен-Данек» и других, а также установить контакты с торговыми представителями этих заводов в ряде стран Восточной Европы. Эти компетентные лица были знакомы с новой технической документацией, которая поступала с Запада под строгим секретом, и участвовали в разработке соответствующей производственной технологии. Торговые представители этих заводов за границей, обычно инженеры различных специальностей, знали «товар», который соответствующие заводы могли предложить данной стране для нужд перевооружения ее армии. Ввиду этого наш интерес распространялся в двух направлениях. Незаменимую помощь нам оказывал *X*-2, наш верный сотрудник, который в это время был торговым представителем некоторых чехословацких военных заводов в Болгарии; с его помощью мы сумели получить не только техническую документацию, но и готовые заводские образцы некоторых новых видов оружия, которое Чехословакия готовилась направить на вооружение болгарской и других монархо-фашистских армий. Одним из таких образцов был ручной пулемет «Брен», производившийся по английской лицензии на заводах в Брно.

X-2 самоотверженно выполнял свой интернациональный долг без каких-либо провалов, до самого разгрома гитлеровской Германии.

Более трех лет продолжалась наша работа в буржуазной Чехословакии. Торгово-представительное бюро, которое прикрывало только часть всей деятельности, работало полным ходом, и его оборот увеличивался скачкообразно (если бы в действительности *X*-1 был торговцем, он смог бы сколотить состояние!).

Чехословакия оказалась благодатной почвой не только для сбыта всевозможных сельскохозяйственных товаров. Чехословацкие трудящиеся выполняли, несмотря на смертельный риск, с честью свой интернациональный долг. Именно эта их готовность позволила выполнить наше задание: чехословацкие патриоты помогали нам, сознавая, что они помогают сами себе, своей находящейся перед гибелью родине. Инженеры и конструкторы, техники и специалисты, которые изготовляли новые виды смертоносного оружия, работали под зорким оком чехословацкой полиции, Интеллидженс сервис и французской военной разведки: под их контролем делалось все — от приема технической документации, поступаемой с Запада, до разработки заводской технологии и серийного производства вооружения... Политически хорошо подготовленные чехословацкие трудящиеся совершенно ясно видели, что означает все это; они понимали, что их родина становится частью гигантской империалистической военной машины; осознавали, что своими собственными руками производят оружие, которым будут расстреливать другие миролюбивые народы и их собственный народ...

Чехословацкие патриоты смогли нас снабдить полной технической документацией, касающейся производства нескольких видов нового вооружения. Позднее они сумели, преодолевая зоркий полицейский контроль, вынести — часть за частью в течение недель — по одному готовому серийному образцу этого оружия. Рискуя своей жизнью, эти достойные сыны чехословацкого народа совершили во имя своей родины и мира настоящий подвиг.

Когда чисто выполненная работа уже заканчивалась, тайная полиция и специалисты из Интеллидженс сервис внезапно подвергли самой тщательной проверке — каждого человека — весь персонал завода, где работали наши люди. Сигнал поступил из Лондона: оттуда по своим каналам Интеллидженс сервис узнала о том, что мы получили сведения об оружии. И вот теперь она спешила свести счеты с нашей тайной организацией.

Английская разведка опоздала. Предупрежденные о надвигающейся опасности, наши группы немедленно приостановили свою работу, заметя все следы. Однако отступление вовсе не было паническим. Во-первых, мы переправили через границу, вместе с их семьями, двух чехословацких патриотов, которые в Советском Союзе

нашли свою новую родину. Во-вторых, позаботились о том, чтобы предупредить о появившейся опасности всех остальных чехословацких и других наших сотрудников, чтобы они обеспечили себе надежное алиби в случае возможного ареста. В-третьих, нужно было ликвидировать торговое бюро в Праге. Этой рискованной работой занялся *Y*, которого я направил в Прагу.

Все необходимое было сделано в предельно короткие сроки. Бюро спешно освободило взятое под наем просторное помещение в одном из центральных кварталов столицы и за несколько часов, захватив всю свою документацию, просто... исчезло из оживленных торговых кругов Праги, где успело завоевать завидную репутацию. *X*-1 невредимым покинул пределы страны.

Погиб один человек — Ян Досталек.

Он являлся одним из наших чехословацких сотрудников. Для него долг перед родиной не являлся пустым словом.

Его подвиг действительно заслуживает высокого признания со стороны чехословацкого народа.

Досталек до известного момента, подобно тысячам других чехословацких граждан, не представлял себе политической судьбы своей республики. Он был конструктором-изобретателем. Причем одаренным изобретателем в области радиотехники. Он изобрел небольшую по объему портативную приемо-передающую радиостанцию с большим радиусом действия, новым конструктивным решением, с техническими показателями, которые превосходили существующие до этого момента мировые стандарты: радиостанцию можно было использовать для прямой безотказной связи в военно-полевых условиях в танках, броневых машинах, самолетах и др.

Изобретение, встреченное с восторгом военными специалистами, сразу было объявлено государственной тайной, и Досталек получает все необходимые условия для дальнейшего технического усовершенствования своей аппаратуры. Военные спешили как можно быстрее запустить ее в серийное производство.

Досталек вдохновенно работает день и ночь, убежденный, что его изобретение будет служить обороне его собственной родины. И скоро радиостанция была готова. Ранее сконструированная в его скромной домашней технической мастерской, теперь она была изготовлена в хорошо

оснащенной заводской лаборатории и представляла собой дополнительно усовершенствованную и улучшенную модель его прежнего аппарата.

И наверное, все закончилось бы вполне нормально, если бы в этот момент Досталека не посетили высокопоставленные гости. Это были члены французской военной миссии в Чехословакии, которых сопровождали высшие должностные лица чехословацкого генерального штаба и тайной полиции. С галантной учтивостью французы высказали Яну Досталеку свои поздравления за чудесное изобретение. Затем военные из генерального штаба попросили Досталека продемонстрировать перед «французскими друзьями» технические достоинства нового аппарата. Оказалось, что среди французских гостей имелись и специалисты по радиотехнике. Встреча закончилась пышным ужином в самом фешенебельном пражском ресторане.

Ошеломленный оказанным вниманием, изобретатель, который полностью жил в мире своих технических интересов, на этом ужине в дорогом пражском ресторане вдруг осознал, что был слепцом и наивным человеком. Он узнает, что «французские друзья» в курсе всех военно-технических, военно-стратегических и политических тайн, относящихся к его родине. Он увидел, что офицеры генерального штаба и высшие полицейские чиновники держатся как слуги перед французскими «гостями», узнает, наконец, что его изобретение в ближайшие дни запустят в производство также и на французских военных заводах. Таким образом, он убедился, что его изобретение будет служить не обороне его родины, а агрессивным планам западных держав...

Пышный ужин в пражском ресторане провел роковую границу в жизни Яна Досталека. От сознания национальной измены государственных руководителей до решения содействовать правому делу был только один шаг. И он этот шаг сделал без колебания.

Во-первых, он доставил нам техническую документацию своего изобретения, а немного позднее вынес по частям из технической лаборатории завода несколько полностью скомплектованных аппаратов. Некоторые из этих радиостанций были включены в работу сразу, другие «законсервированы» и вошли в действие во время гитлеровской оккупации.

Он отлично понимал, что в случае провала потеряет все — и щедрые гонорары, которые платили ему за изобретения, и открывающуюся блестящую творческую карьеру, и имя «честного гражданина республики», может быть, даже жизнь. В оплату от нас он не получал никаких денег. Он понимал, что таким образом выполняет свой патриотический и интернациональный долг. Этого ему было достаточно.

Провал произошел не по вине Яна Досталека. Один из аппаратов, которые он изготовил для нас, попал в руки тайной полиции, когда наш сотрудник пытался перейти границу.

Когда Досталека арестовали, он отказался признать какие то ни было обвинения. В расследование немедленно вмешались и специалисты французской военной полиции. Он мужественно выдержал все допросы. Позднее суд приговорил его к тяжелому наказанию, но осудили только его — ни одного имени, ни одного адреса, ни одной явки не фигурировало в обвинении прокурора или в судебном протоколе... Он был бы жив и сейчас, если бы полиция, озверевшая от его молчания, не умертвила его позднее в тюрьме. Это была чехословацкая полиция Бенеша — Массарика. В то время как старый профессор-президент произносил свои академические сентенции о «классовом мире и гармоничной демократии», его полиция усердно совершенствовалась в своем палаческом ремесле, пытаясь подавить любое классовое сопротивление...

Ян Досталек отдал свою жизнь за торжество интернационального братства, без которого были бы невозможны и немыслимы свобода и национальная независимость его родины.

5

ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ ЦЕНТРА. ВСТРЕЧА С ОСКАРОМ. ПОЖАРНИК Z-9

Дом утонул во мраке дождливого осеннего вечера, когда мы остановились перед ажурной дверью калитки и я тихо открыл ее. Десяток шагов по песчаной дорожке сада, и мы очутились перед входом в двухэтажный особняк. И здесь спокойно, без излишней спешки, как это сделал бы хозяин или съемщик этого респектабельного дома, я открыл дверь.

Поднялись в квартиру на втором этаже, и, прежде чем повернуть выключатель, чтобы зажечь электричество, я задернул плотные бархатные шторы. Спутник следовал за мной молчаливо, не задавая вопросов и не делая замечаний, полностью доверившись своему провожатому. Когда вспыхнула хрустальная люстра и залила мягким светом просторный холл, я обернулся к нему и пригласил:

— Прошу вас, Павел Иванович. Чувствуйте себя здесь, как дома...

Это был корпусной комиссар Павел Иванович Берзин.

В тот день мы встретились с ним в одном венском кафе. Я был там в точно назначенный час. И в этот раз я не знал, кого мне следует ожидать, и читатель легко поймет мое нетерпение в ожидании назначенного часа. Я уже как-то пережил подобное волнение при встрече с Григорием Салниным. На этот раз меня ожидала встреча с еще более высоким гостем, самим Павлом Ивановичем... В кафе мы долго не задерживались: Берзин легко понимал мое волнение и по разговору, и по жестам, хотя я уже имел выдержку бывалого разведчика. Я сам подозвал официанта, расплатился, и мы встали, чтобы смешаться с вечерней толпой на бульваре, где я мог дать свободу своему волнению. Но еще более надежно, разумеется, было здесь: этот дом, о котором я предварительно не сказал Берзину ни слова, был, возможно, самым укромным местом в Вене, где мы могли остановиться, свободно поговорить и, если нужно, переночевать.

Оставив плащ и свой намокший зонт в прихожей, Берзин стоял выпрямившись и внимательно обшаривал все глазами. Действительно, дом прекрасно обставлен, в нем были ковры и мягкая мебель, старинные красного дерева шкафы и стильные декоративные украшения по стенам, шелковые обои мягких тонов, хрустальные люстры и отливающие перламутром китайские фарфоровые сервизы за стеклами шкафов, оригинальные масляные полотна на стенах...

— Прошу вас, Павел Иванович, чувствовать себя здесь как дома.

Берзин остановил на мне взгляд, в котором светился вопрос: где мы в действительности находимся?

— Это дом врача? — спросил Берзин.

Откуда он мог узнать, что хозяин является врачом? Впрочем, я тут же сообразил: наверное, заметил, несмот-

ря на мрак дождливого вечера, бронзовую табличку на входной двери, пока я ее открывал.

— Совершенно верно, Павел Иванович, хозяин — доктор. Мой соотечественник. Чудесный человек. Его супруга тоже наш человек. Она австрийка. Доктор здесь не принимает — только живет... Вернее, жил здесь до недавнего времени. По моей просьбе освободил квартиру и нанял себе другое жилье, никому не сообщая об этом. Официально эта квартира его, но фактическими обитателями являемся мы...

— Точнее?

— Устраиваем здесь встречи только в самых важных случаях. Ведь его владельцы принадлежат к венской буржуазии. Кроме того, дом находится в буржуазном районе. Здесь полиция вообще не делает проверок. Защита у нас двойная — врач с именем и положением и тесть его имеет состояние и небольшую, но доходную фабрику. Посмотрите сюда, Павел Иванович!

Я отдернул штору на окне, которое выходило в сторону внутреннего двора дома, и свет из комнаты полился на улицу. Под блестящими струями осеннего дождя виднелись полированные поверхности машин, изготовленных на заводе.

— Тесть не привлечен к работе?

— Нет, только доктор и его жена. Считаю, что двух человек из одной семьи вполне достаточно. Остальные занимаются своим бизнесом, и политика их не интересует...

Берзин отошел от окна, на котором я снова задернул шторы, закурил сигарету и сел. Теплый шерстяной костюм, добротные ботинки фирмы «Батя», которые не пропускали влагу, неизбежная для Вены белая сорочка с накрахмаленным воротничком и аккуратно завязанный темно-синий галстук. Внешне он походил на шведа, норвежца или финна. И никто, кроме его самых близких сотрудников, не знал, что этот человек давно страдает хронической головной болью, причиняемой все еще не удаленной из черепа казацкой пулей, что любое изменение погоды вызывает боль в его старых ранах...

— Еще один вопрос. Используешь ли ты доктора для выполнения заданий?

— Нет. Думаю, что прикрытие, которое он дает нам, является в данный момент достаточной услугой. Но, ра-

зумеется, он постарался бы все сделать, если его попросить об этом. Мы подумали с Гришей и попросили доктора стать членом масонской ложи. В будущем это нам может потребоваться...

— Правильно, — одобрил Берзин. — Включать сотрудника в каждую или во много операций — наивность... Я знаю о вашей идее сделать его масоном... Но все же любопытно, проявляет ли он интерес, для чего ты используешь его квартиру?

— Абсолютно никакого. Я знаю его еще по Болгарии. Мы встречались здесь во время моего первого приезда сюда в 1925 году. И еще в самом начале я просил его не задавать мне никаких вопросов. Должен добавить, доктор оказывает нам услугу не только своим жильем, но и карманом...

— Не понимаю... Неужели тебе пришлось прибегнуть к его деньгам? — Берзин был удивлен.

— Не для нашей работы. Доктор регулярно выделяет часть средств из своих доходов для оказания помощи болгарской студенческой столовой, материально поддерживает оказавшихся в трудном положении политэмигрантов, систематически вносит членские взносы в фонд организации по оказанию помощи...

В отлично оборудованной кухне я на скорую руку приготовил ужин на двоих. Когда поставил фрукты на стол, Берзин ахнул.

— Наши, болгарские, Павел Иванович! Как-никак вы ведь находитесь в гостях у болгар!

Болгарские фрукты почему-то его растрогали. Затем он начал рассказывать о Москве, Грише и других товарищах из управления, о своей жене Лизе и сыне Андрее, школьнике, который очень походил на своего отца. На некоторое время умолк, словно остолбенел, затем перевел взгляд на меня:

— Ты еще не спрашивал меня о Галине, Ванко. Но, как вижу, ты не особенно нуждаешься в ней — и сам отлично справляешься с домашними обязанностями.

— Судьба, Павел Иванович! — развел я руками. — Уже две пятилетки супружеского стажа у нас за плечами, а едва ли наберется два-три года, которые мы провели вместе...

— Так вы не наскучите друг другу, всегда будете жить, как молодожены... — рассмеялся Берзин.

Я не спросил о Галине, но Берзин не случайно сам заговорил о ней. И когда наш смех стих, он продолжил:

— С тебя причитается, Ванко. Готовься через две-три недели встречать свою новую шифровальщицу и радистку...

— Благодарю за чудесную весть, Павел Иванович! — Я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть. И добавил: — Значит, Наташа должна уехать?

Наташа Звонарева, его секретарь, недавно была прислана к нам в качестве радистки и шифровальщицы и еще не успела как следует «акклиматизироваться» в Вене.

— Да, в данный момент она нужна в другом месте,— коротко объяснил Берзин. — Подумай, где устроишь свою новую помощницу. Может быть, здесь, в квартире доктора?

— Не думаю, Павел Иванович... По моему мнению, этот дом должен продолжать служить для тех же целей, что и до сих пор... А что касается квартиры для Галины, то жена доктора поможет. В буржуазных районах Вены у нее много родных, знакомых, друзей. Непременно найдем что-нибудь удобное и подходящее...

Я был в этом убежден потому, что жена доктора отличалась необыкновенным усердием при выполнении заданий, которые мы на нее возлагали. Она подыскивала временные квартиры для конспиративных встреч. Дала несколько постоянных адресов своих приятельниц и родственников, по которым я получал служебную почту из восточноевропейских стран. Несколько раз ездила в качестве курьера в Болгарию, даже была в Плевене, где смогла связаться по делам с моей сестрой Микой. Она информировала нас о политических интригах и спорах в высших венских кругах, куда имела доступ. Причем все это делала с завидным самообладанием, хладнокровием, энергией, не сказав ни разу «не могу», «мне страшно». Разумеется, она не ожидала от нас платы за услуги. Более того, она ездила за свой счет в Болгарию и другие Балканские страны в качестве нашего курьера — иногда для того, чтобы привезти в Вену копии секретных телеграмм — донесений фашистских военных атташе, а то и прямо выделяла определенные суммы, как я уже говорил, в фонд организации для оказания помощи студенческой столовой...

Берзин прибыл в Вену, разумеется, не для того, чтобы обрадовать меня вестью о скором приезде Галины. Руководитель Четвертого управления совершал свою очередную поездку по Европе, лично инспектируя ход разведывательной работы по всем направлениям, чтобы ознакомиться с быстро меняющейся политической и военной конъюнктурой, всесторонне проанализировать на месте выполненные задания, лично поздравить тех, кто этого заслужил, поставить новые задачи. В центре Берзин получал регулярную информацию из всех точек планеты, но для него этого было недостаточно: он сам старался ощутить «запах» вещей там, на месте, где «кипел котел». Это ему помогло с ранних пор заметить в приходе к власти Гитлера угрозу для всего человечества. Он был убежден в том, что сам по себе Гитлер является политическим ничтожеством, но что за этим пигмеем стоят всесильные концерны Германии, США, Англии, которые, в сущности, представляют основную опасность для дела мира. И Берзин с изумительной проникновенностью мог предвидеть, с неподражаемым мастерством успевал разгадать и безошибочно раскрыть их коварную игру, своевременно и точно информируя Советское правительство о смысле, характере и стратегической направленности империалистических происков. Уполномоченный Ленина и Дзержинского, стойкий большевик, пламенный интернационалист, Павел Иванович Берзин превратил Четвертое управление Генерального штаба Красной Армии в настоящий бронированный щит революции. Это Берзину приписывают слова: «Прежде всего нам нужен мир. А мир завоевывают не только дипломаты и солдаты, но и разведчики».

— Прими горячую благодарность за телеграммы, Ванко, — сказал Берзин, когда мы после ужина закурили сигареты и под тихую передачу радио начали «настоящий» разговор. — Задание вы выполнили безупречно. Твоя группа не виновна в бухарестском провале... Заканчивай с этим заданием, — продолжил Берзин и добавил шутливо: — Но не жди, что станет легче. Усильте работу в Чехословакии. Интеллидженс сервис еще не напала на следы нашей деятельности. То, что вы сделали до сих пор, это хорошо. Постарайтесь расширить сферу действия и контакты с технически сведущими людьми. Для

нас крайне необходимо своевременно узнать, каким оружием нас будет атаковывать завтра враг...

Затем он поставил еще одну небольшую задачу: переправить в Болгарию работника нашей разведки.

— Вы сказали переправить, Павел Иванович... Это в смысле подумать о подходящем лице?

— Только переправить, — уточнил Берзин. — Переправить и законспирировать.

Но в таком случае я должен был знать больше о нашем человеке, чтобы можно было предложить уместное решение проблемы. И Берзин, не ожидая вопросов, пояснил:

— Она женщина. Немка. Двадцати восьми лет. Она тебе представится под именем Гертруда Б. Знает русский, французский, немного учила и болгарский язык. Определенной профессии не имеет, но может работать в качестве переводчицы в какой-нибудь экспортной фирме, банковской служащей.

— Ее внешность, Павел Иванович?

Берзин усмехнулся.

— Ты спрашиваешь, как сват... Твоя задача не сватать ее за какого-нибудь соотечественника, а значительно сложнее, браток. Но раз спрашиваешь, уточню: стройная, живая по характеру, симпатичная... — И, заканчивая с этим вопросом, добавил: — Верный человек, хотя еще и очень молодая. Закончила школу, но не имеет необходимого практического опыта. Однако она родилась разведчицей.

Перед тем как перейти к другим делам, Берзин распорядился, чтобы я затребовал из центра явку для встречи с нашей разведчицей. Встреча должна была произойти в течение пятнадцати дней — дело было спешное.

Последнее задание наполнило меня самыми радостными чувствами.

— Прими особенные поздравления от Хаджи, Ванко.

— Хаджи? Вы имеете в виду Хаджи Джиоровича Мамсурова?

— Да, — подтвердил Берзин. — Он еще не был за рубежом, а это ему нужно. Думаю его включить в твою группу, Ванко. Имеешь ты что-нибудь против?

— Не только ничего не имею против, но и не стану скрывать своего восторга, Павел Иванович! Хаджи — парень молодой, но, кажется, обгонит нас всех. Настоящий боец!

С Хаджи Умаром Джиоровичем Мамсуровым я был знаком по учебе в специальной школе при управлении, которую закончил после возвращения из Китая. Почти на восемь лет моложе меня, но уже со стажем революционной борьбы против белогвардейцев и национал-монархистских банд на Кавказе (он был осетином), Умар был «открыт» Михаилом Ивановичем Калининым. Во время одной из своих поездок по тому все еще бурлящему от конфликтов краю в 1922 году Калинин чуть не стал жертвой бандитов, которые напали на одно селение в Осетии и начали рубить мирных людей. Среди красноармейцев, которые храбро защищали Советскую власть, находился Умар. Когда, закончив свои дела, Калинин отправился обратно в Москву, он взял с собой и молодого большевика, раненного в боях, и рекомендовал его Берзину... Так началась биография этого замечательного кадрового советского разведчика, который прошел большой путь в разведке от рядового бойца до генерал-полковника. Сейчас, когда я пишу свои записки, Хаджи уже нет среди живых: ранней весной 1968 года Герой Советского Союза генерал-полковник Мамсуров скончался.

В то время когда в Вене Берзин попросил включить его в нашу группу, Умар имел только одну шпалу на своих петлицах, что соответствовало званию капитана. Однако молодой офицер разведки обладал талантом крупного работника. Берзин безошибочно это заметил и сделал все для его развития.

— Завтра утром уезжаю, Ванко, — закончил деловой разговор Берзин. — Подамся дальше на Запад, хотя дождливая осень не самое подходящее время для туристских путешествий.

На следующий день Берзин уехал в Германию, о чем мне сообщил в момент расставания.

— Там происходят тревожные, очень тревожные события. Никто не знает пока, кто там одержит верх. Революционные силы разъединены, социал-демократы отказываются от всякого сотрудничества с Коммунистической партией, а это на практике открывает зеленую улицу мюнхенскому заговорщику, — говорил он.

Берзин имел в виду Адольфа Гитлера, который в 1923 году предпринял в Мюнхене неудачную попытку совершить переворот, за что был арестован, осужден, но очень скоро после этого помилован, чем был дан но-

вый толчок зловещему национал-социалистскому движению...

— Но увенчается ли вторая его попытка успехом?

Берзин как будто предчувствовал, что на этот раз в Германии действительно придет к власти политический преступник, для которого никакие гуманные и этические нормы не будут помехой для захвата власти, а потом для попыток установления мирового господства.

Направление Гертруды Б. в Болгарию было организовано самым удачным образом.

Как раз в это время в Вене находился мой соотечественник Z-9, проходя курс обучения в знаменитой во всей Европе школе пожарников. Разумеется, Z-9, выходец из рабочей семьи, никогда до этого и не мечтал о Вене. Счастье ему улыбнулось в тот день, когда моя сестра Мика, с которой я поддерживал регулярную конспиративную связь и которая сотрудничала с разведкой, неожиданно предложила ему поехать учиться в школу пожарников в Вене. Сестра моя вовсе не была покровительницей талантливых пожарных и в данном случае действовала по моему поручению. Свой выбор мы остановили на Z-9 после того, как приложили все усилия, чтобы войти в контакт с известным в то время начальником Софийской противопожарной службы бывшим русским кавалерийским офицером-белогвардейцем Захарчуком, который пользовался исключительным покровительством дворца. Прибыв в страну с бароном Врангелем, Захарчук скоро прославился во всей Болгарии своими бесспорными организаторскими способностями и большой смелостью во время тушения пожаров. Старые жители Софии еще, видимо, помнят о молве, которая в те годы ходила о его «драгоценной» голове. Эта молва имела двоякий смысл: она признавала личные качества этого ловкого и смелого пожарника, а также намекала на искусно зашитую на его черепе платиновую пластинку, прикрывавшую рану, полученную им во время кавалерийской атаки еще в царской России... Мы атаковали Захарчука со всех сторон, в операцию включились и бывшие белогвардейцы, находящиеся в Болгарии, его старые друзья и приятели, с которыми он продолжал поддерживать связи. И все было безуспешно. Захарчук был и остался действительно «твердой башкой», несмотря на несомненные свои способности пожарника: отклоняя все предложения о сотрудничестве,

он до последнего дня остался заклятым врагом своей собственной родины. В день победы (9 сентября 1944 года) Захарчук второй раз продырявил свой череп, на этот раз собственноручно, пулей, поняв с роковым запозданием ошибку своей жизни...

Итак, Захарчук оказался для нас бесперспективным кандидатом. Следовало подыскать другого человека. Нам нужен был молодой способный пожарник и честный беспартийный человек. Так мы остановили свой выбор на Z-9. Он отлично знал, какая блестящая карьера откроется перед ним после получения диплома об окончании Венской школы. Не веря в подвернувшееся счастье, Z-9 тут же принял предложение. Когда Ангел Вылчев, мой помощник, встретил гостя из Плевена на венском вокзале, Z-9 все еще боялся, что все это — только счастливый сон, который в любой миг может рассеяться. Все до этого момента ему было поднесено, как щедрый рождественский подарок: и внезапное, ничем не объяснимое предложение Мики (она не потребовала от него никаких обещаний), и деньги, которые она ему дала, чтобы он прилично оделся «как европеец», и дорогой билет в «ориент-экспресс», и — самое важное — документ о зачислении в Венскую школу вместе с уведомлением о предварительно внесенной плате за обучение...

Мой молодой соотечественник прибыл в Вену за два или три месяца до приезда туда Берзина. Школа располагала прекрасным общежитием для иностранных слушателей, хорошими преподавателями по всем специальностям, связанным с противопожарным делом, богатой материальной базой. Как сама пожарная команда в Вене, так и ее школа применяла в своей практике не просто классический топорик и струю воды, а самые современные технические и химические средства, противогазное дело, радиосвязь. Z-9 учился с большим усердием — этим он хотел отплатить за неожиданно свалившийся на него счастливый дар. Мы виделись с ним довольно часто — он представил меня своему начальству как родственника из Югославии. Я даже стал близок с некоторыми из преподавателей: в сближении с ними помогла супруга доктора, чей близкий родственник, в это время один из высших пожарных чинов в Вене, устроил Z-9 на учебу в школу.

Читатель, наверное, спросит: чем, в сущности, вызывался наш интерес к пожарному делу и пожарникам?

В то время почти повсюду в Европе пожарные команды имели чрезвычайный статус ведомства, не подконтрольного полиции, имевшего доступ всюду, в каждый уголок района, за который она отвечала, включая военно-промышленные и другие секретные объекты. Мне кажется, этого достаточно, чтобы понять возможности, которые открывались для нас с включением своего человека в подобное ведомство. Более того, в случае военного конфликта, который советская разведка ожидала в ближайшем будущем, такое лицо сразу приобретало значительно более высокую цену, так как оно могло выполнять целый ряд особых поручений.

В дополнение сообщу здесь, что Венская школа регулярно обменивалась слушателями с такими же школами и службами в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Праге с целью изучения чужого и передачи своего опыта. Это открывало дополнительную возможность для проникновения на некоторые военные заводы, расположенные в окрестностях этих городов, расширить сферу разведывательной работы.

Итак, когда Берзин поставил задачу, Z-9 уже заканчивал школу, и в ближайшие дни ему предстояла поездка для специализации в Берлин, Гамбург, Прагу и другие города. Что касается привлечения Z-9 к нашей работе, то это уже был совершившийся факт. Предварительное изучение данных о нем в Болгарии полностью подтвердило, что он человек симпатичный, с открытой и честной душой, беспартийный, но готовый преданно служить нашему делу.

В первое время от него ничего не требовали, кроме того, чтобы он меня представил в школе, о чем я уже говорил, за своего родственника. Мое сближение с его начальством должно было помочь другим специальным целям, связанным с моими побочными заданиями. Одна из этих целей состояла в том, чтобы сопровождать в качестве «своего» человека группу слушателей, когда она поедет в Берлин, Гамбург и Мюнхен.

Группа уезжала как раз в то время, когда уже была подготовлена встреча с Гертрудой Б. Через центр было договорено о дне, часе и месте встречи, о приметах для взаимного опознавания.

Первопачально группа пожарников проходила специализацию в Праге. Там Z-9 не мог нам предложить интересной информации, но этого я и не ожидал — в Че-

хословакии наши люди успешно справлялись со своей работой. После пятнадцатидневных усиленных занятий группа пожарных отправилась в Берлин. Берлинская пожарная служба оказалась снабженной самыми современными техническими средствами — значительным числом быстроходных машин, специально оборудованных для борьбы с всевозможными пожарами, имела большой технический персонал. Несмотря на все это, пожарная служба позднее оказалась «беспомощной», когда потребовалось тушить провокационный пожар в рейхстаге. В рамках программы обучения Z-9 посетил целый ряд заводов, производящих обычную продукцию, которые в считанные дни могли быть переключены на выпуск военной продукции. Это были заводы Сименса и Халске, выпускавшие пожарно-полицейское сигнализационное и другое оборудование, завод Дегеа, производивший спасательную противопожарную аппаратуру, завод Минимакс, изготовлявший современные огнетушители, и другие предприятия. Вместе с информацией об интересовавших нас полувоенных предприятиях и производствах Z-9 получил и высокий аттестат Берлинского пожарного центра за «большие старания расширить свои познания и опыт во всех областях службы»...

После Берлина Z-9 отправился с группой в Гамбург, где в основном знакомился с портовой противопожарной службой и всем современным противопожарным оборудованием (противогазы, фильтры и огнезащитная одежда, огнеупорные костюмы и пр.). Большинство занятий с этим оборудованием гамбургская пожарная команда проводила в самих заводах-изготовителях, а тренировки с противопожарными костюмами — в самом порту этого миллионного города. И здесь, кроме всего прочего, Z-9 получил документ об «особом старании при овладении специальностью». Надо сказать, что парень действительно старался — прусское начальство отличалось строгостью. Дело дошло до того, что ему даже предложили стать руководителем группы, но он, разумеется, отказался — подлинное «назначение» он уже получил. Он держался отлично по всем показателям. Постепенно застенчивость его исчезла, и он начал приобретать действительно «европейские» манеры, но жил предельно скромно и благоразумно.

Последний город, который группа Z-9 должна была посетить согласно составленной еще в Вене программе

обучения, был индустриальный центр Любек на Балтийском море. В тамошнем заводе Дрегерверке им предстояло познакомиться с различными типами противогазов, которые завод производил в огромных количествах. (Странно, для чего? Ведь было мирное время!) Специалисты завода не только демонстрировали им устройство и правила пользования современными противогазами, но и провели со слушателями занятия в «боевых» условиях: в противогазах они должны были входить в герметически закрытые помещения, наполненные всевозможными отравляющими газами. При этом им объяснили, что эти газы наиболее часто выделяются при пожарах на химических заводах, а некоторые из них «могут быть применены в будущей войне»...

Все это было странным — и новые конструкции противогазовых масок, и аварийные водолазные костюмы, и всевозможные химические средства, служащие для возникновения и тушения пожаров, которые рекомендовались при этом как средства для «защиты в мирное время» от пожаров и стихийных бедствий. Однако почему все эти заводы были окружены строжайшей секретностью и работали под контролем тайной полиции? Почему их мощности увеличивались с такой невероятной быстротой? Ведь только противогазами, выпускавшимися заводом Дрегерверке, можно было оснастить пожарные команды многих городов мира.

Гертруда Б. должна была встретиться со мной в одной из пивных небольшого приморского городка Травемюнде, который находится недалеко от Любека. На встречу я должен был прийти, имея при себе плащ точно указанного фасона, свернутый особым образом. Таков на этот раз был способ опознавания. Женщина должна была одеться в плащ точно определенного цвета, иметь совершенно определенную прическу, быть в перчатках также определенного цвета. В точно указанное время она должна была войти в пивную и начать снимать перчатки еще у входа. Проходя мимо меня, она должна была «случайно» уронить свою левую перчатку. Я обязан был поднять перчатку и подать ей, произнеся при этом заранее условную фразу.

Все произошло так, как было задумано.

Вечером в назначенный день я сидел за одним из центральных столиков около прохода, который вел к ряду

отдельных кабинетов, расположенных в глубине зала. В пивной не было гардероба, и свой плащ, мокрый от моросящего осеннего дождя, я повесил на вешалку около стола. Официант принял заказ и удалился. Я достал трубку, но не спешил ее зажечь — до момента встречи еще оставалось некоторое время...

Ожидаемая женщина, названная Берзиным Гертрудой Б., появилась в точности так, как об этом было условлено. Модный светло-синий плащ подчеркивал золотисто-русые волосы, уложенные крупным пучком на затылке. Женщина вошла и, не оглядываясь по сторонам, еще на пороге начала снимать темно-синие кожаные перчатки. Держалась она свободно и просто, и, прежде чем оберкельнер приблизился к ней, чтобы предложить ей столик, она направилась в мою сторону, делая вид, что не замечает меня.

Она небрежно уронила левую перчатку и прошла вперед, а я, как требует обыкновенная учтивость, встал, поднял перчатку и подал ее даме, произнеся при этом условную фразу. Можно было считать, что намеченная встреча состоялась. Вот сейчас, дойдя до ряда отдельных кабинетов, она должна повернуть и выбрать столик около широкой стеклянной витрины пивной лицом к входу.

Но как раз в это время случилось неожиданное.

В тот самый момент, когда женщина собиралась повернуть к свободным столикам около витрины, со стороны отдельных кабинетов прозвучал приветственный голос мужчины:

— Алло, Гертруда, разве вы меня не заметили? Доставьте мне удовольствие выпить чего-нибудь со мной!

Женщина остановилась как вкопанная. Я не видел ее лица, но допускал, что оно, наверное, было обескураженным. Так стояла она секунду-другую в нерешительности... Затем, когда мужчина проворно встал из-за столика и галантно подхватил ее под руку, увлекая ее в отдельный кабинет, женщина, словно против своей воли, пошла с мужчиной и села за его столик.

Что означает все это? Она ведь должна была сесть одна за какой-нибудь свободный столик около окна. Но в самом деле, что могла сделать женщина в подобной ситуации? Как могла бы она отказать такому шумному и

настоятельному приглашению, очевидно сделанному близким человеком — другом, родственником, старым знакомым?

Наша явка предусматривала, как это делается обычно, запасную встречу в том случае, когда что-то помешает установить контакт. Как же быть сейчас?

Мысль моя работала лихорадочно. Если этот мужчина полицейский (он сидел спиной, в то время как женщина сидела ко мне лицом и несколько раз обращала свой взгляд в мою сторону), то, наверное, он здесь не один... Я пил пиво и одновременно внимательно оглядывал зал: ничего подозрительного. Несколько мужских компаний молчаливо и тихо пили — явно еще не были «под градусом». На улице тихо моросил октябрьский дождь, от моря стлалась густая влажная мгла...

Много существует способов, которые разведчик должен применить в том случае, когда окажется в подозрительной обстановке. И я уже обдумал свое дальнейшее поведение, когда вдруг интересовавшая меня пара, выпив по маленькой рюмке коньяка, поднялась из-за столика. Мужчина учтиво подал плащ своей даме, стоя спиной ко мне. Но когда начал надевать свой плащ, повернулся в мою сторону и, весело разговаривая с дамой, на миг задержал взгляд на мне, незаметно кивнул.

Это был настоящий сюрприз. Мужчина с дымящейся сигаретой во рту и блестящими глазами, медленно надевавший свой плащ, был военный разведчик Оскар, в то время один из ближайших помощников Павла Ивановича Берзина.

Они оба направились к выходу по дорожке, проходящей около моего столика, и Оскар что-то громко и весело говорил своей даме. Перед тем как выйти на улицу, где шел дождь, Оскар расстегнул зонт и раскрыл его, после чего оба покинули заведение.

Ровно через тридцать минут мы все втроем ужинали в уютном ресторане приморского городка, заняв отдельный кабинет в глубине зала. Было условлено, чтобы здесь, в ресторане, ужинали только двое — молодая женщина и я, но присутствие третьего, хотя и в нарушение договоренности, не только не было поводом для беспокойства, а как раз наоборот. Тогда я не знал, разумеется, что Оскар отвечает за работу в Германии, но его самого знал достаточно хорошо, чтобы ни о чем не беспокоиться.

— Гертруда все время страшно волновалась, что «все пропало», — рассказывал улыбающийся Оскар. — Ни в коем случае не хотела нарушать точную режиссуру...

— Но вы ведь сами всегда требовали именно этого! — не сдавалась молодая женщина.

— Совершенно правильно, — согласился Оскар. — И впредь всегда строго соблюдайте предварительно намеченную программу действий. Но, Гертруда, мы не должны быть в абсолютной власти над вещами... То, что сегодня произошло со мной, чего вы не ожидали, может произойти у вас и с другим каким-нибудь мужчиной — вашим знакомым, родственником и прочее. Что вам делать в таком случае? Разве вы, минуя его, сядете за свободный столик, лишь бы только соблюсти условленную договоренность?..

— Но в этом городке у меня нет никаких знакомых, — возразила Гертруда. — Я здесь до сих пор никогда не была, ничего и никого не знаю!

— И все-таки всегда имеется вероятность, пусть самая незначительная, что именно в этот вечер в пивной совершенно случайно, впервые в жизни окажется ваш друг или знакомый.

Оскар говорил тихо, пока посвящал свою молодую воспитанницу в трудное искусство разведчика. Осторожность всегда была нашим обязательным законом, но сейчас нам не грозила опасность быть подслушанными — немногие пары рассеялись по большому залу, каждая стремясь уединиться.

— Я хотел бы напомнить еще кое-что, Гертруда, — закончил Оскар. — Мы никогда, абсолютно никогда не полагаемся на слепую случайность, но ее всегда и везде нужно иметь в виду. Именно поэтому существуют запасные явки... Когда идете на подобную встречу, все ваши чувства, включая шестое — интуицию, должны быть начеку. Каждая конспиративная встреча является серьезным испытанием для любого из нас. Испытанием всей нашей нервной и психической выдержки, испытанием нашей сообразительности, спокойствия, хладнокровия... Простите меня, но я хотел перед вашим отъездом подвергнуть вас еще одному небольшому испытанию...

Оскар, отлично усвоивший тактику и стратегию школы Берзина, сам добавил к ней кое-что от себя, как это делается у разведчиков его класса. Он воспитал развед-

чицу Гертруду Б. И Оскар пожелал еще раз проверить ее реакцию при неожиданных обстоятельствах. Как потом он мне сказал, о всех подробностях в отношении встречи он договорился с центром, скрыв от Гертруды свое намерение последовать за ней в небольшой приморский городок.

— Я должен вам представить даму, — обратился наконец ко мне Оскар. — Двадцативосьмилетняя красавица, с крепкими нервами, с организмом спортсменки, происходит из солидной буржуазной семьи, которая частично разорилась в годы мирового кризиса, но живет надеждами на новое процветание, как в доброе старое время...

Гертруда Б. действительно была очень привлекательной молодой женщиной, хотя и не красавица, как шутливо представил ее Оскар. Золотисто-русые волосы, уложенные в большой красивый пучок, открывали ее чистое, интеллигентное лицо со светло-синими спокойными глазами. У нее действительно была безупречная спортивная фигура, а руки — красивые, с тонкими длинными пальцами.

— Завтра в Любеке состоится сбор отрядов штурмовиков, — тихо сказал Оскар, когда с улицы послышались звуки марша. Местные фашистские молодчики репетируют церемонию...

— Неужели и здесь? — удивился я. — В Берлине мне довелось уже видеть их факельное шествие. В одном мюнхенском зале слушал даже Гитлера. Выпал случай и наблюдать нападение штурмовиков на еврейские магазины в Гамбурге... Но Любек? Неужели и здесь?

— И здесь, и во всех уголках Германии, — покачал головой Оскар. — Это мутная волна, которую все еще не видят социал-демократы и профсоюзные вожаки. Но она надвигается, катастрофически нарастает... Я не раз присутствовал на нацистских собраниях, митингах, факельных шествиях, сборах штурмовых отрядов... Призывы Гитлера, Геббельса, Геринга действуют на эту массу как гипноз... Особенно следует опасаться их тайного союза с политическими группами католиков, финансовыми и промышленными магнатами, банкирами. Эта фашистская орава, науськиваемая на коммунистов и все мало-мальски прогрессивное, погубит Германию... Это очевидно. Это неизбежно.

Гертруда Б. молча слушала наш разговор, заглушаемый звуками небольшого эстрадного оркестра. Только

несколько пар вертелись под ритм танцевальной мелодии в большом зале. Городок был курортным, и первоклассный ресторан почти пустовал в эти сумрачные осенние дни. Сюда случайно забредали только проезжие журналисты (таким сейчас был Оскар), иностранные коммерсанты (таким являлся я), всевозможные политиканы, которые проезжали через городок, направляясь в крупные центры страны, где буйствовало и ширилось самое страшное и опустошительное для Германии и Европы бедствие — коричневая чума...

Но чтобы переменить тему, я обратился к молодой женщине.

— Извините за любопытство, Гертруда, вы, кажется, не замужем?

— Да, — кивнула с улыбкой молодая женщина. — Здесь, в Германии, не смогла найти мужа. Надеюсь, что на юге счастье мне улыбнется... А может, надежды мои и напрасны?

Гертруда держалась мило, скромно, тактично. Она была хорошо воспитана и остроумна, обладала способностью легко включаться в разговор на любую тему, понимала шутку и сама шутила, вела себя непринужденно и достойно, будто и в самом деле находилась в среде двух ухажеров, которые делают все возможное, чтобы ей понравиться... Шутка есть шутка, но должен признаться, что, когда Гертруда смехом упомянула о возможном «браке на юге», т. е. в Болгарии, я уже прикинул кое-что в уме.

— Но почему только на юге, Гертруда? Климат изменчив, случается, что и на севере бывает юг.

Молодая женщина подняла на меня свои светлые глаза, поняв намек, и тут же ответила с улыбкой.

— Южные ветры в этом сезоне не доходили сюда. И шансы для меня в этом году полностью упущены...

— И все же всякое случается...

Гертруда смотрела на меня с улыбкой, но, почувствовав мою настойчивость, несколько удивилась.

Я решил не доводить разговора до конца, и мы перевели его на другую тему. Перед тем как сделать Гертруде соответствующее предложение, я вначале решил поговорить с Оскаром. За один вечер, проведенный вместе, трудно узнать характер человека. Сейчас это мы должны были обсудить с Оскаром.

А идея была простой. Я подумал, что Гертруда Б. будет иметь самое надежное прикрытие, если поедет и прочно обоснуется в Болгарии, в качестве... жены болгарина. И точнее, выйдет замуж за молодого и симпатичного, с возросшими шансами сделать карьеру в пожарном деле, при этом включенного в наши дела моего соотечественника Z-9.

Долг прежде всего, все остальное должно отступить перед ним. Нередко бывает, когда боец выполняет свой долг перед родиной, классом, революцией, заглушая свое естественное влечение к личному счастью. Но как бывает хорошо, когда совпадают эти две стороны судьбы бойца!

Так получилось у Гертруды Б. и молодого пожарника.

Оскар нашел мой план разумным, но пожелал, чтобы я ему сначала подробно рассказал о Z-9, а потом и сам захотел познакомиться с ним лично, чтобы, наверное, как-то сопоставить его с возможной супругой.

Эту встречу устроили на следующий день. Z-9 ничего не подозревал. Может быть, только Гертруда Б. угадывала скрытый смысл этой внезапно условленной встречи с болгарским пожарником, но не высказала в отношении этого ни слова. Мы встретились в Любеке, где пожарник продолжал участвовать в различных экспериментах с противогазами. Скромный и все еще стеснительный парень, Z-9 не на шутку смутился в компании молодой женщины, которая сама проявила, без нашей подсказки, подчеркнутый интерес к нему лично, его профессии, родному городу и родной стране.

Следующая встреча произошла в Берлине. Оскар благословил, так сказать, будущий брак, решив, что эти молодые люди могут составить довольно гармоничную пару. Теперь, после того как «сваты» сделали свое дело, оставалось только одно — чтобы молодые люди полюбили друг друга. И Оскар, и я исключали любое грубое вмешательство в это тонкое дело. Если бы оказалось, что «сватовство» было беспочвенным, я бы немедленно принялся искать другое решение, чтобы направить Гертруду Б. по назначению...

Семейная пара Z-9 и Гертруда Б. уехали в Болгарию почти сразу, как только молодой пожарник закончил свою учебу в Вене. И оба они были счастливы: Гертруда Б. нашла в нем хорошего мужа, Z-9 — прекрасную

жену. В это же время он получил диплом об успешном окончании знаменитой пожарной школы. Мой дядя, священник Соларов, выдал им фиктивное свидетельство о браке. Он это делал и раньше по нашей просьбе. Молодые люди создали действительно дружную и счастливую семью. Сначала оба устроились в городе Н. Моя сестра Мика заботливо помогала им первое время, особенно Гертруде. Разумеется, Z-9 ничего не знал о секретных заданиях, которые выполняла его супруга.

Чтобы закончить свой рассказ об этой семье, должен добавить, что немецкая патриотка успешно обосновалась в стране и действовала без всяких провалов полных восемь лет, до начала второй мировой войны. Что касается Z-9, то он смог стать помощником Захарчука, выполняя полезную работу в течение многих лет до дня победы. А после победы, когда Захарчук застрелился, Z-9 по праву занял крупный пост в Софии по своей специальности.

6

ПОЖАР РЕЙХСТАГА. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Величественному зданию рейхстага, которое представляло не столько архитектурную достопримечательность Берлина, сколько символ немецкой, устаревшей политической системы, в ночь на 27 февраля 1933 года было суждено стать жертвой чудовищной провокации. Подготовленный гитлеровцами пожар рейхстага имел совершенно ясную цель — он должен был явиться сигналом для бешеного наступления реакционных сил против коммунистической партии Германии и всех прогрессивных сил страны, наступления не политического, не с помощью средств законной агитации и традиционных атрибутов парламентской демократии — это был сигнал к кровавому всеуничтожающему походу с использованием самых диких и варварских средств, которых история человечества еще не знала...

Впрочем, провокационный поджог рейхстага, о котором написано достаточно много и подробно, не был неожиданностью для передовых общественных сил тогдашней Германии, да и всей Европы. Уже на протяжении ряда лет здесь, в этом государстве, где в политической жизни царил хаос, сгущались черные грозовые тучи. Са-

мыми массовыми среди буржуазных партий были католическая и германская национальная партии, но ближайшее будущее показало, что число поданных голосов на выборах не всегда определяет реальную политическую силу. Социал-демократическая партия имела влияние среди широких масс населения, особенно среди мелких собственников, чиновничества и состоятельной прослойки рабочего класса. Но и ее сила окажется относительной — только год-два отделяли нас от того момента, когда резкие политические осложнения в Германии заставят ее внезапно отойти от политической жизни и фактически выбросят ее из общественной жизни страны.

Были две реальные силы, которые все более ярко выступали фронтом друг против друга, — это коммунистическая партия и нацисты.

Коммунистическая партия Германии, руководимая в то время верным сыном немецкого рабочего класса Эрнстом Тельманом, имела относительно короткую историю, но зарекомендовала себя как наиболее динамичная и перспективная организация, единственно способная кардинально решить сложные проблемы, стоящие перед страной и обществом. КПГ была единственным наследником революционных традиций созданного еще Марксом и Энгельсом «Союза коммунистов». Одновременно Коммунистическая партия Германии являлась также продолжателем идей пламенных революционеров и интернационалистов — Карла Либкнехта, Франца Меринга, Розы Люксембург, Клары Цеткин и других. В течение долгих лет широкие трудовые массы немецкого народа обманывались обещаниями о «реформации», «улучшении» и «доусовершенствовании» буржуазного общества. В декабре 1918 года, после страшной военно-политической катастрофы, представители Союза Спартака заложили в Берлине основы Коммунистической партии Германии. В ее ряды немедленно влились все подлинно пролетарские, революционные деятели и члены социал-демократической партии, осознавшие в свете Октябрьской революции настоящий путь для коренного обновления немецкого общества. Коммунистическая партия Германии родилась в пламени революции конца 1918 и начала 1919 года, когда вся Германия содрогалась от мощного движения рабочих, крестьян, солдат и трудовой интеллигенции за настоящую демократическую, «советскую Германию», когда бунты

охватили всю страну и повсюду начали создаваться советы рабочих, крестьян и солдат как подлинные органы власти. В разгаре революционного брожения смертельно напуганная реакция совершила самое страшное преступление. В первой половине января 1919 года приспешники буржуазии устроили кровавую резню спартаковцев в Берлине и по всей стране, а 15 января зверски умертвили признанных революционных вождей немецкого народа Карла Либкнехта и Розу Люксембург...

Наступление против своего собственного народа немецкая реакция смогла осуществить благодаря помощи стран Антанты. До вчерашнего дня враги, разделенные непримиримыми экономическими противоречиями, жаждой мщения и проволочными заграждениями, реакционные круги Германии и стран Антанты вдруг оказались перед общим врагом — восставшим немецким народом, который повернул, по примеру большевиков России, оружие против своих настоящих врагов. Общая угроза заставила их внезапно забыть о пролитых недавно реках крови. Маршал Фош, главнокомандующий французскими и всеми союзническими армиями, внезапно сменил курс и не только смягчил свой нажим на врага, но и изменил стратегическое направление наступления: он увидел, что, если окончательно разгромить военно-полицейскую машину кайзеровской Германии, власть там попадет в руки другого, еще более страшного врага — немецкого рабочего класса. Нет! Одной революции — Октябрьской в России — уже было достаточно, чтобы заставить задрожать реакционную Европу, и она сделала все возможное для прекращения большевистской «цепной реакции»...

Так закончилась первая попытка немецкого рабочего класса взять в свои руки судьбы Германии. Но народ не сдался, он уже имел свою революционную партию, которая вела его на бесстрашную борьбу с классовым врагом во имя подлинно свободной и демократической Германии.

До начала тридцатых годов Коммунистическая партия Германии утвердилась как самая энергичная, смелая и решительная организация рабочего класса, и каждая избирательная кампания подтверждала ее растущие успехи. Особенно ошеломляющим был ее успех во время выборов в ноябре 1932 года, когда число полученных новых голосов достигло более миллиона. Еще вчера эти голоса отдавались предпочтительно национал-социалистам! А что

могло означать все это? Неужели национал-социалистская зараза уже не так прилипчива, неужели от ее болезни уже излечиваются миллионы мелких буржуа, ремесленников, содержателей пивных, мелких мануфактуристов, мясников, безработных, солдат и офицеров низшего ранга, люмпен-пролетариев, тысячи политически не просвещенных бюргеров, тысячи реваншистов, тысячи кровных врагов революционного будущего Германии?..

История свидетельствует о том, что действительно в конце 1932 года национал-социалистское движение в Германии было близко к своему политическому краху. В ноябре оно потеряло на выборах более двух миллионов голосов. Но крах не наступил. Нацистам подали руку спасения крупные промышленники, банкиры и финансисты, наследники битой во время войны кайзеровской политики экспансии, реваншисты и милитаристы. Все они в этот момент должны были принять роковое решение: с кем идти — с католической партией и немецкими националистами и их угасающим общественным влиянием, вытесняемым растущей левой оппозицией режиму, или с нацистами? Другой альтернативы не существовало. Третий выбор падал на коммунистов, а крупный капитал, милитаристы и финансовая олигархия были готовы вступить в компромисс даже в ущерб национальным интересам страны, лишь бы не допустить, чтобы «красные» взяли власть в свои руки...

Такова вкратце подлинная история прихода Гитлера к власти. В противном случае «пророческая» библия нацистов «Майн кампф» осталась бы только эпизодическим водевилем в послевоенной истории Германии. Но все дело в том, что за Гитлером стояли концерны — подлинные хозяева Германии, а за ними — западные империалистические силы со своими антисоветскими стратегическими замыслами.

Гитлер предпринял бешеный политический нажим, и 30 января Гинденбург поднес ему канцлерское кресло.

Пожар рейхстага начался точно в 20 часов 25 минут 27 февраля 1933 года. Все было старательно разработано — Геринг непосредственно отвечал за это. После пожара все шло также по заранее написанному сценарию. Истошный вой о «коммунистическом мятеже», сигналом к которому якобы служил поджог рейхстага и который должен был охватить всю Германию, потопив страну в

крови, раздавался всюду. Этот вой звучал на всю Европу. Подлинная цель этой чудовищной провокации сейчас ясна всем — история беспощадна к любому политическому преступлению. Но тогда немногие видели действительную суть событий и их катастрофический ход. Среди этих немногих были коммунисты Германии во главе с Эрнстом Тельманом, и конечно, Георгий Димитров, руководитель Западноевропейского бюро Коминтерна.

Георгий Димитров был арестован 7 марта. Он знал, что штурмовые отряды фашистов, бесчисленные агенты тайной полиции, всевозможные сотрудники и сторонники гитлеровской партии, начавшие уже свой кровавый поход против прогрессивных сил Германии, неизбежно обратят острие своего меча и против находившихся в стране политэмигрантов и других революционных деятелей. Он ожидал, что удар может затронуть и его. Но он не покинул своего поста, не стал спасаться бегством.

Фашистская полиция арестовала его вместе с Благоем Поповым и Василом Таневым.

Их арестовали в берлинском ресторане «Байернхоф».

В середине сентября 1933 года, после трех с половиной лет работы в Средней и Восточной Европе, я отправился обратно в Москву. Большая часть сотрудников группы оставалась на своих боевых постах под новым руководством. Осталось и торгово-импортное бюро в Вене, которое продолжало функционировать без каких-либо осечек до момента разгрома гитлеровской Германии. Оно не только выполняло свои секретные задания, но и выделяло значительные суммы от прибыли для помощи товарищам и политэмигрантам, попавшим в тяжелое положение. В первые же дни после победы, когда задачи сами по себе отпали, *X* и *Y* — «собственники» бюро, внесли центру значительную сумму денег, полученных в виде законной прибыли. Это был лучший аттестат об их отличной работе: сотрудники *X* и *Y* оказались отличными торговцами, но еще лучшими патриотами и интернационалистами.

При возвращении я должен был проехать по делам через Берлин. Галина, моя жена, была отправлена в Советский Союз еще в мае, после того как передала новому человеку свои функции радистки и шифровальщицы. Она поехала прямо в Москву, не заезжая в объятую пламенем фашистского бешенства Германию.

Берлин, в котором мне требовалось ненадолго остановиться, менялся не по дням, а по часам. Он уже пережил кровавую варфоломеевскую ночь резни и разгрома революционных сил. Лейпцигский процесс мог начаться в любой день — нацисты подготавливали население к новому политическому спектаклю, намереваясь окончательно разгромить Коммунистическую партию Германии, Коминтерн, ударить по мировому революционному движению...

Читатель знает, как начался и как закончился Лейпцигский процесс. Он действительно превратился в гигантский поединок. Георгий Димитров сумел не только блестяще защитить самого себя, но и рассеять без остатка клевету против Коминтерна и мирового коммунистического движения, нанеся огромной силы морально-политический удар фашизму. С трибуны Лейпцигского суда он произнес пророческие слова: «Колесо истории вертится и будет вертеться до полной победы коммунизма». И призвал всех честных людей сплотиться в Народный фронт против гитлеровской чумы, угрожавшей человечеству истребительной войной.

7

ПАРИЖ 1936 ГОДА. В ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

18 июля 1936 года, в субботу, точно в час дня, какая-то нелегальная радиостанция передала в эфир всего лишь одну фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо».

Это не было сообщение метеорологической службы. Это был сигнал к вооруженному перевороту. Генерал Франко, занимавший пост военного губернатора Испанского Марокко, поднял против законной власти мятеж, которому немедленно должны были последовать выступления во всех остальных воинских соединениях республики.

Как известно, заговор Франко протекал не так, как было предусмотрено. Кроме подчиненных ему войск бунт подняли еще несколько войсковых соединений в метрополии, но они были быстро усмирены силами правительства. Внезапность, на которую реакция сделала всю свою ставку, не принесла ожидаемых результатов, и мятеж

начал клониться к трагическому для заговорщиков концу: овладев положением в континентальной части страны, республика готовилась перебросить войсковые соединения и в Испанское Марокко.

Но тогда оказалось, что Франко не просто генерал-авантюрист, стремящийся к установлению личной власти; оказалось, что в действительности Франко — орудие реакции, что его мятеж — это часть большого стратегического плана империалистов. Главными подстрекателями были немецкие реваншисты и итало-португальские фашисты. Уже в первые дни переворота генерал-мятежник получил мощные военные подкрепления: гитлеровская Германия немедленно послала в его распоряжение танки, опытных летчиков с самолетами, а Муссолини — корабли военно-морского флота, регулярные войсковые соединения, артиллерию. Франко высадил воздушный и морской десант в Испании, заняв Севилью, Кадис, Гренаду, а итальянский флот оккупировал остров Майорка. В северных провинциях страны к мятежу присоединился генерал Мола. И буквально в считанные дни мятеж, инспирированный и раздутый империалистическими государствами, превратился в кровавую гражданскую войну против законного правительства Испанской республики.

Известно, как в дальнейшем протекали события. Первоначальная военная помощь Германии, Италии и Португалии, оказываемая тайно, скоро переросла в открытую военную интервенцию. Предприняв поход на Мадрид, Франко меньше всего рассчитывал на свои 90 тысяч солдат: его основную ударную силу составляли 50 тысяч немецких, 160 тысяч итальянских солдат, 15 тысяч солдат регулярной португальской армии и несколько тысяч наемников иностранного легиона. Они были вооружены самыми современными в тот момент танками, самолетами, бронемашинами, артиллерией, автоматическим оружием.

Против мятежников можно было выставить 300-тысячную армию республики. Но она была разбросана по всей стране, при этом находилась в трудном положении (сильные в этой стране анархисты отказывались подчиняться воинской дисциплине) и не в состоянии была дать эффективный отпор мятежникам. Кроме того, республиканская армия уступала противнику по качеству своего вооружения. В годы, которые предшествовали мятежу, испанское правительство с огромным трудом смогло сделать заказы

на оружие в других европейских странах (Франции, Бельгии, Англии), с которыми оно поддерживало обычные дипломатические отношения, а Германия и Италия прямо отвергли подобные предложения. Тогда это выглядело странно. От продажи оружия наживались больше всего, и каждая страна состязалась со своими конкурентами, чтобы продать его первой и по возможности больше! Ведь производство вооружения во все времена было самой доходной статьей в государственном бюджете! Теперь, в свете мятежа, все сразу стало совершенно ясным...

Республика могла получить вооружение только от Советского Союза, хотя он сам испытывал в нем острую нужду для защиты своих границ.

Итак, в сентябре — октябре 1936 года Испанская республика оказалась перед трагическим испытанием. Триумфально наступающие мятежники совместно с итало-немецко-португальскими интервентами направили острие своего удара на Мадрид. Республике угрожала гибель. Над столицей немецкие юнкерсы «безнаказанно сыпали бомбы на мирные испанские» дома. «7 ноября, в день большевистской революции, я буду принимать парад моих героических армейских частей на улицах Мадрида!» — это были слова, сказанные Франко. И нужно признать, объективный анализ военного положения как будто давал ему все основания для этого наглого заявления. Неужели 7 ноября мятежники и фашистские интервенты будут шествовать по улицам Мадрида? И неужели весь мир останется безучастным к испанской трагедии?

Правительство Испании немедленно поставило вопрос об агрессии против республики в Лиге наций, одновременно обратившись с призывом о помощи ко всем правительствам, которым дорог мир. Лига наций начала свои заседания, встретив при обсуждении этого вопроса процедурные и закулисные трудности. Одновременно крупные европейские страны, с которыми республиканская Испания поддерживала дипломатические отношения и которые, казалось бы, первыми были обязаны протянуть руку помощи, объявили... о нейтралитете. Пресловутый «комитет по невмешательству», возглавляемый лордом Плимутом, закрывал глаза перед явной интервенцией Германии, Италии и Португалии, осуществляя свой контроль единственно только за поставками оружия в

республику: этот злосчастный «комитет» фактически прикрывал, хотя и весьма прозрачной вуалью, молчаливое соучастие империалистических кругов Англии, Франции и США в походе против республики.

Это так называемое «невмешательство» империалистических держав объяснялось очень просто. Оказывая молчаливую, но такую красноречивую помощь Гитлеру и Муссолини в Испании, они надеялись тем самым привлечь на свою сторону итало-немецкий блок для военного удара против СССР...

Впрочем, эта их линия начала обозначаться еще до мятежа Франко. 7 марта 1936 года Гитлер приказал своей армии вторгнуться в демилитаризованную после первой мировой войны Рейнскую область и немедленно включил ее в лихорадочное перевооружение Германии, проводившееся вопреки запрещению ей иметь свои вооруженные силы, о чем было указано в Локарнском договоре 1925 года.

Но будет ли это «прегрешение» последним? Тоталитарная национал-социалистская Германия открыто трубила перед всем миром, что ее верховная цель состоит в том, чтобы присоединить всех немцев, находящихся пока вне границ третьего рейха (лозунг о тысячелетнем «новом порядке» появится немного позднее). На практике это означало не только оккупацию Рейнской области, но и «присоединение» Австрии, Судетской области, значительной части Швейцарии, Дании, Южного Тироля, Данцига, польского «коридора», территорий Голландии. Где предел алчным аппетитам этого зверя, который уже вылезал из своего логова?..

Кроме своих уступок Гитлеру западные империалистические страны пошли на уступки и фашистской Италии, когда она в октябре 1935 года вероломно, нарушая все двусторонние договоры, напала на Абиссинию (Эфиопию). Перед корреспондентами западных агентств Муссолини цинично заявил: «Посмотрите на Англию, Португалию, Бельгию, Голландию! Они имеют богатейшие колонии. Без сомнения, и Италия должна иметь свои колонии...» 3 октября Муссолини вторгся стотысячной армией в Абиссинию, объявив с невероятным лицемерием императора Хайле Селассие... «агрессором».

Весной 1936 года, поняв, что Англия и Франция не будут «пачкать руки» из-за Абиссинии, Муссолини

высадил на африканский берег новые армии, снабженные танками и отравляющими газами. Хорошо вооруженные итальянские войска подавили героическое сопротивление абиссинцев...

Эти события европейской и мировой истории предшествовали гражданской войне в Испании. Они красноречиво свидетельствовали об агрессивных намерениях двух крупнейших фашистских государств в Европе, являлись показателем настроения великих держав, представители которых все так же произносили с трибуны Лиги наций в Женеве речи о мире, спокойствии и безопасности...

Эти события оказались роковыми и в другом отношении. Когда Муссолини вторгся в Абиссинию, гитлеровская Германия высказала свое несогласие с «санкциями» в отношении Италии. В ответ на этот «жест» Муссолини, раздраженный принятыми санкциями (хотя и весьма безобидными), вообще забыл о своих обязательствах гаранта в отношении соблюдения Локарнского договора. До недавнего времени разделенные противоречивыми интересами касательно Австрии, Венгрии, Словении, Тироля, Гитлер и Муссолини вдруг сблизились. Их сблизило не только поразительное сходство в идеологии и государственно-политических концепциях, но и конкретная политическая конъюнктура в Европе. Их совместная открытая интервенция против республиканской Испании явилась первым результатом фактического соглашения, которое превратилось в пресловутую «ось» Рим — Берлин...

Думаю, что читатель проявит интерес к этим экскурсам в историю Европы во второй половине тридцатых годов. Ведь эти события представляли звенья одной и той же цепи, именно они и привели в конце концов к ужасам второй мировой войны.

Крупнейшим в ряду этих событий была гражданская война в Испании. Закрыв глаза на другие две предыдущие агрессивные «малые» войны Гитлера и Муссолини, западные державы и сейчас остались в жалкой позе сторонних наблюдателей. Единственным государством в мире, которое открыто осудило фашистский мятеж, «абиссинскую экспедицию» и немедленно выступило в поддержку Испанской республики, ставшей объектом явной агрессии, был Советский Союз. «Дело Испанской республики является делом всего прогрессивного челове-

чества, — говорилось в заявлении Советского правительства. — Советский Союз поддержит Испанскую демократическую республику всеми силами и средствами».

Это было конкретным проявлением интернациональной солидарности с народом, подвергшимся нападению и имевшим все законные права на самозащиту. Это было проявление высшей морали и справедливости в международных отношениях. Это была бескорыстная дружеская помощь. Было совершенно очевидно, что возможная победа мятежников усилит мощь агрессивных сил в Европе: Франко, который сражался с помощью оружия и армии фашистских государств, завтра, вероятно, «отплатит» им предоставлением баз на своей территории, вступлением в военные блоки и соответствующей посылкой «пушечного мяса». Также было ясно, что возможная победа мятежников резко нарушит нестабильное политическое равновесие на континентах, будет означать только прелюдию к большой всеобщей войне, которую милитаристы уже во главе с германо-итальянским фашизмом подготавливали неистовыми темпами...

Из Москвы мы тронулись с Галиной в путь в начале ноября 1936 года, когда вся мировая печать комментировала обрушившиеся на Пиренейский полуостров события, а реакционные газеты злорадно возвещали: «Республика перед гибелью. Мадрид в ногах у Франко. Остаются считанные часы до полного низвержения красного режима...»

А между прочим, режим в Испании, находившийся под угрозой гибели, не был столь «опасным». До мятежа он имел добрые намерения и хорошие перспективы для обновления социальн -политической жизни в Испании. Но это были и ост вались только намерения, только перспективы. Успевавшая в одном, республика терпела неудачи в целом ряде других направлений — Народный фронт все еще че превратился в монолитный политический сплав, способный энергично решать актуальные проблемы Испании. Нужно было надеяться — и мы все надеялись, — что, несмотря на неудачи, республика все же идет, продвигается вперед по трудному пути политико-социального обновления, что даже в скромных рамках существующего режима она проведет некоторые реформы, о которых давно мечтает народ, даст землю тем, кто ее обрабатывает, вырвет социальные корни потомственного дворянства, которое истощало страну, разобьет ка-

сту военных, обуздает неограниченную до тех пор власть церкви и крупного капитала, даст работу и хлеб миллионам бедствующих людей, часть из которых ежегодно целым потоком навсегда покидала родину, чтобы искать пропитание за границей...

Тогда вспыхнул мятеж.

Москва—Берлин—Брюссель—Париж — это был наш маршрут. Вдвоем с Галиной, которая и сейчас ехала в качестве моей шифровальщицы и радистки, нам предстояло обосноваться под сенью Триумфальной арки. Франция нас не интересовала. В сферу нашей деятельности входили Германия, Италия, Бельгия, Португалия и часть территории Испании, захваченной мятежниками. Мы должны были следить за характером и масштабами помощи, которую эти страны, и прежде всего фашистские Германия и Италия, оказывали мятежникам. Мы должны были стать одним из многочисленных отрядов армии борцов, которые в те времена помогали справедливому делу Испанской революции.

Задача была трудной. Но за спиной у меня уже были годы разведывательной работы и даже высшее образование. Сразу после возвращения из Вены я поступил учиться в Военную академию имени Фрунзе. «Военный разведчик должен в совершенстве знать военное дело» — это правило Берзина стократно оправдывалось в разведывательной деятельности... Закончил я учебу в июле 1936 года, и, пока руководство Четвертого управления готовило меня для выполнения нового задания, разразилась гражданская война в Испании.

Первым туда отправился Павел Иванович Берзин, а вместе с ним — Гриша Салнин. Берзин поехал в качестве главного военного советника республиканского правительства, а Гриша Салнин — советником по вопросам контрразведки. С ними поехали несколько лучших работников управления. Уехал и Хаджи Умар Мамсуров, получивший уже к тому времени вторую шпалу на свои петлицы — он стал майором.

Отряд разведчиков составлял только часть группы советских специалистов и советников, которые откликнулись на просьбу республиканского правительства и оказали неоценимую помощь в деле стабилизации, обучения и реорганизации республиканской армии. Некоторые из этих советников погибли на полях сражений в Испании, другие

вернулись к своим близким, но все без исключения достойно выполнили интернациональный долг и заслужили горячую благодарность испанского народа.

Одним из героев советской группы станет Хаджи.

— Ванко, правда, что у тебя на родине, точнее, в Македонии есть город Ксанти? — спросил он меня незадолго перед отъездом в Испанию.

— Да, действительно есть такой, — подтвердил я, удивленный его вопросом. — Есть такой город, только не в Македонии, а в Западной Фракии.

— Я выбрал название этого города для своего псевдонима в Испании. Ксанти... Нравится мне это название... Но главное, я думал, что этот город находится в Македонии... Слышал от твоих соотечественников рассказы о македонских гайдуках, Илинденском восстании, героизме восставших, Яне Санданском, Тодоре Панице... Ксанти... Все-таки жалко...

— Хаджи, — обнял я его за плечи, — не жалей... Хороший ты выбрал себе псевдоним. Ксанти расположен во Фракии, но болгары из Фракии ни в чем не уступали борцам из Македонии. Вскоре после Илинденского восстания, о котором ты слышал, вспыхнуло и Преображенское. Это было восстание порабощенных фракийцев. Они тоже знали, как нужно умирать за свободу...

Хаджи Умар Мамсуров воевал в Испании как настоящий герой и вошел в историю испанского движения Сопротивления под именем Ксанти...

Наш маршрут до Парижа был прямым. Нигде нельзя было останавливаться по пути, чтобы не терять времени и не подвергаться излишнему риску. Этим же поездом, но отдельно от нас, ехал и греческий товарищ Z-4, работник управления; превосходный радиотехник, он должен был заботиться о техническом состоянии средств связи.

Согласно расписанию движения международных поездов экспрессу следовало прибыть в Париж на третий день. Но в Берлине поезд простоял почти целые сутки. Что случилось с немецкой железной дорогой, известной своей безукоризненной точностью работы и технической исправностью? Причину мы узнали позднее. Железнодорожные линии, идущие из Берлина по направлению к западным границам страны, были забиты экстренными товарными составами, которые перевозили вооружение,

транспортные средства, целые дивизии «добровольцев» для интервенции против Испании.

После Берлина поезд направился на запад, к Брюсселю, пересекая Рейнскую область. Гитлеровцы знали, зачем и для чего нужна была им эта область: она была не только богатой и цветущей (здесь был Рурский бассейн, угольное и стальное сердце старого рейхсвера и нового вермахта) — здесь уже полным ходом на заводах Круппа ковалось оружие для новой войны, именно отсюда на запад, север и юг должны были исходить направления немецко-фашистской агрессии. На станциях, где останавливался наш поезд, развевались огромные гитлеровские знамена. Повсюду обслуживающий станционный персонал демонстративно отказывался разговаривать на французском, английском и других языках. Множество плакатов с портретом Гитлера и лозунги с воинственными цитатами из его речей кричали со всех стен. Из громкоговорителей гремели нацистские марши. Это было невыносимо...

Наши спутники по вагону смотрели на все это с явным испугом, как будто проезжали по зачумленной земле. И когда наконец поезд пересек границу, грудь словно начала дышать свободнее. Но тревога оставалась: оттуда, с германского севера, надвигалась угроза (это было очевидно для каждого): на севере пробуждался зверь, которого никакие благочестивые речи и дипломатические предупреждения не могли обуздать...

Было как раз 7 ноября, когда наш поезд остановился на Северном парижском вокзале.

Первые утренние парижские газеты несколько успокоили нашу тревогу — Мадрид не пал, Мадрид сражался. Враг подошел к самому пригороду республиканской столицы, но дальше ему не удавалось продвинуться ни на шаг. Тревога временно улеглась, но она все еще оставалась: до каких пор сможет устоять незащищенный мирный город против танковых дивизий и бомбардировщиков Франко?..

Франция 1936 года была Францией Народного фронта, правительство которой, возглавляемое социалистическим лидером Леоном Блюмом, делало попытки реализовать свою социально-политическую программу. Как известно, Народный фронт в этой стране был создан в июле 1934 года, когда французская социалистическая партия

после продолжительных внутриполитических дискуссий, под давлением масс и мучительных переговоров наконец приняла предложенную Коммунистической партией, руководимой Морисом Торезом и Марселем Кашеном, платформу совместной борьбы против фашизма и войны. К ним сразу присоединилась радикально-социалистическая партия Эдуарда Эррио и Даладье. Это была значительная победа прогрессивных сил Франции и всей Европы, первый крупный шаг на пути создания Народного фронта. Морис Торез, руководитель французских коммунистов, предупредил французский народ, что угроза гитлеровской агрессии может быть предотвращена только путем сплочения усилий всех подлинных патриотов, всех здоровых сил нации. Программа, на основе которой две самые сильные левые партии договорились, предусматривала национализацию военной промышленности, роспуск фашистских организаций, реорганизацию всесильного «Банка де Франс», укрепление северо-восточных границ страны (Германия), введение сорокачасовой рабочей недели и др.

Примерно через два года после создания Народного фронта и только по прошествии одного месяца после «Рейнского переворота» Гитлера не на шутку испуганное правительство Франции передало управление страной в руки демократов. Во время состоявшихся в апреле — мае 1936 года выборов Народный фронт одержал повсеместную победу, благодаря огромной работе, проделанной Коммунистической партией. Правительство было образовано из социалистов и радикалов: Коммунистическая партия не вошла в кабинет, но выступила в его поддержку на основе принятой в 1934 году программы Народного фронта.

Реформы, осуществленные правительством Народного фронта, являлись несомненным успехом прогрессивных сил Франции и в своей перспективе могли принести реальное улучшение жизни широких трудящихся масс. Но сумеет ли выдержать кабинет Блюма бешеный натиск объединенных внутренних сил реакции? И не поддадутся ли, кроме того, социалисты и радикалы столь характерной для них раздвоенности и колебаниям, когда потребуется перейти от слов к решительным действиям?

Не «нажмет ли на кнопку» финансово-промышленная олигархия, которая держала в своих руках основные экономические рычаги страны, чтобы свалить правительство,

ликвидировать одним махом завоеванные трудящимися социальные достижения, не допустить проектируемых экономических реформ?

Все эти вопросы стояли не только перед Коммунистической партией, которая прилагала огромные усилия для укрепления и стабилизации морально-политических позиций Народного фронта. Эти вопросы стояли и во внешнем плане: монополистический капитал страны, крупные концерны и банки с их ненасытными империалистическими аппетитами, навязали кабинету Блюма такую позицию по отношению к событиям в Испании, которая на практике означала помощь фашистским мятежникам и итало-немецко-португальским интервентам. «Комитет по невмешательству» по-пилатовски умывал руки, полагая, что пожар на сеновале соседа не перекинется на его дом, что фашизм, в конце концов, не так страшен.

Занимая позицию невмешательства, французское правительство отказалось разрешить поставку давно заказанного и оплаченного вооружения для республиканской армии. Оно запретило провозить иностранное оружие в Испанию через французскую территорию. Закрыло свои южные границы, не давая возможности проходить военным частям, подкреплениям, добровольцам, которые уже прибывали на помощь республике. Проведение в жизнь этих мер было поручено французской явной и тайной полиции, которая старательно приступила к их выполнению...

Такая позиция кабинета Блюма пробила первую большую брешь в Народном фронте. Французская коммунистическая партия открыто высказала свою поддержку республиканским силам Испании, заклеймила фашистский мятеж и обвинила три фашистских государства в явной агрессии. Одновременно Французская компартия отвергла позорную и жалкую позицию невмешательства, занятую Леоном Блюмом.

8

РАДИОСИГНАЛЫ В ЭФИРЕ. ПЕРЕПИСКА С МУССОЛИНИ

В Париже шел сильный осенний дождь, когда мы вдвоем с Ибришимовым направились в часть города, расположенную на восток от Булонского леса. Сначала мы

взяли такси, но через некоторое время Ибришимов предложил выйти из машины, и мы пошли пешком.

— Доктор вне всяких подозрений, даже уважаемый властями человек... Зачем наводить на него полицию!

Я не возражал. Ибришимов, бывалый конспиратор, сам понимал возможный риск предстоящей встречи.

С ним меня познакомил Методий Шаторов, занимавшийся в Париже переброской болгарских добровольцев, едущих в Испанию в интернациональные бригады. «Из ветеранов, — представил мне его Шаторов. — Друг Паницы и Чернопеева, работал с Поптомовым в Вене. И к нему Ванчо Михайлов подсылал убийц... Верный человек».

«Если Шаторов давал ему такую оценку, если он сражался вместе с Тодором Паницей, а позднее работал с Владимиром Поптомовым — в таком случае Ибришимов действительно надежный человек», — думал я, пока мы шли с ним и я незаметно рассматривал его в свете сверкающих витрин. Это был один из тех ветеранов революции, которых ничто не может сломить. Ему было уже под шестьдесят. На его осунувшемся, костлявом лице выделялись живые, умные глаза, из которых била энергия. Он был удивительно подвижный. Очевидно, он находился в трудном материальном положении — одет был чрезвычайно скромно. Большинству болгарских политэмигрантов, находившихся в те годы в изгнании в Европе, приходилось туго. Несмотря на постоянное недоедание, притеснение со стороны полиции, ежедневную заботу о крыше над головой и документах, постоянную опасность вызвать недовольство властей и быть высланным за границу, Ибришимов продолжал находиться на своем посту.

Он был близко знаком с доктором, к которому мы направлялись, знал его квартиру и тут же согласился, как только Шаторов его попросил, проводить меня туда. Мы шли под дождем, Ибришимов жаловался на «обстоятельства»:

— Понимаешь ли, Методий не хочет меня отправить. Как я его ни просил — мы знакомы с ним столько лет... «Стар ты уже, — твердит он мне одно и то же. — Испания не приют для престарелых...» — Ибришимов внезапно остановился и обратился ко мне. Его лицо, мокрое от дождя, было взволнованно, глаза горели: — Слушай, будь братом, — произнес он, сжав мое плечо. — Вижу, что вы друзья с Методием. Попроси его и ты, скажи ему несколько слов. Иначе мне каюк, понимаешь?..

Я его понимал. Я знал и других таких же ветеранов нашего дела, которые были готовы подняться и со смертного ложа при сигнале к атаке и опять идти сражаться. Ибришимов был один из них. Но он уже очень давно перешагнул все рубежи призывного возраста, не подходил для солдатского строя, и у Шаторова действительно не было другого выбора, как только отклонять его настоятельные просьбы.

— Ты ведь годишься мне в отцы, — сказал я. — Мой отец умер три года назад примерно в твоем возрасте. И не мне говорить тебе о долге — ты сам лучше знаешь о нем... Только хочу тебе напомнить, что сейчас наступили такие времена, когда не только Мадрид является фронтом. Фронт повсюду. Фронт даже здесь. Ты можешь быть полезен и тут ничуть не меньше, чем под Мадридом...

— Это и Методий все время мне твердит... Я сам все хорошо сознаю. Но при всем этом в какой-нибудь день мое сердце не выдержит. В свое время Паница как-то сказал: «Настоящий боец должен быть там, где наиболее горячо...» В Мадриде сейчас нуждаются в нас, опытных бойцах. Понимаешь ли, революция погибает!..

Я тогда, именно в тот момент, решил включить его в нашу группу. Но ему не сказал об этом, хотел еще раз проверить все, что касалось его жизни здесь. Однако про себя решил, что Ибришимова вполне можно использовать для выполнения специальных поручений, что это снова вернет его в строй.

Могу еще здесь добавить, что при отъезде центр мне предоставил право самому подбирать людей до полного состава группы, исключая, разумеется, Галину и специалиста по содержанию материальной части Z-4, которые, так сказать, не входили в мою номенклатуру. Остальных сотрудников группы — а люди мне нужны были и для Германии, и для Италии, и для Португалии, и для франкистской Испании — я должен был подобрать на месте. В Португалии и Германии я имел надежные явки с нашими людьми, которые уже там работали и с которыми мне надлежало согласовывать нашу деятельность. Изменившиеся обстоятельства, вызванные открытой войной, которую европейский фашизм уже разжег, вынуждали и нас сейчас искать сотрудников во всех политических течениях, партиях и группах, разделявших нашу ненависть к фашизму и готовых сражаться вместе с нами.

Дом доктора Томова оказался солидным зданием в полтора этажа, расположенным в одном из респектабельных кварталов Парижа. Он стоял среди заросшего двора в десяти метрах от высокой внешней ограды и почти сливался с мраком дождливой ночи. «Может быть, нет никого дома?» — подумал я, но Ибришимов уверенно просунул руку в железную решетку калитки, поколдовал над секретным запором и открыл ее.

— Доктор дома, — сказал он, — фасад здания выходит в сторону двора.

Доктор Томов, к которому я шел, был мне рекомендован Василом Коларовым. «Непременно разыщи его, — сказал он мне, когда я зашел к нему накануне своего отъезда в Париж. — Это мой друг по студенческим годам в Женеве. Родом он из Омуртага. Человек, за которого всегда могу поручиться, не зная, где и в каком положении он находится. Беспредельно честен».

Разумеется, подобная рекомендация делала ненужной дополнительную проверку. И когда я только спросил об адресе доктора, Методий Шаторов, а сейчас вот и Ибришимов дали о нем самые хорошие отзывы: доктор Томов пользуется полным доверием. До сих пор все шло хорошо, и я мог быть доволен. Особенно меня обрадовало сообщение Шаторова, что пока им не приходилось прибегать к «особым» услугам доктора; что они его берегли для «экстренных случаев»; что он требовал, чтобы и остальные болгарские политэмигранты соблюдали его «чистоту» перед властями, не компрометировали его попусту; что он «наш, полностью наш»... Я попросил Шаторова, чтобы и впредь он продолжал держать доктора Томова в «специальном резерве», намекнув ему, что, возможно, его час уже настал. Шаторов не пытался спорить — опытный революционер, он обладал способностью быстро ориентироваться в любой обстановке: он понял, что доктор, как и Ибришимов, давно перешагнул призывной возраст и поэтому не будет направлен в Испанию, иначе он сам бы давно направил его туда.

Доктор Томов действительно оказался человеком, внушавшим доверие с первого знакомства. Может быть, этому способствовали его великолепная осанка, прекрасное телосложение, поседевшая голова, спокойная интеллигентность в глазах, отражавшая глубину житейской мудрости.

— Привез вам самый сердечный привет от товарища Коларова! Когда собирался ехать сюда, он настоятельно советовал найти вас, где бы вы ни находились!

— Боже мой, значит, вы приехали оттуда! И привезли привет от Коларова!..

Доктор засиял от радости. Он, видимо, решил, что, раз я пришел к нему в сопровождении Ибришимова, значит, должен быть своим человеком. В те тревожные месяцы в Париж шли потоки болгарских добровольцев, которые хотели сражаться в интернациональных бригадах в Испании, и он, наверное, подумал, что я один из них. И вот сейчас, вдруг из Москвы, прямо от Васила Коларова...

Я ожидал встретить гостеприимство — ведь как-никак пришел к своему соотечественнику, но не предполагал, что встречу такую теплоту и сердечность, оказанную за тысячи километров от родины.

Ибришимов начал помогать доктору накрывать на стол.

— Мы с ним как кукушки без гнезда, — говорил доктор, — и все привыкли делать сами. В этом есть даже какая-то прелесть, не так ли, Ибришимов? Отвечать только за самого себя всегда легче и надежнее...

Разумеется, доктор шутил. Эгоисты, которые хотели «отвечать только за самого себя», стояли далеко от всякой политики и еще дальше от всякой революции. Он шутил и накрывал стол с большим вкусом, чему могла бы позавидовать даже опытная хозяйка. Не была забыта и бутылка бургундского вина, которую доктор принес откуда-то из подвала.

— С благополучным прибытием, дорогой друг, — поднял рюмку доктор Томов, и мы втроем чокнулись за победу революции.

Ибришимов поужинал и встал из-за стола. Извинился, что у него имеется одно «спешное дело». Доктор не стал его задерживать — он понял, что так необходимо. С Ибришимовым я должен был опять встретиться на следующий день.

Я задержался у доктора Томова допоздна. Он выглядел немного обуржуазившимся интеллигентом со всеми внешними признаками, манерами и поведением образованного человека, привыкшего к своей мещанской среде, чуждой политической борьбе, единственно заинтересо-

ванного в своем скромном бизнесе и постоянном уровне своих еженедельных доходов. Так можно было думать, глядя на его приличный дом, хотя и взятый в наем, и по его великолепной спокойной манере держаться, и по его внешности...

Это было так и не совсем так потому, что доктор Томов являлся одним из многочисленных болгарских политэмигрантов, которые всегда были готовы снова взвалить на себя бремя революционной ответственности.

Васил Коларов мимоходом заметил мне, что доктор Томов отказался практиковать. Сейчас я понял, почему он это сделал. Чтобы создать себе клиентуру и авторитет хорошего врача в своем квартале, районе или городе, нужно было «осесть» здесь надолго. Во Франции это относилось к любому французу, тем более к иностранцам, которых здесь вначале встречают с известной настороженностью, и должны были пройти годы, а иногда десятилетия, чтобы эмигранты срослись с местной средой. И поэтому доктор Томов нашел другое решение проблемы — в небольшом торговом бизнесе.

Он продавал болгарское кислое молоко. Точнее, он его приготавливал, а продажей занимался один молодой итальянец, покинувший свою родину в поисках заработка. Я был осведомлен обо всем перед тем, как отправиться на квартиру к доктору. Однако вынужденная судьба мелкого бизнесмена заставляла его чувствовать себя несчастным — его настоящее призвание было в другом.

— В действительности, мой друг, с точки зрения интересов общества, производство нашего целебного кислого молока также является благородным делом, как и лечение людей, — шутил доктор.

— Совершенно верно, — согласился я. — Только следует сожалеть, что оно попадает в слишком небольшое число парижских домов...

— Может быть, вы правы, мой друг. Но я не имею никакого желания расширять оборот. И к тому же у меня просто нет условий для этого...

— Могли бы вы мне показать свою мастерскую, доктор?

Доктор тут же повел меня по лестнице в нижний этаж дома, где приготовлялось кислое молоко. В большой угловой комнате стоял десяток алюминиевых бидонов для свежего молока, а по стенам — от пола до потолка — бы-

ли сделаны деревянные полки, на которых стояли сотни стеклянных банок с еще не свернувшимся кислым молоком. Одна стена комнаты была занята камином — глубоким и большим, с потемневшей от дыма железной решеткой, но тщательно выметенным: очевидно, его уже не разжигали, так как в углу горела печка, топившаяся углем, которая и поддерживала в помещении необходимую температуру. Комната была довольно высокой, и я в уме прикинул общую высоту дома. Результат меня удовлетворил — около десяти метров.

Меня интересовали и еще некоторые вещи:

— Не вижу кровати итальянца, доктор. Или он спит в какой-нибудь другой комнате дома?

Доктор отрицательно покачал головой.

— Он живет отдельно, в соседнем квартале. Так удобнее для нас обоих.

Мы осмотрели дом доктора — оказалось, что он мог отлично служить нашим целям.

Впрочем, читатель, наверное, уже догадался, почему я его знакомлю с болгарским эмигрантом доктором Томовым. Наша группа должна была поддерживать регулярную радиосвязь с центром, и поэтому необходимо было подыскать надежное место, где можно было бы смонтировать радиостанцию. Дом доктора Томова вполне подходил для этого.

Оставалось уточнить еще некоторые существенные подробности.

— Вы сказали, что одной из причин скромного уровня вашего производства являются условия, — обратился я к доктору, когда мы снова сели за стол в холле. — Может быть, вы меня примете в компаньоны для развития вашего предприятия?

Доктор Томов с улыбкой развел руками:

— С большим удовольствием! В действительности я давно ожидал своего ангела-хранителя...

Нетрудно было оценить, в чем нуждалась скромная фирма по производству кислого молока доктора Томова, чтобы завоевать большую представительность в глазах квартальной общественности: небольшое увеличение оборотного капитала, расширение закупки свежего молока, десяток новых алюминиевых бидонов, несколько тысяч новых фарфоровых банок — нужно было заменить стеклянные — и, разумеется, небольшой автомобиль-грузови-

чок. До этого момента готовую продукцию разносил молодой итальянец, который неутомимо с утра до вечера ходил по Парижу с двумя полными сумками в руках. Сейчас, когда производство продукции должно было возрасти во много раз, это уже было бы ему не под силу. Более того, это не могло бы утвердить престиж фирмы.

— Может быть, нам следует нанять еще одного помощника, доктор, чтобы он вас заменил при квашении молока?

Доктор отрицательно покачал головой.

— Одним человеком больше — значит, опасности больше, мой друг. Пока оставьте мне эту заботу. Завтра же, если годы дадут знать...

— Благодарю вас, доктор. Дело требует избегать риска.

Оставалось последнее — поднять престиж фирмы в глазах полиции: «аполитичный» доктор Томов должен был резко повысить акции своей «благонадежности».

У меня возникла такая идея. Васил Коларов, характеризуя своего приятеля по студенческим годам, заметил между прочим: «Там, в Женеве, он был первым другом Муссолини. Вместе жили в одной квартире, питались за одним столом в ресторане и вместе ухаживали за девушками... Но ты этого не бойся. Тогда Муссолини был социалистом, и социализм его сближал с такими людьми, как Томов...»

Помня об этом факте, я часто думал, что это обстоятельство не ухудшает, а, наоборот, может облегчить нашу будущую работу. Но, разумеется, только в том случае, если старое знакомство с Муссолини каким-то образом возобновится...

— Извините, доктор, — начал я, — нет ли у вас привычки вспоминать годы своей молодости?

— Все чаще и чаще появляется, — улыбнулся доктор при моем неожиданном вопросе. — Людям в моем возрасте приятнее смотреть назад. Будущее не сулит ничего хорошего одинокому старику вроде меня...

— Вспоминаете ли вы свои годы учебы в Женеве, доктор? Тогдашних своих друзей? И особенно одного из тех, кто очень высоко поднялся по житейской орбите?

Доктор усмехнулся.

— О, вы имеете в виду Васила Коларова! Он был хорошим студентом, верным товарищем, чудесным человеком! Еще тогда было видно, что он пойдет далеко.

И доктор внезапно, словно притянутый магнитом прошлого, начал рассказывать о пережитых вместе с Коларовым забавных историях. Была видна его любовь к своему другу, родившаяся еще в молодые годы и укрепившаяся в зрелую пору. От него я узнал, что раньше, когда Васил Коларов приезжал в Париж, он никогда не упускал случая, чтобы навестить своего товарища...

— А вспоминаете ли вы своего былого друга, доктор, который стал мировой знаменитостью? Бенито Муссолини?

Доктор посмотрел на меня удивленно, вздохнул, в его глазах можно было прочесть искреннее сожаление.

— Звезда Бенито поднялась высоко. Но она не оставит ни света, ни следа, ни добрых воспоминаний... — И затем, преодолев нахлынувшие давние чувства, продолжил: — А знаете ли, каким он был страстным социалистом! Не просто красным, как нас называли буржуйчики, а кроваво-красным... Бенито жаждал, чтобы революция вспыхнула сразу и везде, он считал, что буржуазию не просто следует экспроприировать, а физически истребить... Это была его страсть. Иногда я даже его боялся, он казался просто буйно помешанным... Тех, кто не был согласен с его мнением, Бенито обзывал самыми ужасными ругательствами, и иногда мне казалось, что он готов их растерзать. Я не пытался тогда на него влиять — изучал медицину и уже знал, что это не просто мания величия: это была какая-то особенная психически неизлечимая неуравновешенность, которая непременно его погубит...

— Однако же вот теперь он в зените славы.

— Ничего хорошего от этого ждать не приходится. Психическая неуравновешенность его погубит, а вместе с ним погубит и его прекрасную страну, которая так сильно нуждается в мудром, демократическом руководстве.

— А может быть, он изменился? Может быть, он сейчас не такой, каким вы его знали тридцать пять лет назад, доктор?

Доктор Томов посмотрел на меня с каким-то сожалением.

— Тридцать пять? Зачем возвращаться так далеко назад? Я ведь встречался с ним совсем недавно... Нет, дорогой. Молодой, нетерпеливый зверь, которого я видел в нем раньше, теперь превратился в страшного, безжа-

лостного хищника. И сейчас он такой же крайний, как тогда, только в обратном смысле. Из крайне левого он превратился в крайне правого. Он оказался там, где вообще нет никакой идеологии, где политика заменяется голым грубым насилием, где мораль превращена в фикцию, где человеческая этика служит темой для насмешек, где смерть грозит любому проявлению человечности, даже любой надежде на справедливость...

Я слушал его с удивлением. Значит, старая дружба не просто воспоминание о старых временах, значит, доктор поддерживает так или иначе контакт с Муссолини?

— Доктор, простите, вы сказали, что совсем недавно виделись с дуче?

— Накануне «абиссинской экспедиции». По пути из Стамбула. Из-за неисправности судна мы остановились на несколько дней в Неаполе. И мне пришла в голову идея поехать в Рим. А там я решил дать ему знать о себе... И вот видите...

Доктор встал, достал из большого стенного шкафа в холле альбом с письмами и фотографиями и принес его. Письма имели почтовое клеймо Италии.

— Это парк и его частная вилла «Торлония» в Риме, — объяснил доктор Томов, показывая большую фотографию, где на переднем плане запечатлены двое мужчин — он и Бенито Муссолини.

Затем доктор показал еще другие фотографии, где он был вместе с дуче, — в легковом автомобиле в окрестностях Рима, на лодке, в кабине самолета, где на месте пилота виднелся Муссолини, а сзади него, также одетый в кожаную куртку летчика, сидел доктор Томов.

— Мы летали над Римом, Апеннинами, морем, — объяснял доктор. — Сделали круг над Адриатическим морем, долетели до Ломбардии. Бенито сам вел самолет и гордился этим. Он говорил: «Эта страна только трамплин для меня. Итальянец снова превратится в римлянина, а Италия — в Древний Рим. Италия должна возродить свою древнюю славу или погибнуть...»

На одной из фотографий Бенито Муссолини был снят с доктором на теннисном корте. Дуче был в спортивных трусах, которые открывали его короткие толстые ноги, а спортивная майка подчеркивала несоразмерные для его низкого роста мощные плечи штангиста. Некрасивая, даже уродливая, фигура. Особенно гнетущее впечатле-

ние производила его массивная, полысевшая, ненормально большая голова с вырубленными, властолюбивыми, суровыми чертами лица и огромной квадратной челюстью. И на этой фотографии Бенито держал доктора приятельски под руку. Здесь дуче выглядел точно таким, каким мы его видели на широко распространенных в то время официальных портретах. Вверху фотографии — автограф Муссолини. Я попросил доктора перевести мне его. «Моему незабываемому другу в память незабываемой молодости, проведенной в незабываемой Швейцарии».

— Доктор, эту фотографию вам следует увеличить и поставить в рамку.

Доктор Томов с удивлением уставился на меня, — может быть, я шучу?

— В самом деле, доктор! При этом обратитесь к услугам квартального фотографа. Лучше всего сделать репродукцию. И попросите его совета в отношении подходящей рамки...

Доктор Томов смотрел на меня все так же испуганно, не возражая — его жизненный опыт, длительный политический стаж в скором времени позволят ему усвоить только что услышанное и легко понять мою цель: квартальный фотограф, конечно, узнает в низкорослом плешивом мужчине, стоящем рядом с доктором Томовым, небезызвестного в то время Муссолини, прочтет дружескую надпись на фотографии, непременно поделится своим открытием с местной квартальной общественностью, квартальным полицейским, и новость поднимет престиж доктора в глазах властей...

— Знаете ли, молодой друг, — вздохнул доктор Томов, — я сделаю все, что окажется необходимым. Но только не желал бы трезвонить о моей «дружбе» с Бенито. Может быть, без этого можно обойтись?

Я его понял сразу же. Укрепляя к себе доверие в глазах полиции, он одновременно терял доверие квартальной общественности, которая в течение ряда лет была его средой. И мысль об этом вызывала у него сомнение.

— Прошу вас, доктор, это действительно необходимо!

Доктор больше не возражал.

— И еще одна просьба подобного характера, доктор. Нужно возобновить вашу переписку с Муссолини. Прошу вас, переведите мне его последние письма.

Последние письма были получены около года назад.

Написаны собственноручно на бело-синей рисовой бумаге, в шикарных конвертах со штампом «Личная канцелярия дуче». Ничего примечательного в текстах не было. Обычные дружеские поздравления и добрые пожелания, приглашения приехать к нему в гости в Италию. Однако в последнем письме содержалась многозначительная фраза: «Я не потерял надежду, что ты изменишь свой отказ и дашь согласие. Когда бы ты ни решил приехать, ты всегда будешь встречен сердечно...»

— Он намекает на что-то, доктор?

Доктор объяснил, что во время их последней встречи Муссолини настоятельно приглашал его остаться у него, в Италии. «Сам решишь, — предлагал он ему. — Если тебя не устроит должность врача дуче, возглавишь какую-нибудь клинику или больницу. Или, если хочешь, я тебя сделаю крупным администратором в области здравоохранения...»

— Естественно, я отклонил его предложение, — рассказывал доктор. — Не мог выносить воздуха в его стране, он меня душил. Муссолини предоставил мне шикарные аппартаменты в своей личной вилле-дворце, камердинеров, машину, приглашал на официальные приемы. А я стремился как можно быстрее покинуть Италию. Не знаю, может быть, если бы был помоложе, возможно, я соблазнился бы деньгами, почестями, блестящей перспективой сделать карьеру. Но в моем возрасте человек редко ошибается в настоящей стоимости вещей...

— Я надеюсь, что вы расстались не как враги, доктор?

— Он, может быть, почувствовал подлинную причину моего отказа, но внешне ничем не дал понять изменения в своем отношении ко мне. Я по-прежнему получаю от него поздравительные письма...

— Ответили ли вы на последнее его письмо?

— На все отвечал, хотя и с запозданием. На последнее не ответил. И не думаю. Если буду ему писать, то должен высказать свою ненависть к фашизму, выругать за «абиссинскую экспедицию» и за интервенцию в Испанию...

* * *

Еще не истек ноябрь, как наша радиостанция излучила свои первые радиосигналы в эфир. Как читатель догадывается, мы ее смонтировали в доме доктора Томова. Тех-

ник Z-4 сумел закупить соответствующие радиолампы и детали в различных парижских радиотехнических ателье и магазинах и за короткое время ее смонтировать. В качестве тайника для радиостанции выбрали камин. Он оказался вполне удобным для нашей цели. Антенну вывели через дымоходную трубу. От камина до верха трубы высота была более чем достаточна, а на крыше техник натянул антенну в нужном направлении. Вертикальный проводник антенны длиной около десяти метров мы натягивали до антенны на крыше с помощью крепких бамбуковых палок. Вставленная одна в другую, палки быстро и легко достигали крыши, где мы подключали этот проводник к антенне. После каждого сеанса бамбуковую часть антенны убирали вместе с самой радиостанцией.

Небольшой, компактный и весьма надежный радиопункт, устроенный в старом камине, был замаскирован новым щитом с полками, на которые доктор ставил банки с кислым молоком. Часть щита была подвижной. С помощью небольшого скрытого устройства подвижная часть открывалась и закрывалась, как небольшая дверца. Все это сделали, разумеется, мы сами. Здесь некому было поручить эту деликатную задачу.

Никто, кроме доктора, не знал о радиостанции. Итальянец продолжал добросовестно выполнять свою работу. Он сам развозил товар на грузовичке. После работы исчезал, чтобы снова появиться на следующее утро. По вечерам, обычно к 21 часу по парижскому времени, в точно установленные дни, три раза в неделю, два человека приходили к доктору, чтобы помочь ему заквашивать молоко, — мужчина и женщина. Мужчина (Z-4) должен был привести радиостанцию в техническую готовность и подключить к антенне; женщина (она вполне могла сойти за его супругу) была Галина — Анна. Она зашифровывала очередное сообщение и передавала его в центр.

Галина жила отдельно от меня. Мы снимали ей удобную квартиру в одном из буржуазных кварталов Парижа. Свое присутствие в этом городе она узаконила весьма удобным образом: поступила учиться в один парижский косметический институт. В этом центре мировой суеты существовали всевозможные школы, институты и курсы по косметике. Разумеется, мы выбрали самый знаменитый, как подобает «старой деве из Богемии», родители которой не считались с деньгами. В институте обучение

шло всего несколько месяцев. Заботливо был подобран преподавательский состав, который пользовался высоким авторитетом в парижских дамских салонах. Днем Галина посещала теоретические и практические занятия в своем «Институте дью боте», а по вечерам работала с энтузиазмом над учебниками и над... моими донесениями, чтобы их перевести на язык шифра для очередного сеанса...

С Галиной мы встречались в различных местах Парижа, где имели заранее условленные явки, а иногда и в доме доктора Томова: сюда время от времени я приходил по чисто «торговым» делам. Официально зарегистрированный у властей как торговец, я жил в отеле и часто должен был выезжать в портовые города Германии, Италии, Португалии, где в то время лихорадочно грузились и отправлялись в «неизвестном» направлении большие партии оружия и многочисленные фашистские части «добровольцев»...

Радиостанция в доме доктора Томова продолжала свою работу до последнего дня нашего пребывания в Париже, т. е. до последнего дня существования республиканской Испании. Не произошло никаких неприятностей. Бизнес доктора шел значительно лучше, чем раньше. Он, правда, постепенно потерял (как и ожидал) симпатию многих своих старых приятелей-французов, но зато приобрел подчеркнутое уважение полиции. Полицейский префект района несколько раз предлагал доктору установить охрану его предприятия. Доктор горячо благодарил за проявленную любезность, но неизменно отказывался от его предложения. Уважение полиции доктор завоевал не только с помощью фотографии дуче (она была увеличена, вставлена в хорошо оформленную рамку и повешена на видном месте в холле). Резко подскочили его акции «благонадежности», когда он стал регулярно получать по почте итальянский фашистский официоз «Пополо д'Италия» и главным образом после того, как в течение всего лишь полугода обменялся с Бенито Муссолини несколькими письмами. Письма дуче шли все так же в роскошных конвертах с национальным итальянским гербом и штампом «Личная канцелярия дуче». Они имели своеобразную удлиненную форму, так что и слепой заметил бы их в куче других писем, которые поступали из всех уголков планеты. Можно было не сомневаться, что полиция, ко-

торая следила за корреспонденцией всех иностранцев, а также многих взятых на «подозрение» французов, легко поддалась искушению, чтобы прочитать первой, до получателя, самолично написанные Бенито строки — ведь такое не каждый день случается...

Ответы доктора Томова дуче писались коллективно: мы вместе их сочиняли и направляли в адрес его официальной резиденции в Риме «Палацо Венеция». Доктор быстро перешел от «деликатной сдержанности» к открытой поддержке фашистских преобразований в Италии. В его письмах содержались поздравления Муссолини в связи с некоторыми победами его частей в боях против «красной Испании», пожелания успехов на пути дальнейшего величия...

Когда мы заканчивали очередное послание, доктор, стыдясь самого себя, сокрушался и шумно вздыхал — эти письма ему действительно причиняли большие страдания.

— Иногда по ночам просыпаюсь весь в холодном поту, — жаловался он, — расстроенный кошмарными сновидениями... Мои товарищи приговаривают меня к расстрелу и кричат мне в лицо: «Предатель! Фашистский изменник!»

В этих откровенных признаниях доктора было столько неподдельной чистоты, столько беспредельной преданности нашему делу! Подобно настоящему французу, он начинал иронизировать над своей слабостью:

— Помилуйте, мой молодой друг, не годится все это для моих лет. Ничего подобного до сих пор мне не приходилось делать... — А после добавлял: — И все же, как видно, я должен благодарить свою судьбу, что до сих пор от меня не потребовали поехать в Рим в качестве личного врача Муссолини.

— Я вам обещаю, доктор, — успокаивал я его обычно. — Пока я здесь, никто не проявит к вам подобной жестокости...

...Доктор Томов помогал революционному делу до последнего дня своего пребывания в Париже. После разгрома фашистской Германии он вернулся на родину, возместил нашу часть оборотным капиталом своего парижского предприятия и здесь, в Болгарии, окруженный заслуженной почестью и всеобщим признанием, скончался в своем родном городе Омортаге.

9

ВЕСНА В ПОРТУГАЛИИ. ВСТРЕЧА С ГРИШЕЙ САЛНИНЫМ В МАДРИДЕ. ХЕМИНГУЭЙ И ХАДЖИ-КСАНТИ

Был конец марта 1937 года, когда я отправился на каботажном судне «Атлантик» от Сен-Назера в Лиссабон. Судно шло из самых северных районов Нормандии, из Кана и Булона, но его пассажирами были не только французы. В это время, когда усталая от влажной зимы Северная Европа жаждала солнца, самые нетерпеливые, вернее, самые состоятельные спешили погреться на побережье Португалии. Обычно тогда число туристов начинало расти в геометрической прогрессии, но сейчас пассажиров на судне было не особенно много.

Жан, ехавший вместе со мной, многозначительно поглядывал на меня, когда мы проходили, гуляя по палубе, около какой-нибудь туристской группы. Это были иностранцы. Кто они? Вскоре выяснилось: немцы. Когда мы проходили около их компании, они сразу же замолкали. А обычные туристы не обращали никакого внимания на остальных пассажиров — настоящие туристы всегда заняты собою и пейзажем, ради чего, собственно говоря, они и отправились в путешествие...

Как уведомил нас центр, из Германии к Пиренеям устремились сотни немецких специалистов, которые ехали туда для оказания помощи Франко. Предполагалось, что это были военные специалисты, которые направлялись отдельно от комплектованных и полностью вооруженных еще в Германии немецко-фашистских частей, состоящих из «добровольцев». Срочное задание, которое я получил, требовало, в частности, проверить на месте достоверность этого сообщения.

Немецкие специалисты отправлялись в Португалию инкогнито, совершая поездку на иностранных судах. Они прибывали на поездах в какой-нибудь северный французский порт и оттуда на судах уже продолжали свой путь до «нейтральной» Португалии. Они ехали лишь с небольшими чемоданами — остальной их «багаж» перевозили немецкие грузовые суда, которые циркулировали между побережьем Германии и Лиссабоном, а некоторые из них следовали до Гибралтара...

— Что это было? Маскировка? Но она уже не была в состоянии что-нибудь скрыть. Мировое общественное мнение было хорошо осведомлено о военной интервенции Германии, Италии и Португалии и гневно ее заклеймило. Может быть, сейчас вопрос касался не того, чтобы ввести в заблуждение мировое общественное мнение, а какого-либо военно-тактического приема?

Так, впрочем, считал и центр: гитлеровцы скрывают объем и характер своей военной помощи Франко, опасаясь нашей разведки...

— Жан, держу пари, что кое-кто из них, — я указал на немецких «туристов», — не знает, каким маршрутом, например, идет наше судно. У меня создается впечатление, что они смотрят, но не видят...

— Наши впечатления совпадают, — ответил Жан. — Смотрят, но не видят. И слушают, но не слышат... Они не знают маршрута корабля, но, бьюсь об заклад, отлично знают свой будущий маршрут Лиссабон — Толедо, подробно выучили топографию Наварры, Кастилии, Андалузии...

— Давай вызовем их на разговор, Жан? Хочется мне увидеть, как держатся в гражданской компании эти переодетые офицеры. И знают ли они другие приветствия, кроме «Хайль Гитлер»?

— Не стоит труда, — покачал головой Жан. — С ними я сражался у Вердена и в Вогезах, до сих пор ношу осколок крупповской гранаты в своем теле. Каждая встреча с немецким офицером мне причиняет боль. Правда, нет никакого смысла...

Жан, с которым я ехал в Лиссабон, был французским патриотом-народофронтовцем. Мы недавно включили его в нашу группу. До сих пор у него было лишь одно задание — сопровождать меня в непрестанных поездках по Франции и соседним с нею странам. Он ездил со мной одновременно как переводчик (французским я владею слабо), как помощник и курьер: в случае необходимости я немедленно отправлял его обратно в Париж с соответствующим шифрованным письмом к Галине. Жан был на несколько лет старше меня, обременен большой семьей, которая обитала в подвале где-то в предместье Парижа. По профессии он был рабочий-металлист, с крепкими, словно литыми из чугуна, плечами и железной хваткой рук. Таким же твердым, словно отлитым из металла, был и дух этого человека, с которым я уже несколько

раз ездил по стране. Короче говоря, он был из тех сынов Франции, которые позднее своей кровью вписали самые героические страницы в историю французского движения Сопротивления.

На этот раз Жан ехал со мной в качестве коммерсанта. «Торговцем» был и я. В моем бумажнике имелись не только надлежащий паспорт, но и соответствующие документы, согласно которым фирма «Александр и Макс Баучер и К°» уполномочивала меня вести переговоры и заключать сделки от ее имени.

Надо сказать, что торговая фирма «Александр и Макс Баучер и К°» действительно существовала и в самом деле вела торговые дела. Александр и Макс были давнишними компаньонами, и, перед тем как обосновать свою фирму в Париже, они занимались своим бизнесом в Софии, Бухаресте, Вене. Они не принадлежали ни к какой партии, но были глубоко честными людьми и антифашистами. Этого было достаточно, чтобы прибегать к их помощи и пользоваться возможностью, которую их фирма, имеющая уже десятилетний стаж пребывания в Париже, представляла для нашей деятельности. Впрочем, их фирма не только была давно известной в столице Франции, но и имела солидный капитал, значительный годовой оборот и главное — филиалы в нескольких центральных провинциях страны. Более того, Александр и Макс поддерживали деловые связи с торговыми фирмами в ряде стран Европы. Некоторые из этих стран находились в сфере нашей деятельности.

И вот сейчас мы с Жаном, «торговые представители» фирмы Александра и Макса, ехали в Португалию, а затем должны были направиться в Южную Испанию и Италию через Гибралтар. Наша официальная миссия состояла в том, чтобы заключить сделки на поставку апельсинов, лимонов, мандаринов, маслин. Испания, бывшая в свое время главным поставщиком цитрусовых плодов во Францию, после мятежа Франко резко сократила экспорт и фактически оголила французский рынок. И в начале 1937 года Португалия, не встречая испанской конкуренции, сразу же повысила цены на этот популярный во Франции товар, поэтому представителей французских фирм в Лиссабоне встречали любезно.

Но это была только моя официальная миссия. Разумеется, Александр и Макс никогда не рассчитывали на за-

ключение мною какой-нибудь сделки, а если бы действительно я что-нибудь и смог сделать в этом плане, то они только приветствовали бы этот наш успех. Основная цель моего задания состояла не только в том, чтобы проверить — по указанию центра — достоверность информации о гитлеровских специалистах, которые инкогнито ехали морем, но и установить на месте, смогло ли гестапо раскрыть и уничтожить нашу нелегальную антифашистскую группу, которая в ноябре 1936 года работала в лиссабонском порту. Мы должны были сделать все возможное, чтобы восстановить деятельность этой группы или сколотить новую. Здесь, в частности, действовала наша разведывательная группа в составе пяти человек, возглавляемая португальским патриотом и интернационалистом Мануэлем Оливейро, основным собственником и директором торговой фирмы «Мануэль Оливейро и К°». Приняв своевременно все необходимые меры предосторожности по спасению людей, Оливейро при возникновении опасности провала укрыл в складах компании пятерых немецких антифашистов, непосредственно участвовавших в разведывательной работе.

Что же произошло дальше с пятью героями?

Полиция напала на их след, и им нужно было срочно покинуть страну. Получив указания центра, Оливейро составил дерзкий план их вывоза из Португалии. В срочном порядке он смог поставить (с помощью центра) десяток военных грузовиков марки «фиат» из Италии для нужд этой же армии франкистского генерала де Льяно. Патриоты стали шоферами этих грузовиков. Теперь задача Оливейро состояла в том, чтобы довести колонну грузовиков в район Толедо. Там другая группа, направленная центром, должна была позаботиться об остальном...

План был осуществлен безукоризненно.

Оливейро получает из Италии дюжину тяжелых грузовиков, о чем по телеграфу уведомляет своего лично знакомого генерала Кейпо де Льяно. Франкистский вояка восхищен — хотя их прибыло только двенадцать, но для него и это целое сокровище. Он по телеграфу оплачивает стоимость грузовиков. И сразу направляет в Лиссабон своего адъютанта и конвой, которые должны сопровождать колонну. За колонной тяжелых «фиатов» идет и одна шикарная легковая автомашина «фиат-седан» — личный подарок Оливейро генералу...

Итак, под покровительством личного посланника генерала и полиции колонна беспрепятственно пересекает границу и входит на испанскую территорию. За рулями пяти из двенадцати грузовиков сидят наши люди, а лимузин ведет сам Оливейро.

В районе Толедо, который в то время находился примерно в тридцати километрах от линии фронта, колонна внезапно натыкается на засаду. На одном из поворотов дороги показываются стволы орудий двух немецких танков и броневика. Полицейские облегченно вздыхают... Однако немецкие танкисты и их строгий офицер держатся очень странно — они обезоруживают франкистского офицера, а затем и конвой. Танкисты уничтожают «фиаты», оставив только два из них, в кузовах которых размещают пленных, и вместе с танками отправляются самой короткой дорогой к линии фронта.

Два танка и броневик были трофейными, отбитыми республиканской армией в боях около Толедо, а «немецкие» солдаты во главе с офицером являлись нашими республиканскими бойцами из группы, действовавшей в тылу Франко. Они успешно выполнили заключительный этап операции, разработанной центром по спасению пяти немецких антифашистов.

Читатель, наверное, спросит: а что стало после этого с Оливейро?

С фронта поступило сообщение, что он вместе с франкистским офицером и охраной был взят в плен. Затем тайно переброшен в Мадрид, а после в Париж. Оливейро пожелал вернуться в Лиссабон — безукоризненно осуществленная операция не создавала никакого риска для его будущей деятельности. Но центр был непреклонным: Оливейро должен был провести определенное время в условиях полной безопасности до тех пор, пока не будет установлено, что его «торговая фирма» в Лиссабоне действительно находится вне всяких подозрений.

Проверить это обстоятельство входило также в нашу задачу.

В Лиссабоне мы провели только три дня. Во-первых, мы установили контакт с несколькими торговыми фирмами, которые щедро предлагали свои услуги по поставке свежих цитрусов по весьма сходным ценам. Первая телеграмма нашей торговой фирме гласила: «Прибыли. Условия поставки благоприятные. Ведем переговоры».

Эта телеграмма была адресована фирме «Александр и Макс Баучер и К°» в Париж. Но оттуда ее немедленно должны были передать Галине. Телеграмма в действительности являлась шифрованным сообщением, которое Галина должна была передать в центр, и оно гласило: «Прибыли благополучно. Первые впечатления об обстановке хорошие. Продолжаем работу». Здесь следует добавить, что Александру и Максу адресовались «торговые» телеграммы и других наших групп, которые уже действовали в Гибралтаре, Неаполе, Генуе, Киле, Гамбурге и др. В своих телеграммах, а иногда и срочных «коммерческих» письмах они шифрованно сообщали об очередных партиях оружия, транспортных средств, самолетов и живой силы, которые отправляются во франкистскую Испанию или уже прибыли в Гибралтар. Эти телеграммы Александр и Макс передавали мне, после чего необходимые сведения Галина сообщала надлежащей шифровкой в центр. Когда меня не было в Париже, Макс и Александр передавали поступившие телеграммы и письма прямо Галине. Такая тактика существовала до конца нашего пребывания в Париже.

Уже на второй день мы заключили сделки, и одно грузовое судно вскоре готовилось отплыть из Лиссабона во Францию с маслинами и апельсинами. Но наши интересы не исчерпывались только этими фруктами. Мы интересовались ранними овощами, креветками, омарами, копченой рыбой — товаром, которым главным образом до осени прошлого года торговала экспортная фирма «Мануэль Оливейро и К°». Торговцы, обычно очень словоохотливые и отлично осведомленные обо всем, реагировали так, как мы и ожидали:

— О, креветки и омары! С тех пор как случилось несчастье с Мануэлем, никто еще не брался за торговлю этим товаром!..

— Несчастье? — искренне удивлялись мы. — О каком несчастье говорите, господа? А мы как раз собирались направиться в его контору! Мануэль имеет задолженность нашей фирме в Париже...

Торговцы озабоченно покачивали головами.

— О платежах не беспокойтесь — Мануэль имеет хороший счет в банке, он никогда не подведет своего партнера... Был бы только жив сам Мануэль!.. Разве вы не знаете? Когда он сопровождал партию грузовиков генера-

лу Кейпо де Льяно, красные партизаны взяли его в плен... И его, и личного адъютанта генерала, и десяток полицейских из конвоя... Ужасно, ужасно...

— И от него нет никаких вестей? — Мы с Жаном притворялись крайне удивленными.

— Ну что вы, какое известие может прийти из Мадрида? Только бы не попали в руки анархистов, в таком случае вести придут из рая... Хоть бы в этом им повезло...

До сих пор все было хорошо, даже отлично. Раз даже сверхчувствительный слух торговцев ничего не уловил, значит, и полиция не добралась до подозрительных сведений о действительной роли Оливейро.

Все же мы должны были выполнить свою задачу до конца. И в тот же день заявились в дирекцию лиссабонской полиции.

— Ваше превосходительство, — обратились мы к ее директору, после того как представили свои паспорта и гарантийные документы, выданные в Париже, — хотели просить вашего совета. Дело в том, что фирма «Мануэль Оливейро и К°» задолжала нашей фирме в Париже. Мы случайно узнали от коллег в Лиссабоне, что с ним якобы случилось несчастье... Как вы нам посоветуете урегулировать это дело?

Весь в эксельбантах и орденах, салазаровский полицейский сидел высокомерный и надутый за своим высоким, как трон, письменным столом. Когда он понял, что речь идет о самом банальном торговом бизнесе, сразу обмяк и даже пригласил в небольшую приемную, где угостил нас виски.

— Ваша фирма не пострадает, господа, если поступит благоразумно, — произнес он и сразу стал похож на обыкновенного вымогателя. Он намекал на процент, который мы должны были ему выделить за оказываемую услугу.

— Ваше превосходительство, наша фирма будет довольна, если сможет хотя бы вернуть половину долга... И я назвал ему сумму.

Полицейский поднял рюмку, растянув в улыбке рот до ушей, уже прикинув в уме сумму, которую сможет присвоить.

— Мы счастливы, ваше превосходительство, быстрым урегулированием вопроса... Наша фирма не интересуется, в сущности, с кем лично она ведет торговые дела. Но

все же жалко, что Оливейро пропал ни за что — он был порядочным партнером...

Директор, довольный только что совершенной сделкой, сочувственно покачал головой.

— Я знал его хорошо. Приличный человек... Хотелось бы, чтобы он уцелел... Итак, — закончил деловой разговор полицейский, — Оливейро нет, но фирма существует... Жду вас завтра здесь с его уполномоченными... Мне было приятно познакомиться, господа...

Когда на следующий день директор полиции получил причитающуюся ему пачку банкнот, картина всей истории была выяснена до конца. Вторая телеграмма, направленная в Париж, гласила: «Отправляем судно с товаром. Рынок здесь отличный. Перспективы благоприятные». Галина немедленно передала в центр наше успокоительное сообщение о том, что Мануэль Оливейро не провален. Об остальном должен был позаботиться центр.

Пароход, с которым мы отправились из Лиссабона на юг к Кадису и Гибралтару, был уже другой — французское судно ушло в обратный рейс, на север, в Нормандию. Нам предстояло проверить на месте в Гибралтаре, а затем в нескольких итальянских портах работу действующих там разведывательных групп наших сотрудников.

В Гибралтаре группа состояла из трех человек, одним из которых был болгарин. Мы направили их туда в начале года, когда немецкие и итальянские суда начали совершенно открыто, под своими национальными флагами, перевозить вооружение, живую силу, боеприпасы, медикаменты генералу Франко. Гестапо установило, что Лиссабон является давнишним и хорошо освоенным районом Интеллидженс сервис, а также и то, что советская разведка, хотя и проникла в эту страну не так давно, работает там весьма эффективно. Разумеется, гитлеровцы продолжали по-прежнему использовать Португалию для прямого провоза вооружения и снаряжения для Франко, но этот приток сильно сократился за счет Гибралтара. На этом куске оголенной скалы, превращенном англичанами в естественную крепость, немецкие суда чувствовали себя в большой безопасности. (Это действительно странно, если иметь в виду, что как раз в это время «Комитет по невмешательству» лорда Плимута усердно выполнял свою

миссию. Этот комитет удивительным образом «не замечал» фашистские суда, которые бросали якоря в Гибралтаре, «не видел» потока иностранного оружия, поступающего мятежникам...)

В Италии мы пробыли немного больше времени. Здесь у нас имелись группы в нескольких среднеземноморских портах (Генуя, Неаполь и др.), включая Мессину в Сицилии. Большую часть групп составляли итальянцы — портовые рабочие, шоферы, крановщики, железнодорожники. Соблюдая все меры абсолютной секретности при направлении партий вооружения в Испанию, фашисты и здесь не могли скрыть правду от своего пролетариата. При каждой такой группе мы имели своих людей, которые поддерживали с нами регулярную связь.

Своих людей мы имели и в немецких портах в Киле, Гамбурге, Вильгельмсгафене и других. Несмотря на угрозу явной гибели, несмотря на ужасы уже действующих камер пыток и концентрационных лагерей, немецкие антифашисты самоотверженно оказывали помощь революционному делу. Гитлеровцы ошибались, когда считали, что они смогли заразить своей нацистской пропагандой весь немецкий народ.

Читатель, наверное, заинтересуется — что конкретно делали эти группы в портовых городах Германии, Италии, Португалии и в Гибралтаре? Я уже упоминал об одной стороне их деятельности — регулярной информации о переброске военной помощи генералу Франко. Вторая сторона их деятельности, которую они осуществляли с помощью местных антифашистов, состояла в том, чтобы всеми средствами препятствовать транспортировке военной помощи мятежникам.

Теперь о встрече с Гришей Салниным. На этот раз мы увиделись с ним в самом Мадриде. Мятежникам и интервентам не удалось осуществить свой зловещий замысел. 7 ноября 1937 года в Мадриде действительно маршировали воинские части, но это были части республики, которые после парада сразу же отправились на передовые позиции, подступившие к самым пригородам столицы, зданиям Мадридского университета. Мятежники были отброшены, и бои шли на севере — против армии Мола и на юге — против Франко и итало-немецко-порту-

гальских интервентов, которые сражались па линии от португальской границы вплоть до Средиземного моря, главным образом в районе между Средиземным морем и горным массивом Сиерра Морена, где проходила важная стратегическая дорога Малага — Альмерия.

Читатель знает, что при защите Мадрида в неистовых схватках с мятежниками в октябре — декабре 1936 года и во всех решающих сражениях с фашистами активно участвовали интернациональные бригады. Я не пишу о их деятельности потому, что ветераны интернациональных бригад уже описали подвиги этих добровольческих частей, состоявших из антифашистов, которые прибыли в Испанию из всех уголков мира. Организация этой благородной армии из добровольцев свободы, а также мощной всеобщей кампании в защиту республиканской Испании явилась делом Коминтерна, во главе которого в то время стоял его новый генеральный секретарь Георгий Димитров.

Итак, с Гришей Салниным мы увиделись в Мадриде весной 1937 года, когда вдвоем с Жаном, объехав вдоль и поперек Пиренейский полуостров, а также посетив Италию, мы вернулись через Марсель, но отправились не на север, к Парижу, а на юг. Тогда поездки были довольно свободными, не нужны были никакие специальные заграничные паспорта или визы той или другой страны. Единственное, что требовалось от любого путешественника, — это его личный паспорт и проездной билет... (Разумеется, это касалось только гражданских лиц — остальные попадали под контроль «Комитета по невмешательству».)

Гриша не был удивлен — встреча была предварительно согласована с центром. Он жил в одном мадридском отеле, превращенном в общежитие для советских военных специалистов. Встреча состоялась не в отеле, так как я был обязан находиться в Испании только в качестве торговца и не имел права встречаться ни с кем другим, кроме Гриши. А в Испании в то время сражались в качестве бойцов интернациональных бригад, советников различного ранга, врачей множество старых боевых товарищей с моей родины. Здесь были Карло Луканов и Васил Додев из Плевена, Жечо Гюмюшев, Фердинанд Козовский, летчик Захарий Захариев, который участвовал в обороне Мадрида, два сына Васила Коларова, Петр и Ни-

кола, Антон Иванов, Цвятко Радойнов, Димо Дичев, Константин Мичев, Антон Недялков. Но нельзя было подъехать до Альбасете — центра интернациональных бригад, ибо никто из товарищей не должен был знать характера моих поручений.

Одетый в мундир офицера испанской армии, Гриша выглядел сильно похудевшим и постаревшим. Его лицо загорело под горячим испанским солнцем, а русые волосы совсем выгорели. Под глазами были черно-синие круги от истощения, а глаза все так же излучали теплоту.

— Нет и года, как я здесь, а словно провел в этой стране тысячу лет... Испания погибает, Ванко, понимаешь ли ты это!..

Вот что надломило крылья этого орла. Боль за Испанию.

— Действительно ли это так, Гриша? — спросил я тихо. — Ведь республика все же сражается?

— Прекрасный народ испанцы, Ванко! Нельзя не полюбить его. И воевать умеет. Если бы ты мог видеть, как обороняли Мадрид женщины, мужчины, старики и даже дети! А как терпеливо они переносят лишения, страдания, кровь!.. Но анархия погубит этот народ. Неизбежно... Коммунистическая партия и другие сознательные силы предпринимают неимоверные усилия, чтобы навести порядок, дисциплину и организованность... Однако почти не добиваются результата. В одном месте заштопают, в десяти местах прорывается... Пятая колонна — это аркан на шее республики, а анархисты — как стопудовые гири на ее ногах. И тянут ее ко дну... Если же прибавить к этому интервенцию...

Наш разговор прервал незнакомый человек, который почтительно остановился у нашего стола.

— Извините, вы случайно не русский?

Это был пожилой испанец, который задал вопрос на смешанном испано-русском языке.

Гриша поднял голову и быстро осмотрел всю половину зала, откуда появился незнакомец. Там около большого стола сидели с десяток мужчин, таких же пожилых, скромно одетых, как и незнакомец. Они смотрели в нашу сторону.

— Совершенно точно! — кивнул энергично головой Гриша, установив, что эти люди друзья, которых нечего опасаться. — Мой товарищ нет, а я русский.

— Позвольте мне чокнуться с вами, камарад! — сказал испанец, получив подтверждение своего предположения. — Наша компания предлагает выпить за Советскую Россию, за ее специалистов, за ее самолеты, которые обороняют небо Мадрида, за ее пушки и пулеметы! Салюд, камарад!

— Салюд, камарад! Салюд! — крикнули хором и остальные, поднявшись на ноги и подняв рюмки. Встали и мы с Гришей.

— Пью за героическую Испанскую республику, за ее прекрасный народ! — предложил в свою очередь тост Гриша. — Пью за храбрых защитников Мадрида! Салюд!

— Салюд! Салюд!

Это была такая милая, такая искренняя демонстрация дружеских чувств испанского народа! Однако мы уже там не могли вести деловой разговор. Поэтому пошли в другой ресторан около центра Мадрида, который зиял своими разбитыми от близкого падения бомбы окнами.

— Видишь ли, Ванко, — сказал Гриша, вновь оживившись, когда мы сели один против другого. — Народ без подсказки понял своих друзей и открыто, шумно высказывает свою благодарность... Так он относится и к бойцам интернациональных бригад, называя их русскими не потому, что путает их национальности. Это слово стало синонимом таких слов, как «брат», «друг», «товарищ»... Мы не опустили рук, — продолжал Гриша, — хотя уже и не питаем иллюзии о победе. Так думает и Старик. Мы все здесь работаем без сна и отдыха. Обучаем, организовываем, выступаем с лекциями, проводим практические занятия, составляем оперативные и тактические планы, чертим схемы внутренней охраны, а когда надо — беремся и за оружие... Нет, мы не сложим его до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства самозащиты... Это касается позиции, которую нельзя, которую мы не можем оставить врагу без сопротивления...

Он знал, что, хотя надежды на победу не существует, он останется до конца на своем боевом посту. Гриша Салнин, как и Берзин, как и много других советских товарищей, был выкован из самого крепкого, самого благородного металла...

Задание, которое меня привело в Мадрид и в связи с которым была организована встреча с Гришей, касалось развертывания партизанских действий в тылу Франко.

Эти действия начались еще в первые месяцы гражданской войны, когда войска генерала Франко рвались к Мадриду. Передовые колонны его дивизий продвигались далеко вперед, тесня республиканские части, а их фланги вдруг оказывались под убийственным огнем... Патриоты, которые остались по заданию в тылу или которых просто обходили моторизованные колонны Франко, заставляли фашистов замедлять темп наступления, чтобы прочесать каждую пядь захваченной земли. Но как можно очистить землю от ее народа?..

Стихийно возникшее партизанское движение со временем превратилось в массовое сопротивление, охватившее почти все горные районы оккупированной генералом Франко части страны. Однако большинство партизанских отрядов находилось под командованием неграмотных в военном отношении людей, и почти все они были плохо вооружены, не располагали взрывчаткой для диверсионной деятельности. Ввиду этого республиканское правительство, после настойчивых рекомендаций Берзина и Гриши Салнина, начало оказывать широкую и систематическую помощь партизанам. В отряды направлялись оружие и боеприпасы, инструкторы по военному делу, политические комиссары. Резко поднялся уровень партизанской деятельности. Партизанские отряды превратились в подлинную грозу для франкистов...

— А знаешь ли, Ванко, именно в этом направлении действует и Хаджи!

Сам прирожденный храбрец, Гриша горячо любил смельчаков. И когда он вспомнил о Хаджи, его глаза заблестели.

Гриша долго и горячо рассказывал о подвигах Хаджи Умара Джиоровича Мамсурова, который, как уже об этом говорилось раньше, сражался в Испании под псевдонимом Ксанти.

— Ты, наверное, слышал о Дурути, одном из вожаков испанских анархистов, — продолжал Гриша. — Он храбрый до безумия, честный, по-своему преданный революции человек. Когда он попросил направить ему советника, нашего военного специалиста — большинство его людей было не обучено, — он пожелал лично его испытать, проверить, на что он годится. Первый ему не понравился. Тогда послали ему Хаджи. Дурути влюбился в него. Во время одной контратаки Дурути самому при-

шлось удерживать Хаджи, советовать ему быть благоразумным... Понимаешь ли, Ванко, Дурути советует быть благоразумным!..

Гриша смеялся от всего сердца — храбрость и мужество всегда могли рассеять мрачные мысли у такого героя, каким был он.

— А в последние дни к нему прилепился один американец, — продолжал Гриша, искренне увлеченный рассказом о Хаджи. — Хемингуэй. Эрнест Хемингуэй. Американец. Известный писатель, журналист, корреспондент американских и английских газет. Приятель Кольцова и Эренбурга. И Кольцов его познакомил с Хаджи, когда американец попросил организовать ему встречу с этим человеком. Этот американец симпатяга, — рассказывал Гриша. — Большой, бородатый, неподстриженный, настоящий медведь. С вечно дымящейся трубкой в зубах. И попивает. Я спрашивал Кольцова, когда этот человек находит время писать свои корреспонденции. Но Эренбург и Кольцов не дают и слова произнести против американца. «Может быть, и попивает, — спорит Михаил, — но он наш. Понимаешь, честный и искренний друг республики! Я регулярно читаю его корреспонденции — они самые объективные в западной печати! А когда закончится все это здесь, он что-то и большее, может быть, напишет...»

Эрнест Хемингуэй, которого судьба случайно свела с Хаджи — Ксанти на фронтах гражданской войны в Испании, написал, как известно, вскоре после разгрома республики роман «По ком звонит колокол». Это одно из самых художественно сильных и правдивых произведений о драме Испанской республики.

Прототипом главного героя в этом романе является Хаджи — Ксанти. Как-то позднее в Москве Хаджи рассказывал, что Хемингуэй записывал в свой блокнот все подробности его рассказа о нескольких операциях в тылу противника. Отсюда, наверное, и поразительная точность в описании действий минера, когда в романе Роберт Джордан взрывает мост.

Разумеется, как и у любого художественного произведения, многие конфликты, действующие лица и обстановка видоизменены или просто сочинены автором на основе жизненной правды. Имеются в этом романе и неприемлемые вещи, особенно те, которые касаются характеристики испанского партизанского движения, атмосфе-

ры в Мадриде, образов некоторых руководителей и прочее. Но при всех недостатках роман «По ком звонит колокол» является волнующим свидетельством героизма бойцов интернациональных бригад...

Задание, которое Гриша Салпин, а затем и Берзин поставили во время нашей встречи в Мадриде, было связано с действиями боевых групп и партизанских отрядов в тылу врага.

10

ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Битва за республику подходила к своей последней фазе. Но о сигнале к отступлению не было и речи. Для всех настоящих антифашистов это был толчок к новым усилиям, чтобы остановить фашистского зверя.

Мы со своей стороны увеличили в несколько раз число людей, которые конспиративно работали в Италии, Германии, Португалии. Нелегальные группы создали и в ряде испанских городов, оккупированных фалангистами. Увеличился также состав группы во Франции, которая оттуда координировала антифашистскую деятельность всей организации. Я включил в работу и болгарского политэмигранта Z-6, который был рекомендован Методием Шаторовым. Его революционная биография красноречиво свидетельствовала о том, что он успешно справится с любым секретным заданием. При этом Z-6, находившийся во Франции уже несколько лет и хорошо знавший язык, обладал рядом ценных качеств, которые облегчали работу любого разведчика. Ему были свойственны быстрая реакция, тонкий и гибкий ум. Он был молод, привлекателен и одарен несомненным артистическим талантом (в Болгарии когда-то даже выступал на сцене в составе рабочих коллективов художественной самодеятельности и был способен исполнить любую роль, предложенную ему той или иной ситуацией).

По моей просьбе Методий Шаторов рекомендовал мне еще одного человека — Z-7. Товарищ Ибришимова и так же, как он, активный боец Тодора Паницы и сотрудник Поптомова, он, подобно Ибришимову, из-за преклонного возраста не был направлен в Испанию, несмотря на его просьбы, но был способен выполнять «мирные» задания. «Твердый человек, — представил его Шаторов, — умный,

сообразительный. Его и Ибришимова я давно направил бы в Испанию, если бы они хоть на десять лет были помоложе... Бери и знай, ты можешь опереться на него в любом случае...»

Разумеется, я взял его. И Z-7 не обманул Шаторова. Он стал одним из надежнейших людей нашей организации.

В нашу группу был включен и Петр Григоров — ветеран, сражавшийся офицером в первую мировую войну и активно боровшийся против войны, участник кампании по вооружению нашей партии, участник Сентябрьского восстания 1923 года, а затем активно работавший по подготовке к новому восстанию, после апреля 1925 года — политэмигрант. Закончив юридический институт в Швейцарии, Петр Григоров стал адвокатом, но эта профессия, которая для многих других открывала путь к сытой и благополучной жизни, для него являлась дополнительным средством служения революции. Повсюду в Европе, куда его вел революционный долг, он помогал своими юридическими знаниями. Петр Григоров был одним из адвокатов, пожелавших защищать подсудимых Димитрова, Танева и Попова перед Лейпцигским судом, но которые не были допущены на процесс. До пожара рейхстага Петр Григоров, которого я лично знал по Вене, Праге, Берлину, заслужил высокую оценку и полное доверие Георгия Димитрова.

И вот теперь этот испытанный революционер и непримиримый антифашист включался в работу нашей группы. Читатель легко может понять, какую большую пользу был в состоянии принести нашему общему делу Петр Григоров — человек образованный, обладавший большой, многосторонней культурой, владевший несколькими европейскими языками, детально знавший политическое положение в Европе и в каждой отдельной стране. Ничем «не скомпрометированный» перед властями, он свободно мог разъезжать со своим настоящим паспортом. Кроме того, Петр Григоров обладал еще одним качеством, которое в те времена имело исключительное значение. Он знал и поддерживал близкие контакты с широкими антифашистскими кругами в целом ряде стран Средней и Западной Европы. Александр и Макс Баучер, которые оказывали неоценимую услугу нашей группе, были рекомендованы им. И не только они.

Мы нашли Петра Григорова в Женеве. В Швейцарию, на этот относительно мирный остров среди бушующего океана политических конфликтов, он прибыл в поисках пропитания. Но он не сидел там сложа руки. Будучи отличным журналистом, он сотрудничал в нескольких прогрессивных газетах в Европе, включая и советскую печать. Здесь, в одном скромном квартале Женевы, Петр Григоров жил со своей супругой-француженкой. Но, разумеется, его приезд в нейтральную Швейцарию совсем не означал отказа от революционной борьбы. Он был готов в любой момент снова взяться за выполнение любой задачи и идти туда, куда позовет его долг. Когда мы — я был с Z-6 — застали его в скромной квартире, Петр Григоров словно ждал нашего появления, чтобы уложить свои чемоданы и отправиться в Париж.

В год, предшествующий нашему отъезду из Франции, наша группа добилась новых положительных результатов.

Прежде всего мы увеличили число радиостанций. Та, что мы смонтировали в доме доктора Томова, работала безупречно. Но ее уже оказалось недостаточно. В конце 1937 года радиопередатчиков стало три — другие два работали в различных кварталах Парижа. И их мы изготовили, так сказать, на месте из радиодеталей, приобретенных в парижских магазинах и радиотехнических бюро. Но сейчас радиостанции собирал наш новый сотрудник, которого мы нашли с помощью Петра Григорова. Это был болгарский политэмигрант Z-11, уроженец Велинграда, вынужденный покинуть Болгарию после драматических событий 1923—1925 гг. Мы разыскали его на Юге Франции, в Тулузе. Здесь он получил высшее техническое образование и стал инженером-радиотехником. Как отличный радиотехник, рожденный для этой специальности, Z-11 нашел себе работу в небольшом городе. Мы разыскали его в одной маленькой мастерской, где он собственноручно с помощью ученика изготавливал новые радиоприемники, которые продавал местной клиентуре. Он скромно жил в квартире по соседству с мастерской.

— Братец, друг дорогой! — обнял его Петр Григоров, когда мы вошли в мастерскую и увидели его в полумраке помещения с небольшим электрическим паяльником в руках. — Вот и довелось снова свидеться!..

Бледный и похудевший, Z-11 вмиг преобразился. Ведь мы прибыли к нему не просто в гости. Мы предложили

Z-11 покончить с карьерой ремесленника в Тулузе и перебраться в Париж, где пообещали ему помочь открыть приличную радиотехническую мастерскую. Z-11 знал, кто мы такие, и принял наше предложение спокойно и деловито, как подлинный антифашист.

Однако обстоятельства изменили наши планы, и Z-11 не пришлось переезжать в Париж. И в Тулузе можно было вести деликатную работу. Мы вызвали его для инструктажа в столицу, и, когда он снова вернулся в Тулузу, увез с собой части мощного радиопередатчика и... одного компаньона. Это был греческий товарищ Z-4, отвечающий за материальную часть радиостанций. У Z-11 он должен был вместе с «хозяином» мастерской за короткое время изготовить два новых коротковолновых радиопередатчика. Кроме того, здесь, в мастерской, в лучших технических условиях они произвели тщательный ремонт первой радиостанции, значительно увеличив ее мощность. Вскоре после этого мы открыли в Париже на имя Z-11 вполне современную радиотехническую мастерскую, которая нам была нужна главным образом как место явки.

Читатель, наверное, спросит: зачем нам были нужны не одна, а три радиостанции?

Одну из причин я уже назвал. Наша деятельность расширилась, и одна радиостанция была не в состоянии передавать в центр всю поступающую информацию. К тому же в это время французская полиция начала проявлять явное раздражение по поводу возрастающей солидарности с борющейся Испанией. Мы уже заметили на улицах Парижа циркулирующие в любое время дня, особенно ночи, сложно оборудованные закрытые машины с пеленгаторами. Если бы наши передачи длились продолжительное время, провал наступил бы неминуемо.

Но нам начали мешать не только появившиеся пеленгаторные установки. В окрестностях Парижа вступили в строй мощные станции глушения, которые часто препятствовали сеансам связи с центром.

Вот причины, из-за которых потребовалось увеличить число радиостанций, усилить их мощность и разместить в различных районах города. Вторая и третья радиостанции работали из домов французских рабочих-антифашистов, которые потеснились и сдали нам в наем комнаты в своих квартирах. Они не знали, для каких действительно целей мы использовали комнаты, да и не интересова-

лись этим. Им было достаточно того, что этим они помогают делу Испанской республики, и внутренне чувствовали себя чистыми, спокойными и удовлетворенными. В этих квартирах мы, разумеется, не оставляли никаких следов своего присутствия.

Для обслуживания новых радиостанций из центра прислали двух новых сотрудников. Один из них был югославский товарищ, а другой — из Чехословакии. Они только «отстукивали» наши сообщения, а шифровала Галина.

В начале 1938 года наша группа лишилась сотрудника Z-4. По настоянию Гриши Салнина я должен был его немедленно направить в Испанию.

Весной 1938 года мы получили срочное задание: нужно было немедленно проверить достоверность одного сигнала, поступившего в центр, — участвуют ли в интервенции против республиканской Испании панская Польша и Бельгия. Советское правительство требовало точной информации о фактическом состоянии дела.

Разумеется, здесь нужно иметь в виду, что ни Бельгия, ни панская Польша не могли тогда открыто помогать Франко, хотя и ненавидели республику и были готовы в любой момент направить мятежникам вооружение, войска, продовольствие: помощь они могли оказать только скрытно от своих народов, и нам надлежало проверить непосредственно на месте достоверность поступившего сообщения.

В Польшу сразу же уехал Z-6. В Лодзи, Гданьске, Кракове и Варшаве он должен был установить контакты с нашими сотрудниками и поступить учиться в один из университетов. Он уже выполнил целую серию оперативных поручений во Франции и соседних с нею странах, показав при этом великолепные качества разведчика. В панской Польше Z-6 должен был «прощупать» пульс правящей верхушки. Она не скрывала своей политической и военно-стратегической принадлежности к западному империалистическому блоку, главным образом к буржуазной Франции. Тогдашняя Польша связывала с Францией свое прошлое, настоящее и будущее. Подобно Чехословакии, ошибочная политическая ориентация и враждебный национализм в конце концов приведут и этот народ к бездне самой страшной в его истории катастрофы... Но это произойдет через год-два, а в тот момент — в начале 1938 года — Франция и Англия щедро обещали

ей военно-политическую поддержку, и панская Польша стремительно катилась к пропасти...

Через несколько месяцев после отправки Z-6 вернулся здоровым и невредимым. Задание было выполнено. Сигнал оказался ложным. Вооружение, боеприпасы и продовольствие, которые находились в складах в определенном месте, «для специальных целей» не предназначались. Центр был соответственно уведомлен об этом.

Подобное сообщение центр получил и из Бельгии. Туда мы поехали втроем — Галина, Петр Григоров и я. Мы составили небольшую дружескую компанию, совершавшую туристическую поездку по приморской стране. Несколько дней мы провели в одном курортном местечке на берегу моря. Вернулись «отдохнувшими» в Париж, и уже в тот же вечер Галина передала в центр сообщение: «Ничего тревожного. Никакой погрузки оружия в бельгийских портах не производится». В этом мы убедились не только своими глазами: нас заверили и наши люди, которые в то время действовали в Бельгии.

Тем временем деятельность остальных звеньев группы продолжалась полным ходом. Борьба велась на земле и на море. Она велась и в эфире. Война в эфире всегда предшествовала другой войне — той, которую завтра бесстрастно зафиксирует история в своих анналах, той, которая погубит десятки миллионов людей, будет угрожать цивилизации гибелью...

Республиканская Испания сражалась храбро, самоотверженно, но интервенция фашистских государств, покровительствуемая политикой так называемого «невмешательства», делала свое черное дело. Летом 1938 года после изменчивых успехов для обеих сторон и после настоящих чудес героизма, проявленного интернациональными бригадами и республиканскими частями, фашисты Франко предприняли массированную атаку против Арагонского фронта и прорвались к Средиземному морю. Это было началом конца.

В июле 1938 года правительство республики официально объявило, что согласно принять предложение международной комиссии, учрежденной Лигой наций, о полной эвакуации интернациональных бригад только в том случае, если Франко даст согласие на вывод итало-немец-

ких частей. Разумеется, Франко сразу же дал обещание — что стоили этому подлому изменнику клятвы и обещания после того, как он изменил самому священному долгу, долгу перед родиной. А республиканское правительство, верное данному слову, отдало распоряжение интернациональным бригадам сдать оружие и подготовиться к эвакуации под наблюдением комиссии Лиги наций.

В конце 1938 года, когда бригады собирались отправиться к французско-испанской границе (комиссия Лиги наций деловито закончила свою лицемерную миссию), в Валенсии произошло одно из самых трогательных событий в истории Испанской революции. Здесь народ Испании простился с тысячами бойцов интернациональных бригад — добровольцами свободы. От имени Народного фронта Пасионария произнесла взволнованную речь:

— И Харама, и Гвадалахара, и Брунете, и Белчите, и Ливанте, и Эбро воспевают в бессмертных строфах достоинство, самоотверженность, целеустремленность, дисциплину воинов интернациональных бригад. Коммунисты, социалисты, анархисты, республиканцы, люди с разным цветом кожи, различной идеологией, религией, но все глубоко любящие свободу и справедливость, оказали нам огромную помощь. Они отдавали все: одни — молодость, другие — зрелость, отдавали свои знания и опыт, свою кровь и свою жизнь, свои надежды и свои мечты. И ничего не требовали, кроме места в рядах борцов. Знамена Испании, славьте этих героев! Склонитесь в память о них.

В конце января 1939 года на испано-французской границе, проходящей по заледеневшим вершинам Пиренеев, скопились сотни тысяч беженцев и десятки тысяч добровольцев. Разоружаемые французскими жандармами, бойцы интернациональных бригад строем переходили на французскую землю, а там их ожидали наспех устроенные и тщательно охраняемые лагеря. Гражданские беженцы также были взяты под контроль и наблюдение — ведь этот народ голосовал за «красную Испанию», сражался за нее, от него всего можно было ожидать... Кабинет Леона Блюма уже пал, его место занял Даладье, после него должен был прийти Лаваль, но реакция, французская империалистическая буржуазия оставались неизменными...

Читатель, наверное, спросит: были ли выведены из другой части Испании военные группировки Гитлера и Муссолини, как это обещал Франко? Срочно откликнув-

шись на призыв мятежников, интервенты чрезвычайно медлили с эвакуацией, выжидая ухода интернациональных бригад, а потом вовсе прекратили вывод войск и всей наличной силой поддержали наступавшие полчища Франко. Обреченность республики для всех стала очевидной.

Впрочем, о республике теперь уже никто не думал — она была отдана фашизму в качестве жертвы, хотя все еще сражалась... Да и кто из «великих» западных стран мог думать о ней, когда опасность стучалась и в их двери... А она постучалась к ним еще в сентябре 1938 года, когда в Мюнхене Гитлер стукнул кулаком по «круглому столу переговоров». Отдав Испанскую республику агрессорам, теперь «великие» державы отдали и Чехословакию, и Австрию, а затем и Польшу... Чудовище вылезало из своей берлоги.

С падением республики наша работа в Париже, естественно, прекратилась. В начале 1939 года мы с Галиной упаковали свои чемоданы в дорогу. Петр Григоров уехал с важными поручениями в США. Но в целом группа оставалась. Остались глубоко законспирированными и наши сотрудники во Франции, Италии, Германии, Португалии, Испании. Войдя в новую оперативную организацию, в годы войны они самоотверженно сражались против «нового порядка», и многие из них нашли свою гибель в гитлеровских концентрационных лагерях или были расстреляны. Ныне имена этих героев окружены заслуженным почетом.

Война в Испании закончилась, и через некоторое время началась мировая война, к которой испанская трагедия была только увертюрой. Приближались жестокие времена, когда все вчерашние покровители фашизма и национализма должны были первыми стать жертвой своего политического лицемерия. Подобно легенде о дровосеке и злом духе в бутылке, они с преступной политической наивностью открыли пробку бутылки, чтобы выпустить злого духа, но после, когда он превратился во всепоглощающее свирепое чудовище, они, в отличие от героя легенды, оказались перед лицом бедствия слабыми, жалкими и беспомощными... И только великая социалистическая держава Советов, которая дальновидно предупреждала о приближающейся угрозе, должна будет взвалить на свои плечи тяжелое бремя по спасению человечества.

Часть шестая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. В ЗАЩИТУ МОСКВЫ. СОЛНЦЕ НАД БОЛГАРИЕЙ

1

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Начало Отечественной войны — 22 июня 1941 года — застало меня за «мирной» работой в Москве. Я был преподавателем в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Из болгар кроме меня в академии преподавали наши революционеры Цвятко Радойнов и Иван Кинов-Чернов. В разные годы до этого здесь работали преподавателями Георгий Дамянов-Белов и Асен Греков — будущие создатели болгарской Народной армии. В последнее время Академия имени Фрунзе приобрела исключительно важное значение в деле повышения боеготовности и боеспособности вооруженных сил. Время не ждало, война в Европе уже бушевала, и только месяцы, недели, дни отделяли нас от ее прихода и на порог нашего дома.

Весь преподавательский состав академии во главе с ее начальником Б. М. Шапошниковым прилагал чрезвычайные усилия, чтобы успеть при имевшихся возможностях подготовить как можно больше командных кад-

ров. Все мы понимали: от уровня подготовки выпускников академии завтра будет зависеть много, очень много...

От перегруженности у меня часто болела голова. К концу недели боль уже становилась нестерпимой, и я на время вынужден был откладывать работу по подготовке к лекциям и брался... за рубанок. Я действительно любил столярное дело. Это занятие было для меня настоящим отдыхом. Когда я вставал за верстак, повязав брезентовый фартук, забывал обо всем: этот труд давал мне всегда отдых, покой и даже наслаждение... Любил физический труд и Павел Иванович Берзин. Когда он узнал, что я люблю отдыхать за верстаком, он сказал: «Хорошо тебя понимаю. Ничто не может мне заменить часы, проведенные у токарного станка...»

Как-то потом Наташа Звонарева мне рассказала, что Берзин частенько после особенно тяжелого изнурительного дня спускался в авторемонтную мастерскую, расположенную в подвальном помещении Четвертого управления, и запускал станок — ведь он когда-то был рабочим-металлистом: надев комбинезон, он работал час, а то и больше, а затем возвращался в свой рабочий кабинет, чтобы планировать ожесточенные битвы «невидимого фронта»...

Когда мы вернулись из Парижа, я установил верстак под лестничной клеткой, сумев пригородить небольшое помещение. Оно, конечно, не было просторным и приветливым, но полностью устраивало меня: я просто нуждался в уголке, где бы мог взять рубанок и с наслаждением вдыхать аромат оструганного дерева, ощутить пальцами его нежную поверхность...

В то роковое воскресенье — 22 июня 1941 года — я был в своей импровизированной мастерской. Встал очень рано — головная боль прогнала сон — и спустился вниз.

Увлеченный работой, я неожиданно почувствовал за спиной присутствие человека. Повернулся. Это была Галина. На ней буквально лица не было. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, губы ее были сжаты, словно онемевшие. Стояла и смотрела на меня побледневшая. Я сразу понял, случилось что-то ужасное.

— Галя, что случилось?

— Война... Война началась... Только что передали по радио... Немцы вторглись на всем протяжении от Балтики до Черного моря...

Я обнял ее. Столько тревожного времени мы пережили с ней — она всегда была моим самым лучшим другом, советником и помощником, где бы мы ни были — и в Китае, и в Вене, и в Париже. Но никогда я не видел ее такой потрясенной.

— Значит, началась... Но ты не падай духом, Галя, не бойся... Мы воевали столько лет... что же, теперь опять повоюем. Россию никто не мог покорить... Ее враги всегда находили в ней только могилу себе...

Наступили суровые времена. Советскому народу, сплоченному вокруг своей Коммунистической партии, предстояло показать всю свою неизмеримую силу, твердость, стойкость, мощь...

Мобилизация началась сразу полным ходом. Впрочем, она начала подготавливаться гораздо раньше, но до самого момента нападения не объявлялась: советские руководители не подозревали всей меры вероломства гитлеровцев. Ведь еще совсем недавно в Москву прилетал фон Риббентроп для подписания договора о ненападении, а Гитлер и Геринг уверяли всех в «мирных» намерениях по отношению к СССР!

Мобилизация проходила успешно. Но если небольшой Болгарии для этого нужны считанные дни, то при гигантских масштабах Советского Союза для мобилизации требуются недели, месяцы... За эти недели и месяцы гитлеровцы, стянув к западным границам огромные полчища, вторглись на советскую землю, подвергая огню и опустошению мирные города и села Украины и Белоруссии...

Мобилизация началась, но еще до этого Советское правительство предпринимало различные необходимые меры. Оно прилагало неимоверные усилия, чтобы обуздать агрессора путем создания надлежащих военно-политических союзов. Известны его настоятельные предложения о заключении военно-оборонительных пактов с Францией, Англией, Чехословакией, Польшей, Югославией, Румынией, Болгарией, Турцией. По директиве правительства промышленность сосредоточивалась на Урале и за Уралом, в Западной Сибири — там, куда не смогли бы проникнуть ни сухопутные силы, ни авиация возможного агрессора.

Одновременно с этим Советское правительство издало распоряжение, имевшее кардинальное значение для реорганизации и дальнейшего развития военной авиации. С момента его издания — февраля 1941 года — все военные заводы начали интенсивную работу по внедрению в производство новых типов современных, скоростных и маневренных боевых самолетов. То же самое относилось к производству танков и артиллерии. Однако, как указывает советская военная история, работа по подготовке контрудара против будущего противника была недостаточна по масштабам, содержанию и даже запоздала по времени.

Гитлеровская Германия предприняла нападение на Советский Союз после того, как покорила уже почти всю Европу. Другими словами, для вооружения Германии и снабжения боеприпасами и всем остальным, необходимым для ведения тотальной войны, работала промышленность всей Европы — промышленность Франции, включая мощные военные заводы Лотарингии, тяжелая металлургия, машиностроение и военная промышленность Силезии и Померании, сильно разросшаяся после первой мировой войны военная и машиностроительная промышленность Чехословакии, заводы, производившие вооружение в Венгрии, Испании, Бельгии, Голландии, Норвегии, Австрии, Румынии. К этому нужно добавить, что в руки гитлеровцев попало все оружие разбитой французской армии, разгромленной польской армии и главным образом оружие Чехословакии. Следует иметь в виду, что в то время чехословацкая армия была не только большой и отлично обученной, но и хорошо вооруженной: только из ее арсеналов гитлеровцы забрали несколько сотен тысяч современных пулеметов, скорострельных орудий, несколько сотен тысяч тяжелых мотоциклов, часть из которых была использована Роммелем в его «африканском походе»...

Против СССР Гитлер бросил 190 дивизий (т. е. 5,5 миллиона человек) только сухопутных сил, кроме мощного воздушного и военно-морского флота. Никакая армия в мире не смогла бы устоять против неожиданного удара подобной чудовищной военной машины.

При этом нужно иметь в виду также и то, что наряду с военным арсеналом Европы гитлеровская Германия располагала и ее людскими резервами (в составе полчищ захватчиков имелись румынские, венгерские, итальян-

ские, испанские, финские и другие армии), резервами ее легкой промышленности, сельскохозяйственной продукцией, территорией, аэродромами, путями сообщения, портами...

Советский Союз был один. Пресловутый второй фронт западные союзники откроют поздно, очень поздно, когда фактически конец войны был предрешен мужеством советского воина. Унаследовав от царской России крайне отсталое народное хозяйство, Советский Союз только теперь разворачивал в современных масштабах металлургию и машиностроительную промышленность. Со времени первой пятилетки, когда фактически были заложены основы крупной тяжелой индустрии, прошло всего десять лет. Советский Союз испытывал острую нужду в железе и стали, и, так как хотел жить в мире, созидать, он изготавливал из железа и стали главным образом не винтовки и орудия, а плуги и комбайны, строительный прокат, производил турбины для своих электростанций, проволоку для электрификации своих сел, выпускал тракторы для колхозов...

Народ, который не думал никому причинять зла, бросил свои силы на мирный созидательный труд. Для производства достаточного количества оружия все еще не хватало железа и стали...

Поэтому потребовались месяцы, а может быть, и годы, пока советская промышленность была переведена на военные рельсы и вместо плугов и тракторов начала выпускать оружие. Для обороны стали работать все лучшие научные силы страны. И уже в 1942 году Советская Армия смогла противопоставить хорошо вооруженным гитлеровским захватчикам достаточное количество более совершенных танков (КВ и Т-34 были подлинной грозой для врага), более эффективной артиллерии (славные ракетные минометы, «катюши», которые сеяли ужас в рядах немецко-фашистских войск), более скоростных и маневренных самолетов, боеприпасов...

Здесь я уже не говорю, разумеется, о факторе, который сыграет огромную роль в победоносном исходе войны — морально-политическом единстве советского народа, сплоченного вокруг своей героической партии, несокрушимом духе советских воинов.

На второй день войны к Георгию Димитрову были вызваны три человека — три полковника Советской Ар-

мии: Христо Боев, Цвятко Радойнов и я. Мы явились только вдвоем с Боевым: Цвятко Радойнов в тот момент находился по делам службы в районе западной границы Советского Союза, и его возвращения ожидали с часа на час. Христо Боев был тот самый командир восставших в сентябре 1918 года, который повел взбунтовавшихся фронтовиков, чтобы расправиться с настоящими виновниками национальной катастрофы. Позднее Боев был вынужден эмигрировать. Двадцать лет, прошедшие с тех пор до момента нашего вызова, были для него годами тяжелого революционного долга, который бросал его в различные части планеты — и в Китай, и на Ближний Восток, и в Европу, и в Африку. Боев закончил в Москве Академию бронетанковых войск и к своим исключительным качествам революционера добавил знания военного инженера.

Цвятко Радойнов, этот замечательный болгарский борец-интернационалист, жизнь которого позднее превратится в настоящую легенду, также имел яркую революционную биографию. В свое время он вместе с Тодором Грудовым организовал восстание в Карабунаре и повел карабунарских повстанцев на Бургас. Позднее Радойнов эмигрировал в Советский Союз и по окончании Военной академии имени Фрунзе многие годы служил в рядах Красной Армии. В 1936 году, когда в Испании вспыхнула гражданская война, Радойнов вместе с группой советских военных специалистов уехал туда в качестве военного советника в один из корпусов республиканской армии. После возвращения из Испании он был назначен преподавателем в Академию имени Фрунзе.

Все трое мы были близкими боевыми друзьями. Нас связывала не только любовь к своей родине, но и долголетняя борьба в защиту интернационального дела.

В кабинете Георгия Димитрова мы застали его самых близких соратников и помощников — Васила Коларова, Станке Димитрова и Георгия Дамянова (Антон Иванов еще в конце 1940 года был направлен морем на родину, чтобы оказать помощь в работе Центрального Комитета БКП).

— Знаете, для чего мы вас вызвали, товарищи? — начал Димитров. — Не для чего-то хорошего. И не в добрый час... Советскому Союзу угрожает смертельная опасность... Страшная угроза нависла над делом революции. — Он в

общих словах обрисовал создавшееся положение, потом сообщил: — Все наши политические эмигранты в Советском Союзе немедленно должны включиться в борьбу против врага...

Исполнительный комитет Коминтерна предложил ЦК ВКП(б) и Советскому правительству сформировать специальный интернациональный полк в составе создающейся бригады и получил на это согласие. В этот полк Димитров решил собрать всех политических эмигрантов — испанцев, французов, англичан, немцев, чехов, словаков, австрийцев, болгар, румын, греков, поляков, итальянцев и других, — которые нашли себе вторую родину в Советском Союзе. Бригада, численный состав которой превысит несколько тысяч человек, должна была формироваться в Москве и включиться в оборону советской столицы. Нас троих (Боева, Радойнова и меня) Коминтерн направил в интернациональный полк и поставил задачу по его созданию. При его формировании нам гарантировалась необходимая поддержка Коминтерна и лично Георгия Димитрова.

Еще до сформирования бригады Георгий Димитров потребовал от нас привести в боевую готовность находившихся в Москве и ближайших окрестностях болгарских политэмигрантов. Часть из них падлежало включить в состав бригады для обороны Москвы, а другую — отправить со специальными заданиями в тыл немецко-фашистских войск.

— Вы понимаете, что я имею в виду, товарищи, — добавил Георгий Димитров. — Я имею в виду Болгарию... Заграничное бюро нашей партии решило, — продолжал Георгий Димитров, — направить группу из нескольких десятков политэмигрантов в помощь партии. Вы знаете, она находится на нелегальном положении с 1923 года. Многие тысячи болгарских коммунистов были уничтожены во время Сентябрьского восстания 1923 года и апрельские дни 1925 года. Тысячи позднее были брошены в тюрьмы, расстреляны, повешены. Несколько сот сражались в Испании, и немало их сложило свои головы на испанской земле. Часть бойцов интернациональных бригад сумела вернуться в Советский Союз или в Болгарию, но большинство из них попало в концентрационные лагеря во Франции... Ввиду этого партия в настоящий момент не имеет достаточного количества подго-

товленных кадров. Как же она поведет народ на вооруженную борьбу?

Задача группы состояла в том, чтобы проникнуть через линию фронта в Болгарию, которая сейчас фактически является гитлеровским тылом, и там оказать помощь Центральному Комитету по организации антифашистского движения Сопротивления.

— Что касается состава группы, — сказал Георгий Димитров, — то это уточните с Георгием Дамяновым. Следует самым внимательным образом оценить возможности каждого человека. Сейчас на родине нужны не просто бойцы, которые могут только стрелять, а командиры и организаторы, способные повести за собой массы, возглавить партизанские отряды... Действуйте как можно быстрее, — закончил Георгий Димитров. — Наш главный интернациональный долг теперь состоит в том, чтобы сделать все возможное для оказания помощи советскому народу.

Георгий Дамянов, который присутствовал на этой встрече и с которым мы должны были сделать все необходимое для комплектования группы, в то время был одним из видных деятелей Коминтерна и многие годы отвечал за его кадры. Старый боевой товарищ, командир славной Лопушанской дружины, пользующийся заслуженной славой после взятия города Фердинанда (ныне Михайловград) и станции Бойчиновци во время Сентябрьского восстания, Георгий Дамянов был одним из видных болгарских политэмигрантов и одним из самых пламенных сторонников сентябрьского курса. После ухода нашей эмиграции из Югославии Георгий Дамянов был отправлен в Советский Союз и там в конце двадцатых годов закончил Военную академию имени Фрунзе. Позднее в академии он был в течение двух лет преподавателем. В его лице Георгий Димитров нашел верного и всесторонне подготовленного соратника, которого вскоре после этого привлек к работе в Коминтерне и которому поручал ряд ответственных задач. В 1935—1937 гг. он нелегально, вместе со Станке Димитровым, находился в Болгарии, где проводил новый, Димитровский курс в нашей партии. После возвращения в Советский Союз он стал членом Заграничного бюро нашей партии. Георгий Дамя-

нов пользовался любовью и уважением всей болгарской политэмиграции. При этом он знал всех наших людей и действительно был лучше всех осведомлен в отношении того, кого и как лучше можно использовать для работы во вражеском тылу.

Группу составлять начали немедленно. К концу июня мы уточнили, кого из людей следует включить в ее состав. Люди были различных специальностей — военные инженеры, экономисты, партийные работники, журналисты, профессора. Большинство из них были с богатым революционным опытом, участниками Сентябрьского восстания, бойцами интернациональных бригад в Испании — лучшая часть болгарской политэмиграции, часть «золотого фонда» нашей партии, как в свое время сказал Васил Коларов.

На каждого члена группы мы составили краткую характеристику. В эту работу подключился и Цвятко Радойнов, который вернулся из командировки, где смог, как он рассказывал, почувствовать запах войны. Подготовленный список был представлен в Заграничное бюро партии. И был одобрен.

В конце июня приступили к вызову намеченных людей.

Каждый болгарский политэмигрант считал своим долгом, делом личной и революционной чести идти в самое опасное место боя. Некоторых из них, кто не имел необходимого опыта работы во вражеском тылу, мы не вызывали, но каким-то образом они узнали, что наши группы готовятся к отправке туда, в Болгарию, и шли сами, и не раз, настаивали, просили, умоляли принять их, чтобы встать в ряды первых, кто отправится сражаться на родную землю. Все они с трогательным волнением высказывали свои просьбы. А ведь просили только о том, чтобы им разрешили сражаться.

2

ПОДВОДНИКИ И ПАРАШЮТИСТЫ

Группы, которые в нашей истории антифашистской борьбы получили название «подводников» и «парашютистов», вначале были единым целым, и никто в Заграничном бюро не думал делить это целое с точки зрения спо-

собов доставки на родную землю. Это было так потому, что никто и не думал, как в действительности эта сотня бойцов перейдет линию фронта и окажется на месте своего назначения. Это было делом советских властей.

Между 15—18 июля 1941 года паша группа в составе около тридцати человек отправилась в Севастополь. Кроме нас троих в группу были включены товарищи: Сыби Димитров и Аврам Стоянов — испытанные партийные функционеры БКП и видные деятели политэмиграции. Нашу группу следовало перебросить в Болгарию как можно скорее. Другие группы, составленные также из людей, которые были включены в список, должны были последовать сразу же вслед за нами. Заботу об их комплектовании и направлении во вражеский тыл взял в свои руки Георгий Дамянов, в помощь которому были подключены Фердинанд Козовский, Карло Луканов, Жечо Гюмюшев, Стоян Палаузов, Йордан Кискинов и другие. Тридцать товарищей из второй группы были, как известно, переброшены в Болгарию по воздуху пятью группами. Они стали широко известны в нашей истории антифашистской борьбы как парашютисты.

Наша группа стала называться группой так называемых «подводников».

Впрочем, как я уже упоминал, вначале никто из нас, организаторов этих групп, не знал, каким образом мы доберемся до родной земли. Мы предполагали, что для этого будет использован самолет. Это был самый легкий и самый быстрый способ передвижения — несколько часов лета через линию фронта, а может быть, и через море, прыжок с парашютом в определенных пунктах и... все в порядке. За одну ночь боевая группа может оказаться в районе своей будущей деятельности.

Написанное на бумаге все выглядит и легко, и быстро. Но так это представляется только человеку, незнакомому с конкретными условиями полета и выброски во вражеском тылу. Выброска с парашютом в небольшую страну, как Болгария, где имелась густая сеть полицейского и военно-фашистского аппарата, вовсе не представлялась, мягко говоря, перспективным решением проблемы. Так, по крайней мере, думали мы втроем — Цвятко Радойнов, Христо Боев и я, и, к сожалению, наши опасения оказались верными: большинство «парашютистов», сброшенных в сентябре — октябре 1941 года на нашу территорию

с самолетов, попали в руки врага и нашли свою мученическую смерть...

Идея переброски на родной берег по морю пришла в голову Боеву и мне. Много лет назад мы вдвоем с Боевым много раз пересекали синие просторы и знали все плюсы и минусы подобного мероприятия. Разумеется, наши рейсы по Черному морю датировались очень давним временем. Сейчас было совсем другое дело — шла война. Болгарский берег тщательно охранялся немецко-фашистскими подразделениями береговой обороны — Варна, Балчик и Бургас были превращены в военно-морские базы немецкого флота и кишели гитлеровцами, которые постоянно направлялись морским путем на Восточный фронт, а на Черном море все более активизировались военно-морские силы Германии, Италии, Румынии, которые помогали операциям сухопутной армии в наступлении на Одессу — первый крупный советский порт на юге страны. Поистине положение и обстановка летом 1941 года далеко не соответствовали обстановке 1921—1924 гг. И все же...

Все же мы решили (к нам сразу же присоединился и Цвятко Радойнов), что наша группа должна добраться до цели именно морем. Это можно было осуществить с помощью любого судна — катера, моторной шхуны, парусной яхты или лодки. Мы с Боевым были уверены, что сумеем вывести доверенную нам группу на твердую землю, несмотря на все опасности. Так мы размышляли, и никто из нас и не мечтал о подводной лодке: в тот момент советский флот с огромными усилиями оборонял южную морскую границу, и каждый корабль, не говоря о подводной лодке, сейчас стоил весьма дорого.

Так мы думали и так поставили вопрос перед советскими властями в Севастополе. Советские товарищи с полным пониманием выслушали наши аргументы в пользу морского десанта. Но когда мы конкретизировали свою просьбу и попросили какое-нибудь свободное в данный момент судно, они не согласились.

— Исключено. Как вы перейдете линию фронта? С моторной лодкой мы даже в мирное время не взялись бы перебросить вас туда, тем более сейчас. Исключено.

Мы вернулись в расположение группы расстроенные. Но разумеется, никому не дали понять о возникших осложнениях, тем более что вопрос пока еще находился в стадии разрешения. И все же мы тревожились: «Отка-

зали нам в моторной лодке, даже слова не дали сказать о паруснике. Но что тогда?..»

В то время как три командира решали основные проблемы по переброске, группа уже начала усиленные занятия по боевой и специальной подготовке. Впрочем, подготовка началась с частью людей еще в Москве: там многие обучались стрельбе из различных видов оружия. После мы собрали людей в окрестностях столицы и организовали теоретические и практические занятия по минноподрывному и радиоделу, прыжкам с парашютом. Изучали обстановку и политическое положение в стране и прочее. Все это продолжалось здесь, в Севастополе. В довершение всего стали проводить усиленные тренировки в гребле, плавании, пользовании надувными десантными лодками. Несмотря ни на что, мы не теряли надежду быть переброшенными в Болгарию морем.

Занятия по минно-подрывному делу проводил инженер Васил Додев. Отличный электротехник, в недавнем прошлом главный инженер крупного московского завода, мой сотрудник по работе в 1924—1930 гг. в Вене, Васил Додев и сейчас без всяких колебаний отозвался на первый же призыв. На приеме его в нашу группу настоял я. Кроме него в группу были включены еще несколько товарищей, которых я знал лично и с которыми в недавнем прошлом выполнял различные задания: Васил Цаков Йотов, Янко Комитов, Иван Маринов, Иван Крекманов. К ним следует прибавить и двух чехословацких товарищей — *Н*-17 и Иосифа Бейдо-Байера. Это были те два прекрасных патриота-интернационалиста Чехословакии, которые в 1932 году оказали большую помощь нашей разведке и после, когда Интеллидженс сервис напала на их следы, мы их перебросили через границу. В Советском Союзе они были приняты, как братья, и сразу же получили работу по своей специальности. Ведь они были специалистами высокого класса по радиотехнике и радиотелеграфии. Когда я им предложил принять участие в нашей группе, оба сразу же согласились без всякого колебания, несмотря на то что нам предстояло сражаться в Болгарии. Они прекрасно понимали, что антифашистский фронт повсюду общий, что враг один и тот же и долг каждого интернационалиста бороться с ним. Теперь чехословацкие товарищи обучали членов группы радиоделу, а сами готовились исполнять обязанности на-

ших радистов, когда группа будет переброшена на болгарскую землю и начнет действовать.

Когда позволяло время, мы, три командира, регулярно знакомили членов группы с характером будущих наших задач, спецификой работы во вражеском тылу, тактикой партизанского боя, некоторыми основными требованиями конспирации и правилами поведения в подполье и прочее. Несколько лекций о международном положении, обстановке на фронтах и конкретной ситуации в Болгарии прочитали Христо Боев и Цвятко Радойнов. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы люди, которые завтра окажутся в условиях строгой конспирации, хотя и на родной земле, смогли всегда наиболее правильно решать любую конкретную задачу, умели скрываться от врага, избегая ненужных схваток с ним, усердно и терпеливо изучали условия, прежде чем приступить к действию, строго соблюдали бы законы революционной дисциплины, находили бы слабые стороны врага и наносили ему удары там и тогда, где и когда он их меньше всего ожидает.

Почти все члены группы являлись старыми революционерами и опытными конспираторами с небольшим или большим стажем нелегальной борьбы, смотревшие не раз смерти в глаза, сражавшиеся в партизанских отрядах или на фронтах в Испании, исполнявшие в течение многих лет всевозможные задания. Одним словом, все это были люди опытные. Можно сказать, что их подготовка фактически началась в тот далекий день, когда они впервые отозвались на призыв революционного долга.

Начало августа застало нас за лихорадочной подготовкой к отплытию. Именно к отплытию. Советские товарищи, которые всегда относились с теплым пониманием к любой нашей просьбе, и теперь не заставили себя ждать в решении стоявшей перед нами проблемы. В ответ на нашу просьбу они выделили не какое-то там суденышко, а подводную лодку! Читатель может себе представить ликование, которое наполнило наши сердца, когда они нам сообщили о своем решении. Мы не находили слов для выражения безграничной благодарности! Даже в этот грозный час советские вооруженные силы нашли возможность оказать нам помощь, выделив самое надежное и самое безопасное в тот момент транспортное средство, ко-

торое позволяло в той обстановке наиболее успешно добраться до родных берегов!

Готовясь к отплытию, мы самым тщательным образом продумали вопрос об экипировке наших людей — позаботились об одежде, обуви, оружии, личных документах. Все эти вопросы были решены своевременно: одежда и обувь были пошиты по мерке и различные для каждого человека. Этот заказ был выполнен мастерской в Симферополе. Там же сшили и ранцы, которые могли вместить запасную гражданскую одежду, белье, питание на несколько дней, боеприпасы и прочее. Решили и проблему уничтожения следов, после того как сойдем на родной берег.

Мы позаботились и о надежных личных документах: при их изготовлении, а также и при всей подготовке группы нам неоценимую помощь оказали севастопольские товарищи.

Наконец, подготовка включила и конкретное распределение людей по районам и областям, куда им следовало отправиться сразу же после высадки на берег. Здесь мы соблюдали принцип — каждый человек направляется в район, где он родился. Мы рассуждали так: любой из нас сможет легче законспирироваться среди родных, товарищей и близких людей и через них связаться с партией для организации повсеместной вооруженной борьбы. Что касается нас, троих командиров, то Георгий Димитров распорядился, чтобы мы добрались до Софии, где связались бы с Центральным Комитетом БКП и поступили в его распоряжение: Центральный Комитет должен был нам поставить конкретные задания и определить место, которое мы займем в предстоящей борьбе.

В конце июля нас разбили на три группы по десять человек. Каждый из трех командиров включил в свою группу людей, которых знал лично или которые были из одного края. В мою группу вошли: Васил Додев, Васил Цаков, Георгий Павлов-Гоню, Иван Маринов, Коста Лагадинов, Кирил Видинский, чехословацкий товарищ *Н*-17, Густав Влахов и Янко Комитов. Мы должны были отправиться первыми. Второй должна была идти группа во главе с Христо Боевым и третьей — группа во главе с Цвятко Радойновым. В последние дни группы занимались отдельно, каждая под руководством своего командира — это облегчало и ускоряло подготовку к отплытию.

В начале августа каждый час ожидали сигнала к отправке. Каждый вечер кто-нибудь из трех командиров отправлялся на машине, предоставленной в наше распоряжение, в Севастополь, чтобы согласовать действия группы с советскими властями. И разумеется, узнать, не готова ли подводная лодка к тайному рейсу.

Под вечер 4 августа, за три дня до отхода первой подводной лодки, в командирской комнате на вилле «Дельта» раздался продолжительный телефонный звонок. В этот момент я проводил занятия с моей группой, но должен был прервать их. Цвятко Радойнов, который говорил по телефону, послал за мной товарища.

— Ванко, с тобой хотят говорить товарищи из Москвы, — встретил меня он такими словами с телефонной трубкой в руке.

Телефонный вызов был из штаба бригады особого назначения. Мне приказали немедленно вернуться в Москву, взяв с собой четырех человек, которые говорят на турецком языке. Боевой приказ — тут нельзя ни спорить, ни колебаться.

Я был несказанно огорчен. Вот уже третий раз происходят со мной подобные вещи! Первый раз Васил Коларов вернул меня с варненского берега, разлучив меня с Василом Каравасилевым, и я, вместо того чтобы идти сражаться вместе со своими товарищами в Сентябрьском восстании, отправился на выполнение другого задания; второй раз была Испания, тогда я попросился поехать туда вместе с другими болгарскими товарищами сражаться на фронтах против Франко в Интернациональной бригаде, но должен был сражаться на «невидимом фронте». И вот теперь... К тому же как раз накануне отправки!.. Я уже видел в одном из заливов Севастополя нашу подводную лодку, спускался во внутрь и осмотрел ее, познакомился с ее командиром, будущим героем товарищем А. Девятко, обсудили с ним некоторые подробности высадки нашего десанта. Я уже сжился с мыслью о Болгарии так, что каждый день, каждый час, который отделял нас от момента отплытия, угнетал меня, я чувствовал, что выдержка начинает изменять мне, удивлялся рассеянности — ибо все мои чувства, все мои тревоги и радости, все мои помыслы и заботы были устремлены на запад, за синий горизонт моря, к родному берегу.

Мы собрались втроем в командирской комнате, чтобы решить внезапно возникшие проблемы. Выбрали людей, которых мне следовало взять с собой в Москву (это были Янко Комитов, Тодор Фотакиев, Георгий Павлов-Гоню и Атанас Мискетов). Перераспределили всех людей — сейчас уже в две группы, и определили, что первую группу поведет Цвятко Радойнов: Христо Боев в тот момент был болен.

В Москву мы отправились той же ночью. По-братски простились с Цвятко Радойновым и Христо Боевым. Настроение у меня было подавленное. Однако я понимал: если штаб бригады приказывает, значит, для этого, наверное, имеются достаточно серьезные основания. И все же, все же...

Первая подводная лодка ушла к родным берегам 7 августа. Группа возглавлялась Цвятко Радойновым. Вторая подводная лодка пошла к болгарскому берегу 28 августа 1941 года. На ее борту находилось девять болгарских революционеров. Группа возглавлялась Мирко Станковым из ихтиманского села Василица, бывшим бойцом отряда Кискинова, затем политэмигрантом в Советском Союзе, бойцом Интернациональной бригады (Христо Боев из-за болезни остался в Севастополе).

Благополучно высадившись на болгарский берег, двадцать три революционера приложили все усилия, чтобы добраться в назначенный им район и связаться с местными партийными организациями с тем, чтобы включиться в антифашистское движение Сопротивления. Большинство из них смогли достичь этой цели, другие были схвачены фашистской полицией. Цвятко Радойнов сумел добраться до Софии, связаться с Центральным Комитетом работавшей в глубоком подполье партии и возглавить Центральную военную комиссию. Во главе ее он находился с ноября 1941-го до 24 апреля 1942 года, до тех пор, пока полиция не арестовала его, напав с помощью провокатора на следы нелегальных функционеров партии. Цвятко Радойнов проделал огромную работу по организации и созданию единого военно-политического руководства поднимавшейся в стране всенародной антифашистской борьбой. 26 июня 1942 года восемнадцать героев, членов групп «подводников» и «парашютистов», во главе с Цвятко Радойновым нашли свою героическую смерть в туннелях стрельбища Школы офицеров запаса.

Что касается так называемых «парашютистов» (сведениями о них наша историческая и мемуарная литература очень бедна), то они направлялись в Болгарию в середине сентября до первой половины октября 1941 года. Самолеты обычно вылетали из Симферополя, перелетали Черное море и сбрасывали группы парашютистов в заранее намеченных районах. Всего групп было пять.

Известные трудности таких полетов в тыл врага, отсутствие хороших ориентиров, немецкая противовоздушная оборона, незнакомая местность — все это явилось причиной того, что группы были сброшены не в предварительно намеченных районах. Большинство бойцов нашли свою гибель вскоре после приземления на родную землю, были пойманы, осуждены и расстреляны вместе с Цвятко Радойновым. Остальные, которым удалось уцелеть, активно включились в антифашистское движение Сопротивления и внесли ценный вклад в дело окончательного разгрома немецко-фашистских оккупантов.

3

МОСКВА НЕПОБЕДИМА. БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Вернулся я в Москву в начале октября 1941 года, после двухмесячного отсутствия в Советском Союзе. В одной соседней стране нужно было выполнить вместе с группой из пяти сотрудников (среди них был и мой старый боевой товарищ по Китаю Леонид Этингон) очень сложную задачу. Этой страной являлась Турция, а наше задание было связано с настойчивыми попытками гитлеровцев и их дипломатического представителя — старого империалистического волка фон Папена — вовлечь южную соседку Советского Союза в свой агрессивный военный блок. В июле — августе 1941 года Турция, под давлением угроз со стороны Гитлера, подступившего своей военной машиной к самым Дарданеллам, готова была уже пожертвовать своим нейтралитетом. С привлечением Турции к «оси» Гитлер проектировал нанести удар по Советскому Союзу с юга, со стороны Кавказа, и оттуда добраться до бакинской нефти и донбасского угля...

Советский Союз приложил все усилия, чтобы устранить эту опасность, которая, впрочем, грозила и самой

Турции: в случае осуществления гитлеровского плана ее территория превратилась бы в арену жестоких боев, в результате которых эта страна подверглась бы ужасающему опустошению. Турция смогла удержаться перед сильным шантажом Гитлера — Папена. Угроза отсюда границам Советского Союза была устранена.

Страшная война на всем гигантском протяжении линии фронта, от Крайнего Севера до Одессы и Крыма, велась с невиданной силой. Когда я вернулся в Москву, столица находилась в боевой готовности. Пятимиллионный город, который был не просто столицей, а сердцем социалистической Родины, жил лихорадочной жизнью: все московские заводы и фабрики, перешедшие на режим военного времени, круглосуточно, с полным напряжением сил производили оружие и боеприпасы для фронта. У машин и заводских станов, доменных печей и паровых молотов, подъемных кранов, за руль тяжелых грузовых машин встали женщины. Почти все мужчины ушли на фронт. В те суровые времена советские женщины действительно проявили чудеса героизма, и никакие поэмы не в состоянии воспеть их подвиг.

Одновременно с лихорадочной работой на промышленных предприятиях москвичи (опять же главным образом женщины, старики, даже дети) и день и ночь работали на строительстве укреплений около Москвы. Никто не говорил об этом, но в душу каждого закрадывалась страшная мысль: немцы рвутся к Москве, немцы сделают все, чтобы ее захватить!..

Это было так. Это предельно ясно было видно из стратегического направления гитлеровского наступления. Хотя одновременно они наступали по всей линии фронта от Балтики до дельты Дуная, немецко-фашистские захватчики сконцентрировали основные свои силы на направлении Брест — Минск — Смоленск — Москва. Что касается Ленинграда, расположенного у самой западной границы Советского Союза, то немецко-фашистское командование ожидало, что он падет уже в первые дни войны. Так они думали и о судьбе многих других пограничных населенных пунктов и центров. Так они думали и о Бресте. Но история свидетельствует, как протекали события тогда и как советский народ, несмотря на огромное военно-техническое превосходство противника, поднялся на защиту своей земли, своей великой Советской Родины.

Ленинград не пал ни в первые дни после нападения, ни позднее, когда Гитлер обрушил на него всю свою ярость, чтобы сровнять его с землей и покорить, ни в конце войны, когда уже все надежды на юге и в центре были погребены под горами трупов. Брест был взят, но фашисты очень дорого заплатили за эту победу... Так наступал агрессор. Несмотря на огромные потери, бешено наступал, направляя свой удар на восток.

Враг продвигался на восток.

Москва была основной целью плана «Барбаросса». «Взятие этого города, — говорилось в пресловутом плане, — означает решающий успех как с политической, так и с экономической точки зрения». Гитлер считал, что с захватом столицы Советский Союз автоматически капитулирует. На эту карту он поставил все.

«Солдаты, перед вами Москва! — обратился фюрер со специальным воззванием к армиям на восточном фронте. — За два года все столицы континента преклонились перед вами, вы прошли по улицам самых красивых городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Для удара Гитлер сосредоточил огромную материальную мощь. На московское направление была нацелена группа армий «Центр» во главе с фельдмаршалом Боком. Всего для наступления на Москву гитлеровские стратеги сосредоточили 77 дивизий, из которых 14 танковых и 8 моторизованных. Это была колоссальная военная сила, которая составляла почти половину всех армий, выдвинутых на восточный фронт. На основное направление Минск — Смоленск — Москва было брошено огромное число самолетов, броневых машин, артиллерии.

Гитлер обещал принять парад своих «победоносных, покрытых лаврами величайших побед рейха» дивизий точно 7 ноября в Москве, на Красной площади, у стен Кремля. И он поклялся своему провидению, которое всегда до сих пор помогало ему, что достигнет этой цели.

В начале октября немецко-фашистские войска глубоко вклинились в пределы Советской страны и приближались к Москве. Под кованый сапог оккупанта попали вся Белоруссия, Прибалтийские республики, западные области России, значительная часть Украины. Пал и

Смоленск, искони считавшийся «воротами» Москвы. После страшных кровопролитных боев в руках врага оказались Витебск, Вязьма, Можайск, Малоярославец. Чудовищная немецко-фашистская военная машина оказалась перед Москвой. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение. Город стал фронтом. Мир, затаив дыхание, следил, не перестанет ли биться великое сердце Советского Союза.

Сразу по прибытии в Москву я явился на доклад в штаб бригады, а затем к Георгию Димитрову. Коминтерн находился еще в Москве, но готовился к предстоящей эвакуации: упаковывались архивы, документы, и уже первые партии людей были отправлены в Уфу и Куйбышев, чтобы подготовить переезд туда остальных работников. Но Димитров еще находился в Москве. В Москве были и его соратники по Заграничному бюро партии — Васил Коларов, Станке Димитров, Георгий Дамянов. Когда Димитров пригласил меня в свой кабинет, там находился Георгий Дамянов.

— Хорошо, что прибыл, Ванко, — встретил меня Димитров. — Хорошо, что вовремя вернулся... Как раз сейчас мы размышляли об интернациональном полке бригады... Мы ожидали твоего возвращения, чтобы направить тебя туда комиссаром. Уже договорились об этом с товарищами из штаба бригады. Сам-то ты не возражаешь против этого?

Читатель уже знает, что была бригада особого назначения, которая начала формироваться в период создания болгарских групп «подводников» и «парашютистов» (они входили в состав бригады), а интернациональный полк был в тот момент одним из двух полков бригады, в котором сосредоточивались все наличные в то время кадры политэмиграции в Советском Союзе. Статут бригады, она называлась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения, мне был известен еще в первые дни ее формирования.

Разговор продолжался.

— Ты, наверное, знаешь о своих товарищах, отправившихся на подводных лодках, Ванко, — сказал Димитров. — Некоторые из них, к сожалению, попали в руки полиции...

Об аресте некоторых из наших людей, ушедших на подводной лодке, я прочитал еще в Турции: турецкие газеты, перепечатывая сообщения немецкого телеграфного агентства, широко раструбили об этой новости.

— А есть ли убитые среди наших? — спросил я.

— Полиция не сообщила об этом. Если бы имелись, то, наверное, похвалились бы. Как, например, сообщили об убитых наших людях из группы Груди Филипова... Самолет по ошибке сбросил их не в Старозагорском округе, а около города Добрич... Они дрались до последнего патрона.

Мы сидели втроем молча, думая о погибших. Димитров выглядел неважно. Волосы у висков сильно поседели, кожа на лице была бледной, и синие вены на его высоком открытом лбу сильно бросались в глаза. Коминтерн, во главе которого он стоял, должен был в этот грозный час выполнять тяжелые и исключительно важные задачи: поднять на борьбу весь мировой пролетариат, все коммунистические партии, все народы в тылу немецко-фашистских захватчиков. От победы над агрессором зависела завтрашняя победа мировой социалистической революции, зависела судьба человечества.

Интернациональный полк бригады особого назначения первоначально насчитывал в своем составе немногим менее тысячи бойцов. Почти треть его состава — около трехсот человек — были испанские коммунисты, покинувшие свою родину после разгрома республики. Остальные: чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, болгары, итальянцы, немцы, шесть вьетнамцев, французы, финны. Все они были политэмигрантами. Имелось и несколько англичан, членов английской Коммунистической партии, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по партийным делам. Австрийцев также было много, по численности они были вторыми после испанцев. В своем большинстве это были шутцбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 года и второго Венского восстания 1934 года, которые были подавлены огнем и мечом австрийской реакции.

Состав полка не был постоянным. Руководители различных коммунистических партий, которые в то время находились в Москве (Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури,

Копleниг, Клемент Готвальд, Гарри Поллит и другие), делали все возможное, чтобы собрать находившихся в силу различных причин по всему Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов здесь, в Москве.

Болгар, которые числились в составе бригады особого назначения, было более сотни человек. Как я уже указывал, это были не только группы, которые забросили в Болгарию на подводных лодках и самолетах. Кроме них в Подмосковье и Крыму, до его оккупации, обучалось еще около шестидесяти болгарских политэмигрантов, которые в любой момент были готовы отправиться с боевым поручением в тыл врага. Кроме них в интернациональный полк были зачислены еще пятнадцать политэмигрантов и партийных деятелей, а также более молодые люди, сыновья и дочери старых ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие здесь свое образование. Это были Георгий Павлов-Гоню, Петко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Стоилов, Илия Денев, Иван Крекманов, доктор Вера Павлова — дочь старого партийного функционера и теоретика Тодора Павлова, Вихра Атанасова, Анна Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова — Огнян и Кремен, дочь Георгицы Карастояновой — Лилия, сын Ивана Пашова — Жорж, дочь Георгия Дамянова — Роза и другие.

Второй полк бригады особого назначения был укомплектован из московских партийных и комсомольских работников, а также и из членов московского спортивного общества «Динамо». Эта боевая единица располагала высокоподготовленным в военном и политическом отношении личным составом, способным выполнить специальные задания, которые на него возлагала Советская власть.

Первоначально бригада особого назначения участвовала в обороне Москвы. Позднее, после изменения обстановки на фронте, были изменены и ее задачи. Бригада была увеличена численно и превратилась в одну из главных баз по подготовке и засылке во вражеский тыл разведывательных и диверсионных групп, в центр по координации, оказанию помощи и организации развернувшегося мощного партизанского движения на оккупированной территории.

Но, повторяю, в октябре — ноябре 1941 года бригада имела только одну-единственную задачу — оборону Москвы.

Бригада особого назначения быстро, в предельно короткие сроки, была укомплектована и вооружена. Командиром был назначен полковник М. Ф. Орлов из пограничных войск (старый большевик, участник гражданской войны), комиссаром — подполковник Ф. И. Седловский. Командиром интернационального полка стал В. В. Гриднев, а комиссаром — я.

Размещенные в Москве полки бригады особого назначения немедленно начали усиленное, продолжавшееся почти круглые сутки обучение.

Страшная угроза немецко-фашистского наступления возникла в ноябре 1941 года. Москва переживала кошмарные дни. Немцы двигались огромной тысячекилометровой дугой от юго-запада до северо-запада на тульском, малоярославском, можайском и волоколамском направлениях, ведущих к столице. Советская Армия отступала, но отдавала каждую пядь земли после ожесточенных боев, которые стоили врагу огромных потерь в живой силе и технике. Однако, несмотря на все это, враг продвигался вперед. К Москве стекались нескончаемые потоки женщин, стариков, детей, которые не хотели жить под немецкой оккупацией. Человеческие лавины запрудили шоссе, железнодорожные линии, затрудняли снабжение фронта пополнением, боеприпасами, продовольствием.

Усложняла положение и немецкая авиация. «Юнкерсы», «фокке-вульфы», «мессершмитты» день и ночь кружились в воздушных просторах предместий Москвы и оглашали фронт пулеметной стрельбой и глухими взрывами бомб. Объектом нападений были не только военные укрепления, заводы, железные дороги, мосты, шоссе. С каким-то особенным, садистским наслаждением фашистские летчики направляли пулеметы против женщин и детей. Фашистские самолеты летали над этими «объектами» до тех пор, пока у них не кончались боеприпасы...

Самолеты противника прорывались и в небо Москвы. К счастью, жертв было мало. Население города имело надежные укрытия от воздушных пиратов. Глубокие подземные станции метро были неуязвимы для любого калибра бомб. И часто вечером можно было наблюдать, как целые семьи женщин, стариков и детей, взвалив на плечи багаж с необходимыми вещами и едой, направлялись к спасительным станциям метро.

Впрочем, в это время метро приютило и многие штабы армейских частей и некоторые неэвакуированные центральные ведомства, которые были связаны с обороной Москвы. На одной из подземных станций метро, на «Кировской», работал и Генеральный штаб Красной Армии. Там же был оборудован и кабинет Верховного Главнокомандующего, Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Генеральный штаб был переведен туда после прямого попадания бомбы, которая разрушила часть главного здания штаба. Но никто не видел, чтобы в подземный кабинет спускался Верховный Главнокомандующий. Военные коллеги рассказывали, что он продолжал работать и принимать доклады у себя в кабинете в Кремле. Считаю, что излишне говорить о том, какое огромное значение для поддержания духа и самообладания народа имело присутствие в Москве Председателя Государственного Комитета Обороны.

Свое генеральное наступление на Москву немецко-фашистские войска предприняли, как известно, еще 30 сентября, и для Советских Вооруженных Сил, для Москвы весь октябрь был месяцем тяжелого испытания. Ценой огромных потерь враг смог прорваться через оборонительные укрепления советской столицы и на отдельных участках фронта приблизиться непосредственно к Москве. Гитлер заявил, что его войска рассматривают в бинокль башни Кремля. И назвал не только день, но даже час, когда Москва падет.

Москва сражалась не на жизнь, а на смерть. Слова: «Россия большая, но отступать некуда — за нами Москва» — были словами подлинных солдат революции.

Фронт бригады особого назначения был невелик. Из нескольких сот километров (от Тулы на юге до Калинина на севере) это был только небольшой отрезок. Но этот «отрезок» включал часть самой Москвы. Передовая линия фронта проходила у подмосковных деревень Химки и Бабушкино, а тыл упирался в стены Кремля. В нашу полосу входил Большой театр, Дом Союзов и все государственные и общественные здания в направлении на запад, по Ленинградскому шоссе. Согласно установленной практике штаб любой армейской единицы размещается там, где расположены и ее силы. Так вот штаб

бригады особого назначения размещался одно время в Доме Союзов.

В течение всего октября, когда началась генеральная битва за Москву, наша бригада приложила неимоверные усилия по подготовке укреплений на вверенном ей участке фронта. Глубоко эшелонированный фронт должен был превратиться в неуязвимую для врага оборону. На помощь бригаде пришла часть славного Московского ополчения, а также женщины, ребята, пенсионеры, старые ветераны партии и активисты комсомола. Наряду с ними работали и мы — день и ночь, не теряя ни часа, ни минуты. Мы работали под гул орудийных раскатов приближавшегося фронта, который, как огромная огнённая лавина, по ночам озарял западную часть горизонта, наполняя всех тревогой. Мы работали под разрывами бомб, которые немецкие бомбардировщики сбрасывали бесприцельно над городом. Мы копали окопы, создавали минные поля, ставили противотанковые ежи, строили блиндажи и укрытия для пехоты, проводили телефонную связь. И не только это. Допуская, что враг может проникнуть в Москву, мы подготавливали к обороне чуть ли не каждое здание в нашей полосе до Садового кольца — за каждый дом, за каждую комнату и коридор мы были готовы сражаться до последней капли крови. На улицах Москвы построили баррикады.

Одновременно со строительством укреплений на вверенном нам участке фронта мы ускоренным темпом подготавливали личный состав бригады для выполнения специальных заданий. Мы были призваны сражаться не только как обыкновенная армейская единица, лицом к лицу с врагом, но имели в то же время задание организовать фронт и в его тылу. Просачиваться во вражеский тыл небольшими группами, чтобы наносить внезапные и неожиданные удары по штабам и центрам связи врага, взрывать мосты, железнодорожные составы с живой силой и техникой, сжигать склады с продовольствием и боеприпасами, минировать дороги и здания, где враг может разместить свои командные пункты, вести разведку...

Специальные задания, которые бригада получила от командования, фактически были заданиями вести активную, наступательную партизанскую войну.

4

7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. В НАСТУПЛЕНИЕ

Множество событий и конфликтов, войн и сражений пережил я за свою жизнь, но военный парад 7 ноября 1941 года у стен Кремля превзошел по своей исключительности все.

Читатель, наверное, знает об этом параде. По сравнению с военными парадами прошлых лет ноябрьский парад 1941 года произвел потрясающее впечатление на весь советский народ, его Вооруженные Силы. И мне кажется, что этот парад сыграл большую роль в закалке духа, подъеме боеспособности, укреплении решимости защищать свою землю и дать отпор захватчику. В этом историческом параде участвовала и наша бригада.

Торжественное собрание по случаю годовщины Октябрьской революции состоялось, как это уже стало традицией в течение более двух десятилетий, вечером 6 ноября. На этот раз, по вполне понятным причинам, оно проходило не в зале Большого театра, как до сих пор, а на станции метро «Маяковская». Огромный, ярко освещенный зал станции был заполнен тысячами людей, собравшихся здесь, чтобы отметить очередную годовщину революции.

«Будет ли парад 7 ноября?» — спрашивали себя мы, военные, и никто из нас не сомневался в том, что на этот раз парад и демонстрация московских трудящихся не состоится: скопление больших масс воинских частей, боевой техники, демонстрантов всего лишь в 25—30 километрах от линии фронта явилось бы ненужным риском — гитлеровская авиация могла долететь до Кремля буквально в считанные минуты и превратить праздничный парад в парад смерти... Так думали мы, и никто из нас не связывал обучение отдельных войсковых соединений и их строевую подготовку с предстоящим праздником.

Однако рано утром 7 ноября мы получили секретный приказ командующего войсками Московского военного округа П. А. Артемьева немедленно выделить несколько лучше всего подготовленных в строевом отношении подразделений для военного парада на Красной площади. Выделенным подразделениям надлежало явиться в пол-

ном боевом вооружении в назначенный пункт, где они без всякого промедления включатся в точно определенное время в колонны парада и после прохождения по Красной площади, не теряя времени, снова вернутся на свои боевые позиции. Штабу бригады предписывалось направить на трибуны для официальных лиц нескольких своих командиров.

В тот день Москва была скована суровым холодом, снег покрыл все и скрипел под сапогами, выдыхаемый воздух превращался в густые облачка пара. Небо низко нависло над городом, и вскоре крупными хлопьями повалил снег.

Мы вывели три роты с боевых позиций и в полном вооружении, во главе с командирами направились к назначенным им пунктам. Несколько старших командиров из штаба бригады поднялись на трибуны Красной площади. И все же не могли поверить, что действительно будет парад. Все с опаской посматривали на горизонт в сторону запада, прислушивались — ведь в любое мгновение могли появиться вражеские самолеты...

Парад состоялся. В утренний час по традиции начались торжества, с точностью минута в минуту на трибуне Мавзолея В. И. Ленина появились руководители партии и правительства во главе с Верховным Главнокомандующим. Руководитель Советского правительства произнес приветственную речь. Голос его звучал спокойно, уверенно, а слова, которые он произносил, пронизывали, как электрический ток.

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, — обратился Сталин к Вооруженным Силам Советского государства. — На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!..»

С Красной площади речь Верховного Главнокомандующего транслировалась по радио по всем городам, областям и республикам Советского Союза, звучала из громкоговорителей на улицах столицы, передавалась во всех подразделениях, частях и соединениях огромного фронта. Ее слушал весь советский народ.

После выступления Верховного Главнокомандующего начался парад Вооруженных Сил.

В отличие от прошлых лет, он не был открыт пролетающими над площадью самолетами: сейчас они охраняли вместе с противовоздушными аэростатами и зенитными батареями небо над Москвой так, что даже ни один вражеский самолет не сумел помешать этому небывалому параду.

Тот памятный парад имел еще одну особенность: всегда до сих пор войска проходили торжественным маршем от западной стороны площади к восточной, по направлению к храму Василия Блаженного. Теперь было наоборот. Колонны двигались с востока, обтекали с двух сторон величественный храм, соединялись, затем проходили перед Мавзолеем В. И. Ленина и шли прямо на запад по направлению к фронту.

Я наблюдал за лицами проходящих солдат и командиров, одетых в серые шинели. Они казались окаменелыми. Это были лица солдат, готовых остановить своими телами железный поток захватчика, солдат, для которых была только одна любовь — Родина, и только одно стремление — победа...

Прошли и наши роты. Одетые в маскировочные белые халаты и белые полушубки, с автоматами на одном плече и лыжами на другом, они прошли перед трибунами четким строем. Богатыри! Как много из них последний раз проходили по гранитной мостовой площади, как много из них сложили свои головы на подступах к Москве, достойно выполнив свой долг перед матерью-Родиной...

Вдруг по площади словно вихрем пронеслись восхищенные возгласы: «Идут, идут, идут...»

Шли славные сибирские дивизии.

Одетые в полушубки, прекрасно вооруженные, свежие пополнения из армий, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, сотрясали Красную площадь своим решительным шагом. Эти богатыри шли как раз вовремя, именно сейчас и здесь они были нужны, и в этот час их появление на беззаветно сражавшемся фронте явилось поддержкой, которая неимоверно увеличивала веру в победу.

Читатель, наверное, знает, что переброска сибирских дивизий из Приморья, Забайкалья и Хабаровского края в октябре — ноябре 1941 года, которые сыграли решающую роль в исходе Московской битвы, была связана с подвигом советского военного разведчика Рихарда Зорге. Работая тогда в Токио и обладая хорошими связями в по-

сольстве гитлеровской Германии, Рихард Зорге — Рамзай своевременно разузнал и сообщил в центр еще в июле 1941 года, что Япония не намеревается вмешиваться в войну против Советского Союза до тех пор, пока не наступят «благоприятные времена». Япония хорошо помнит поражение у озера Хасан и на реке Халхин-Гол и второй раз не желает испытывать судьбу. Внимание и интерес Японии направлены на Юго-Восточную Азию и колонии США и Англии в Тихом океане. Квантунская армия предназначена пока для действий в Китае. Япония усиленно готовится к войне на Тихом океане... В последней телеграмме Рамзая, переданной 25 сентября 1941 года, говорилось, что после сентября советский Дальний Восток можно считать гарантированным от опасности нападения со стороны Японии.

И вот сейчас сибирские дивизии, только что разгрузившиеся с железнодорожных составов, шли по улицам Москвы. Они прошли мужественной поступью перед руководителями страны и оттуда сразу же отправились на фронт. Гремели гусеницы мощных танков, огромные колеса артиллерийских орудий, шумели моторы тяжелых транспортеров и грузовиков, а вороненые стволы автоматов поблескивали.

Блицкриг гитлеровского вермахта здесь, под стенами Москвы, потерпел свое первое жестокое поражение. Здесь было уничтожено около полумиллиона отборных немецко-фашистских солдат. Но самое главное, здесь был развеян миф о непобедимости немецкого оружия, и это явилось самой большой победой.

Обескураженный и разъяренный поражением под Москвой, Гитлер, обещавший всему миру принять парад «своих победоносных войск» на Красной площади, теперь обрушивал свой дикий гнев на головы незадачливых генералов. После поражения под Москвой он уволил или понизил в должности 35 генералов, командовавших различными войсковыми соединениями на фронте под Москвой. Среди наказанных оказался командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок, командующие армиями Гудериан, Гёпнер и Штраус. Был снят со своего поста и сам главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал фон Браухич.

Но не генералы были повинны в поражении. Под Москвой столкнулись две стратегии, две политики. И в этом

поединке советская военная стратегия, советский общественный строй нанесли тяжелое, суровое, но заслуженное поражение стратегии блицкрига, политики агрессии, человеконенавистническому фашистскому строю.

Победоносное завершение битвы под Москвой для нас, бойцов бригады особого назначения, открывало начало второй части наших задач — разведывательных, диверсионных и партизанских действий в тылу врага.

Впрочем, мы начали наносить свои удары во вражеском тылу еще в самый разгар битвы под Москвой. В то время как некоторые подразделения бригады грудью отстаивали вверенный им участок фронта, другие предпринимали свои дерзкие налеты на противника в его тылу. Это задание главным образом выполняли спортсмены бригады.

О них хочется написать самые теплые слова. Их подвиги в те годы широко разнесли славу бригады особого назначения.

Спортсменов в бригаде насчитывалось несколько тысяч. Это были воспитанники спортивного общества «Динамо», а также студенты и преподаватели Московского центрального института физической культуры. Среди спортсменов «Динамо» были велосипедисты, легкоатлеты, боксеры, конькобежцы, футболисты, штангисты, мотоциклисты, пловцы, парашютисты, любители-пилоты и радисты, снайперы, гребцы и главным образом лыжники. Все это были молодые люди, которых Генеральный штаб нашел целесообразным сосредоточить в нашей бригаде, чтобы использовать их самым эффективным образом. Студенты и преподаватели Центрального института физической культуры влились в бригаду в качестве добровольцев, отозвавшихся на призыв партии и комсомола встать на защиту Москвы. Среди спортсменов и добровольцев-студентов было немало известных имен мастеров спорта, рекордсменов, любимцев советской молодежи. У нас были, например, братья Серафим и Георгий Знаменские, Лев Темурян, Николай Шатов, Любовь Кунакова, Николай Королев, Алексей Долгоушек, Виктор Зайпольд, Георгий Иванов, Илья Давыдов, Борис Галушкин, Евгений Иванов, Борис Грачёв, Павел Маркин, Валентина Гончаренко и многие другие.

Воплотившие в себе самые лучшие качества советского человека, бесстрашные, самоотверженные, прекрасно зака-

ленные физически, беспредельно преданные своей Родине и революции, эти молодые люди показали в ходе самых суровых боев за Москву образцы беспримерного героизма, высокого воинского умения, несокрушимой выдержки. Сколько раз их боевые группы, одетые в белые маскхалаты, отправлялись по ночам, бесшумно скользя на лыжах, в смелые многокилометровые походы по тылам врага, ведя разведку, уничтожая его боевую технику, сея панику в его рядах, взрывая мосты, минируя шоссейные и железные дороги... На себе эти храбрецы несли автомат, боеприпасы и немного провизии. Они уходили молча, под гром артиллерийского огня и воздушных бомбардировок... И возвращались через день или два. Возвращались далеко не все. Опасные задания неизбежно стоили жизни многим из них. Но смерть была везде, она, казалось, уже никого не пугала. Сама мысль о возможном поражении была страшнее смерти. А на следующую ночь уцелевшие, вместе с новым пополнением, снова уходили в тыл оккупантам, все так же тихо скользя на лыжах, скрывались в темной ночи, неся автоматы, взрывчатку и свое мужество. То несравнимое мужество этого народа, которое принесло победу...

Погибли многие.

Погибли братья Серафим и Георгий Знаменские, Борис Галущкин, Лев Темурян и десятки других прекрасных советских спортсменов-патриотов, воспитанников Института физической культуры и его преподаватели. Сейчас в Советском Союзе ежегодно проводится легкоатлетический турнир имени братьев Знаменских, стал традиционным и майский кросс имени Бориса Галушкина...

У стен Кремля, где покоятся останки неизвестного солдата, погибшего при защите Москвы, на надгробном камне у вечно горящего огня выбиты слова: «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Эти слова прославляют подвиг и бойцов бригады особого назначения.

Трудно писать без волнения о храбрости и подвиге иностранных политэмигрантов, которые в те грозные годы отстаивали грудью стены Москвы. Они знали, что поражение великой Советской страны будет означать поражение и революционного движения. Они сознавали, что победа будущей мировой коммунистической революции немыс-

лима без победы над гитлеровским фашизмом. И они сражались самоотверженно, рискуя своей жизнью. Многие из них погибли. Среди них был и сын Долорес Ибаррури, которого мужественная мать направила добровольцем к нам в бригаду. Он погиб под Сталинградом. Погибло еще много товарищей, прославившихся в бесчисленных классовых битвах интернационалистов. Испанские коммунисты, бывшие защитники Мадрида, сейчас защищали с тем же мужеством Москву, словно она была Мадридом, словно позади них была Испания... Настоящими героями были и австрийские шутцбундовцы, многие из которых здесь тоже пролили свою кровь. Героически сражались и все остальные интернационалисты полка. Здесь, на подступах к Москве, снова — и в который раз! — была скреплена совместно пролитой кровью великая интернациональная солидарность. В течение всего времени битвы за Москву в интернациональный полк постоянно приезжали Долорес Ибаррури, Вильгельм Пик, Иоганн Коплениг — генеральный секретарь австрийской Компартии и другие. Они живо интересовались, как сражаются их соотечественники, проводили беседы, выступали с информациями, укрепляли боевой дух бойцов. Регулярно раз в неделю я являлся на доклад в Коминтерн, к Георгию Димитрову: он уделял много внимания и заботы интернациональному полку. И вся наша бригада была также на особом счету у советских людей. Часто к нам приезжали с докладами Эренбург, Фадеев, Катаев, Симонов и другие.

После января 1942 года бригада особого назначения перешла, говоря военным языком, к выполнению своих специальных заданий. В тыл врага, уже отброшенного на сотни километров на запад, мы начали отправлять боевые и партизанские группы, командиров, политических комиссаров, инструкторов по радио и минно-подрывному делу, врачей, связных, оружейных техников... На оккупированной территории разгорелась гигантская партизанская война. Призыв Советского правительства «зажечь землю под ногами оккупанта» поднял на борьбу огромное число настоящих патриотов. Партизанами становились попавшие в окружение отдельные бойцы и целые воинские части, рабочие и колхозники, женщины и старики, юноши и девушки, которые не могли спокойно видеть, как враг топчет

кованым сапогом священную советскую землю. В начале 1942 года партизанская армия охватила своими активными наступательными действиями все без исключения оккупированные районы страны — Белоруссию, Украину, Прибалтийские республики, оккупированные области РСФСР до Смоленска, весь Крымский полуостров, Молдавию. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Только теперь, после первого контрудара под Москвой и развернувшейся партизанской войны, фашистский агрессор понял всю страшную, могучую, непобедимую силу этого народа... А врагу предстояли еще новые, страшные уроки — Сталинградская битва, катастрофический разгром на Курской дуге, после которой для него уже не оставалось никакой альтернативы, кроме отступления до полной гибели...

На новом этапе войны бригада всеми средствами помогала организовать разбросанные и оторванные, оставшиеся без связи с командованием партизанские группы, привести их в боевую готовность, вооружить и поставить под единое руководство партизанской армии. Разумеется, четыре полка бригады (из двух стало четыре в самом ходе битвы под Москвой) не в состоянии были сами охватить все это, ведь партизанская армия насчитывала сотни тысяч бойцов, а партизанских отрядов было несколько тысяч, да еще в тылу оккупантов действовали тысячи других нелегальных боевых групп, они, по существу, были во всех оккупированных городах, поселках и деревнях. Ввиду этого по распоряжению Генерального штаба подобной деятельностью занимались и другие специальные соединения. Таким образом, в результате всей огромной организаторской работы, партизанская армия превратилась в единый боевой организм, способный выполнять оперативно-тактические и стратегические задачи Генерального штаба, нарушать пути сообщения в тылу врага, взрывать железнодорожные линии, минировать мосты и дороги, уничтожать склады с продовольствием, боеприпасами, уничтожать его живую силу и боевую технику, вести разведку передвижения и концентрации вражеских соединений и своевременно информировать об этом командование Красной Армии. Партизанские соединения внесли свой немалый вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

После героической битвы под Москвой спортсмены, механики, оружейники, стрелки, врачи, радисты и все остальные бойцы бригады регулярно летали за линию фронта.

В Москве оставались только штабные офицеры (при этом не все), связисты, которые должны были поддерживать связь с сотнями партизанских отрядов во вражеском тылу, автомеханики, интенданты. Штаб старался в любой момент знать о местонахождении партизанских отрядов, их боеготовности, вооружении, численном составе. Их боевые действия мы уточняли с главным командованием, и они почти всегда согласовывались с общими боевыми действиями на фронтах. Почти все партизанские отряды имели радиостанции и радистов, которых мы им направляли: у нас имелись коды и шифры, с помощью которых мы осуществляли регулярную радиосвязь. По радио партизанские отряды сообщали о скоплении немецких частей в том или другом направлении, вновь прибывших эшелонах с войсками, запрашивали в случае нужды оружие, боеприпасы, медикаменты, получали конкретные боевые задания. Оружие и боеприпасы направлялись самолетами, которые сбрасывали их на парашютах. Таким же образом забрасывали во вражеский тыл и людей — инструкторов, врачей, корреспондентов и других. Когда позволяли условия, наши самолеты садились на партизанской территории, чтобы оставить людей или груз и взять на борт тяжело раненных партизан, нуждающихся в госпитализации, или вернуть обратно на базу бригады людей, выполнивших во вражеском тылу свое очередное задание. В тыл врага, наконец, направляли группы по нескольку десятков человек, которые должны были составлять там ядро будущих партизанских формирований. Одна из наших групп во главе с майором М. С. Прудниковым, заброшенная в леса Белоруссии, переросла в один из смелых партизанских отрядов, который блестяще выполнил ряд боевых заданий. За беспримерное мужество, проявленное в боях, многие партизаны этого отряда во главе с командиром М. С. Прудниковым были удостоены звания Героя Советского Союза и награждены орденами и медалями.

В тыл отправлялись не только бойцы, но и офицеры бригады. Во вражеский тыл был заброшен на некоторое время даже сам командир бригады особого назначения полковник М. Ф. Орлов.

В тылу противника, разумеется, побывал и я. Нужно было на месте проверять выполнение некоторых специальных заданий, оказывать помощь вновь сформированным партизанским отрядам и прочее.

Наравне с советскими воинами, которые вели партизанскую борьбу в тылу, участвовали и бойцы интернационального полка бригады. Постепенно наш полк начал осуществлять особые задания: всесторонне подготовленные и отлично вооруженные группы, составленные из людей одной национальности, начали отправлять на самолетах в их оккупированные гитлеровцами страны — Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию, Австрию, Югославию и даже в Германию. Там, в своих странах, эти группы должны были помочь партизанской и диверсионной деятельности антифашистов. Первыми с подобной задачей, как я уже рассказывал, отправились болгарские группы «подводников» и «парашютистов». В декабре 1941 года и январе 1942 года сбросили на парашютах около Варшавы несколько групп поляков. За ними последовала заброска югославов, чехословаков, австрийцев, румын, венгров... Не все из них смогли добраться до родной земли: некоторые самолеты были сбиты вражескими истребителями или огнем зенитных батарей, другая часть этих смелых антифашистов позднее погибла в схватках с врагом. Но конечно, многие из них остались живы и встретили победу над фашистской Германией с заслуженными почестями.

Заканчивая свой рассказ о бригаде, я обязан сказать и о болгарских интернационалистах (кроме тех, которые отправились на родину на подводных лодках и самолетах), входивших в ее состав. Это была прежде всего комсомолка Лилия Карастоянова, которая из нашей бригады была заброшена на самолете во вражеский тыл в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда». Дочь видных деятелей Болгарской коммунистической партии — Александра и Георгицы Карастояновых — Лилия погибла при выполнении опасной операции. Нужно вспомнить и о герое-партизане Асене Драганове, пришедшем в бригаду добровольцем. Он погиб в глубоком гитлеровском тылу при выполнении разведывательного задания. Следует вспомнить и о Жорже Пашеве, который тоже пришел в бригаду добровольцем. За четыре года до этого его старший брат Карл погиб, сражаясь добровольцем в Испании. Жорж погиб смертью героя в боях за Смоленск. Нужно вспомнить и о сыновьях старого партийного деятеля Георгия Михайлова — Кремене и Огняне. В октябре 1941 года, в самых жестоких боях под Москвой, они были ранены и остались инвалидами. Следует вспомнить и о подвиге до-

чери ветерана партии Тодора Павлова — враче Вере Давидовой (Павловой). Много раз ее отправляли самолетом в тыл врага. С риском для жизни она в тяжелых полевых условиях сделала сотни операций, спасая от смерти партизан, раненных в боях с фашистами. Нужно вспомнить, наконец, и о дочери старого партийного деятеля из города Русе Александра Атанасова — Вихре, которая в течение всех дней боев за Москву, в обороне и контрнаступлении была санитаркой, бойцом и разведчиком. В числе бойцов бригады особого назначения была и группа болгарского революционера Жечо Гюмюшева, моего боевого друга еще с начала двадцатых годов, бывшего смелого военного разведчика на Дальнем Востоке, талантливого инженера, участника гражданской войны в Испании, одного из руководителей групп «парашютистов», которым осенью 1941 года Георгий Димитров запретил вылет в Болгарию после неудач с заброшенными туда группами. В начале марта 1944 года группа Жечо Гюмюшева, состоящая из пяти болгарских коммунистов и двух югославов, была направлена на свободную партизанскую территорию в Югославию, откуда она должна была перебраться на родину. Но над Карпатами самолет, попавший в снежную бурю, обледенел, потерял ориентировку, контроль над управлением и врезался в какую-то горную вершину. Когда нам сообщили об этом из советского радиопункта, который держал связь с самолетом до последнего момента, мы были потрясены...

Доблестно сражались в бригаде особого назначения и все остальные болгарские интернационалисты. Они достойно защитили честь нашего народа и нашей героической Коммунистической партии. И почти все были награждены Советским правительством орденами и медалями.

5

В ГРУППЕ СТАНКЕ ДИМИТРОВА — МАРЕКА. САМОЛЕТОМ К ЮГОСЛАВСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Февраль 1944 года. Великая Отечественная война шла к своему победоносному концу. Если после битвы под Москвой противник все еще лелеял какие-то надежды и рассчитывал «поправить» свои дела и восстановить потерянный военный престиж, то после Сталинградской битвы, и особенно после разгрома на Курской дуге, стало очевид-

но — он шел к поражению. В конце февраля 1944 года Вооруженные Силы Советского Союза одержали новую победу — после жестокой трехлетней блокады был освобожден Ленинград, и по всему фронту, от Прибалтики до Одессы, наши войска перешли в неудержимое наступление. Огненный вал войны все так же катился со страшной силой, но теперь уже в обратном направлении, а конечной целью, указываемой на стволах орудий и броне танков, был Берлин! Берлин — именно туда нужно было загнать и там уничтожить немецко-фашистского захватчика.

Начало 1944 года внесло специфические изменения и в политическое положение Болгарии. Монархо-фашистская камарилья впала в панику после гитлеровского поражения на восточном фронте. Паника усиливалась и в связи с изменениями, произошедшими на юге Европы — Апеннинский полуостров внезапно, будто перезревший плод, отпал от пресловутой «оси» Рим — Берлин: после высадки англо-американских войск на полуостров Италия капитулировала.

С начала 1944 года война постучалась, нет, забила кулаками и в дверь монархо-фашистской Болгарии: из символической она вдруг превратилась в жестокую реальность. Англо-американские военно-воздушные силы подвергли массированной бомбардировке Софию и некоторые другие более крупные города. Под развалинами домов погибли десятки тысяч жителей столицы, доверившихся «немецкому защитному зонту» над Софией: столица охранялась лишь несколькими десятками болгарских «мессершмиттов» и четырьмя зенитными батареями, которые оказались беспомощными перед огромными воздушными армадами «летающих крепостей», эскортируемых сотнями скоростных истребителей...

Народ платил кровью за продажность и преступное безумие своих правителей.

Впрочем, эти бомбардировки мирных городов не вызывались абсолютно никакими военно-стратегическими соображениями: англо-американская военщина фактически совершила предумышленное массовое убийство мирного и беззащитного болгарского населения.

Буржуазия и правители лихорадочно предпринимали политические комбинации, балансируя на грани пропасти. «Смена курса» для буржуазии означала попытку перебраться с уже явно гибнущего корабля гитлеровской Гер-

мании на более надежный корабль англо-американского империализма: на смену старому предательству интересов народа они готовили новое...

1 июня 1944 года был составлен кабинет во главе со старым царедворцем, бывшим деятелем правого крыла БЗНС, верным слугой реакционных сил Иваном Багряновым. Буржуазия поручила ему сложную двойственную игру — подружиться одновременно с гитлеровской Германией и Западом. Таким образом, болгарская буржуазия стремилась полумерой изменить своему вчерашнему «вечному» союзу с Гитлером, не поступаясь ни в малейшей степени своими классовыми интересами...

Георгий Димитров и Заграничное бюро партии внимательно следили за малейшими изменениями во внешнеполитическом курсе страны, каждым новым шагом правящих монархо-фашистских кругов, которые отчаянно искали политический выход из тупика. Еще в марте — апреле, когда в парламенте начались дебаты в отношении смены правительства, Димитров предвидел, что буржуазия непременно сменит, хотя только и призрачно, цвет своего политического знамени. И опасался, как бы новым политиканам не удалось путем демагогии и двуличия ввести в заблуждение некоторые слои населения.

Опасения Георгия Димитрова были основательными. Имелась опасность, что политической демагогии и двуличию могут поддаться и некоторые деятели партии внутри страны. Подняв народ на всеобщую, бескомпромиссную борьбу против монархо-фашистской тирании, партия в начале 1944 года чувствовала острую нужду в руководящих кадрах. Прошедшие годы ожесточенной борьбы вырвали из ее рядов многих прекрасных руководителей. В июле 1942 года в туннелях Школы офицеров запаса были расстреляны Антон Иванов — уполномоченный Заграничного бюро, Цвятко Радойнов — руководитель Военной комиссии ЦК, его первые помощники Никола Вапцаров, Атанас Романов, Антон Попов. В Пловдиве, также летом 1942 года, была повешена группа революционеров вместе с членом ЦК Петром Ченгеловым. В то же время властям удалось схватить и бросить в тюрьму секретаря партии Трайчо Костова и ряд других видных партийных руководителей. Летом 1943 года погиб в неравном бою с полицией Эмил Марков, заместитель Цвятко Радойнова в Военной комиссии ЦК. В декабре 1943 года был убит из засады

член ЦК Никола Парапунов. В феврале 1944 года пал от полицейской пули видный партийный руководитель и ветеран революционного движения Христо Михайлов. Избежали ареста и расстрела фактически очень немногие руководители Центрального Комитета, которым к тому же заочно были вынесены по одному или даже по два смертных приговора, и они с большим риском должны были работать в глубоком подполье... Георгий Димитров учитывал, что Центральному Комитету партии внутри страны, перед которым события и время ставят все более новые, сложные и ответственные задачи, нужно помочь опытными и подготовленными руководящими товарищами. И уже в декабре 1943 года Заграничное бюро решило направить на родину Станке Димитрова. Он должен был усилить Центральный Комитет и в случае необходимости возглавить антифашистское движение Сопротивления, перед которым в ближайшее время встанет во всей своей сложности и актуальности задача всенародного вооруженного восстания.

Выбор на него пал не случайно. Станке Димитров — Марек был одним из выдающихся деятелей нашей партии. Еще с двадцатых годов, когда он вошел в состав руководства партии, а затем после Сентябрьского восстания стал секретарем Центрального Комитета БКП и решительно отстаивал здоровый сентябрьский курс в борьбе против атак слева и справа, Марек выделялся как одна из самых талантливых и выдающихся фигур не только в нашем революционном движении, но и в рядах Коминтерна. Ответственную задачу, подобно тем, которые Заграничное бюро возлагало на него, Станке Димитров выполнил блестяще десять лет назад. Посланный вместе с Георгием Дамяновым нелегально в страну, он в 1935—1937 гг. проводил в жизнь новый, димитровский курс в работе партии, закладывал основы Народного фронта в Болгарии. В годы войны Марек самым активным образом содействовал правильной политической ориентации трудящихся, развертыванию антифашистской борьбы на родине. Он являлся одним из самых деятельных сотрудников радиостанции имени Христо Ботева, а с октября 1941 года до февраля 1944 года непосредственно руководил деятельностью радиостанции «Народен глас», которая работала на волнах фашистского радио Софии.

В марте 1944 года я срочно был вызван к Георгию Димитрову на подмосковную дачу. Марек только что закончил работу на радиостанции «Народен глас». Кроме Марека здесь были Димитров, Васил Коларов и Георгий Дамянов. Я прибыл, когда они уже заканчивали совещание. Запоздал.

— Должен был встретить наших людей из вражеского тыла, — извинился я.

А дело было в том, что в этот вечер внезапно прибыл из Словакии самолет, который прошлой ночью улетал туда, к словацким партизанам, чтобы доставить группу чехословацких бойцов, оружие и медикаменты. Во время обратного рейса самолет, перевозивший несколько раненых партизан и одного офицера нашей бригады, был поврежден зенитным огнем где-то около Кишинева.

— Наверное, уже навоевался, Ванко? — встретил меня с улыбкой Димитров после того, как я поздоровался со всеми.

— Берлин еще далеко, товарищ Димитров, — ответил я. — Есть еще запас на год-два, пока не доберемся до Унтер-ден-Линден. Мне хочется опять побродить около рейхстага, взглянуть на Моабит...

Димитров рассмеялся:

— Должен признаться, что и мне также хочется... Еще до сих пор иногда снится процесс. И кажется, что мне действительно полегчает, когда увижу Моабит в пыли и пепле, а над рейхстагом — знамя с серпом и молотом...

— Сейчас сдавай полк, Ванко, — продолжил Георгий Димитров. — Поедешь с Мареком...

Новая задача, которую поставило Заграничное бюро, состояла в том, чтобы сопровождать с группой товарищей Станке Димитрова — Марека во время его возвращения на родину и быть полностью в его распоряжении в качестве военного специалиста. После Димитров остановился на исключительном значении задания, которое возлагалось на Марека. Группа должна была вылететь самолетом и выброситься с парашютами на партизанской земле в Черногории, а оттуда в спешном порядке перебраться в Болгарию. В течение всего времени группа должна была поддерживать регулярную радиосвязь с Димитровым.

Марек, руководитель нашей группы, выглядел неважно. Он был физически истощен, под глазами темнели круги, лицо было покрыто сетью морщин, волосы на голове

почти совсем стали белые. А ведь он не был старым человеком — в феврале 1944 года ему исполнилось пятьдесят лет. Но тяжелая нелегальная жизнь на родине, трудные времена в эмиграции, напряжение в течение всех лет войны, особенно когда он начал работать на радиостанции «Народен глас», дали себя знать. К тому же Марек был известен нам своим хрупким здоровьем еще с молодости.

Но читатель ошибется, если подумает, что в лице Станке Димитрова в феврале 1944 года я видел поседевшего, изможденного, беспомощного ветерана. Хотя он казался как будто растратившим свою физическую силу, но этот болгарский революционер был одним из тех непокорных борцов, которых никакая болезнь, никакая физическая слабость, никакая помеха не могли заставить свернуть с избранного пути.

Раньше группы Станке Димитрова в Болгарию Заграничное бюро послало ряд старых и опытных революционных деятелей — Штерю Атанасова, Благоя Иванова, Ивана Пейчева, Павла Цырвуланова. Я уже упоминал и о группе Жечо Гюмюшева, которая трагически погибла во время авиационной катастрофы в Карпатах.

В группу Марека входили кроме меня Димитр Гилин, политэмигрант, майор Советской Армии, участник обороны Москвы; Петко Кацаров, политэмигрант, боец интернационального полка бригады особого назначения; Илия Денев и Иван Цивинский, политэмигранты, также бойцы интернационального полка; Радил Иванов — Саша, политэмигрант, один из первоклассных радистов-инструкторов; Любомир Жеков, сын старого партийного деятеля Жеко Димитрова, выросший и получивший образование в СССР, также один из самых опытных радистов-инструкторов; Елена Касабова, дочь варненского партийного руководителя Благоя Касабова, выросшая в Советском Союзе, талантливая радистка.

Кандидатура каждого члена группы Марека была предварительно самым внимательным образом рассмотрена Заграничным бюро с учетом участия в революционном движении и его действительных боевых и политических качеств. Первые пятеро из группы — Гилин, Кацаров, Денев, Цивинский и Иванов — были испытанными во многих битвах революционерами, доказавшими не раз свою преданность делу и готовность к самопожертвованию. Двое

более молодых — Любен Жеков и Елена Касабова — хотя и не имели революционного опыта, как их старшие товарищи, но были верны идеалам своих отцов, являлись пламенными коммунистами и интернационалистами, готовыми выполнить и самое рискованное задание. Особенно трогала своим комсомольским задором Елена, восемнадцатилетняя девушка, которая приняла назначение в качестве радистки нашей группы как свой коммунистический долг.

Еще на даче Димитрова, во время нашего первого разговора о полете в район партизанской земли, состоялся обмен мнениями о способе приземления: Димитров считал самым надежным способом посадку самолета, для чего необходимо обеспечить площадку. Другая идея состояла в том, чтобы сбросить группу на парашютах, и на первых порах на этом остановились. Мы обсудили также вопрос о том, как полетит группа — сразу вся или по частям. В таком случае первая часть группы, с которой полечу я, подготовит прием второй части группы, в которой будет Марек. Окончательное решение по этому вопросу следовало принять на месте перед самым вылетом, после консультации с членами Заграничного бюро.

Группа Марека вылетела из Москвы в Калиновку: первыми отправились Марек с радистами Любеном и Еленой, а затем Гилин, Кацаров, Цивинский, Денев, Иванов и я.

После обсуждения в Заграничном бюро было решено перебросить нашу группу в Черногорию с парашютами. Первая часть, командиром которой был я, состояла из Димитра Гилина, Петко Кацарова, Радила Иванова — Саши, Илии Денева и Ивана Цивинского. Эта группа должна быть переброшена на партизанскую землю двумя самолетами, так как машины не могли брать более трех пассажиров, кроме экипажа.

25 июня 1944 года двухмоторный самолет взревел моторами и вскоре оторвался от покрытого травой аэродрома Калиновки. Под нами остались ангары военного аэродрома и небольшое украинское село, потонувшее в вечерних сумерках.

Мы летели в Югославию вторично. Первый раз мы летали туда на этом же самолете неделю назад, к партизанской территории, расположенной южнее Белграда (координаты были уточнены по радиосвязи, которую советские

товарищи с аэродрома поддерживали с югославскими партизанами). Мы не долетели. Самолет поднялся на высоту 4000 метров, перелетел Карпаты, пересек Дунай, и под крыльями заблестел огнями Белград. После этого самолет повернул на юг и начал спускаться, выключив моторы, чтобы не привлечь внимания вражеских зенитных батарей. Когда спустились на высоту до 800 метров, самолет начал планировать над территорией, где должны были гореть сигнальные огни. Мы их обнаружили легко. Они были зажжены в форме «запечатанного конверта»: четыре костра по углам воображаемого прямоугольника и один точно в середине. «Товарищи, готовьтесь, — предупредил нас советский майор — командир самолета. — Идем точно над нашими координатами...» Осмотрели парашюты и автоматы. Каждую секунду ожидали сигнала к выброске... И тут случилось неприятное. Майор, который напряженно смотрел через иллюминатор самолета, вдруг начал оживленно разговаривать и объясняться с пилотами, у которых видимость была лучше. «Товарищ полковник, — обратился ко мне майор, — посмотрите налево», — и указал рукой.

Влево под самолетом я ясно увидел «запечатанный конверт» сигнальных огней. «Да! — подтвердил я. — Это, должно быть, то самое место. Нет никакого сомнения». Но майор снова показал рукой: «Посмотрите сейчас прямо по кругу». Действительно, внизу и прямо перед самолетом горели костры второго «запечатанного конверта»...

«Скажите, которые сигналы наши? Где вас выбрасывать?» — Майор был встревожен, он не знал, что делать...

Я посмотрел на него. Мы познакомились с ним на аэродроме в Калиновке. Он был молодой, не больше тридцати лет, ко мне относился с явным чинопочитанием (я летел по указанию Станке Димитрова в офицерской форме, хотя и без погон, а Иванов и Гилин были одеты в полувоенные костюмы). Командир самолета, хотя и младший по чину, отвечал за благополучную высадку десанта — я не имел никакого права вмешиваться в его дела.

«Решайте вы, товарищ майор, — ответил я. — Сейчас я не полковник, а рядовой. Мы только выполняем ваше указание».

Майор пристально посмотрел на меня и покачал головой. После снова посоветовался с пилотом и радистом, который поддерживал связь с базой. «Возвращаемся обратно, — сказал наконец он решительно. — Один из «запеча-

танных конвертов» внизу ловушка. Непременно ловушка... Домой!..»

«Ловушка?» Что имел в виду майор? После, когда самолет лег на обратный курс, он объяснил. Гитлеровцы ночью посылали свои самолеты, которые кружили с выключенными моторами высоко над партизанской территорией, чтобы установить места, где партизаны ожидают «гостей». Если замечали где-нибудь партизанские огни, фашистские летчики сообщали по радио на землю своим, и те быстро устраивали ловушку, зажигая на своих базах нечто вроде сигнальных огней. Некоторые наши самолеты, как объяснил майор, попались на эту вражескую уловку и погибли, а сброшенные на парашютах люди были уничтожены...

Самолет набрал высоту, снова пролетел мимо Белграда, миновал Карпаты и после полуночи приземлился на аэродроме у Калиновки...

Эта история случилась около недели тому назад. И сейчас, когда Марек и другие обнимали нас на прощание, мы из первой подгруппы решили прыгать во что бы то ни стало, что бы ни случилось. Время не ждало. Георгий Димитров из Москвы постоянно интересовался: «Когда полетите?» По его указанию после первой неудачи советские товарищи запросили у партизан новые координаты. Димитров категорически настоял, чтобы нас отправили дальше на запад от Белграда, в горы Черногории, где в это время были свободные партизанские земли.

Мы сидели молча, каждый погрузившись в свои мысли. Говорить при адском шуме было почти невозможно. Все готово к выброске. Готовы и грузовые парашюты: их шесть штук, и в каждом — автоматическое оружие с большим количеством боеприпасов, продукты, радиостанция и два ручных генератора к ней, один аккумулятор.

Кроме этого груза каждый из нас имел при себе личное оружие — по пистолету и автомату с боеприпасами, а мы вдвоем с Радилом Ивановым по одной портативной радиостанции. Их всего три. На таком количестве радиостанций настоял я: группы, улетевшие до нас в Югославию, не смогли установить прочной радиосвязи с Георгием Димитровым, несмотря на его категорическое указание. Не смогли связаться с ним ни Штерю Атанасов, ни Благой

Иванов. Как мы узнали позднее, при приземлении грузовые парашюты с радиостанциями разбились. Этой опасности мы хотели избежать. Если бы грузовой парашют с одной радиостанцией не раскрылся, то у нас оставалось еще две, и в таком случае мы непременно могли установить радиосвязь с Димитровым.

Радист Иванов имел соответствующий шифр для радиосвязи. Кроме того, у меня в одном из внутренних карманов находилась небольшая книжка. Она служила для шифровки и расшифровки радиограмм, которые Иванов должен был передавать Димитрову и принимать из Москвы. Я когда-то изучал шифровальное дело, но до сих пор оно мне не требовалось в разведывательной работе — почти повсюду моим шифровальщиком и радистом была моя жена Галина или кто-либо другой. Сейчас мне впервые предстояло зашифровывать телеграммы самому. Перед тем как нам со Станке Димитровым отправиться в Калиновку, я прошел под руководством Елены Димитровой краткосрочные курсы по шифровальному делу: Елена, в то время радистка и личная шифровальщица Георгия Димитрова, в совершенстве владела этим искусством. Она не только за короткий срок ввела меня в курс шифровального дела, но и уточнила конкретные тексты из книги, по которой нам предстояло работать. У себя она, разумеется, имела такую же книгу. Она должна была принимать из Югославии наши радиограммы и передавать нам очередные указания Георгия Димитрова до прибытия Марека, а после этого поддерживать регулярную радиосвязь между нашей группой и Заграничным бюро партии.

На этот раз сигнальные костры были в виде «дорожки»: четыре с одной стороны, а четыре параллельно с другой. Внутрь этой «дорожки» самолет должен был сбросить людей и грузовые парашюты. Мы на всякий случай сделали широкий круг в десяти километрах в сторону от сигнальных огней. И когда командир самолета убедился, что внизу все «чисто», дал сигнал к выброске.

Местность, на которую мы втроем — Радил Иванов, Димитр Гилин и я — приземлились в июне 1944 года, была широкой ровной поляной средн гор Черногории. В стороне от поляны возвышались заснеженные вершины Цырни-Кука, зияли пропасти. Югославские товарищи выбрали подходящее место для приземления на парашютах, но погода, которая не зависела от них, оказалась неподходя-

щей: появившийся ветер отнес несколько грузовых парашютов далеко в сторону от «дорожки». Повлек он и Иванова в одну, к счастью, неглубокую впадину. Гилин упал мягко па ветви граба. Благополучно приземлился и я, слегка ударившись одним коленом.

Иванова мы нашли легко — югославские партизаны здесь знали каждую пядь земли. Он был жив и здоров, хотя и немного ушибся при ударе о скалу. Но часть грузовых парашютов, отнесенных ветром, ударилась о скалы, и, когда мы их нашли, драгоценный груз был испорчен. Разбились несколько автоматов, большая 25-ваттная радиостанция с аккумулятором и один из двух ручных генераторов. Произошло несчастье, но, разумеется, не такое уж большое. Запасные радиостанции у меня и Иванова были в полном порядке. Ручной генератор Иванов исправил, и мы могли считать, что связь будет обеспечена. Иванову предстояло кое над чем подумать — маломощными портативными радиостанциями было крайне трудно установить связь на расстояние в тысячи километров, и, чтобы сделать это, ему нужно было употребить все свое мастерство, все свои радиотехнические знания.

Свободная территория, на которую мы приземлились, оказалась районом действия Босненской партизанской дивизии. Партизаны, которые были посланы на «дорожку» встретить пашу группу, отвели нас в штаб дивизии. После приземления и в течение всей дороги до партизанского штаба нас окружили сердечным вниманием. Для югославских партизан мы были советскими людьми, прибывшими с Большой земли, мы символизировали грядущую победу. Этот храбрый народ, поднявшийся на всеобщую борьбу против немецко-фашистских оккупантов, отлично сознавал, что его свобода немыслима без идущей с востока победоносной железной лавины. Вместе с освобождением всей Европы Красная Армия принесла свободу и югославскому народу, доказавшему на деле, что он ее полностью заслуживает.

В штабе дивизии, куда мы пришли, нас ожидал приятный сюрприз. Её командир — генерал Пеко Дапчевич — оказался моим старым боевым товарищем. Мы были знакомы с ним по Парижу, где он бывал в годы гражданской войны в Испании для организации пересылки югославских добровольцев в интернациональные бригады, виделись перед самой войной, незадолго до начала которой

Пеко Дапчевич выехал на родину, чтобы принять участие в укреплении рядов Коммунистической партии Югославии.

Конец июня, июль, август 1944 года прошли для нас в партизанском походе по югославской территории из Черногории на восток, к родине. В начале пути к нам присоединились еще двое из нашей группы: Петко Кацаров и Илия Депев. И они вскоре вслед за нами были сброшены на парашютах на поляне под Цырни-Куком. Иван Цивинский, который должен был прилететь с ними, в последний момент заболел, и Марек настоял, чтобы он отправился лечиться. Со Станке Димитровым остались Любен Жеков и Елена Касабова. Вместо Цивинского Заграничное бюро включило в группу старого политэмигранта, партийного деятеля из Костендилского края Васила Дончева.

Вскоре после этого, еще на территории Черногории, мы встретились со Штерю Атанасовым и Бояном Михневым. С момента заброски Штерю Атанасова и Благоя Иванова в апреле 1944 года и до конца июня они находились при Главном штабе югославских партизан в качестве представителей нашей партии и участвовали в целом ряде тяжелых боев. Благой Иванов в спешном порядке пробирался к Болгарии. Встреча была радостной. До этого момента они смогли связаться с югославскими партизанами и успешно продвигались к родной территории, но не смогли установить связи с Димитровым. И сейчас, когда это удалось сделать через нашу радиостанцию, Штерю Атанасов был по-настоящему счастлив.

Радиосвязь нашей группы с Димитровым и Мареком была регулярной с первого и до последнего дня нашего пребывания на югославской территории. С Георгием Димитровым, как договорились с Еленой Димитровой, на связь мы выходили три раза в день — в 11 часов дня, в 7 часов вечера и в час ночи по московскому времени. Когда наступало назначенное время, Иванов включал радиостанцию, натягивал антенну на какое-нибудь дерево и начинал выстукивать сигналы морзянки. Если мы находились в населенном пункте, где имелось электричество, Радил включал станцию в обычную сеть. Однако когда были в горах, вдали от селений, нужно было питать радиостанцию энергией, вырабатываемой ручным генератором. Все сообщения, передаваемые Радилом в Москву, мы зашифровывали по уточненному с Еленой Димитровой

шифру. Шифровку и расшифровку полученных указаний от Димитрова производили втроем — Радил, Гилин и я. Регулярную радиосвязь — разумеется шифрованную — мы поддерживали и с Мареком. За три месяца, которые мы провели на югославской территории до вступления на болгарскую землю, с Димитровым (через Елену) и Мареком (через Жекова и Касабову) мы обменялись более ста телеграммами. Димитров и Марек интересовались всем: нашим маршрутом, потребностями, встречами с югославскими партизанами, их отношением к нам. Они спрашивали также об их нуждах и делали все возможное для оказания им помощи оружием, боеприпасами, лекарствами.

Георгий Димитров также интересовался, какие и где существуют возможности для приземления самолета.

Мы сообщали несколько раз: вблизи того места, где нас сбросили на парашютах, вполне может сесть самолет. Ответ был такой: «Продвигайтесь в сторону родины. Ищите площадку ближе на восток». Южнее Белграда обнаружили высокую и ровную поляну в горах Шумадии и снова сообщили: «Удобная площадка. Может сесть любой самолет...» И на этот раз ответ из Москвы был таким же: «Продвигайтесь дальше на восток. В настоящий момент Марек не может вылететь. Ищите площадку и поддерживайте связь!..»

Добро-Поле — это небольшая горная деревушка на восточном склоне горы Ястребац в Сербии, вблизи границы с Болгарией. В то время, когда мы очутились там — в середине августа 1944 года, — она находилась в центре небольшой свободной партизанской территории, которая охватывала кроме Добро-Поле также и села Цырна-Трава, Кална, Долно и Горно-Гаре и другие. Вся эта территория была освобождена от немецко-фашистских оккупантов и очищена от недичевцев и сторонников Д. Михайловича в результате совместных сражений югославских и болгарских партизан.

До Добро-Поле наша группа должна была пройти тяжелым партизанским походом путь более чем в 500 километров через вершины Черногории и гор Комови, Цырна, Кочници, затем около Албанской Черногории, Шумадии и, форсировав сильно охраняемую реку Ибар, войти

в Сербию. Во время почти всего похода мы шли вместе с партизанами из дивизии Пеко Дапчевича и участвовали во многих ожесточенных сражениях. Партизанское соединение Дапчевича в то время получило задание перебазироваться из Черногории на территорию Сербии и принять участие в предстоящих операциях Советской Армии по освобождению страны.

Югославские партизаны, которые нас считали советскими военнослужащими, еще в начале похода предоставили нам коней. Это было просто великолепно: на крепких горных конях ездили штабные командиры партизан и связные. Каждая лошадь, единственно быстрое и удобное средство передвижения в горах, здесь ценилась особенно высоко.

Группа болгар, которая двигалась с партизанским соединением Дапчевича, вначале состояла только из нас пятерых, высадившихся у подножия Цырни-Кука. Но на свободной партизанской земле в Сербии кроме нас находилась еще сотня болгарских партизан и партийных деятелей. Здесь работал Димо Дичев, которого Центральный Комитет партии направил в Сербию в Главный штаб партизан с двойной задачей — встретить группу Станке Димитрова и позаботиться о сформировании и вооружении Первой софийской партизанской дивизии. Здесь располагался и созданный в июне на югославской территории из бывших болгарских солдат партизанский батальон под командованием Бояна Михнева. Батальон был сформирован из болгарских военнослужащих, антифашистов, сбежавших из различных частей оккупационного корпуса, чтобы бороться против гитлеровцев. Батальон, который постепенно вырос до двухсот бойцов, участвовал в целом ряде жестоких партизанских сражений. Комиссаром батальона был Штерю Атанасов. Это третий большой болгарский партизанский отряд, сформированный из бывших военнослужащих, которые сражались в то время плечом к плечу с югославскими партизанами против общего врага; другими двумя партизанскими соединениями являлись солдатская бригада имени Георгия Димитрова во главе с капитаном Ат. Русевым и Кирилом Игнатовым и солдатский партизанский батальон имени Христо Ботева под командованием поручика Дичо Петрова.

Димо Дичева мы встретили на партизанской территории около куршумлийских бань, где в то время нахо-

дился Главный штаб сербских партизан. Здесь мы установили контакт с рядом ответственных деятелей сербского и югославского национально-освободительного движения, таких, как Коча Попович, представитель Национального Комитета Освобождения Югославии в Сербии, Нешкович-Михайлов, секретарь Коммунистической партии по Сербии, Цоной Бабович, член Политбюро ЦК КПЮ, и другими. У куршумлийских бань мы расстались с дивизией Пеко Дапчевича и до нашей границы шли в сопровождении специально приданной для нашей охраны югославской партизанской роты.

В Главном штабе сербских партизан мы встретили группу офицеров советской военной миссии, направленной сюда для оказания помощи партизанскому движению. Когда советские товарищи узнали о несчастье, случившемся с нашими грузовыми парашютами у Цырни-Кука, они подарили нам небольшой генератор с двигателем и запасом горючего, который заменил нам ручной генератор и до конца обеспечивал электроэнергией нашу радиостанцию.

Перед тем как добраться до села Цырна-Трава, узнали от сербских партизан, которые встретили нас и обеспечивали связь нашему отряду, что сюда направились Боян Болгаранов, член ЦК и уполномоченный нашей партии при штабе македонских партизан, и Благой Иванов.

Встреча нашей группы с Димо Дичевым имела существенное значение для дальнейшего решения его и наших задач. После установления контакта мы решили связаться с помощью курьера с ЦК БКП и Главным штабом Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА).

Во второй половине августа Георгий Димитров передал нам исторически важную радиограмму. Она носила инструктивный характер и была адресована Центральному Комитету нашей партии: «Передайте срочно всеми возможными средствами ЦК партии следующее:

1. Сплотить все демократические, прогрессивные силы народа, все действительно антигерманские группы, деятелей и элементы вокруг Национального комитета Отечественного фронта — представителя болгарского народа, организатора и руководителя борьбы народа против гитлеровских разбойников и их болгарской фашистской агентуры.

2. Принять меры к немедленному разоружению германских вооруженных частей, гестаповцев и пр., к их

беспощадному обезвреживанию, а также к решительной ликвидации всякого сопротивления и враждебных действий против Отечественного фронта и Красной Армии.

3. Призвать народ, солдат и офицеров на борьбу против гитлеровцев и их агентуры и всеми силами поддерживать усилия Национального комитета по созданию правительства Отечественного фронта.

4. Мобилизовать все силы для того, чтобы парализовать все попытки ведения военных действий против Красной Армии со стороны немцев и их фашистских агентов в стране.

5. Принять срочные меры для обеспечения свободной деятельности Национального комитета Отечественного фронта, его партий, групп, бесцензурной печати и освобождения арестованных патриотов.

6. Болгарский народ и его вооруженные силы должны решительно перейти на сторону Красной Армии, армии-освободительницы Болгарии от немецкого ига, и вместе с ней очистить болгарскую землю от гитлеровских разбойников и их подлых пособников.

Получение и передачу в ЦК подтвердите. Сообщите срочно, что происходит. Г. Димитров».

Сразу же после расшифровки радиограммы специальный курьер отправился в Болгарию, чтобы передать Центральному Комитету новые указания Георгия Димитрова в наступающий решительный для страны политический момент.

Затем мы отправились в район Добро-Поле — Цырна-Трава, где надеялись застать вызванные Димо Дичевым болгарские партизанские отряды.

Во второй половине августа около Цырна-Трава — Добро-Поле было сосредоточено около тысячи болгарских антифашистов — от членов ЦК и его уполномоченных до рядовых партизанских бойцов. Кроме вышеуказанных членов и представителей ЦК БКП здесь мы застали Трынский партизанский отряд, который недавно вел кровопролитное сражение с жандармерией и едва успел прорваться к свободной партизанской территории в Сербии, Радомирский и Брезницкий партизанские отряды во главе с Денчо Знепольским, большую группу Кюстендилского партизанского отряда, а также солдат-антифашистов, которые сбежали из Нишского гарнизона, чтобы присоединиться к вооруженной борьбе народного движе-

ния Сопротивления. Вскоре после нас около села Калпа появилась и группа партизан во главе с Здравко Георгиевым и Борисом Ташевым, которую Главный штаб НОПА направил в Македонию с заданием сосредоточить на старой границе страны болгарскую солдатскую бригаду имени Георгия Димитрова.

Как мы поняли из разговоров с некоторыми партизанами, многие из них ожидали, что здесь, на свободной партизанской земле, где находилась английская военная миссия, они смогут получить оружие, надеялись, что это оружие сбросят — как обещала миссия — английские военные самолеты...

Оружие действительно прибыло, но от советских братьев.

Перед тем как обратиться к ним, мы направили соответствующую просьбу к английской миссии. Впрочем, эта просьба скорее носила настоятельно-ультимативный характер. Мы заявили английским офицерам, которые неделями уже отделывались обещаниями или всякими причинами («буря над Италией», «плохие атмосферные условия над Средиземным морем», «плохая видимость», «отсутствие радиосвязи» и прочее, и вместо оружия их самолеты сбрасывали только... медикаменты и одежду), что больше мы не намерены ждать. Ввиду категорической постановки вопроса англичане наконец выдали себя: «Зачем вам оружие? В ближайшие дни болгарское правительство капитулирует. И в таком случае вам просто не с кем будет воевать. Партизанская борьба становится ненужной!..»

Другими словами, не ожидайте от нас оружия. Вместо этого верните прибывших сюда болгарских партизан — пусть себе идут мирно и тихо по домам. Предоставьте возможность вершить судьбами Болгарии ее нынешним правящим кругам, которые уже ведут в Каире переговоры о перемирии с западными державами...

Впрочем, хотя мы были разгневаны циничным поведением английских офицеров, после осознали, что другого ответа от них не следовало и ожидать. Ведь Черчилль в свое время заявил, что коммунизм во всех случаях, всегда и везде был и останется главным врагом Британской империи. Мы узнали также и о его «Балканском варианте» второго фронта, который в сущности преследовал цель оккупировать Балканы и Болгарию...

Тогда мы втроем с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым составили радиограмму Георгию Димитрову, и Радил, наш неутомимый радист, в ту же ночь передал ее в эфир. «Находимся около села Добро-Поле, вблизи болгаро-югославской границы,— сообщили мы.— Соединились с Трынским, Радомирским и Брезницким отрядами. Испытываем большую нужду в оружии и боеприпасах. Товарищи из югославской Народно-освободительной армии не могут нам его дать, т. к. сами в нем нуждаются — они сейчас проводят всеобщую мобилизацию... Союзники-англичане отказываются поставить нам оружие и боеприпасы. Главное сейчас для нас и югославских товарищей — оружие и боеприпасы. Моральный дух и боеготовность наши высокие».

Радиограмму мы подписали втроем: Димо Дичев, Штерю Атанасов и я.

Уже на следующее утро Радил принял ответ: «Приготовьтесь встречать самолеты... С завтрашнего вечера три ночи подряд будем сбрасывать вам оружие и боеприпасы... Координаты те же, что вы передали. Димитров».

Августовская ночь, тихая и звездная, давно накрыла отроги горы Ястребац, когда по данному нами знаку партизаны зажгли сигнальные огни. Их было пять, в одну линию на расстоянии по нескольку десятков метров один от другого — так мы договорились по радио после уточнения координат. Огни ярко вспыхнули, а мы отошли в сторону от поляны. Ночь была теплая, тихая, звезды крупные и ясные, видимость — великолепная. К счастью, прогнозы скептиков о дожде, низкой облачности, тумане не сбылись.

Я стиснул сигнальную ракетницу и ждал вместе с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым. Разговаривать старались негромко, чтобы вовремя услышать ожидаемый гул моторов самолета. Димо Дичев рассказывал о бое при Батулии, об атаке Первой софийской партизанской бригады, о дорогих жертвах. Рассказывал и о тяжелом Рильском походе Второй партизанской бригады, которую вел в то время Боян Болгаранов, о жертвах, павших в суровых битвах с полицией. Почти во всех случаях партизаны несли потери вследствие нехватки оружия: «Жандармы имеют пулеметы, автоматы, им помогают самолеты, под-

вижные моторизованные части,— говорил Димо Дичев.— А наши вооружены самое лучшее винтовкой и редко автоматами, пулеметами, отбитыми у врага...» Действительно, восстание, для участия в котором на этих днях должен был прибыть Станке Димитров, всенародный штурм, о котором писал в своих инструкциях Центральному Комитету партии Георгий Димитров, — эти задачи были бы неосуществимы без оружия и боеприпасов в достаточном количестве... Поэтому и было так велико нетерпение, которое охватило всех нас в ту ночь, первую из трех ночей, в которые должны были прилететь советские самолеты...

Послышался шум моторов самолетов. Спустя несколько минут шум превратился в рокот. Я уже по звуку узнал, что летят Ли-2, на которых советское командование забрасывало в начале войны наши группы в Болгарию и Югославию.

Когда самолеты приблизились к поляне с огнями, я выпустил из ракетницы одну за другой три ракеты. С высоты около 800 метров с самолетов начали сбрасывать на парашютах груз. В тихой безветренной ночи белые купола парашютов медленно опускались там, где мы их поджидали. Их число превысило сотню.

Трудно описать все волнения, радость, праздничное ликование, которое вызвало появление советских самолетов. Партизаны и местные жители, которые пришли помочь, чтобы собрать парашюты, если случайно они упадут в стороне, пустились собирать драгоценный груз и складывать на одном краю поляны. Это были большие брезентовые мешки на вате, которая предохраняла их от удара о землю. В них находились автоматы, пулеметы, гранаты, боеприпасы — то, что мы ожидали, то, в чем испытывали острую нужду тысячи народных борцов — болгарских партизан, часть из которых собралась около села Цырна-Трава...

В последующие две ночи самолеты опять сбросили драгоценный груз. Всего с советских самолетов сбросили несколько сот грузовых парашютов с оружием и боеприпасами, которых могло хватить для вооружения целой партизанской дивизии.

Все оружие немедленно распределили среди сосредоточенных здесь болгарских партизан. Выделили его и для отрядов, которые прислали к нам группы своих предста-

вителей. Каждый боец из такой группы уносил с собой по нескольку автоматов, сотни патронов, гранат, и группы немедленно отправлялись в глубь Болгарии, где их с нетерпением поджидали боевые товарищи. Другую оставшуюся часть оружия и боеприпасов (чуть ли не половину полученного количества) мы передали для вооружения мобилизованных бойцов в югославскую партизанскую армию.

Свою долю из этого прекрасного подарка советских братьев получило и местное население. Мы с Димо Дичевым и Штерю Атанасовым решили подарить полотно парашютов бедным людям, им можно было одеть жителей нескольких сел...

Оружие прибыло. Сейчас оставалось подождать прилета Марека. В своей очередной телеграмме Димитров сообщил: «Уточните координаты посадки самолета. С ним прибудет Марек с группой товарищей. Димитров».

Координаты, которые мы передали несколько часов спустя, были теми же, которые мы сообщили ранее для выброски оружия. Это была высокогорная поляна, покрытая низкой травой, без единого камня на ней. Расчистили остатки от не сгоревших до конца костров и снова собрали сухие сучья для новых сигнальных костров. Теперь мы должны были их зажечь в форме «дорожки» — по четыре костра параллельно друг другу.

К вечеру 26 августа Радил Иванов принял телеграмму, в которой Георгий Димитров нам сообщил, чтобы мы «ждали Марека». Мы поняли — в одну из ближайших ночей.

Наконец-то! Наконец-то Станке Димитров, с мыслью о котором мы пересекли в тяжелом походе вдоль почти всю Югославию, прилетит к нам. Значит, события назревают. Если он был необходим нашему Центральному Комитету несколько месяцев раньше, в начале весеннего подъема движения Сопротивления, то как был нужен Марек сейчас, когда нашему народу предстояло совершить самый великий подвиг — победоносное восстание Девятого сентября 1944 года!

Наступила ночь 27 августа. Мы были готовы к встрече.

Перед тем как приступить к конкретной подготовке для приема самолета и зажечь костры, следовало снова связаться с Димитровым в назначенный час. Радил включил радиостанцию. Вот запищали сигналы морзянки, и Радил, напряженный и сосредоточенный, начал записывать группы цифр нашей шифровки. Телеграмма была

небольшой. Прием передачи длился, может быть, только одну-две минуты от силы. И окончился. Этого времени было достаточно, чтобы сообщить то, чего мы ожидали.

Стали спешно расшифровывать.

Небольшая книжечка, так хорошо нам послужившая до сих пор, в этот вечер помогла прочитать слова невероятного сообщения, которые нас буквально потрясли: «Вследствие авиационной катастрофы рабочий класс и Болгарская коммунистическая партия потеряли в лице Станке Димитрова — Марека, выдающегося руководителя нашей партии, до последнего вздоха преданного своему народу и рабочему движению... Димитров».

Над тихой молчаливой в звездную летнюю ночь горной поляной воцарилось всеобщее уныние. Один из самых замечательных партийных руководителей, который мог бы принести неоценимую пользу идущему на штурм народу, сложил свою голову вдали от родной земли.

Позже, после победы, мы узнали подробности о катастрофе самолета, на котором Марек отправился из Москвы в Калиновку, откуда должен был лететь сюда с остальными нашими товарищами из первоначальной группы и старыми партийными деятелями Василом Димитровым, Михаилом Георгиевым, Атанасом Алтыпармаковым, Георгием Глухчевым, Гаврилом Атанасовым. Мы узнали также, что Марек вместе с двумя радистами Любеном Жековым, Еленой Касабовой и вновь присоединившимся Василом Дончевым несколько раз в течение июля и августа предпринимал попытки добраться до партизанской земли. Как свидетельствуют Жеков, Касабова и Дончев, их самолет несколько раз попадал на «ловушки», которые опытные советские летчики своевременно замечали.

С указанными выше товарищами, которые нам рассказали все это, мы смогли увидеться только после победы. Среди них не было Цивинского. Марек его задержал в Москве и затем вместе с ним полетел в Калиновку. Около Брянска Цивинский также погиб.

6

ПОБЕДА. С МИССИЕЙ К ТОЛБУХИНУ

8 сентября 1944 года 1-я Софийская партизанская дивизия перешла югославско-болгарскую границу и вечером в тот же день подошла к Трынскому полю.

Дивизия насчитывала около тысячи партизан. В нее влились Трынский, Радомирский, Брезницкий и Босилеградский отряды, солдатский партизанский батальон и все бежавшие из оккупационного корпуса солдаты-антифашисты и мобилизованные, которые очутились после многодневного похода на свободной партизанской земле. Еще в селе Кална решили назначить командиром дивизии Славчо Трынского, а комиссаром — представителя Главного штаба НОПА Здравко Георгиева. В связи с тем что в тот момент Славчо Трынский был ранен и не находился в районе Кална, временным командиром стал Димо Дичев. (Должен уточнить, что назначение командиром дивизии Славчо Трынского произошло в соответствии с рекомендацией Георгия Димитрова — крупное партизанское соединение, которому предстояло решать важные задачи, должно возглавляться популярным среди народа партизанским руководителем.) Согласно специальному приказу, дивизия состояла из трех бригад. Она была превосходно вооружена. Бойцы имели советские автоматы, ручные пулеметы, достаточное количество боеприпасов, гранаты и прочее. Это партизанское соединение, созданное по указанию ЦК партии и Главного штаба НОПА, должно было обезвредить жандармские подразделения, расположенные на вершине Тумба, а после этого немедленно направиться к Трыну и Софии, чтобы принять участие в предстоящем всенародном вооруженном восстании. Рассчитывая на мощную силу первой партизанской дивизии, а также удары с флангов партизанской бригады «Чавдар», Ихтиманского и Шопского отрядов, и в первую очередь Софийской партийной и боевой организации, ЦК партии уверенно разрабатывал свой оперативный план и наметил даже день восстания. В помощь восставшему народу и партизанам партия смогла подключить, как известно, и небольшие воинские части, находившиеся в столице и ее окрестностях, во главе с перешедшими на сторону Отечественного фронта офицерами.

Вечером 7 сентября жандармские подразделения были обезврежены. С помощью здоровых сил батальона «крепость» сама пала. Большинство солдат с радостью влились в наши ряды, а запятнанные кровью офицеры получили по заслугам. На вершине Тумба состоялся митинг партизан и побратавшихся с ними солдат воинской части. На нем выступили Димо Дичев, Здравко Георгиев и я.

Рано утром на следующий день, 8 сентября, мы с рассветом достигли Трынской низменности, на которой приютилась небольшая деревенька Милославци. Жители деревни нас встретили с восторгом. Здесь узнали, что за день-два до нашего появления вся администрация в городе Трын и в окрестных селах, различные полицейские и военные чины исчезли, не оставив даже после себя и следа. Почувствовали крысы, что корабль гибнет, и побежали, ища спасения от народного гнева...

Мы остановились в селе и на следующий день созвали митинг. Площадь едва вместила невиданное до сих пор множество партизан дивизии и пришедшего из окрестных сел населения. Митинг в Милославцах состоялся по решению штаба. Здесь в этот день созданную еще около Кална Первую софийскую партизанскую дивизию официально должен был принять ее командир. С этой целью в село должен был прибыть Славчо Трынский.

Все произошло так, как было предусмотрено. Славчо выступил перед дивизией. Народ встретил его с восторгом. Пробыв в селе не более двух часов, он уехал, так как еще не полностью поправился после ранения. Через некоторое время после его отъезда дивизия в походном порядке отправилась к городу Трын. На всем протяжении пути народ с огромным воодушевлением встречал партизан, слушал выступающих перед ним товарищей...

В Трыне повторилась та же картина — торжествующий народ, который не мог нарадоваться свободе, и партизаны, которых народ встречал как легендарных героев. Ликование было поистине всеобщим. Да и было чему радоваться. Была перевернута страница тяжелого прошлого, полного муки, крови, несправедливости. Впервые в многовековой истории народ стал хозяином своей собственной судьбы...

А дивизия? По приказу Главного штаба НОПА она направлялась к Софии.

Однако события развивались с молниеносной быстротой — менялись обстановка и задачи. Центральный Комитет партии и Главный штаб НОПА, реально оценив создавшуюся обстановку, назначили, как известно, вооруженное восстание в ночь на 9 сентября 1944 года. По этой причине 1-я Софийская дивизия не участвовала в ликвидации монархо-фашистской власти в самой Софии. Там и без нее оказалось вполне достаточно сил, чтобы власть

в столице перешла в руки народа. Дивизия получила задание установить власть Отечественного фронта во всей Западной Болгарии. Очистить район от различных вражеских лиц и групп, которые попытались найти спасение в горах или перейти к своим вчерашним союзникам — гитлеровцам, а также остановить возможное наступление немецких частей, которые с боем уходили из Греции и Беломорской Фракии на северо-запад по направлению Скопле — Ниш — Белград, чтобы соединиться с отступающими по всем фронтам армиями гитлеровского вермахта.

День победы революции отпраздновали в уже освобожденном до этого Трыне. И рано утром на следующий день с Димо Дичевым, Штерю Атанасовым, Радилом Ивановым отправились в Софию, чтобы связаться с Центральным Комитетом партии.

София в первые дни после победы переживала неописуемое опьянение свободой. С утра до вечера ее улицы и площади были заполнены народом, который различным способом выражал свой восторг. Вблизи дворца, на большом на скорую руку сбитом дощатом помосте между Народным банком и старым, разрушенным во время бомбардировок зданием «Юнион палас», с утра до вечера выступали ораторы, пели хоры, играли оркестры. Временно остановились фабрики и заводы, нарушился обычный трудовой ритм этого города. Народ сознавал, что наступил великий, счастливый миг в его истории, была достигнута новая отправная точка в судьбе Болгарии, перед которой раскрывались перспективы социалистического строительства. Наконец пришла свобода, за которую пролили свою кровь тысячи людей, а тысячи других сгнили в тюрьмах и концлагерях или годами жили в изгнании. И опять, как семь десятилетий назад, свобода пришла с победоносным маршем родных северных братьев, его великой армии-освободительницы...

Центральный Комитет партии в первые дни после Девятого сентября помещался в наспех приспособленном здании на улице Врабча, 10 — ныне улица Янко Забунова. Наша группа, принесшая пыль вчерашних партизанских походов по долинам и горам, была братски принята находящимися здесь ответственными партийными деятелями: Антоном Юговым, Цолой Драгойчевой, Геор-

гием Чанковым, Добри Терпешевым, Раденко Видинским, Димитром Ганевым, Кирилом Драмалиевым, Тодором Павловым — в то время одним из трех новых регентов малолетнего царя. С нетерпением ожидался приезд Трайчо Костова, освобожденного 8 сентября из Плевенской тюрьмы, где он отбывал пожизненное заключение. Он должен был встать во главе секретариата Центрального Комитета партии.

Первой ко мне устремилась Цола Драгойчева. Очевидно, ее привлекла моя форма офицера Красной Армии, но в то же мгновение она меня узнала. С ней мы встречались в Москве, куда она приезжала в самом конце 1940 года по поручению Центрального Комитета партии, чтобы поставить перед Георгием Димитровым и Заграничным бюро вопрос о направлении в страну подготовленных партийных кадров. Свою поездку в Советский Союз тогда она смогла увязать с болезнью сына Чавдара. В Москве он жил у Стелы и Наташи Благоевых, которые его любили, как своего сына.

— Как Чавдар? Скажи, как чувствует себя мой сын? — нетерпеливо спрашивала она после того, как мы сердечно поздоровались.— Ни письма, никакой весточки не получала из Москвы вот уже четыре года...

Признаться, и я не знал точно ничего о ее сыне — со дня моего отъезда из Москвы прошло более четырех месяцев. Но разве мог я остаться равнодушным к тревоге этой заботливой матери и замечательного борца, отдавшей всю свою жизнь революции, перенесшей риск двух смертных приговоров, взвалившей на себя всю тяжесть высокого и ответственного партийного поста в течение всех лет антифашистского движения Сопротивления!

— Не беспокойся о своем сыне! — ответил я бодро, глядя прямо в широко открытые глаза, ждавшие хорошей вести.— Здоров, вытянулся, как тополь. Уже заканчивает учебу. А знаешь как играет на пианино! Умный, смекалистый парень, чудесный характер у него!..

Теплой радостью расцвели глаза Цолы Драгойчевой. Она благодарно стиснула мне руку, а затем отошла в сторону и залилась счастливыми слезами. Смотрел я на нее и с волнением думал, какой сильной была ее материнская любовь, и ничто, никакие трудности борьбы, никакие суровые страдания в тюрьмах и концлагерях, никакие муки тяжелой четырехлетней нелегальной жизни

не лишили нежности материнское сердце. А некоторые из нас представляли себе образ женщины-борца как существо, лишенное нежности, материнских чувств и привязанности, любви...

С Тодором Павловым я познакомился в Москве: его имя было хорошо известно каждому болгарскому коммунисту. Он пользовался заслуженной популярностью страстного партийного идеолога и пропагандиста. Стараясь держаться как можно более сдержанно, он увлек меня в сторону и стал спрашивать о своей дочери Вере, — может быть, и о ней я что-нибудь знаю...

— Нет, не думайте ничего плохого,— прервал я его, почувствовав, что он не договаривает своего вопроса: «может быть... погибла?» — Вера жива и здорова. Мы плечом к плечу с ней воевали несколько лет. Она была в бригаде особого назначения, затем стала партизанкой... Гордитесь своей дочерью — она блестяще выполнила долг врача и коммуниста и на фронте под Москвой, и в тылу врага, у партизан...

Какой отец останется равнодушным к доброй вести о своем ребенке! Столько людей погибло в те суровые годы, а вот одно из миллионов человеческих существ, кровь от крови и плоть от плоти твоей, уцелело, смерть пощадила его...

Революция победила, но проблемы, которые в те сентябрьские дни 1944 года партия решала, были сложными, трудными, многообразными. Каждый старый деятель, участвовавший в десятилетней антифашистской борьбе, получил боевую задачу, от выполнения которой зависела окончательная победа, дальнейшее развитие революции, упрочение власти Отечественного фронта. Я был кооптирован в члены Центрального Комитета партии, и на меня возложили руководство его военным отделом. Дел было невпроворот, одно сложнее другого. Армия, которая досталась в наследство народной власти, была призвана защищать Болгарию Отечественного фронта не столько от ее внутренних врагов, сколько главным образом от угрозы, нависшей уже реально над нашей родиной со стороны запада — со стороны уходящих из Греции гитлеровских оккупационных войск после того, как они, разоружив нашу Пятую армию и перебив сопротивляв-

шихся солдат и офицеров, подошли на танках к нашей западной границе почти под Кюстендилом и Гюешевом. А оттуда до Софии только сто километров... Армию старой Болгарии нужно было заново реорганизовать, очистить от фашистских офицеров, руки которых были обагрены кровью народа, обновить новым командным составом, подобранным из партизанских бригад, и усилить коммунистами и ремсистами — добровольцами, а также и целыми партизанскими соединениями,— чтобы достойно защитить свое отечество.

И не только это. Реорганизованная армия Болгарии Отечественного фронта должна была немедленно включиться в войну против гитлеровской Германии, чтобы смыть позорное пятно с родины, которым ее запятнали монархо-фашистские правители. В войне против вчерашнего «союзника» армия Отечественного фронта должна была сражаться плечом к плечу с нашими освободителями — воинами славной и победоносной Красной Армии, до полного разгрома немецко-фашистских агрессоров.

Несколько дней спустя, едва успев заскочить в родной Плевен и наскоро увидеться с дорогими боевыми товарищами, уцелевшими в борьбе, знакомыми и близкими, я должен был выполнить ответственную задачу, которую поручил мне Центральный Комитет партии. Вместе с Димитром Ганевым, членом Политбюро ЦК БКП, мы должны были полететь в штаб 3-го Украинского фронта, чтобы установить прямую связь между командующим фронтом маршалом Ф. И. Толбухиным и Центральным Комитетом партии. Эта связь была необходима для уточнения и согласования важных задач, которые партия намеревалась осуществить в ближайшие дни по стабилизации новой власти. Одновременно с этим следовало урегулировать некоторые вопросы, связанные с размещением уже находившихся на болгарской территории частей 3-го Украинского фронта, которые были повсюду встречены народом хлебом и солью — так, как встречают братьев-освободителей.

Задание мы получили поздно вечером 15 сентября после очередного заседания Центрального Комитета. В те дни ЦК партии и все партийные руководители, вся пар-

тия сверху донизу находились круглые сутки на революционном посту — враг не только не был ликвидирован окончательно, но и имел еще значительные силы для сопротивления, которые надеялись получить поддержку со стороны находившихся в Болгарии англичан и американцев из Союзнической миссии: ввиду этого все коммунисты и члены Отечественного фронта, все здоровые силы нации, весь трудовой народ, празднуя победу, держали оружие наготове.

Центральный Комитет партии работал круглые сутки. Каждый член Политбюро ЦК БКП по нескольку раз в день выступал на различных митингах, торжествах, закрытых партийных и общих собраниях — народ жаждал услышать своих сынов, которые до вчерашнего дня работали в глубоком подполье и могли выступать только на страницах нелегальной печати. Люди, вокруг имен которых антифашистская борьба создала ореол героев, сейчас разъясняли с трибуны программу Отечественного фронта, призывали народ к единству и сплоченности для укрепления достигнутой победы, звали к осуществлению идеалов, за которые погибали лучшие сыны и дочери Болгарии.

Рано утром 16 сентября мы вдвоем с Димитром Ганевым отправились в Добрич (сейчас город Толбухин). Полетели на советском военном самолете, о котором позаботился генерал-полковник С. С. Бирюзов, только что прибывший в Софию в качестве представителя штаба 3-го Украинского фронта.

Я был знаком с Димитром Ганевым всего лишь несколько дней, но это не мешало товарищеской близости и теплым отношениям между нами. Товарищи меня познакомили с его долголетней революционной биографией. Я слышал о нем еще в 1930—1932 гг. в Вене во время съездов Добруджанской революционной организации, членом ЦК которой он являлся. Хотя он был на несколько лет моложе меня — ему было около сорока пяти лет,— Ганев выглядел физически истощенным. Впрочем, не отличались цветущим здоровьем и остальные члены Политбюро и члены Центрального Комитета партии — все эти люди, вышедшие из глубокого подполья или тюрьмы, недоедали и недосыпали годами, ежедневно рисковали жизнью. Ганев перенес все тяготы нелегальной жизни.

И теперь он чувствовал себя неважно. Победа, которая до вчерашнего дня требовала крови, сейчас требовала нечеловеческих усилий. Димитр Ганев работал наравне с другими, самоотверженно, до полного изнеможения.

Советский самолет доставил нас в Добрич примерно за полчаса. Димитр Ганев, руководитель делегации, был уполномочен Центральным Комитетом партии вступить в официальный контакт с маршалом Толбухиным, информировать его о положении в стране и принципиально урегулировать основные вопросы относительно взаимоотношений между властью Отечественного фронта и советскими войсками. Я был уполномочен представлять ЦК партии при штабе 3-го Украинского фронта в деле разработки и конкретного решения некоторых военных проблем. Ввиду этого по решению ЦК Димитру Ганеву предписывалось немедленно вернуться назад, а я должен был остаться на некоторое время — сколько этого потребует обстановка — в штабе Толбухина.

Командующий 3-м Украинским фронтом, талантливый стратег и военный организатор Ф. И. Толбухин принял нашу делегацию в день нашего прилета в Добрич, т. е. 16 сентября. У него не было возможности сразу уделить нам время — на всех направлениях центрального и северного участков фронта шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, и он со своим штабом работал круглые сутки, анализировал соотношение сил, определяя направления очередных ударов по врагу, который теперь, приблизившись уже к своей территории, оборонялся с отчаянной злобой. Нам сказали, что маршал нас примет сразу же, как только будет возможно. Тогда Димитр Ганев решил заехать к своим близким. Только сейчас я узнал, что здесь, в этом добруджанском городе, находилась его семья, которую он не видел в течение длительного времени...

К 10 часам вечера военный автомобиль пронесся по тесным городским улицам и остановился перед домом Ганева. Маршал Толбухин вызывал нас к себе. Первым отправился я, чтобы обговорить предварительно некоторые вопросы относительно встречи, о которой советское посольство в Софии своевременно уведомило штаб Толбухина.

Маршал Ф. И. Толбухин принял меня в своем кабинете один, стоя у непрерывно звонивших телефонов. Встав по стойке «смирно», я по-военному доложил, кто я такой, откуда и с какой целью прилетел из Софии. Докладывал на русском языке, по-военному.

Маршал смотрел на меня удивленно. Разумеется, он был надлежащим образом предупрежден о том, какие люди и для чего прилетели из Софии, но, наверное, ему забыли сообщить, что один из членов болгарской делегации — полковник Советской Армии.

— Добро пожаловать! Мне очень приятно,— протянул мне руку маршал, осматривая меня с головы до ног.— Простите, что не смог сразу вас принять... Прошу, расскажите что-нибудь о себе. Сами понимаете, некоторые вещи меня удивляют...

Но говорить о себе мне не пришлось. В этот момент открылась дверь, и в кабинет вошел человек. Спустя секунду вошедший, которого я еще не видел, воскликнул удивленный:

— Кого я вижу здесь? Ванко? Неужели это ты?

Я обернулся. Это был советский генерал, вошедший, очевидно, по неотложным делам к командующему фронтом. Всмотрелся в его лицо и узнал. Это был мой товарищ А. С. Рогов, работник Четвертого управления, в 1939—1940 гг. слушатель Академии имени Фрунзе. Здесь, в штабе Толбухина, он возглавлял, как я потом узнал, военную разведку.

Мы обнялись и трижды по славянскому обычаю расцеловались, обрадованные неожиданной встречей.

Маршал наблюдал эту сцену с большим удивлением. Пока Рогов забрасывал меня неизбежными при таких встречах вопросами, Толбухин позвонил и приказал принести закуску на трех человек — разве можно не отметить такую встречу!

За импровизированной трапезой А. С. Рогов рассказал Федору Ивановичу о нашей совместной работе в Четвертом управлении, моем участии в обороне Москвы в составе бригады особого назначения, упомянул о моей заброске во вражеский тыл, моей деятельности по организации партизанских отрядов...

Поняв во время разговора, что моя группа несколько дней назад прибыла из Югославии и что до последнего

времени я поддерживал регулярную радиосвязь с Георгием Димитровым, Толбухин сказал:

— Я связался с Георгием Михайловичем сегодня утром. Мы с ним чуть ли не каждый день разговариваем по тому или другому вопросу.

— Может быть, вы хотели бы поговорить с ним? — предложил Толбухин.

Я высказал ему горячую благодарность: не только желал, но и хотел попросить об этом, так как должен был сообщить некоторые факты, которыми Димитров очень интересовался.

Толбухин медленно поднялся и снял телефонную трубку. Через минуту по прямому проводу, который связывал его штаб с Верховным командованием в Москве, Толбухин позвонил Димитрову. Была уже поздняя ночь. Застанет ли он его в рабочем кабинете?

Димитров оказался на работе. Толбухин обменялся с ним сердечными приветствиями, а затем сказал, что у него находится один из посланцев Центрального Комитета партии, и произнес мое имя.

— Георгий Михайлович хочет поговорить с вами, Иван Цолович,— сказал с улыбкой Толбухин и передал мне телефонную трубку.

Я поздоровался с Георгием Димитровым, коротко доложил о сделанном с момента нашей последней радиограммы, а она была направлена накануне нашего отъезда в Добрич, рассказал о нашей миссии, которую делегация во главе с Димитром Ганевым должна была выполнить.

Сначала Димитров больше слушал и задавал вопросы о работе Центрального Комитета, состоянии дел в Отечественном фронте, стабилизации народной власти, т. е. о всех жизненно важных, коренных проблемах, от верного решения которых в огромной степени зависел дальнейший успех социалистической революции. Получив информацию о том, что его интересовало, Димитров распорядился, чтобы я, как только закончу свою миссию у Толбухина, немедленно возвратился в Софию, и поручил мне ряд задач, а Димитру Ганеву было приказано вылететь в Москву на советском самолете.

Беседа с командующим 3-м Украинским фронтом маршалом Ф. И. Толбухиным, его заместителем и на-

чальником разведки А. С. Роговым началась с утра на следующий день. Димитр Ганев подробно их ознакомил с характером происшедших в стране социально-политических изменений, рассказал о сущности Отечественного фронта, описал события последних дней после Девятого сентября, обрисовал успешный ход непосредственных действий восставших в Софии и во всей стране, подвел итог решительной победы антифашистских сил, изложил основные задачи программы Отечественного фронта и его решимость немедленно, всеми национальными силами включиться в войну против гитлеровской Германии до ее окончательного разгрома.

Димитр Ганев говорил обо всем этом пламенно, страстно. Я подробно переводил его слова на русский язык. Его слова произвели на маршала и его заместителей глубокое впечатление. Они, разумеется, были осведомлены о происшедших в Болгарии исторических событиях, победоносном народном восстании, организованном и руководимом БКП, но сейчас, после подробной картины, нарисованной Димитром Ганевым, все факты, данные и сообщения получили в их глазах свои точные, реальные и окончательные размеры.

В заключение Димитр Ганев уведомил маршала о нависшей над нашей западной границей угрозе нападения со стороны немецко-фашистских оккупационных войск, уходящих из Греции. Заняв все стратегические высоты и дороги на югославской территории в районе Гюешево — Ниш — Бяла-Паланка — Кула, гитлеровцы готовились нанести удар по революционной Софии и, возможно, создать угрозу флангу наступающим на севере от Дуная частям 3-го Украинского фронта. От имени ЦК партии и правительства Отечественного фронта Димитр Ганев обратился с просьбой к Толбухину по возможности ускорить переброску войск через нашу территорию по направлению Кула — Ниш — Белград. Первые реорганизованные части болгарской армии, усиленные партизанскими отрядами, уже вели ожесточенные бои, но силы были неравные, и без немедленной помощи Красной Армии нам трудно было бы удержать наступление врага.

Едва закончив свое выступление, Димитр Ганев получил заверения Федора Ивановича о том, что не в ближайшие дни, а в ближайшие часы к Куле, Видину и Нишу будут направлены моторизованные артиллерийские

дивизионы и гвардейские минометы («катюши»), чтобы оказать болгарским товарищам немедленную помощь. Эту задачу он уже поручил генералу С. С. Бирюзову: их разведка знала об этой опасности.

Когда беседа окончилась, Ф. И. Толбухин предложил тост:

— За полное торжество социалистической революции в братской Болгарии!

В ответ Димитр Ганев поднял бокал:

— За славную и непобедимую Красную Армию — освободительницу Болгарии и всего человечества от ига фашизма! За нашу братскую дружбу!

Мы сердечно простились с маршалом Ф. И. Толбухиным и сотрудниками его штаба, после чего Димитр Ганев немедленно вылетел в Москву, чтобы доложить лично Георгию Димитрову и Верховному командованию Красной Армии о положении в стране. Другим самолетом я вернулся в Софию. Связь лично с командующим 3-м Украинским фронтом была установлена. В Софии нас ждали неотложные дела.

Сейчас, когда я заканчиваю свои записки о прошлом и пережитом, нашей социалистической революции исполняется точно четверть века. Двадцать пять лет мы идем верным путем, начертанным Георгием Димитровым, под руководством партии коммунистов. И в эпоху кровавых битв, и в эпоху мирного строительства партия доказала, что она способна вести наш народ к свободе, счастью, благополучию.

Наша родина стала такой, какой мы ее видели в мечтах в годы страданий. Наше поколение сделало все, на что было способно. Новые поколения должны сделать ее еще более сильной, более богатой, более счастливой. И пусть помнят, что как вчера, так и сегодня, так и в будущем счастливая судьба Болгарии связана с судьбой братского советского народа, судьбами мировой социалистической революции. Это урок истории, это завет павших.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Часть шестая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. В ЗАЩИТУ МОСКВЫ. СОЛНЦЕ НАД БОЛГАРИЕЙ

Иван Винаров

БОЙЦЫ ТИХОГО ФРОНТА

Воспоминания разаедчнка. Сокращенный переаод с болгарского

Редактор *В. А. Никольский*. Лнтературный редактор *А. С. Поволоцкая*. Художник *Н. А. Абакумов*. Художественный редактор *Г. В. Гречихо*. Технический редактор *Е. Н. Слепцова*. Корректор *А. А. Гусельникова*. Сдано в иабор 30.10.70 г. Подписано к печати 29.1.71. Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 12 3/4. (Усл. печ. л. 21,42). Уч.-изд. л. 22,32. Бумага типографская № 2. Тираж 100 000 экз. Изд. № 10/2915. Зак. 311. Цена 1 р. 22 к. Ордена Трудоаого Красного Знамени Военное нздательство Миннстерства обороны СССР. Москва, К-160. 1-я типографня Воениздата. Москва, К-6, проезд Скаорцоаа-Степанова, дом 3.

Винаров И.

В 48 Бойцы тихого фронта. Воспоминания. Сокращенный перевод с болгарского И. Сабуровой и Е. Громушкина, под редакцией Ю. Бернова. М., Воениздат, 1971.

408 стр.

Автор кннгн — генерал болгврской Народиой армия, профессиоиальный революциоиер, с юиошескнх лет посвятивший себя служеиию делу пролетврского интернационализма.

Иван Винаров рассказывает о своем сложном и трудиом жизненном путн. Ему довелось рвботать вместе со многими советскнми разведчиками.

С чувством глубокого восхищеиня ввтор пишет о Советском Союзе н его Вооруженных Силах, о боевом содружестве советских и болгарских воинов.

1-12-2
68-71

И(Болг.)

Цена 1 р. 22 коп.

